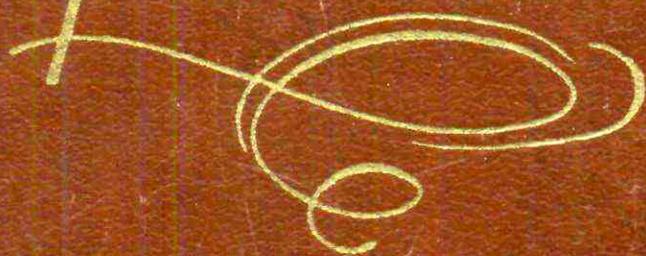

Μουσική
ἠχομονοῦσα
ΑΒΒΑΚΥΜΑ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ СИБИРИ

*Иркутск
Восточно-Сибирское
книжное
издательство
1979*

Житие
протопопа
АВБАКУМА,

им самим
написанное,
и другие его
сочинения

Оформление серии художника
А. И. Аносова

Подготовка текста и комментариев
Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, Н. С. Демковой,
А. С. Елеонской, А. И. Мазунина
Послесловие В. Е. Гусева

Редакционная коллегия:

Г. Р. Граубин, Л. В. Иоффе, Г. Ф. Кунгуров, Д. С. Лихачев, К. Н. Ломунов, А. П. Окладников (председатель),
В. Г. Распутин, М. Д. Сергеев, Е. Г. Слабковская (секретарь),
В. П. Трушкин, Р. В. Филиппов, А. М. Шагин,
Л. П. Якимова

Ж74

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979.

368 с.

Ж $\frac{70302-27}{M141(03)-79}$ 37-1979

P2

© Восточно-Сибирское книжное издательство 1979 г.

О СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ СИБИРИ»

В 1979 году Восточно-Сибирское книжное издательство приступает к изданию многотомной серии «Литературные памятники Сибири».

Огромная роль Сибири, обширного региона с неисчислимыми природными ресурсами, в экономической жизни страны общеизвестна. По меткому слову Александра Твардовского, это «край, где несметный клад заложен». Вполне понятен поэтому тот глубокий, растущий год от года интерес к духовной и культурной жизни Сибири, к ее истории и ее настоящему, интерес, который вызывает она у советских людей, у многочисленных наших друзей за рубежом. Не остались в стороне и книгоиздатели. В шестидесятые годы, например, было осуществлено фундаментальное научное издание — увидел свет пятитомный коллективный труд «История Сибири с древнейших времен до наших дней». Массовыми тиражами расходятся книги серий «Библиотека сибирского романа», «Библиотека сибирской поэзии», «Молодая проза Сибири», «Современная сибирская повесть». Вышли три первых тома «Литературного наследства Сибири», посвященных поэтам и прозаикам Зауралья.

Однако названные и не названные здесь публикации далеко не охватывают культурные ценности, создававшиеся сибиряками на протяжении нескольких столетий. Десятки интереснейших произведе-

ний сибирских литераторов не переиздавались более полувека и стали библиографической редкостью, а некоторые из них совсем неизвестны советскому читателю. Восполнить этот пробел и призвана новая серия.

Необходимость в подобного рода культурном начинании остро ощущалась уже давно. Горячим инициатором издания сибирских литературных памятников выступил, в частности, ныне покойный журналист и литературный критик Е. Г. Раппопорт. Он же разработал и первоначальный проспект серии. Его инициатива была активно поддержана Восточно-Сибирским книжным издательством, писательской и научной общественностью Иркутска и Сибири в целом, получила одобрение Госкомиздата РСФСР. Была создана и утверждена редакционная коллегия этого многотомного издания во главе с Героем Социалистического Труда академиком А. П. Окладниковым, рассмотрен и уточнен план всей серии.

В «Литературных памятниках Сибири» предполагается дать тщательно выверенные и прокомментированные тексты, близкие по уровню к академическим изданиям. Поэтому каждая книга будет готовиться к печати компетентным специалистом, сопровождаться необходимым научным аппаратом и обстоятельной статьей, которая познакомит с жизнью и творчеством писателя, раскроет роль и значение памятника в духовной жизни края. Книги будут выходить в серийном оформлении тиражом в пятьдесят—сто тысяч экземпляров. Объем каждого тома двадцать—тридцать печатных листов. Издание рассчитано на десятилетие, до 1988 года включительно. Намечено издавать по две книги в год.

Читатель познакомится с наиболее интересными в художественном и познавательном отношении литературными произведениями сибиряков далекого и близкого к нам прошлого, с книгами различных жанровых форм, тематики, манеры письма. В серии будут представлены романы, повести, рассказы, стихи сибирских авторов XVIII—XX столетий. Кроме того, сюда войдут произведения мемуарного характера — от знаменитого «Жития протопопа Аввакума», его писем и посланий до разного рода воспоминаний, записок современников и участников важнейших событий своего времени. Своеобразным дополнением к письменным памятникам должен стать сборник «Русские сказки Сибири», который объединит наиболее примечательные произведения этого фольклорного жанра, созданные местным старожилым населением.

Представление об истории Сибири, ее исконных обитателях и русских первопроходцах призван дать сборник сибирских летописей, сохранившихся, как правило, в различных летописных сводах. От XVII—XVIII веков до нас дошло немало литературных источников и документов подобного рода: «Сказание о Сибирской земле», «Слово о Сибирской стране», «Описание Сибири», «История

Сибирская», «Кунгурская летопись» и другие. Фрагменты и целые разделы из этих сочинений составят содержание летописного тома. Читатель получит возможность познакомиться с работами известных сибирских летописцев Ильи Черепанова, С. У. Ремезова, Саввы Есипова. Очевидно, в этом же сборнике найдут место и замечательные записки переводчика Посольского приказа Николая Спафария о его путешествии от Тобольска до Нерчинска, совершенном в 1675 году, равно как и яркие работы по сибирской истории ближайшего сподвижника Петра, впоследствии опального вельможи Ф. И. Соимонова.

О Сибири второй половины XVII века, о ее первозданной природе и нетронутых богатствах писал в своем гениальном «Житии» неистовый протопоп Аввакум. Темпераментный рассказ о злоключениях, пережитых им в этом суровом и необжитом крае, о встречах, нередко драматических, с местными воеводами и их подручными — чиновниками представляет собой, пожалуй, самые ранние и едва ли не лучшие страницы о земле Сибирской во всей древнерусской литературе.

С большой непосредственностью и очень впечатляюще повествует опальный протопоп о принудительном путешествии на дощаниках по Ангаре, опасной переправе через ангарские пороги, своем пребывании в Даурии и в Прибайкалье. С нескрываемым восторгом живописует он Приангарье и окрестности Байкала — отвесные скалы, высокие горы, поросшие девственным лесом, «дебри непроходимые», богатые диким зверем и птицей. Восхищает его и обилие рыбы и всякой иной живности в Байкале. «А все то... наделано, — замечает Аввакум, — для человека, чтоб, упокоясь, хвалу богу воздавал». Так сквозь религиозную оболочку в произведении замечательного русского писателя XVII столетия прорывается вполне «мирская» мысль о необходимости освоения неисчислимых богатств Сибири ради счастья народного.

Нельзя не сказать и еще об одном неоспоримом достоинстве «Жития»: оно написано великолепным русским языком, его отличает меткая, красочная, яркая народная речь. Не случайно стиль и образный строй его произведений вызывали восхищение выдающихся русских писателей — И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. М. Горького, А. Н. Толстого и других первоклассных мастеров слова.

Замечательной книгой Аввакума Петрова в уточненной, тщательно подготовленной редакции открывается издание «Литературные памятники Сибири».

Богато и разнообразно будет отражено в серии культурное наследие XIX века. Увидит свет, в частности, роман «Дочь купца Жолобова» Ивана Тимофеевича Калашникова, первого сибирского романиста, не переиздававшийся с начала сороковых годов прошлого

столетия. Автор его, подобно своим современникам — сибирским литераторам Н. А. Полевому, Н. С. Щукину и другим, принадлежал к кругу писателей-романтиков. Все они были убежденными патриотами Сибири и в меру своих сил и способностей стремились познакомить русского читателя со своей далекой от Европейской России родиной, дать правдивое представление о ее природе и людях.

«Дочь купца Жолобова» в прижизненном издании имела подзаголовок «Роман, извлеченный из иркутских преданий». Это произведение историческое, написанное под влиянием Вальтера Скотта. Действие его разворачивается в середине XVIII века в Иркутске и Нерчинске. Автор показал произвол тогдашней сибирской администрации, чиновничества, гонения, которым подвергалось местное купечество.

И хотя книга И. Калашникова насыщена всякого рода романтическими излишествами и преувеличениями, вызвавшими суровые нарекания В. Г. Белинского, подходившего к произведению сибирского прозаика с высоты требований эстетики критического реализма, она при всех ее недостатках — интересная страница в истории литературной и общественной жизни Сибири и, без сомнения, привлекает внимание современного читателя. Не случайно творчество И. Т. Калашникова, впервые познакомившего русское общество с жизнью и бытом обширной окраины Российской империи, пользовалось широкой популярностью у современников, в том числе и первоклассных писателей. Оно привлекало к себе внимание И. А. Крылова, А. С. Пушкина, В. К. Кюхельбекера.

Наряду с И. Т. Калашниковым в серии представлен и другой младший современник Пушкина, высоко ценимый им, Петр Павлович Ершов, написавший бессмертного «Конька-Горбунка». Великий русский поэт, прочитав сказку, сказал автору: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить». Пушкин с большим уважением относился и к создателю подлинно народной сказки и к его суровой родине, где томились в то время ссыльные декабристы. Позднее П. Ершов вспоминал: «Я бывал у него, если затащат к нему. Я был страшно обидчив. Мне все казалось, что надо мной он смеется, например: раз я сказал, что предпочитаю свою родину (для жительства). Он и говорит: «Да вам и нельзя не любить Сибири: во-первых, это ваша родина, во-вторых, это страна умных людей». Мне показалось, что он смеется. Потом уж я понял, что он о декабристах напоминает».

Вернувшись после окончания курса в Петербургском университете в родной Тобольск, П. Ершов близко сходится со многими декабристами, вышедшими на поселение, в частности с И. И. Пущиным, Н. А. Чижовым, В. К. Кюхельбекером, М. А. Фонвизиным, В. И. Штейнгейлем, оказавшими на него большое влияние.

П. П. Ершов был страстным патриотом родного края, мечтал о его расцвете, стремился отдать ему все свои силы и знания. Поэту хотелось бы «богатства выпросить у гор», «подслушать тайные сказанья лесов дремучих, скал седых», хотелось поглубже заглянуть в земные и водные недра родной страны, заставить их служить человеку.

Какая цель! Пустыни, степи
Лучом гражданства озарить,
Разрушить умственные цепи
И человека сотворить...
Воздвигнуть падшие народы,
Гранитну летопись прочесть
И в славу витязей свободы
Колосс подоблачный вознесть...
Такая цель! Мой друг, ужели,
Себе и чести изменив,
Мы отбежим от славной цели
И сдержим пламенный порыв?

Помимо прославленного «Конька-Горбунка», много раз издававшегося, в книгу войдут и менее известные произведения П. Ершова, в том числе большая поэма, связанная с преданиями о походе Ермака, — «Сузге».

Значительное место в «Литературных памятниках» отводится писателям второй половины XIX века — И. В. Федорову-Омулевскому, И. А. Кушчевскому, В. М. Михееву, Н. И. Наумову и М. В. Загоскину. Они оставили заметный след в общественной жизни России семидесятых — восьмидесятых годов, оказали значительное влияние на формирование сознания передовой, революционно настроенной молодежи. Появление в литературе почти одновременно группы талантливых поэтов и прозаиков свидетельствовало о том, что в Сибири родилась своя художественная интеллигенция, способная ставить и освещать важные общественные проблемы, волнующие не одних только сибиряков, создавать значительные в идейно-художественном отношении произведения. Все они считали себя преемниками и наследниками идей Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, принадлежали к кругу убежденных радикалов и гордились этим.

Иннокентий Васильевич Федоров-Омулевский в 1870 году публикует в радикально-демократическом журнале «Дело» приобретенный широкую известность роман из жизни «новых людей» «Шаг за шагом», проникнутый свободолобием и глубочайшим демократизмом. Вслед за своим учителем Н. Г. Чернышевским автор ставит в нем острейшие вопросы времени, которые сводились в конечном счете к практическому воспитанию революционных борцов за освобождение народа. Светлов, главный герой произведения, — революционер-демократ, материалист и просветитель, идущий в рабочую

среду, убежденный в торжестве и победе трудящихся масс. «Масса эта, — рассуждает Светлов, — растет, и когда-нибудь да придет же ее царствие...»

Впервые в русской литературе И. Федоров-Омулевский показал бунт заводских рабочих, выступивших против произвола администрации и добившихся удовлетворения своих законных требований.

Примечательно, что роман построен на сибирском материале: действие его разворачивается в городе Ушаковске, в котором легко узнать старый Иркутск и нравы его обитателей. В духе нравственного кодекса героев Чернышевского решает писатель этические и моральные проблемы, возникающие перед новыми людьми, ратует за чистоту и свободу человеческих отношений. Автор с нескрываемой симпатией выписывает фигуры представителей революционно-освободительного движения — от ветерана-декабриста до петрашевцев и простых рабочих-революционеров со стекольного завода.

Произведение о новых людях, созданное сибирским литератором, приветствовал М. Е. Салтыков-Щедрин. В рецензии с весьма симптоматичным названием «Светлов, его взгляды, характер и деятельность» великий сатирик горячо поддержал начинающего писателя, с большим одобрением отзываясь об идейной направленности его творчества.

Отнюдь не меньшей популярностью пользовалась и лирика И. Федорова-Омулевского, проникнутая любовью к Сибири, идеями гражданского служения на благо родного края. Не одно поколение сибиряков повторяло, как заповедь, строки поэта:

Светает, товарищ!
Работать давай!
Работы усиленной
Требует край...
Работай руками,
Работай умом,
Работай без усталы
Ночью и днем!

Замечательным певцом Сибири был и Василий Михайлович Михеев, интересный поэт и прозаик восьмидесятых—девяностых годов прошлого века. В 1884 году он издал первый свой стихотворный сборник «Песни о Сибири». В поэзии В. Михеева ярко проявились социальные мотивы. Он писал о восстании ссыльных поляков на Кругобайкальском тракте, о декабристах, о произволе сибирских властей и чиновников, с возмущением рассказывал о бедственном положении крестьян-переселенцев, притеснении малых сибирских народностей, об эксплуатации и тяжелых бытовых условиях рабочих на сибирских золотых приисках. Последняя тема неоднократно разрабатывалась им в лирике и особенно широко и всесторонне освещена в романе «Золотые россыпи». Передовая рус-

ская демократическая интеллигенция и приисковые рабочие, свободлюбивые польские повстанцы и безземельные крестьяне, бредущие за счастьем чуть ли не на «край света», в неведомую им Сибирь, ее аборигены — эвенки, якуты, буряты — таковы основные изображаемые с неизменной симпатией и сочувствием герои стихов и прозы этого талантливого старого сибирского писателя, к сожалению почти полностью ныне забытого. Достаточно сказать, например, что роман «Золотые россыпи», живо воссоздающий атмосферу на таежных золотых приисках, повествующий в сочувственных тонах о рабочем коллективе, жизни и быте приискателей, не издавался с девяностых годов XIX века. Несомненно, он с интересом будет встречен современным читателем.

Коренным сибиряком-иркутянином был Михаил Васильевич Загоскин — писатель, краевед, журналист-просветитель, много сделавший для развития народного образования и периодической печати родного края. Он оставил богатое публицистическое и литературное наследие, посвященное главным образом проблемам краеведения, жизни и быту сибирского крестьянства.

В 1876 году М. Загоскин напечатал свой единственный роман «Магистр». На его страницах запечатлены яркие сцены из жизни сибирской бурсы, даны живые, психологически достоверные характеры семинаристов и их наставников, реалистически показана жизнь сельского духовенства. После знаменитых «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловского это, несомненно, самое значительное в русской литературе произведение о духовном училище с его мертвящей атмосферой муштры, с телесными наказаниями, с поруганием человеческого достоинства. После первой публикации роман «Магистр» ни разу не издавался. Он станет такой же новинкой для читателя, как и «Золотые россыпи» В. Михеева. Вместе с романом «Магистр» в книгу М. В. Загоскина войдут и наиболее интересные его рассказы и очерки — «Яблоня и яблочко», «Десять лет в сибирской деревне» и другие.

Примечательна фигура уроженца Барнаула писателя Ивана Афанасьевича Кушевского, принадлежавшего к демократическому крылу русской художественной интеллигенции семидесятых годов XIX века. В романе «Николай Негорев, или Благополучный россиянин» он рассказал о революционной народнической молодежи и ее самоотверженной борьбе с царизмом, заклеил презрением «благополучных россиян» — самодовольных либералов, постепенно превращающихся в откровенных прислужников реакции. С сатирической остротой, под несомненным воздействием М. Салтыкова-Щедрина написаны его рассказы, очерки и фельетоны, направленные против мещанства и того же доморощенного российского либерализма. Лучшие из этих произведений вместе с романом составят том избранной прозы И. Кушевского.

Большой популярностью в среде передовой интеллигенции семидесятых—восьмидесятых годов прошлого столетия пользовалось творчество писателя-сибиряка народнического направления Николая Ивановича Наумова. Особенно значительный успех имела книга его рассказов из жизни и быта крестьянства «Сила солому ломит». Она использовалась в качестве пропагандистского материала революционерами-народниками, «ходила в народ» и подвергалась беспощадным преследованиям со стороны властей. Произведения Наумова высоко ценил Г. В. Плеханов, написавший о нем одну из лучших своих критических статей. В одноименник Н. Наумова войдут рассказы, посвященные жизни старой Сибири, быту сибирского крестьянства, проникнутые духом протеста против порядков и всей душлимой атмосферы самодержавной России.

Хорошим подарком читателю будет сборник талантливого натуралиста и писателя Александра Александровича Черкасова «Записки охотника Восточной Сибири». Прекрасный рассказчик, вдумчивый и тонкий наблюдатель природы, А. Черкасов оставил великолепные зарисовки забайкальских ландшафтов, бытовых и охотничьих сцен. Книга его и поныне не утратила познавательного и литературного значения. Еще в XIX веке она была переведена на иностранные языки. В историко-литературном плане ее можно с полным правом назвать предшественницей прославленных произведений о природе и людях Дальнего Востока В. К. Арсеньева.

Духовную жизнь Сибири последней трети XIX века трудно представить без Николая Михайловича Ядринцева — публициста, ученого, писателя, выдающегося общественного деятеля революционно-демократического направления. По свидетельству одного из мемуаристов, журналиста Николая Константиновича Вержбицкого, о его деятельности с большой похвалой отзывался В. И. Ленин. Н. Ядринцев беззаветно любил родной край, мечтал о его экономическом и культурном возрождении. Он много сделал для развития просвещения, печати и культуры Сибири. Ему всецело принадлежит заслуга в создании «Восточного обозрения» — одной из лучших провинциальных газет в дореволюционной России.

Н. Ядринцев оставил богатое литературное наследие, к сожалению до сих пор не собранное. Произведения писателя рассеяны по многочисленным малодоступным изданиям и в периодике второй половины прошлого столетия. За редким исключением, они не перепечатывались после первых публикаций. Таким образом, читатель получит возможность, по существу впервые, познакомиться с многогранным творчеством Ядринцева — публициста, очеркиста, фельетониста, мемуариста, прозаика и поэта.

Завершит раздел литературных памятников XIX века коллективный сборник «Записки сибирских старожиллов». В него войдут наиболее интересные в историческом отношении свидетельства и

воспоминания о старой Сибири литераторов, художников, ученых и общественных деятелей. Опубликованы будут, в частности, «Воспоминания об Иркутске» и «Записки и замечания о Сибири» Е. Авдеевой-Полевой, сестры журналиста Н. Полевого, «Воздушный тарантас, или Воспоминания о поездке по Восточной Сибири» поэта М. Александрова, отрывки из «Воспоминаний» Полины Анненковой, жены декабриста, «Из прошлого Сибири» П. Баснина, «Сороковые годы в Иркутске» историка В. Вагина, «Записки иркутского жителя» писателя И. Калашникова, «Из воспоминаний сибиряка о декабристах» Н. Белоголового, врача, друга многих лучших людей того времени и в том числе А. И. Герцена, отрывки из «Минувшего и пережитого» И. И. Попова, публициста, редактора «Восточного обозрения» и «Сибирского сборника», «Исчезнувшие люди» художника и журналиста, ученика декабристов М. Знаменского, фрагменты из воспоминаний «В старой Сибири» академика В. А. Обручева и другие произведения сибирской мемуаристики. Вряд ли есть необходимость говорить о том, насколько ценным будет это издание мемуарных текстов, насыщенное множеством колоритнейших фактов и подробностей исторического, бытового и культурного характера из жизни бывшей окраины царской России, фактов, зафиксированных цепкой памятью наблюдательных очевидцев описываемых событий.

Настоящий подъем, вызванный событиями первой русской революции 1905—1907 годов, переживало литературное движение Сибири в начале нашего века. Именно в это время в литературу приходит когорта талантливейших писателей-сибиряков: В. Я. Шишков, В. М. Бахметьев, И. Г. Гольдберг, Г. Д. Гребенщиков, А. Е. Новоселов и другие. В «Памятниках» планируется опубликовать произведения таких авторов предоктябрьской поры, как Г. Д. Гребенщиков, А. Е. Новоселов, С. И. Исаков, А. И. Жиляков и А. С. Сорокин. В дореволюционные годы творчество многих из них пользовалось заслуженной известностью, и не только среди сибиряков. Так, например, Георгия Гребенщикова современники не раз называли «сибирским Горьким». Вызывал восхищение читателей незаурядный талант Александра Новоселова. Много обещало так до конца и не успевшее развернуться дарование рано умерших Степана Исакова и Арсения Жилякова. Произведения почти всех названных здесь литераторов давно не издавались и представляют теперь библиографическую редкость, особенно книги Г. Гребенщикова, которые трудно найти даже в крупнейших библиотеках страны.

Георгий Дмитриевич Гребенщиков был талантливым бытописателем старой Сибири. Его рассказы и повести из жизни казахов и алтайского крестьянства подкупают своей достоверностью, большой художественной и жизненной правдой. Не случайно они получили широкий отклик в современной писателю критике, привлекли к себе

пристальное внимание А. М. Горького, В. Шишкова, А. Чапыгина, А. Куприна, В. Короленко и других писателей той поры.

К сожалению, жизненная и творческая судьба его сложилась трагически. Не поняв и не приняв Октябрьской революции, писатель оказался на чужбине, много лет скитался по Франции и Америке, познав всю горечь существования изгоя-эмигранта. Он страстно тосковал по оставленной им Родине, искал встреч с советскими людьми, приезжавшими в командировку за границу. Гребенщиков умер почти в полной неизвестности в январе 1964 года в Америке, оставив большое литературное наследие, среди которого выделяются автобиографическая повесть «Егоркина жизнь» и многотомная эпопея «Чураевы», заслужившая восторженные отзывы Ф. И. Шляпина и Н. К. Рериха. «Когда я читаю «Чураевых», — говорил Шляпин, — я горжусь, что я русский, и сожалею, что не сибиряк». По его словам, «Чураевы» — это «золоторокотные сказания с нашей матери России».

В книгу Г. Гребенщикова войдут его лучшие дореволюционные повести и рассказы «Ханство Батырбека», «В полях», «Волчья жизнь», «Любава», «Змей Горыныч» и другие, а также имеющий самостоятельное значение, внутренне законченный первый том романа «Чураевы», созданный еще в России. Именно об этом томе А. М. Горький писал Гребенщикову в феврале 1916 года: «Первая часть повести вашей, Георгий Дмитриевич, вызвала у меня очень хорошее впечатление. Все написано крепко, уверенно, надолго и с большим знанием... Обязательно продолжайте писать, мне кажется, что эта повесть ваша лучшее, т. е. лучшее из всего, что вами уже сделано».

Не менее интересным и своеобразным художником слова был и Александр Ефремович Новоселов, погибший от рук белогвардейцев в тридцатичетырехлетнем возрасте. Ранние его произведения с одобрением были встречены А. М. Горьким и печатались им в журнале «Летопись». В повестях и рассказах «Беловодье», «Мирская», «Жабья жизнь» писатель запечатлел картины затхлого мирка старообрядцев Алтая с их кондовым бытом, своеобразными представлениями о мире и назначении человека на земле, с их фанатичной верой в Беловодье — землю обетованную. В повести «Исишкина мечта» показана тяжелая жизнь бедняка казаха, беспощадно эксплуатируемого местными кулаками.

В начале шестидесятых годов книги А. Новоселова вышли в Алма-Ате и Барнауле. Однако в эти издания включена незначительная часть написанного им — всего лишь пять-шесть произведений. В серии «Литературные памятники Сибири» творчество писателя будет представлено с возможной полнотой. В новоселовский том войдут многие рассказы и очерки, напечатанные в дореволюционной сибирской периодике. Впервые будет опубликован и полный

текст затерянной и недавно вновь найденной рукописи очерковой книги «Лицо моей Родины», еще до революции привлечшей внимание А. М. Горького.

Впервые увидят свет и книги Степана Исакова и Арсения Жилякова, талантливых барнаульских прозаиков предоктябрьской поры и первых лет революции. В своих произведениях, преимущественно новеллистического плана, написанных в лучших традициях критического реализма, они правдиво рассказали о темных сторонах жизни и быта старой сибирской деревни, о царской армии, показали нарастание протеста в народных массах, направленного против существующего порядка. Их творчество находится у самых истоков советской литературы. Более того, Степана Исакова с полным основанием можно назвать одним из зачинателей ее в Сибири. На первые годы революции приходится особенно интенсивный расцвет его творчества, когда он создает одну за другой свои повести, очерки, рассказы — «Деревня», «Мать», «Оскудевшие», «Голгофа», пьесу «Восстание».

Сравнительно небольшое литературное наследство А. Жилякова и С. Исакова представляет несомненную идейно-художественную и историко-литературную ценность. В «Литературных памятниках» творчество этих оригинальных сибирских прозаиков займет подобающее им место, будучи впервые собранным и изданным с почти исчерпывающей полнотой.

В значительно расширенном виде будет осуществлено издание произведений Антона Семеновича Сорокина, колоритнейшей фигуры в литературной и общественной жизни Сибири предоктябрьской и революционной поры. А. Сорокин был горячим защитником притесняемых при царизме малых народов, особенно казахов, гневно бичевал развязанную капиталистами антинародную империалистическую войну, а в период колчаковщины боролся против белогвардейщины, укрывал у себя спасавшихся от колчаковской контрразведки большевиков-подпольщиков. Перу А. Сорокина принадлежит множество рассказов, притчей, аллегорий. Только незначительная часть из них опубликована. Многие остались в рукописях, затерялись в старой периодике. В советское время издание рассказов писателя было предпринято лишь однажды: в 1967 году в Новосибирске вышла его небольшая книга «Напевы ветра».

В серию «Литературные памятники Сибири» войдут произведения популярных в двадцатые годы сибирских прозаиков, стоявших у истоков советской литературы, — В. Я. Зазубрина, Ф. А. Березовского, И. М. Новокшонова. В творчестве этих писателей нашли отражение важнейшие социальные процессы в жизни России в революционную эпоху.

Владимир Яковлевич Зазубрин создал первый советский роман «Два мира», в котором запечатлел движение трудящихся масс

к революции, глубоко и правдиво показал борьбу сибирского крестьянства с колчаковщиной. Роман заслужил высокую оценку В. И. Ленина, А. В. Луначарского и А. М. Горького. При жизни автора он выдержал десять изданий. Несколько раз издавалась книга и в конце пятидесятых — шестидесятых годах, но в значительно адаптированном виде, с произвольными, ничем не обоснованными сокращениями и изъятием целых глав, сведением в одну главу нескольких разделов и другими искажениями. Вполне понятно, что подобное нарушение авторского текста вызвало справедливые и резкие возражения со стороны литературной общественности¹.

Новое издание романа выйдет в прижизненной авторской редакции, с бережным сохранением текста произведения и лишь с минимальными, обусловленными требованиями времени купюрами. Кроме «Двух миров», в книгу В. Зазубрина войдет и второй его роман «Горы», оставшийся незавершенным, о напряженной классовой борьбе на Алтае в конце двадцатых годов, в самый канун коллективизации. Роман вызвал в свое время горячее одобрение А. М. Горького, который рекомендовал его к переводу на иностранные языки. «Горы» не издавались почти полвека, с середины тридцатых годов.

В одноименнике Феофиста Алексеевича Березовского, помимо известного романа «Бабьи тропы», повествующего о нелегкой доле русской женщины-крестьянки при царизме, о духовном возрождении и приобщении ее к активной борьбе за народные интересы в годы революции, будут напечатаны также рассказы, воспоминания писателя и лучшая его повесть «Мать», посвященная героическому сопротивлению трудящихся масс Сибири колчаковской тирании.

В сборник избранных сочинений Ивана Михайловича Новокшенова, активного участника гражданской войны в Сибири, автора повестей, рассказов, пьес о событиях этого героического времени, войдут повести «Потомок Чингисхана» и «Застрельщики» и наиболее значительные партизанские рассказы и очерки, не переиздававшиеся с начала тридцатых годов. Новое издание произведений этого незаслуженно забытого, точнее сказать, полузабытого литератора и революционера-ленинца позволит современному читателю составить более или менее полное представление о творческом облике одного из талантливых художественных летописцев гражданской войны в Сибири и тем самым обогатит наше представление о советской литературе двадцатых годов.

Несомненный интерес представят сборники «Русские сказки Си-

---

¹ См.: Яновский Н. Жизнь и творчество Владимира Зазубрина. — В кн.: Яновский Н. Литература и современность. Новосибирск, 1974, стр. 111 — 112.

бири», «Антология сибирского рассказа», «Поэты Сибири». Фольклорное, новеллистическое и поэтическое наследие сибиряков в лучших своих образцах, безусловно, заслуживает того, чтобы быть собранным и стать достоянием массового читателя. Оно по-своему отражает нравственные и эстетические идеалы, мирозерцание народа, его представления о добре и зле.

С особенной, пожалуй, непосредственностью, чистотой и силой подлинный голос народа звучит в его сказках. В Сибири издавна существовала богатейшая сказочная традиция, передаваемая от поколения к поколению. Еще в начале тридцатых годов нашего века известный ученый-фольклорист профессор М. К. Азадовский отмечал, что Сибирь принадлежит к числу тех мест страны, где «до сих пор наиболее полно и богато сохранилась русская сказка». Сохранению ее способствовали специфические условия края — отдаленность от культурно-промышленных центров, обилие артельных промыслов, постоянный приток переселенцев, наконец, распространенное в дореволюционное время бродяжничество.

Сибирь дала немало талантливых сказочников, подлинных мастеров своего дела, от которых фольклористами-собираателями были записаны десятки и сотни сказок, представляющих подчас истинные жемчужины народного творчества. Особенно богатым сказочным репертуаром прославились такие известные верхоленские сказочники, как Н. О. Винокурова, Ф. И. Аксаментов, тункинские — Е. И. Сороковиков-Магай, Д. С. Асламов. Уже в наше время интересные варианты сказок были записаны от ленских сказочников А. А. Дерягина, Ф. Е. Томшина и других.

Первые записи сибирских народных сказок относятся еще к середине прошлого века. В начале девятисотых годов два сборника сказок были изданы Г. Н. Потаниным. Однако по-настоящему широкое собирательство, изучение и публикация сказочных текстов начались после Октябрьской революции. В 1925 году М. К. Азадовский издал собранные им «Сказки Верхленского края». Затем под его же редакцией в 1929 году вышли «Сказки из разных мест Сибири». В 1940 году в Москве вышел большой сборник «Сказки Магая» (Е. И. Сороковикова) в записях Л. Е. Элиасова и М. К. Азадовского. В первой половине семидесятых годов Е. И. Шастиной опубликованы «Сказки Ленских берегов» (Иркутск, 1971), «Сказки Приленья» (Иркутск, 1974) и «Сказки и сказочники Лены-реки» (Иркутск, 1975).

Все это богатство устного народного творчества, накопленное сибирскими фольклористами за десятилетия кропотливой собирательской деятельности, найдет свое отражение в книге «Русские сказки Сибири».

Антологию сибирского рассказа составят произведения Г. А. Мачтета, Д. И. Стахеева, В. Г. Короленко, В. Г. Богораза-

Тана, В. С. Арефьева, С. Я. Елпатьевского, В. Л. Серошевского, В. Я. Шишкова, В. М. Бахметьева, И. Г. Гольдберга, А. И. Ершова и других бытописателей дореволюционной Сибири. Найдут свое место здесь и лучшие рассказы советских писателей-сибиряков — от «Бледной правды» В. Я. Зазубрина до «Арки» Г. Н. Машкина и «Уроков французского» В. Г. Распутина, рассказов В. М. Шукшина, В. М. Шугаева, Д. Г. Сергеева, А. В. Зверева, А. М. Шастина. Многие из них создали интересные, талантливые произведения новеллистического плана, оставившие заметный след в советской литературе.

В сборник сибирских поэтов предполагается включить авторов XIX — начала XX века Ф. И. Бальдауфа, Н. Н. Таскина, М. А. Александрова, Д. П. Давыдова, И. В. Федорова-Омулевского, П. Ф. Масюкова, В. М. Михеева, Ф. Ф. Филимонова, В. В. Пруссака, Д. И. Глушкова-Олерона, И. И. Тачалова, П. Л. Драверта, К. К. Худякова и других, чьи произведения и поныне не утратили своей художественной ценности, но, как правило, много лет не издавались.

Таким образом, назначение серии «Литературные памятники Сибири» состоит прежде всего в том, чтобы дать нашему современнику достаточно разностороннее представление как о самих литературных произведениях, так и не в меньшей степени об интеллектуальных интересах, духовной жизни Сибири в целом, культуре и людях ее на протяжении большого исторического отрезка времени — с середины XVII столетия и до первых десятилетий нашего века. Многотомное издание памятников литературной Сибири представляет не только чисто познавательный, историко-литературный интерес, но и имеет определенную общественную значимость: оно призвано внести посильный вклад в углубленное познание Родины, ее истории и культуры.

Член редакционной коллегии серии
«Литературные памятники Сибири»
доктор филологических наук профессор В. П. Трушкин,

Житие протопопа Аввакума

<Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием*, понеже отец ему духовной иннок, да не забвению предано будет дело божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу, богу нашему. Аминь.>¹

[ВСТУПЛЕНИЕ]

Всесвятая троице, боже и содетелью всего мира! Поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати дела благими, яже ныне хочу глаголати аз недостойный; разумея же свое невежество, припадая, молю ти ся и еже от тебя помощи прося: управи ум мой и утверди сердце мое приготовитися на творение добрых дел, да, добрыми делы просвещен, на судище десныя ти страны причастник буду со всеми избранными твоими. И ныне, владыко, благослови, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю* Дионисия Ареопагита «О божественных именах»*, что

---

¹ Текст, выделенный разрядкой, написан Епифанием и заключен им в круг. Он помещен на обороте листа, предшествующего автографу Аввакума.

В автографе новой редакции В (о ней см. послесловие

есть богу присносущные имена истинные, еже есть близостные, и что виновные, сиречь похвальные. Сия суть сущие: сый, свет, истинна, живот; только четыре свойственных, а виновных много; сия суть: господь, вседержитель, непостижим, непрístupен, трисиянен, триипостасен, царь славы, непостоянен, огонь, дух, бог и прочая по тому разумевай.

Того ж Дионисия о истинне: «себе бо отвержение — истинны испадение есть, истинна бо сущее есть; аще бо истинна сущее есть, истинны испадение — сущаго отвержение есть; от сущаго же бог испасти не может, и еже не быти — несть».

Мы же речем: потеряли новолюбцы существо божие испадением от истиннаго господа, святаго и животворящаго духа. По Дионисию: коли уж истинны испали, тут и сущаго отверглись. Бог же от существа своего испасти не может, и еже не быти—несть того в нем: присносущен истинный бог наш. Лучше бы им в символе веры не глаголати *господа*, виновнаго имени, а нежели *истиннаго* отсекаати, в нем же существо божие содержится. Мы же, правовернии, обоя имена исповедаем: и в *духа святаго, господа истиннаго и животворящаго**, света нашего, веруем, со отцем и с сыном поклоняемаго, за него же стражем и умираем, помощию его владычнею. Тешит нас Дионисий Ареопагит, в книге ево сице пишет: «сеи убо есть воистинну истинный христианин, зане истинною разумев Христа и тем богоразумие стяжав, исступив убо себе, не сый в мирском их нраве и прелести, себя же вестъ трезвящися и измене-

---

и примечания) «вступлению» к «Житию» предшествуют фрагмент сопроводительного послания Аввакума некоему Алексею; выписки из поучения Дорофея о любви; собственноручный рисунок Аввакума с бранными подписями, карикатурно изображающий фигуры пяти основных врагов старообрядчества (патриарха Никона, митрополитов Павла и Илариона, греческих иерархов Паисия и Макария*); обращение Аввакума к читателям—«питомникам церковным»; новый вариант «понуждения» Елифания. Приводим два фрагмента из этих дополнительных текстов. (К местам, помеченным звездочкой (*), см. примечания в комментарии.)

[Из послания Аввакума Алексею]

Вот тебе, чадо мое возлюбленное, Алексей...* книга живота вечнаго*. Поминай мя в молитвах своих и старца не забывай Елифания: я писал, а он мне молитвами помогал. Над всем же сим благословит тя господь, и Марью твою Пиминовну, и чад ваших, и снох, и внучаток, и сродников, и знаемых, и други, и другиня, и

на всякаго прелестнаго неверия, не токмо даже до смерти бедствующе истинны ради, но и неведением скончавующеся всегда, разумом же живуще, и христиане суть свидетельствуемы». Сей Дионисий научен вере Христове от Павла апостола, живый во Афинах, прежде, даже не приитти в веру Христову, хитрость имый ищитати беги небесныя*; егда ж верова Христови, вся сия вмених быти яко уметы*. К Тимофею пишет в книге своей, сице глаголя: «дитя, али не разумеешь, яко вся сия внешняя блядь ничто же суть, но токмо прелесть и тля и пагуба? аз проидох делом и ничто ж обретох, но токмо тщету». Чтый да разумеет*. Ищитати беги небесныя любят погибающии, понеже любви истинныя не прияша, воеже спастися им; и сего ради послет им бог действо льсти, воеже веровати им лжи, да суд примут не веровавшии истинне, но благоволиша о неправде. Чти Апостол, 275*.

Сей Дионисий, еще не приидох в веру Христову, со учеником своим во время распятия господня быв в Солнечнем граде*, и виде: солнце во тьму преложилося и луна в кровь, звезды в полудне на небеси явились черным видом*. Он же ко ученику глаголя: «или кончина веку прииде, или бог-слово плотию стражет»; понеже не по обычаю тварь виде изменену: и сего ради бысть в недоумении. Той же Дионисий пишет о солнечнем знамении, когда затмится: есть на небеси пять звезд заблудных, еже именуются луны. Сии луны бог положил не в пределех, яко ж и прочии звезды, но обтекают по всему небу, знамение творя или во гнев, или в милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звезда, еже есть луна, подтечет под солнце от запада и закроет свет солнечный, то солнечное затмение

вся вас любящая. Еще же да будет всяк благославляяи тя благословен и проклинаяи тя — проклят. И да подаст ти господь от влаги земныя и от росы небесныя свыше*, и множа да умножит в дому твоём всякия красоты и благодати, и да ясте ветхая ветхих, и ветхая от лица новых изринете*, сиречь всего изобильно и с остатками; дай вам господи и хлеба, и мяса, и ры[бы]... (текст обрывается) (л. 3—3 об.).

[Из обращения к читателям]

Вот вам, питомникам церковным, предлагаю житие свое от юности и до лет пятьдесят пяти годов*. Авва Дарофей описал же свое житие ученикам своим, понуждая их на таяжде — поучение 4, лис[т] 49*; и я такожде, убеждая вашу любовь о Христе Иисусе, господе нашем, сказываю вам деемая мною, непотребным рабом божиим <...> (л. 2 об.).

за гнев божий к людям бывает. Егда ж бывает, от востока луна подтекает, то по обычаю шествие творяще закрывает солнце*.

А в нашей Росии бысть знамение: солнце затмилось в 162 году, пред мором за месяц или меньше*. Плыл Волгою-рекою архиепископ Симеон Сибирской*, и в полудне тьма бысть, перед Петровым днем недели за две; часа с три плачючи у берега стояли; солнце померче, от запада луна подтекала, по Дионисию, являя бог гнев свой к людям: в то время Никон отступник веру казил и законы церковныя, и сего ради бог изливал фиал гнева ярости своея на Рускую землю*; зело мор велик был*, неколи еще забыть, вси помним. Потом, минув годов с четырнатцеть, вдругоряд солнцу затмение было; в Петров пост, в пяток, в час шестый, тьма бысть; солнце померче, луна подтекала от запада же, гнев божий являя, и протопопа Аввакума, беднова горемыку, в то время с прочими остригли в соборной церкви власти и на Угреше в темницу, проклинав, бросили*. Верный разумеет, что делается в земли нашей за нестроение церковное. Говорить о том полно; в день века познано будет всеми; потерпим до тех мест.

Той же Дионисий пишет о знаменнии солнца, како бысть при Иусе Наввине во Израили. Егда Иус секий иноплеменники, и бысть солнце противо Гаваона, еже есть на полднях, ста Иус крестообразно, сиречь распростре руке свои, и ста солнечное течение, дондеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сиречь назад отбежало, и паки потече, и бысть во дни том и в нощи тридесеть четыре часа, понеже в десятый час отбежало; так в сутках десять часов прибыло. И при Езекии царе бысть знамение: оттече солнце вспять во вторый-на-десять час дня, и бысть во дни и в нощи тридесять шесть часов. Чти книгу Дионисиеву, там пространно уразумеешь*.

Он же Дионисий пишет о небесных силах*, росписует, возвещая, како хвалу приносят богу, разделяя деветь чинов на три троицы. Престоли, херувими и серафими освящение от бога приемлют и сице восклицают: *благословенна слава от места господня!** И чрез их преходит освящение на вторую троицу, еже есть господства, начала, власти; сия троица, славословя бога, восклицают: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! По Алфавиту*, «аль» — отцу, «иль» — сыну, «уйя» — духу святому. Григорий Ниский* толкует: аллилуйя — хвала богу; а Василий Великий* пишет:

аллилуйя—ангельская речь, человечески рещи—слава тебе, боже! До Василия пояху во церкви ангельския речи: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! Егда же бысть Василий, и повеле пети две ангельския речи, а третьюю — человеческую, сице: аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! У святых согласно, у Дионисия и у Василия; трижды воспевающе, со ангелы славим бога, а не четвержи, по римской бляди; мерско богу четверичное воспевание сицевое: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! Да будет проклят сице поюще. Паки на первое возвратимся. Третьяя троица: силы, архангели, ангели; чрез среднюю троицу освящение приемля, поют: «свят, свят, свят, господь Саваоф, исполни небо и земля славы его!»* Зри: тричислено и сие воспевание*. Пространно пречистая богородица протолковала о аллилуйи, явилася ученику Ефросина Псковскаго, именем Василию. Велика во «аллилуйи» хвала богу, а от зломудрствующих досада велика, — по-римски святую троицу в четверицу глаголют, духу и от сына исхождение являют*; зло и проклято се мудрование богом и святыми. Правоверных избави боже сего начинания злаго, о Христе Иусе, господе нашем, ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Афанасий Великий рече: «иже хочет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическая вера, ея же аще кто целы и непорочны не соблюдает, кроме всякаго недомыслия, во веки погибнет. Вера ж кафолическая сия есть, да единого бога в троице и троицу во единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже разделяюще существо; ин бо есть состав отец, ин — сыновень, ин—святаго духа; но отчес, и сыновнее, и святаго духа едино божество, равна слава, соприсносушно величество; яков отец, таков сын, таков и дух святой; вечен отец, вечен сын, вечен и дух святой; не создан отец, не создан сын, не создан и дух святой; бог отец, бог сын, бог и дух святой — не три божи, но един бог; не три несоздания, но един несозданный, един вечный. Подобне: вседержитель отец, вседержитель сын, вседержитель и дух святой. Равне: непостижим отец, непостижим сын, непостижим и дух святой. Обаче не три вседержители, но един вседержитель; не три непостижимии, но един непостижимый, един пресущный. И в сей святей троице ничтоже первое или последнее, ничтоже более или менее, но целы три составы и соприсносушны суть себе и равны». Особно бо есть отцу нерождение, сыну же рождение, а духу святому исхождение: обще же им божество и царство. (Нужно бо есть побесе-

довати и о вочеловечении бога-слова к вашему спасению.)² За благодать щедрот излия себе от отеческих недр сын-слово божие в деву чисту богоотроковицу, егда время наставало, и воплотився от духа свята и Марии девы, вочеловечився, нас ради пострадал, и воскрес в третий день, и на небо вознесся, и седе одесную величества на высоких и хошет паки приитти судити и воздати комуждо по делом его, его же царствию несть конца. И сие смотрение в бозе бысть прежде, даже не создатися Адаму, прежде, даже не вообразитися. (Совет отечь.)³ Рече отец сынови: «сотворим человека по образу нашему и по подобию». И отвеща другий: «сотворим, отче, и преступит бо». И паки рече: «о единородный мой! о свете мой! о сыне и слове! о сияние славы моя! аще промышляеши созданием свсим, подобает ти обещися в тлимаго чело века, подобает ти по земли ходити, апостолы⁴ воспрिया, пострадати и вся совершити». И отвеща другий: «буди, отче, воля твоя!» И посем создася Адам. Аще хошеши пространно разумети, чти Маргарит, Слово о вочеловечении; тамо обрящеши. Аз кратко помянул, смотрение показуя. Сице всяк веруай в онь не постыдится, а не веруай — осужден будет и во веки погибнет, по вышереченному Афанасию*.

Сице аз, протопоп Аввакум, верую, сице исповедаю, с сим живу и умираю*.

[ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ]

Рождение же мое в Нижегородских пределах, за Кудмою-рекою, в селе Григорове*. Отец ми бысть священник Петр, мати—Мария, инока Марфа. Отец же мой прилежаще пития хмельнова; мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаще мя страху божию. Аз же некогда видевав у соседа скотину умершу, и той нощи, восставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молиться. Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод, и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изво-

² Скобки (квадратные) — в автографе.

³ Скобки (квадратные) — в автографе.

⁴ Епифанием вместо заключенного им в скобки слова «апостолы» сверху вписано «плоть» (в автографе редакции В — также «апостолы»).

лила мати меня женить. Аз же пресвятей богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить во церковь, — имя ей Анастасия*. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево зся истошилось. Она же в скудости живяше и моляшеса богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли божии тако. Посем мати моя отъиде к богу в подвизе велице. Аз же от изгнания переселихся во ино место*. Рукоположен во дьяконы двадесяти лет с годом, и по дву летех в попы поставлен; живый в попех осьмь лет, и потом совершен в протопопы православными епископы, — тому двадесеть лет минуло; и всего тридесят лет, как имею священство^{5*}.

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, — по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде и во стране Сибирской проповедуя и уча слову божию, — годов будет тому с полтретьяцеть*.

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и мзлакии всякой повинна; нача мне, плакавшеса, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, тревокаанный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжежение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя бог от детей духовных, понеже бремя тяшко, неудобь носимо. И падох на землю на лица своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачю; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сидельцов. И я спросил: «чье корабли?» И оне отвещали: «Лукин и Лаврентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами, — краснó, и белó, и сине, и

---

⁵ После этих слов в редакции В: а от рода на шестой десяток идет (л. 14).

черно и пепелесо, — его же ум человек не вмести красоты его и доброты; юноша светел на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хочет. И я вскричал: «чей корабль?» И сидя на нем отвечал: «твой корабль! на⁶, плавай на нем с женою и детьми, коли докучаешь!» И я вострепетах и седше рассуждаю: что се видимое? и что будет плавание?

А се по мале времени, по писанному, «объяша мя болезни смертныя, беды адавы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох»*. У вдовы начальник отнял дочь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери, и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв пол часа и больша, и паки оживе божиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научил ево дьявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже ин начальник, во ино время, на мя рассвирепел, — прибежав ко мне в дом, бив меня, и у руки огрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, поблагодаря бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двема малыми пищальми и, близ меня быв, запалил из пистолы, и божиею волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, и божия боля учинила так же, — и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а ему рекл: «благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!»⁷ Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всево ограбя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, которой сидит с матерью в земле закопан*. Аз же, взяв ключку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же бог наставит⁸, и на пути крестили, яко же Филипп каженика

⁶ Епифанием исправлено на «да». В редакции В также—«на».

⁷ После этих слов в редакции Б: Сердитовал на меня за церковную службу: ему хочется скоро, а я пою по уставу, не борзо; так ему было досадно (л. 11 об.).

⁸ После этих слов в редакции В: ...а сами, пошед, запели божественныя песни, евангельскую стихеру большим распевом: «На гору учеником идущим за земное вознесение предста господь и поклонишася ему», всю до конца, а пред нами образ несли.

древле*. Егда ж аз прибел к Москве, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Иванну*, они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы же с грамотою паки послали меня на старое место, и я притащился — ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Приидоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари⁹ и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, — одново ушиб, и паки ожил, а другова о[т]пустил в поле*. И за сие меня Василей Петрович Шереметев, пловучи Волгою в Казань* на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобратца. Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудолюбный образ*. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу, и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сенях со мною прощались*; а брату моему меньшому боярню Васильева и дочь духовная была*. Так-то бог строит своя люди.

На первое возвратимся. Таже ин начальник на мя расвирепел: приехав с людьми ко двору моему, стрелял из луков и из пищалей с приступом. А аз в то время, запершись, молился с воплем ко владыке: «господи, укроти ево и примири, ими же веси судьбами!» И побежал от двора, гоним святым духом. Таже в ночь ту прибежали от него и зовут меня со многими слезами: «батюшко-государь! Евфимей Стефанович при кончине и кричит неудобно, бьет себя и охает, а сам говорит: „дайте мне батька Аввакума! за него бог меня наказует!“» И я чаял, меня обманывают; ужасеся дух мой во мне. А се помолил бога сице: *«ты, господи, изведый мя из чрева матере моея, и от небытия в бытие мя устроил!»* Аще меня задушат, и ты причти мя с Филиппом, митрополитом Московским*; аще зарежут, и ты причти мя с Захарию пророком*; а буде в воду посадят, и ты, яко Стефана Пермскаго, паки свободишь мя!»* и моляся, поехал в дом к нему, Евфимию.

Певцов в дому моем было много; поюще, со слезами на небо взираем, а провождающие жители того места, мужи, и жены, и отрочата, множество народа, с рыданием плачуще и сокрушающе мое сердце, далече нас провожали в поле. Аз же, на обычном месте став и хвалу богу воздав, поучение прочет и, благословя, насилу в дома их возвратил, а с домашними вперед побрели (л. 17 об. — 18).

⁹ После союза «и» Епифанием вписано «у» («ухари?»).

Егда ж привезоша мя на двор, выбежала жена его Неонила и ухватила меня под руку, а сама говорит: «поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец!» И я сопровтив тово: «чюдно! давеча был блядин сын, а топерва — батюшко! Большо у Христа тово остра шелепуга та; скоро повинился муж твой!» Ввела меня в горницу. Вскочил с перины Евфимей, пал пред ногама моима, вопит неизреченно: «прости, государь, *согрешил пред богом и пред тобою!*»* А сам дрожит весь. И я ему сопровтиво: «хощеши ли впредь цел быти?» Он же лежа, отвеща: «ей, честный отче!» И я рек: «востани! бог простит тя!» Он же, наказан гораздо, не мог сам востати. И я поднял и положил ево на постелю, и исповедал, и маслом священным помазал, и бысть здрав. Так Христос изволил. И наутро отпустил меня честно в дом мой; и с женою быша ми дети духовныя, изрядныя раби Христовы. Так-то *господь гордым противится, смиренным же дает благодать**.

Помале паки инии изгнаша мя от места того в другом град. Аз же сволокся к Москве*, и божиею волею государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-Повольской. И тут пожил немного, — только осьмь недель; дьявол научил попов, и мужиков, и баб, — пришли к патриархову приказу, где я дела духовныя делал, и, вытаща меня из приказа собранием, — человек с тысящу и с полторы их было, — среди улицы били батожем и топтали*; и бабы были с рычагами. Грех ради моих, замертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошади умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают, и по граду молва велика. Наипаче ж попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: «убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем!» Аз же, отдохня, в третей день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам-третей ушел к Москве. На Кострому прибежал, — ано и тут протопопа ж Даниила изгнали*. Ох, горе! везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинился печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут; опять кручина: на што-де город покинул? А жена, и дети, и домоладцы, человек с дватцеть, в Юрьевце остались: неведомо — живы, неведомо — прибиты! Тут паки горе.

Посем Никон, друг наш, привез из Соловков Филип-

па митрополита*. А прежде его приезде Стефан духовник, моля бога и постясь седмицу с братъею, — и я с ними тут же, — о патриархе, да же даст бог пастыря ко спасению душ наших; и с митрополитом казанским Корнилием, написав челобитную за руками*, подали царю и царице — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах*. Он же не восхотел сам и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал, и пишет к нему послание навстречу*: «преосвященному митрополиту Никону новгородскому и великолуцкому и всеа Руси радоватися», и прочая. Егда ж приехал, с нами яко лис: челом да «здорово!». Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех кознях говорить!¹⁰ Егда поставили патриархом*, так друзей не стал и в Крестовую пускать*. А се и яд отрыгнул; в пост великой прислал память к Казанской к Неронову Ивану. А мне отец духовной был; я у него все и жил в церкви: егда куды отлучится, ино я ведаю церковь. И к месту, говорили, на дворец к Спасу, на Силино покойника место; да бог не изволил. А се и у меня радение худо было. Любо мне, у Казанские тое держался, чел народу книги. Много людей приходило.

В памяти Никон пишет: «год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились»*. Мы же задумались, сошедшеся между собою; видим, яко зима хочет быти; сердце озябло, и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам един скрылся в Чюдов*, — седмицу в полатке молился. И там ему от образа глас бысть* во время молитвы: «время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!» Он же мне, плачючи, сказал; таже коломенскому епископу Павлу, его же Никон напоследок огнем жжег в новгородских пределах*; потом — Данилу, костромскому протопопу; таже сказал и всей братъе. Мы же с Данилом, написав из книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю; много писано было; он же, не вем где, скрыл их; мнит ми ся, Никону отдал*.

---

¹⁰ После этих слов в редакции В: Царь ево на патриаршество зовет, а он бытто не хочет*, мрачил царя и людей, а со Анною по ночам укладывают* как чему быть, и много пружается со дьяволом, взошел на патриаршество божиним попушением, укрепя царя своим кознованием и клятвою лукавою (л. 22 об.).

После того вскоре схватав Никон Даниила в монастыре за Тверскими вороты*, при царе остриг голову и, содрав однарижку, ругая, отвел в Чюдов в хлебню и, муча много, сослал в Астрахань. Венец тернов на главу ему там возложили, в земляной тюрьме и уморили. После Данилова стрижения взяли другова, темниковскаго Даниила ж протопопа, и посадили в монастыре у Спаса на Новом*. Таже протопопа Неронова Ивана — в церкви скуфью снял и посадил в Симанове монастыре, опосле сослал на Вологду, в Спасов Каменной монастырь, потом в Кольской острог*. А напоследок, по многом страдании, изнемог бедной, — принял три перста, да так и умер*. Ох, горе! всяк мняйся стоя, да блюдетя, да ся не падет*. Люто время, по реченному господем, аще возможно духу антихристову прельстити и избранныя*. Зело надобно крепко молитися богу, да спасет и помилует нас, яко благ и человеколюбец.

Таж меня взяли от всеношнаго Борис Нелединской со стрельцами; человек со мною с шестьдесят взяли: их в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворе на чепь посадили ночью. Егда ж россветало в день недельный*, посадили меня на телегу, и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря* и тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад*. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приалчен*, — сиречь есть захотел, — и после вечерни ста предо мною, не вем — ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлебца немношко и штец дал похлебать, — зело прикусны, хороши! — и рекл мне: «полно, довлеет ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только — человек; а что ж ангел? ино нечему дивитца — везде ему не загорожено. На утро архимарит с братьею пришли и вывели меня; журят мне: «что патриарху не покорисься?» А я от писания ево браню да лаю. Сняли большую чепь да малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чепь торгают, и в глаза плюют. Бог их простит в сий век и в будущий: не их то дело, но сатаны лукаваго. Сидел тут я четыре недели.

В то время после меня взяли Логина, протопопа муромскаго: в соборной церкви, при царе, остриг¹¹ в обедню*. Во время переноса снял патриарх со главы у архидьякона дискос и поставил на престол с телом Христовым; а с чашею архимарит чудовской Ферапонт вне олтара, при дверех царских стоял. Увы, рассечения тела Христова, пуши жидовскаго действия!* Остригше, содрали с него однарятку и кафтан. Логин же разжегся ревностию божественнаго огня, Никона порицая, и чрез порог в отарь в глаза Никону плевал; распоясався, схватя с себя рубашку, в отарь в глаза Никону бросил; и чудно! — растопоряся рубашка и покрыла на престоле дискос, бытто воздѹх. А в то время и царица в церкви была. На Логина возложили чепь и, таща из церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскаго монастыря и кинули в полатку нагова, и стрельцов на карауле поставили накрепко стоять. Ему ж бог в ту ночь дал шубу новую да шапку; и на утро Никону сказали, и он, россмеявсь, говорит: «знаю-су я пустосвятов тех!» — и шапку у него отнял, а шубу ему оставил.

Посем паки меня из монастыря водили пешева на патриархов двор, также руки ростяня, и, стязався много со мною, паки также отвели. Таже в Никитин день ход со кресты*, а меня паки на телеге везли против крестов. И привезли к соборной церкви стричь, и держали в обедню на пороге долго. Государь с места сошел и, приступя к патриарху, упросил. Не стригше, отвели в Сибирской приказ и отдали дьяку Третьяку Башмаку, что ныне стражет же по Христе, старец Саватей, сидит на Новом, в земляной же тюрьме. Спаси ево, господи! и тогда мне делал добро*.

[ССЫЛКА В СИБИРЬ]

Таже послали меня в Сибирь с женою и детьми. И колико дорогою нѹжды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила, — больную в телеге и повезли до Тобольска*; три тыщи верст недель с тринацеть волокли телегами и водою и саньми половину пути*.

---

¹¹ После этих слов в редакции В: ево овчеобразный волк (л. 26).

Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня^{12*}. Тут у церкви великия беды постигоша меня: в полтарагоды пять слов государевых сказывали на меня*, и единекто, архиепископля двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Съехал архиепископ к Москве, а он без нево, дьявольским научением, напал на меня: церкви моя дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же, Антон, утече у него и прибежал во церковь ко мне. Той же Струна Иван, собрався с людьми, во ин день прииде ко мне в церковь, — а я вечерню пою, — и вскочил в церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул и никою не пустил, — один он, Струна, в церкви вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил ево среди церкви на полу и за церковной мятеж постегал ево ремнем нарочито-таки; а прочии, человек с дватцеть, вси побегоша, гоними духом святым. И покаяние от Струны приняв, паки отпустил ево к себе. Сродницы же Струнины, попы и черницы, весь возмутили град, да како меня погубят. И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести. И божиим страхом отгнани быша и побегоша вспять*. Мучился я с месяц, от них бегаючи втай; иное в церкви начюю, иное к воеводе* уйду¹³; а иное в тюрьму просился, — ино не пустят. Провожал меня много Матфей Ломков, иже и Митрофан именуем в черницах, — опосле на Москве у Павла митрополита ризничим был, в соборной церкви с дьяконом Афонасьем меня стриг*. Тогда добр был, а ныне дьявол ево поглотил. Потом приехал архиепископ с Москвы и правильною виною ево, Струну, на чепь посадил за сие: некий человек с дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину взяв и не наказав, мужика отпустил. И владыка ево сковать приказал и мое дело тут же помянул*. Он же, Струна, ушел к воеводам в приказ и сказал «слово и дело государево» на меня*. Воеводы отдали ево сыну боярскому лутчему, Петру Бекетову, за пристав*. Увы, погибель на двор Петру пришла. Еще же и душе моей горе тут есть. Подумав архиепископ со мною, по

¹² Эта фраза в редакции В: Архиепископ Симеон Сибирской — тогда добр был, а ныне учинился отступник — устроил меня в Тобольске к месту (л. 28).

¹³ После этих слов в редакции В: Княгиня меня в сундук посылала: «я-де, батюшко, нат тобой сяду, как-де придут тебя искать к нам». И воевода от них, мятежников, боялся, лишю плачет, на меня глядя (л. 28 об.—29).

правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в неделю православия в церкви большой. Той же Бекетов Петр, пришед в церковь, браня архиепископа и меня, и в той час из церкви пошед, взбесился, ко двору своему иду-чи, и умре горькою смертию зле. И мы со владыкою приказали тело ево среди улицы собакам бросить, да ж гражданиа оплачют согрешение его. А сами три дни прилежне стужали божеству, да же в день века отпустится ему. Жалея Струны, такову себе пагубу приял. И по трех днех владыка и мы сами честне тело его погребли. Полно тово плачевнова дела говорить.

Посем указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укоряю ересь Никонову*. В та же времена пришла ко мне с Москвы грамотка. Два брата жили у царицы в Верху*, а оба умерли в мор и с женами и с детьми: и многия друзья и сродники померли. Излиял бог на царство фиия гнева своего!* Да не узнались горюны однако, — церковью мятут. Говорил тогда и сказывал Неронов царю три пагубы за церковной раскол: мор, меч, разделение*; то и сбылось во дни наша ныне. Но милостив господь: наказав, покаяния ради и помилует нас, прогнав болезни душ наших и телес, и тишину подаст. Уповаю и надеюсь на Христа: ожидаю милосердия его и чаю воскресения мертвым.

Таже сел ояять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох, — поехал на Лену*. А как приехал в Енисейской*, другой указ пришел: велено в Дауры вести — дватцет тысяч и больши будет от Москвы*. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк, — людей с ним было 6 сот человек; и грех ради моих суров человек: беспре-станно людей жжет, и мучит, и бьет*. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали из Енисейска*, как будем в Большой Тунгуске-реке*, в воду загрузило бурю дощеник мой совсем: налился среди реки полон воды, и парус изорвало, — одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя*. А я, на небо глядя, кричу: «господи, спаси! господи, помози!» И божиею волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощенике двух человек сорвало, и утонули в воде. Посем, оправяся на берегу, и опять поехали впрядь.

Егда приехали на Шаманской порог*, навстречу при-плыли люди иные к нам, а с ними две вдовы — одна лет

в 60, а другая и больши, пловут пострищись в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж о[т]дать. И я ему стал говорить: «по правилам не подобает таких замуж давать». И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом пороге* стал меня из дощеника выбивать: «для-де тебя дощеник худо идет! еретик-де ты! поди-де по горам, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокие, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы — перие красное, воробны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие — многое множество, птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, изубри и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие — во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверьми, и со змиями, и со птицами *витать**. И аз ему малое писанейце написал, сице начало: «человече! убойся бога, сидящаго на херувимех и призирающаго в без[д]ны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираешь и неудобство показуешь», — и прочая: там многонько писано: и послал к нему*. А се бегут человек с пятьдесят: взяли мой дощеник и помчали к нему, — версты три от него стоял. Я казакам каши наварил да кормлю их: и оне, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачут на меня, жалеют по мне. Привели дощеник; взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит: начал мне говорить: «поп ли ты или роспоп?»; и аз отвещал: «аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, яко дивий зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой, и паки в голову, и сбил меня с ног, и, чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболокши, по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: «господи Исусе Христе, сыне божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж беспрестанно говорю. Так горько ему, что не говорю: «пощади!» Ко всякому удару молитву говорил, да осреди побой вскричал я к нему: «полно бить тово!» Так он велел перестать. И я промолыл ему: «за что ты меня бьешь? ведаешь ли?» И он паки велел бить по бокам. Опустили¹⁴. Я задрожал,

¹⁴ Перед «опустили» Епифанием вместо точки вставлено «и». В редакции В: «Спустили» (л. 34).

да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащить: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал. Как били, так не больно было с молитвою тою; а лежа, на ум взбрело: «за что ты, сыне божий, попустил меня ему таково больно убить тому? Я веть за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою? Когда воровал, и ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил!» Бытто доброй человек — другой фарисей с говенною рожкою, — со владыкою судитца захотел! Аще Иев и говорил так*, да он праведен, непорочен, а се и писания не разумел, вне закона, во стране варварстей, от твари бога познал. А я первое — грешен, второе — на законе почию и писанием отвсяду подкрепляем, яко многими скорбьми подобает нам внити во царство небесное*, а на такое безумие пришел! Увы мне! Как дощеник-от в воду ту не погряз со мною? Стало у меня в те поры кости те щемить и жилы те тянуть, и сердце зашлось, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так вздохнул да покаялся пред владыкою, и господь-свет милостив: не поминает наших беззаконных первых покаяния ради; и опять не стало ништо болеть.

Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому большому, Падуну, — река о том месте шириною с версту, три залавка чрез всю реку зело круты, не воротами што поповет, ино в щепы изломает*, — меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинута кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине, — нужно было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. Грустно гораздо, на душе добро, не пеняю уж на бога вдругорят. На ум пришли речи, пророком и апостолом реченныя: «сыне, не пренемагай наказанием господним, ниже ослабей, от него обличаем. Его же любит бог, того наказует; биет же всякаго сына, его же приемлет. Аще наказание терпите, тогда яко сыном обретается вам бог. Аще ли без наказания приобщаетеся ему, то выблядки, а не сынове есте»*. И сими речьми тешил себя.

Посем привезли в Брацкой острог* и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста* в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья. Что собачка, в сололке лежу¹⁵: коли накор-

¹⁵ После этих слов в редакции В: ...на брюхе: на спине той нелья было (л. 36 об.).

мят, коли нет¹⁶. Мышей много было, я их скуфьею бил, — и батожка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «прости!» — да сила божия возбранила, — велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами и с собаками жил скован зиму всю. А жена с детьми верст с дватцетъ была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучила зиму ту всю, — лаяла да укоряла. Сын Иван — невелик был — прибрел ко мне побывать после Христова рождества, и Пашков велел кинуть в студеную тюрьму, где я сидел: начевал милой и замерз было тут. И на утро опять велел к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери, — руки и ноги ознобил.

На весну паки поехали впредь. Запасу небольшое место осталось, а первой разграблен весь: и книги, и одежда иная отнята была, а иное и осталось. На Байкалове море паки тонул. По Хилке* по реке заставил меня лямку тянуть: зело нужен ход ею был, — и поестъ было неколи, нежели спать. Лето целое мучилися. От водяные тяготы люди изгибали, и у меня ноги и живот синь был. Два лета в водах бродили, а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третье тонул. Барку от берегу оторвало водою, — людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком помчало. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричю: «владычице, помози! упование, не утопи!» Иное ноги в воде, а иное выползу наверх. Несло с версту и больши; да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што петь делать, коли Христос и пречистая богородица изволили так? Я, вышед из воды, смеюсь; а люди те охают, платье мое по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие безделицы тое много еще было в чемоданах да в суммах; все с тех мест пере-

---

¹⁶ После этих слов в редакции В: Есть-тово после побой тех хочется, да веть-су неволя то есть: как пожалуют — дадут. Да бесчинники ругались надо мною: иногда одново хлеба дадут, а иногда ветчинки одное не вареной, иногда масла коровья без хлеба же. Я-таки, что собака, так и ем. Не умывался веть, да и кланяться не смог, лише на крест Христов погляжу, да помолитвую. Караульщики по пяти человек одадь стоят. Щелка на стене была, — собачка ко мне по вся дни приходила, да поглядит на меня: яко Лаваря во гною у вратех богатаго, пси облизаху гной его*, отраду ему чинили, так и я со своею собачкою поговаривал; а человецы далече окрест меня ходят и поглядеть на тюрьму не смеют (л. 36 об. — 37).

гнило — наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить: «ты-де над собою делаешь за посмех!» И я паки свету-богородице докучать: «владычице, уйми дурака тово!» Так она, надежа, уняла: стал по мне тужить.

Потом доехали до Иргеня-озера*: волок тут, — стали зимою волочитца. Моих работников отнял, а иным у меня нанятца не велит. А дети маленьки были, едоков много, а работать некому: один бедной горемыка-протопоп нарту сделал и зиму всю волочился за волок¹⁷. Весною на плотах по Ингоде-реке* поплыли на низ. Четвертое лето от Тобольска плаванию моему. Лес гнали хоромной и городской. Стало нечева есть; люди учили с голоду мереть и от работных водяных бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные: лишю станут мучить — ано и умрет!¹⁸ Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступился! У протопопицы моей однарятка московская была, не сгнила, — по-русскому рублев в полтретьяцеть* и больши по-тамошнему. Дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулися, на Нерче-реке* живучи, с травой перебиваючися. Все люди с голоду поморил, никуды не отпускал промышлять, — осталось небольшое место; по степям скитающиеся и по полям, траву и коренные копали, а мы -- с ними же; а зимою — сосну; а иное кобылятины бог даст, и кости находили от волков пора-

---

¹⁷ После этих слов в редакции В: У людей и собаки в подпрышках, а у меня не было; одинова лишю двух сынов, — маленьки еще были, Иван и Прокопей, — тащили со мною, что кобельки, за волок нарту. Волок — верст со сто: насилу, бедные, и перебрели. А протопопица муку и младенца за плечами на себе тащила; а дочь Огрофена брела, брела, да на нарту и взвалилась, и братья ея со мною помаленьку тащили. И смех и горе, как помянутся дние оны: робята — те изнемогут и на снег повалятся, а мать по кусочку пряничка им даст, и оне, съедши, опять лямку потянут; и кое-как перебилися волок, да под сосною и жить стали, что Авраам у дуба Мамврийска*. Не пустил нас и в засеку Пашков сперва, дондеже натешился, и мы неделю-другую мерзли под сосною с робяты одны, кроме людей, на бору, и потом в засеку пустил и указал мне место. Так мы с робяты огородились, балаганец сделав, огонь курили и как до воды домаялись... (л. 39—39 об.).

¹⁸ После этих слов в редакции В: ...и без битья насилу человек дышит. С весны по одному мешку солоду дано на десеть человек на все лето, да петь работай, никуды на промысл не ходи. И вербы, бедной, в кашу ущипать сбродит — и за то палкою по лбу: не ходи, мужик, умри на работе! Шесть сот человек было, всех так-то перестроил (л. 40—40 об.).

женных зверей, и что волк не доест, мы то доедем. А иные и самых озяблых ели волков, и лисиц, и что получит — всякую скверну. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла, — все извод взял, понеже не по чину жеребенка тово вытащили из нея: лишю голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех*, а с прочими, скитающесе по горам и по острому камению, наги и боси, травую и корением перебивающесе, кое-как мучилися. И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечым звериным и птичьим мясам. Увы грешной душе! Кто даст главе моей воду и источник слез*, да же оплачу бедную душу свою, юже зле погубих житейскими сластьми? Но помогала нам по Христе бояроня, воеводская сноха, Евдокея Кириловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна: оне нам от смерти голодной тайно давали отраду, без ведома ево, — иногда пришлют кусок мясца, иногда колобок, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и полпудика накопит и передаст, а иногда у кúров корму из корыта нагребет*. Дочь моя, бедная горемыка Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смех! — иногда робенка погонят от окна без ведома бояронина, а иногда и многонько притащит. Тогда невелика была; а ныне уж ей 27 годов, — девицею, бедная моя, на Мезени, с меньшими сестрами перебиваяся кое-как, плачючи живут. А мать и братья в земле закопаны сидят*. Да што же делать? пускай, горькие, мучатся все ради Христа! Быть тому так за божию помощию. На том положено, ино мучитца¹⁹ веры ради Христовы. Любил, протопоп, со славными знатца, люби же и терпеть, горемыка, до конца. Писано: «не начный блажен, но скончавый»*. Полно тово; на первое возвратимся.

Было в Даурской земле нужды великие годов с шесть и с семь, а во иные годы отрадило. А он, Афонасей, наветуя мне, беспрестанно смерти мне искал. В той же нужде прислал ко мне от себя две вдовы, — сенняя ево любимые были, — Марья да Софья, одержимы духом нечистым. Ворожа и колдуя много над ними, и видит, яко ничто же успеваает, но паче молва бываает*, — зело же-

¹⁹ В автографе «ино мучитца» повторяется дважды.

стоко их бес мучит, бьются и кричат; призвал меня и поклонился мне, говорит: «пожалуй, возьми их ты и попекися об них, бога моля; послушает тебя бог». И я ему отвечал: «господине! выше меры прошение; но за молитв святых отец наших вся возможна суть богу». Взял их, бедных. Простите! Во искусе то на Руси бывало, — человека три-четыре бешаных приведших бывало в дому моем, и за молитв святых отец, отхождаху от них беси, действием и повелением бога живаго и господа нашего Иисуса Христа, сына божия-света. Слезами и водою покроплю и маслом помажу, молебная певше во имя Христово, и сила божия отгоняше от человек бесы, и здрави бываху, не по достоинству моему, — ни никакo же, — но по вере приходящих. Древле благодать действоваше ослом при Валааме, и при Улияне мученике — рысью, и при Сисинии — оленем: говорили человеческим гласом*. Бог идеже хочет, побеждается естества чин*. Чти житие Феодора Едесскаго, тамо обрящещи: и блудница мертваго воскресила*. В Кормчей* писано: не всех дух святой рукополагает, но всеми, кроме еретика, действует.

Таже привели ко мне баб бешаных; я, по обычаю, сам постился и им не давал есть, молебствовал, и маслом мазал, и, как знаю, действовал; и бабы о Христе целоумны и здравы стали. Я их исповедал и причастил. Живут у меня и молятся богу; любят меня и домой не идут. Сведал он, что мне учинилися дочери духовные, осердился на меня опять пуци старова, — хотел меня в огне жжечь: «ты-де выведываешь мое тайны!» А как петь-су причастить, не исповедав? А не причастив бешанова, ино беса совершенно не отгонишь. Бес-от веть не мужик: батога не боится; боится он креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бежит от тела Христова. Я, кроме сих тайн, врачевать не умею. В нашей православной вере без исповеди не причащают; в римской вере творят так, — не брегут о исповеди; а нам, православие блюдушим, так не подобает, но на всяко время покаяние искати. Аще священника, нужды ради, не получишь, и ты своему брату искусному возвести согрешение свое, и бог простит тя, покаяние твое виде, и тогда с правильцом причащайся святых таин. Держи при себе запасный агнец. Аще в пути или на промыслу, или всяко прилучится, кроме церкви, воздохня пред владыкою и, по выше-реченному, ко брату исповедався, с чистою совестью причастися святыни: так хорошо будет! По посте и по пра-

виле пред образом Христовым на коробочку постели платочик и свечку зажги, и в сосудце водицы маленько, да на ложечку почерпни и часть тела Христова с молитвою в воду на лошку положи и кадилом вся покади, поплавав, глаголи: «верую, господи, и исповедаю, яко ты еси Христос сын бога живаго, пришедый в мир грешники спасти, от них же первый есмь аз. Верую, яко воистинну се есть самое пречистое тело твое, и се есть самая честная кровь твоя. Его же ради молю ти ся, помилуй мя и прости ми и ослаби ми согрешения моя, вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, яже разумом и мыслию, и сподоби мя неосужденно причаститься пречистых ти таинств во оставление грехов и в жизнь вечную, яко благословен еси во веки. Аминь». Потом, падше на землю пред образом, прощение проговори и, восстав, образы поцелуй и, прекрестясь, с молитвою причастися и водицею запей и паки богу помолись. Ну, слава Христу! Хотя и умрешь после тово, ино хорош. Полно про то говорить. И сами знаете, что доброе добро. Стану опять про баб говорить.

Взял Пашков бедных вдов от меня; бранит меня вместо благодарения. Он чаял: Христос просто положит; ано пущи и старова стали беситца. Запер их в пустую избу, ино никому приступу нет к ним; призвал к ним чернова попа, и оне ево дровами бросают, — и поволокся прочь. Я дома плачу, а делать не ведаю что. Приступити ко двору не смею: больно сердит на меня. Тайно послал к ним воды святые, велел их умыть и напоить, и им, бедным, легче стало. Прибрели сами ко мне тайно, и я помазал их во имя Христово маслом, так опять, дал бог, стали здоровы и опять домой пошли; да по ночам ко мне прибегали тайно молитца богу. Изрядные детки стали, играть перестали и правильца держатца²⁰. На Москве с бояронею в Вознесенском монастыре вселились*. Слава о них богу!

Таже с Нерчи-реки паки назад возвратилися к Русе*. Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне подробят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопица брели пеши, убивающесе о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопица бедная бредет-бредет, да и повалится, — коль-

---

²⁰ После «держатца» Епифанием вписано: «стали».

ско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томнѣй же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «что ты, батько, меня задавил?» Я пришел, — на меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же вздохня, отвещала: «добро, Петрович, ино еще побредем».

Курочка у нас чернѣнька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, божиим повелением нужде нашей помогая; бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум придет. Ни курочка, ни што чудо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублей при ней — плюново дело, железо! А та птичка одушевлена, божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую из котла тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против тово по два яичка на день давала. Слава богу, вся строившему благая! А не просто нам она и досталася. У боярони* куры все перелепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их прислала, чтоб-де батько пожаловал — помолился о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес сбродил, корыто им сделал, из чево есть, и водою покропил, да к ней все и отслал. Куры божиим мановением исцелели и исправилися по вере ея. От тово-то племѣни и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодня так повелось. Еще Козьма и Дамиян человеком и скотом благодествовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка, и птичка во славу его, пречистаго владыки, еще же и человека ради.

Таже приволоклись паки на Иргень-озеро. Бояроня пожаловала, — прислала сковородку пшеницы, и мы кутья наелись. Кормилица моя была Евдокея Кириловна, а и с нею дьявол ссорил, сиче: сын у нея был Симеон — там родился, я молитву давал и крестил, на всяк день присылала ко мне на благословение, и я, крестом благословя и водою покропя, поцеловав ево, и паки отпущу; дитя наше здорово и хорошо. Не прилучилося меня дома; занемог младенец. Смалодушничав, она, осердясь на меня, послала робенка к шептуну-мужику. Я, сведав, осердился ж на нея, и меж нами прѣ велика стала быть. Младенец пуши

занемог; рука правая и нога засохли, что батошки. В зазор пришла; не ведает, что делать, а бог пуши угнетает. Робеночек на кончину пришел. Пестуны, ко мне приходя, плачут; а я говорю: «коли баба лиха, живи же себе одна!» А ожидаю покаяния ея. Вижу, яко ожесточил диявол сердце ея; припал ко владыке, чтоб образумил ея. Господь же, премилостивый бог, умяхчил ниву сердца ея: прислала на утро сына среднева Ивана ко мне, — со слезами просит прощения матери своей, ходя и кланяясь около печи моей. А я лежу под берестом наг на печи, а протопопица в печи, а дети кое-где: в дождь прилучилось, одежды не стало, а зимовье каплет, — всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «вели матери прощения просить у Орефы-колдуна». Потом и больнова принесли, велела перед меня положить; и все плачут и кланяются. Я-су встал, добыл в грязи патрахель и масло священное нашол. Помоля бога и покадя, младенца помазал маслом и крестом благословил. Робенок, дал бог, и опять здоров стал, — с рукою и с ногою. Водю святою ево напоил и к матери послал. Виждь, слышателю, покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою извращевала и сына исцелила! Чему быть? — не сегодня кающихся есть бог! На утро прислала нам рыбы да пирогов, а нам то, голодным, надобе. И с тех мест помирились. Выехав из Даур, умерла, миленькая, на Москве; я и погребал в Вознесенском монастыре. Сведал то и сам Пашков про младенца, — она ему сказала. Потом я к нему пришел. И он, поклоняся низенько мне, а сам говорит: «спаси бог! отчески творишь, — не помнишь нашева зла». И в то время пищи довольно прислал.

А опосле тово вскоре хотел меня пытатъ; слушай, за что. Отпускал он сына своево Еремея в Мунгальское царство* воевать, — казаков с ним 72 человека да иноземцов 20 человек, — и заставил иноземца шаманить, сиречь гадать: удаст ли ся им и с победою ли будут домой? Волхв же той мужик, близ моего зимовья, привел барана живова в вечер и учал над ним волхвовать, вертя ево много, и голову прочь отвертел и прочь отбросил. И начал скакать, и плясать, и бесов призывать и, много кричав, о землю ударился, и пена изо рта пошла. Беси давили ево, а он спрашивал их: «удастся ли поход?» И беси сказали: «с победою великою и с богатством большим будете назад». И воеводы ради, и все люди радуясь говорят: «богаты приедем!» Ох, душе моей тогда горько и ныне не

сладко! Пастырь худой погубил своя овцы, от горести забыл реченное во Евангелии, егда Зеведеевичи на поселян жестоких советовали: «„господи, хочещи ли, рече, да огонь снидет с небесе и потребит их, яко же и Илия сотвори”. Обращь же ся Иисус и рече им: „не веста, коего духа еста вы; сын бо человеческий не прииде душ человеческих погубити, но спасти”. И идоша воину весь»*. А я, окаянной, сделал не так. Во хлевине своей кричал с воплем ко господу: «*послушай мене, боже! послушай мене, царю небесный, свет, послушай меня! да не возвратится вспять ни един от них, и гроб им там устроиши всем! приложи им зла, господи, приложи**, и погибель им наведи, да не сбудется пророчество дьявольское!» И много тово было говорено. И втайне о том же бога молил. Сказали ему, что я так молюсь, и он лишо излаял меня. Потом отпустил с войским сына своего. Ночью поехали по звездам. В то время жаль мне их: видит душа моя, что им побитым быть, а сам-таки на них погибели молю. Иные, приходя, прощаются ко мне; а я им говорю: «погибнете там!» Как поехали, лошади под ними взоржали вдруг, и коровы тут взревели, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли; ужас на всех напал. Еремей весть со слезами ко мне прислал: чтоб батюшко-государь помолился за меня. И мне ево стало жаль. А се друг мне тайной был и страдал за меня. Как меня кнутом отец ево бил, и стал разговаривать отцу, так со шпагою погнался за ним. А как приехали после меня на другой порог, на Падун, 40 дощеников все прошли в ворота, а ево, Афонасьев, дощеник, — снасть добрая была, и казаки все шесть сот промышляли о нем, а не могли взвести, — взяла силу вода, паче же рещи — бог наказал! Стащило всех в воду людей, а дощеник на камень бросила вода; чрез ево льется, а в него не идет. Чюдо, как то бог безумных тех учит! Он сам на берегу, бояроня в дощенике. И Еремей стал говорить: «батюшко, за грех наказует бог! напрасно ты протопота тово кнутом тем избил; пора покаятца, государь!» Он же рыкнул на него, яко зверь, и Еремей, к сосне отклонясь, прижав руки, стал, а сам, стоя, «господи помилуй!» говорит. Пашков же, ухватя у малова колешчатую пицаль, — никогда не лжет, — приложася на сына, курок спустил, и божиею волею осеклася пицаль. Он же, поправя порох, опять спустил, и паки осеклася пицаль. Он же и в третьи так же сотворил; пицаль и в третии осеклася же. Он ее на землю и бросил. Малой, подняв, на сторону спу-

стил — так и выстрелила! А дощеник единаче на камени под водою лежит. Сел Пашков на стул, шпагою подперся, задумався и плакать стал, а сам говорит: «согрешил, окаянной, пролил кровь неповинну*», напрасно протопоба бил; за то меня наказует бог!» Чюдно, чюдно! по писанию: яко косен бог во гнев, а скор на послушание*, — дощеник сам, покаяния ради, сплыл с камени и стал носом против воды; потянули, он и взбежал на тихое место тотчас. Тогда Пашков, призвав сына к себе, промолыл ему: «прости, барте, Еремей, правду ты говоришь!» Он же, прискоча, пад, поклонився отцу и рече: «бог тебя, государя, простит! я пред богом и пред тобою виноват!» И взяв отца под руку, и повел. Гораздо Еремей разумен и добр человек: уж у него и своя седа борода, а гораздо почитает отца и боится его. Да по писанию и надобе так: бог любит тех детей, которые почитают отцов. Виждь, слышателю, не страдал ли нас ради Еремей, паче же ради Христа и правды его? А мне сказывал кормщик ево, Афонасьева, дощеника, — тут был, — Григорей Тельной. На первое возвратимся.

Отнеле же отошли, поехали на войну. Жаль стало Еремея мне: стал владыке докучать, чтоб ево пощадил. Ждали их с войны, — не бывали на срок. А в те поры Пашков меня и к себе не пускал. Во един от дней учредил застенок и огонь росклат — хочет меня пытать. Я ко исходу душевному и молитвы проговорил; ведаю ево стряпанье, — после огня тово мало у него живут. А сам жду по себя и, сидя, жене плачущей и детям говорю: «воля господня да будет! *Аще живем, господави живем; аще умираем, господави умираем*»*. А се и бегут по меня два палача. Чюдно дело господне и неизреченны судьбы владычни! Еремей ранен сам-друг дорошкою мимо избы и двора моего едет, и палачей вскрикал и воротил с собою. Он же, Пашков, оставя застенок, к сыну своему пришел, яко пьяной с кручины. И Еремей, поклоняся со отцем, вся ему подробну возвещает: как войско у него побиили все без остатку, и как ево увел иноземец от мунгальских людей по пустым местам, и как по каменным горам в лесу, не ядше, блудил седьмь дней, — одну съел белку, — и как моим образом человек ему во сне явился и, благословя ево, указал дорогу, в которую страну ехать; он же, вскоча, обрадовался и на путь выбрел. Егда он отцу рассказывает, а я пришел в то время поклониться им. Пашков же, возвед очи свои на меня, — слово в слово что медведь морской белой, жива бы меня проглотил, да господь

не выдаст! — вздохня, говорит: «так-то ты делаешь? Людей тех погубил столько!» А Еремей мне говорит: «батьюшко, поди, государь, домой! молчи для Христа!» Я и пошел²¹. Десеть лет он меня мучил* или я ево — не знаю; бог розберет в день века.

[ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РУСЬ]

Перемена ему пришла, и мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме своем: «хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы»²². Он в дощениках со оружием и с людьми плыл, а слышал я — едуци, от иноземцов дрожали и боялись. А я, месяц спустя после ево, набрав старых, и больных, и раненых, кои там негодны, человек с десятков, да я с женою и с детьми — семнатцеть нас человек, в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали*, амо же бог наставит, ничево не бояся²³. Книгу Кормчию дал прикащику, и он мне мужика кормщика дал. Да друга моего выкупил, Василя, которой там при Пашкове на людей ябедничал и крови проливал и моя голова искал; в ыную пору, бивше меня, на кол было посадил, да еще бог сохранил! А после Пашкова хотели ево казаки до смерти убить. И я, выпрося у них Христа ради, а прикащику выкуп дав, на Русь ево вывез, от смерти к животу, — пускай

²¹ После этих слов в редакции Б: ничево не говоря, — Христом запечатлел уста моя Еремей! (л. 39).

²² В место: «хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы» — в редакции В: умышлял во уме, чаял, меня без него и не вынесет бог. А се и сам я убоялся с ним плыть; на поезде говорил: «здесь-де земля не взяла, на дороге-де вода у меня приберет». Среди моря бы велел с судна пехнуть, а сказал бы, бытто сам ввалился; того ради и сам я с ним не порадел (л. 52 об.).

²³ После этих слов в редакции В: А во иную-су пору и боялись, человецы бо есмы; да где жо стало детца, однако смерти! Бывало то и на Павла апостола; сам о себе свидетельствует сице: «внутри убо страх, а вне убо боязнь»; а в ыном месте: «уже бо-де не надеяхомся и живи быти, но господь избавил мя есть и избавляет»*. Так-то и наша бедность: аще не господь помогал бы, в мале вселися бы во ад душа моя. И Давид глаголет: «яко аще не бы господь в нас, в негда востати человеком на ны, убо живы пожерли быша нас»*, но господь всяко избавил мя есть и до ныне избавляет; мотаюсь, яко плевел посреде пшеницы, посреде добрых людей, а инде-су посреде волков, яко овечка, или посреде псов яко заяц, всяко перебиваешься о Христе Иусе. Но грызутся еретики, что собаки, а без божьи воли проглотить не могут. Да воля господня — что бог даст, то и будет. Без смерти и мы не будем; надобно бы что доброе то сделать и с чем бы появиться пред владыку, а то умрем всяко. Полно о сем (л. 52 об.—53 об.).

ево, беднова! — либо покаются о гресех своих. Да и дру-
гова такова же увез замотая. Сего не хотели мне выдать;
и он ушел в лес от смерти и, дождався меня на пути, пла-
чючи, кинулся мне в карбас. Ано за ним погоня! Деть
стало негде. Я-су, — простите! — своровал: яко Раав
блудная во Ерихоне Исуса Наввина людей, спрятал ево*,
положа на дно в судне, и постелею накинул, и велел про-
топопице и дочери лечи на нево. Везде искали, а жены
моей с места не тронули, — лишю говорят: «матушка, опоч-
чивай ты, и так ты, государыня, горя натерпелась!» А
я, — простите бога ради, — лгал в те поры и сказывал:
«нет ево у меня!» — не хотя ево на смерть выдать. Поис-
кав, да и поехали ни с чем; а я ево на Русь вывез. Ста-
рец да и раб Христов, простите же меня, что я лгал то-
гда. Каково вам кажется? не велико ли мое согрешение?
При Рааве блуднице, она, кажется, так же сделала, да
писание ея похваляет за то. И вы, бога ради, порассуди-
те: буде грехотворно я учинил, и вы меня простите; а
буде церковному преданию не противно, ино и так ладно.
Вот вам и место оставил: припишите своею рукою мне, и
жене моей, и дочери или прощение или епитимию, понеже
мы за одно воровали — от смерти человека ухоронили,
ища ево покаения к богу. Судите же так, чтоб нас Хри-
стос не стал судить на страшном суде сего дела. Припи-
ши же что-нибудь, старец.

<Бог да простит тя и благословит в сем веце и в бу-
дущем, и подружью твою Анастасию, и дщерь вашу, и
весь дом ваш. Добро сотворили есте и праведно.
Аминь.>²⁴

Добро, старец, спаси бог на милостыни! Полно тово²⁵.

Прикащик же мучки гривенок с тритцеть дал, да ко-
ровку, да овечок пять-шесть, мяско иссуша; и тем лето

²⁴ Приписка Елифания.

²⁵ В редакции Б вместо слов: Да друга моего выку-
пил... полно тово. — Да друга своего ябедника вывес, которой моя
головы там искал научением сатаны. Хотели ево после Пашкова вой-
ским убить; так я ево отпросил у них; пожаловали, отдали мне, и я
ево, кормя, вывес на Русь. Не слаще и он мне, Василей, Пашкова
там был; в иную пору, бьючи меня, на рожен было посадил; да бог
ево простит! Надобе Евангелие помнить реченное: «любите враги
ваша и благотворите»* и прочая. Я бы и Никона отступника про-
стил, как бы он покаялся о блудни своей ко Христу; ино лиха не
та птица: залетела в пустыя дебри непроходимыя, возвратится не
хочет; питается червми и змиями и на селах рожцы ядше со сви-
ниями, а ко отцу возвратится не хочет и не уйдет от руки господ-
ни. Пушай его еще поиграет! Полно тово (л. 40 — 40 об.).

питались, пловучи. Добрай прикащик человек, дочь у меня Ксенью крестил. Еще при Пашкове родилась, да Пашков не дал мне мира и масла, так не крещена долго была, — после ево крестил. Я сам жене своей и молитву говорил и детей крестил с кумом — с прикащиком, да дочь моя большая — кума, а я у них поп. Тем же образцом и Афанасия сына крестил и, обедню служа на Мезени, причастил. И детей своих исповедывал и причащал сам же, кроме жены своей; есть о том в правилах, — велено так делать. А что запрещение то отступническое*, и то я о Христе под ноги кладу, а клятвою тою, — дурно молыть! — гузно тру. Меня благословляют московские святители Петр, и Алексей, и Иона, и Филипп*, — я по их книгам верую богу моему чистою совестью и служу; а отступников отрицаюся и клену, — враги оне божи, не боюсь я их, со Христом живучи! Хотя на меня каменья накладывают, я со отеческим преданием и под каменьем лежу, не токмо под шпынской воровскою никониянскою клятвою их. А што много говорить? Плюнуть на действо то и службу ту их, да и на книги те их новоизданныя, — так и ладно будет! Станем говорить, како угодити Христу и пречистой богородице, а про воровство их полно говорить. Простите, барте, никонияне, что избранил вас; живите, как хотите. Стану опять про свое горе говорить, как вы меня жалуете-подбиваете: 20 лет тому уж прошло; еще бы хотя столько же бог пособил помучитца от вас, ино бы и было с меня, о господе бозе и спасе нашем Иусе Христе! А затем сколько Христос даст, только и жить. Полно тово, — и так далеко забрел. На первое возвратимся.

Поехали из Даур, стало пищи скудать и с братнею бога помолили, и Христос нам дал изубря, большова зберя, — тем и до Байкалова моря доплыли. У моря русских людей наехала станица соболина, рыбу промышляет; рады, миленькие, нам, и с карбасом нас, с моря ухватя, далеко на гору несли Терентьюшко с товарищи; плачют, миленькие, глядя на нас, а мы на них. Надавали пищи сколько нам надобно: осетроф с сорок свежих перед меня привезли, а сами говорят: «вот, батюшко, на твою часть бог в запоре нам дал, — возьми себе всю!» Я, поклонясь им и рыбу благословя, опять им велел взять: «на што мне столько?» Погостя у них, и с нужду запасцу взяв, лотку починя и парус скропав, чрез море пошли. Погода скинула на море, и мы гребми перегреблись*: не больно о том месте широко, — или со сто, или с осьмьдесят

верст. Егда к берегу пристали, востала буря ветренная, и на берегу насилу место обрели от волн. Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высокй, — дватцеть тысяч верст и больши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повáлуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы, — все богоделанно. Лук на них растет и чеснок, — больши романовскаго* луковицы, и слаток зело. Там же растут и конопли богорасленные, а во дворах травы красныя — и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей, — по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем — осетры и таймени, стерледи и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем*: во окиане-море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирны гораздо, — нельзя жарить на сковороде: жир все будет. А все то у Христа тово, света, наделано для человек, чтоб, упокояся, хвалу богу воздавал. А человек, суете которой уподобится, дние его, яко сень, преходят*; скачет, яко козел; раздувается, яко пузырь; гневается, яко рысь; съестъ хочет, яко змия; ржет, зря на чюжую красоту, яко жребя; лукавует, яко бес*; насыщаяся довольно, без правила спит; бога не молит; отлагает покаяние на старость и потом исчезает, и не вем, камо отходит: или во свет, или во тьму, — день судный коегождо явит. Простите мя, аз согрешил паче всех человек.

Таже в русские грады приплыл и уразумел о церкви, яко ничто ж успевае, но паче молва бывает*. Опечался, сидя, рассуждаю: что сотворю? проповедаю ли слово божие или скроюся где? Понеже жена и дети связали меня. И виде меня печальна, протопопица моя приступи ко мне со опрятством и рече ми: «что, господине, опечалился еси?» Аз же ей подробну известих: «жена, что сотворю? зима еретическая на дворе; говорит[ь] ли мне или молчать? — связали вы меня!» Она же мне говорит: «господи помилуй! что ты, Петрович, говоришь? Слыхла я, — ты же читал, — апостольскую речь: „привязался еси жене, не ищи разрешения; егда отретишися, тогда не ищи жены”*. Аз тя и с детьми благословляю: дерзай проповедати слово божие по-прежнему, а о нас не тужи; дондеже бог изволит, живем вместе; а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петрович, — обличай блудную еретическую!» Я-су ей за то челом и, отрясше от себя печальную слепоту, начах по-прежнему сло-

во божие проповедати и учити по градом и везде, еще же и ересь никония[н]скую со дерзновением обличал.

В Енисейске зимовал и паки, лето пливше, в Тобольске зимовал. И до Москвы едучи, по всем городам и по селам, во церквах и на торгах кричал, проповедая слово божие, и уча, и обличая безбожную лесь. Таже приехал к Москве. Три годы ехал из Даур*, а туды волокся пять лет против воды; на восток все везли, промежду иноземских орд и жилищ. Много про то говорить! Бывал и в иноземских руках. На Оби, великой реке, предо мною 20 человек погубили христиан, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртише-реке собрание их стоит: ждут березовских наших с дощеником и побить. А я, не ведаючи, и приехал к ним и, приехав, к берегу пристал: оне с луками и обскочили нас. Я-су, вышед, обниматца с ними, што с чернцами, а сам говорю: «Христос со мною, а с вами той же!» И оне до меня и добры стали и жены своя к жене моей привели. Жена моя также с ними лицемеритца, как в мире лесь совершается; и бабы удобрились. И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро. Спрятали мужики луки и стрелы своя, торговать со мною стали, — медведен я у них накупил, — да и отпустили меня. Приехав в Тоболеск, сказываю; ино люди дивятся тому, понеже всю Сибирь башкирцы с татарами воевали тогда. А я, не разбираючи, уповая на Христа, ехал посреде их. Приехал на Верхотурье, — Иван Богданович Камынин*, друг мой, дивится же мне: «как ты, протопоп, проехал?» А я говорю: «Христос меня пронес, и пречистая богородица провела; я не боюсь никою; одново боюсь Христа».

[«МОСКОВСКОЕ БЫТИЕ»]

Таже к Москве приехал, и, яко ангела божия, прияша мя государь и бояря, — все мне ради. К Федору Ртищеву зашел*: он сам из полатки выскочил ко мне, благословился от меня, и учили говорить много-много, — три дни и три ночи домой меня не отпустил и потом царю обо мне известил. Государь меня тотчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил: «здорово ли-де, протопоп, живешь? еще-де видатца бог велел!» И я сопотив руку ево поцеловав и пожал, а сам говорю: «жив господь, и жива душа моя, царь-государь; а впредь что изволит бог!» Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел, куды на-

добе ему. И иное кое-что было, да што много говорить? Прошло уже то! Велел меня поставить на монастырском подворье в Кремле и, в походы мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною низенько-таки, а сам говорит: «благослови-де меня и помолися о мне!» И шапку в ыную пору, мурманку, снимаючи с головы, уронил, едучи верхом. А из кореты высунется, бывало, ко мне. Таже и все бояря после ево челом да челом: «протопоп, благослови и молися о нас!» Как-су мне царя тово и бояр тех не жалеть? Жаль, о-су! видишь, каковы были добры! Да и ныне оне не лихи до меня; дьявол лих до меня, а человеки все до меня добры. Давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними соединился в вере; аз же вся сия яко уметы вменил, да Христа приобретаю*, и смерть поминая, яко вся сия мимо идет.

А се мне в Тобольске в тонце сне страшно возвещено («блюдися, от меня да не полма растесан будеши») ²⁶. Я вскочил и пал пред иконою во ужасе велице, а сам говорю: «господи, не стану ходить, где по-новому поют, боже мой!» Был я у завтрени в соборной церкви на царевнины имянины, — шаловал с ними в церкви той при воеводах; да с приезду смотрил у них просвиромисания дважды или трожды, в олтаре у жертвеника стоя, а сам им ругался; а как привык ходить, так и ругатца не стал, — что жалом, духом антихристовым и ужалило было. Так меня Христос-свет поужал и рече ми: «по толиком страдании погибнуть хочешь? блюдиися, да не полма рассекутя!»* Я и к обедне не пошел и обедать ко князю пришел и вся подробну им возвестил. Боярин, миленькой, князь Иван Андреевич Хилков, плакать стал. И мне, окаянному, много столько божия благодеяния забыть? ^{27*}

Егда в Даурах я был, на рыбной промысл к детям по

²⁶ «Возвешение» в автографе заключено в скобки (квадратные) — оно повторено ниже, где смысл его поясняется Аввакумом.

²⁷ Этот абзац в редакции В читается так: А се мне в Тобольске в тонце сне страшно возвещено было. Ходил в церковь большую и смотрил в олтаре у них действия, как просвиры вынимают: что тараканы просвиру исщиплют. И я им говорил от писания и ругался их безделью. А егда привык ходить, так и говорить перестал: что жалом ужалило, молчать было захотел. В царевнины имянины, от завтрени пришед, взвалился. Так мне сказано: жаль-де и ты по толиких бедах и напастех соединиесь с ними? блюдиися, да не полма растесан будешь!» Я вскочил во ужасе велице и пал пред иконою, говорю: «господи, не стану ходить, где по-новому поют!» Да и не пошел к обедне к той церкви. Ко иным ходил церквам, где православное пение, и народы учил, обличая их злобное и прелестное мудрование (л. 57—57 об.).

льду зимою по озеру бежал на базлуках; там снегу не живет, морозы велики живут, и льды толсты намерзают, — блиско человека толщины; пить мне захотелось и, гараздо от жажды томим, итти не могу; среди озера стало: воды добыть нельзя, озеро верст с восьмь; стал, на небо взирая, говорить: «господи, источивый из камени в пустыни людям воду, жаждущему Израилю, тогда и днесь ты еси!»* напой меня, ими же веси судьбами, владыко, боже мой!» Ох, горе! не знаю, как молыть; простите, господа ради! Кто есмь аз? умерый пес! — Затрещал лед предо мною и расступился, чрез все озеро сюду и сюду и паки снидеса: гора великая льду стала, и, дондеже уряжение бысть, аз стах на обычном месте* и, на восток зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя господне краткими глаголы из глубины сердца. Оставил мне бог пролубку маленьку, и я, падше, насытился. И плачу и радуюся, благодаря бога. Потом и пролубка содвинулася и я, востав, поклоняся господави, паки побежал по льду куды мне надобе, к детям. Да и в прочие времена в волоките моей так часто у меня бывало. Идучи, или нарту волоку, или рыбу промышляю, или в лесе дрова секу, или ино что творю, а сам и правило в те поры говорю, вечерню, и заутреню, или часы — што прилучится. А буде в людях бывает неизворотно, и станем на стану, а не по мне таварищи, правила моево не любят, а идучи мне нельзя было исполнить, и я, отступя людей под гору или в лес, коротенько сделаю — побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да так и обедаю. А буде жо по мне люди, и я, на сошке складенки поставя, правильца поговорю; иные со мною молятся, а иные кашку варят. А в санях едучи, в воскресныя дни на подворьях всю церковную службу пою, а в рядовыя дни, в санях едучи, пою; а бывало, и в воскресныя дни, едучи, пою. Егда гараздо неизворотно, и я хотя немношко, а таки поворчю. Яко же тело алчуще желает ясти и жаждуще желает пити, тако и душа, отче мой Епифаний, брашна духовнаго желает; не глад хлеба, ни жажда воды погубляет человека; но глад велий человеку — бога не моля, жити*.

Бывало, отче, в Даурской земле, — аще не поскучите послушать с рабом тем Христовым, аз, грешный, и то возвещу вам, — от немощи и от глада великаго изнемог в правиле своем, всего мало стало, только павечернишныя псалмы, да полунощницу, да час первой, а больши тово ничево не стало; так, что скотинка, волочюсь; о правиле том тужу, а принять ево не могу; а се уже и ослабел.

4 Житіе протопопа Аввакума...

И некогда ходил в лес по дрова, а без меня жена моя и дети, сидя на земле у огня, дочь с матерью — обе плачут. Огрофена, бедная моя горемыка, еще тогда была невелика. Я пришел из лесу — зело робенок рыдает; связавшуся языку ево, ничево не промолыт, мичит к матери, сидя; мать, на нея глядя, плачет. И я отдохнул и с молитвою приступил к робяти, рекл: «о имени господни повелеваю ти: говори со мною! о чем плачешь?» Она же, вскоча и поклоняся, ясно заговорила: «не знаю, кто, батюшко-государь, во мне сидя, светленек, за язык-от меня держал и с матушкою не дал говорить; я тово для плакала, а мне он говорит: „скажи отцу, чтобы он правило по-прежнему правил, так на Русь опять все выедете; а буде правила не станет править, о нем же он и сам помышляет, то здесь все умрете, и он с вами же умрет”». Да и иное кое-что ей сказано в те поры было: как указ по нас будет и сколько друзей первых на Руси заедем*, — все так и сбылося. И велено мне Пашкову говорить, чтоб и он вечерни и завтрени пел, так бог ведро даст, и хлеб родится, а то были дожди беспрестанно; ячменцу было сеено небольшое место — за день или за два до Петрова дни, — тотчас вырос, да и сгнил было от дождей. Я ему про вечерни и завтрени сказал, и он и стал так делать; бог ведро дал, и хлеб тотчас поспел. Чюдо-таки! Сеен позд[н]ю, а поспел рано. Да и паки, бедной, коварничать стал о божием деле. На другой год насеел было и много, да дождь необычен излился, и вода из реки выступила и потопила ниву, да и все розмыло, и жилища наши розмыла. А до тово николи тут вода не бывала, и иноземцы дивятся. Виждь: как поруга дело божие и пошел страною, так и бог к нему странным гневом! Стал смеятца первому тому извещению напоследок: робенок-де есть хотел, так плакал! А я-су с тех мест за правило свое схватался, да и по ся мест тянусь помаленьку. Полно о том беседовать, на первое возвратимся. Нам надобе вся сия поминить и не забывать, всякое божие дело не класть в небрежение и просто и не менять на прелесть сего суетнаго века.

Паки реку московское бытие. Видят оне, что я не соединяюся с ними; приказал государь уговаривать меня Родиону Стрешневу, чтоб я молчал*. И я потешил ево: царь-то есть от бога учинен, а се добренек до меня, — чаял, либо помаленьку исправится. А се посулили мне Симеонова дни сесть на Печатном дворе книги править*, и я рад сильно, мне то надобно лутче и духовничества. Пожаловал, ко мне прислал десеть рублей денег, царица

десеть рублей же денег, Лукьян духовник* десеть рублей же, Родион Стрешнев десеть рублей же, а дружище наше старое Феодор Ртищев, тот и шестьдесят рублей казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных нечева и сказывать: всяк тащит да несет всячиною! У сзета моей, у Федосьи Прокопьевны Морозовы, не выходя, жил во дворе, понеже дочь мне духовная, и сестра ее, княгиня Евдокея Прокопьевна, дочь же моя. Светы мои, мученицы Христовы! И у Анны Петровны Милославские покойницы всегда же в дому был*. А к Федору Ртищеву бранитца со отступниками ходил.

Да так-то с полгода жил, да вижу, яко церковное ничто же успевает, но паче молва бывает*, — паки заворчал, написав царю многонько-таки, чтоб он старое благочестие взыскал и мати нашу общую — святую церковь, от ересей оборонил и на престол бы патриаршеский пастьеря православнова учинил вместо волка и отступника Никона, злодея и еретика*. И егда письмо изготовил, занемоглось мне гораздо, и я выслал царю на переезде с сыном своим духовным, с Феодором юродивым, что после отступники удавили его, Феодора, на Мезени, повеся на виселицу*. Он же с письмом приступил к царево корете со дерзновением, и царь велел ево посадить и с письмом под Красное крыльцо, — не ведал, что мое; а опосле, взявше у него письмо, велел ево отпустить. И он, покойник, побывав у меня, паки в церковь пред царя пришед, учал юродством шаловать, царь же, осердясь, велел в Чюдов монастырь отслать²⁸. Там Павел архимарит* и железа на него наложил, и божиею волею железа рассыпалися на ногах пред лю[дь]ми. Он же, покойник-свет, в хлебне той после хлебов в жаркую печь влез и голым гузном сел на поду и, крошки в печи побираючи, ест. Так чернцы ужаснулись и архимариту сказали, что ныне Павел митрополит. Он же и царю возвестил, и царь, пришед в монастырь, честно ево велел отпустить. Он же паки ко мне пришел.

---

²⁸ После этих слов в редакции В: Я пред царем стою, поклоняюсь, на него гляжу, ничего не говорю; а царь, мне поклоняюсь, на меня, стоя, глядит, ничего ж не говорит. Да так и разошлись; с тех мест и дружбы только: он на меня за письмо кручинен стал, а я осердился же за то, что Феодора моего под начал послал. Да и комнатные на меня ж: «ты-де не слушаешь царя», да и власти на меня ж: «ты-де нас оглашаешь царю, и в письме своем бранишь, и людей-де учишь ко церквам, к пению нашему не ходить». Да и опять стали думать в ссылку меня послать (л. 60 об.).

И с тех мест царь на меня кручиноват стал: не любо стало, как опять я стал говорить: любо им, как молчу, да мне так не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня с Москвы, понеже раби Христовы многие приходили ко мне и, уразумевше истинну, не стали к прелес[т]ной их службе ходить*. И мне от царя выговор был: «власти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустил, поедь-де в ссылку опять». Сказывал боярин Петр Михайлович Салтыков*. Да и повезли на Мезень*. Надавали было кое-чево во имя Христово люди добрые много, да все и осталось тут; токмо с женою и детьми* и с домочадцы повезли. А я по городам паки людей божиих учил, а их, пестрообразных зверей, обличал. И привезли на Мезень.

Полтара года держав, паки одново к Москве взяли*, да два сына со мною, — Иван да Прокопей, — съехали же, а протопопица и прочии на Мезени остались все. И привезше к Москве, отвезли под начал в Пафнутьев монастырь*. И туды присылка была, — тож да тож говорить: «долго ли тебе мучить нас? соединишь с нами, Аввакумушко!» Я отрицаюся, что от бесов, а оне лезут в глаза! Скаску им тут с бранью с большою написал* и послал с дьяконом ярославским, с Козьмою, и с подьячим двора патриарша. Козьма та не знаю коего духа человек: въяве уговаривает*, а втай подкрепляет меня, сице говоря: «протопоп! не отступай ты старова тово благочестия; велик ты будешь у Христа человек, как до конца претерпишь; не гляди на нас, что погибаем мы!» И я ему говорил сопротив, чтоб он паки приступил ко Христу. И он говорит: «нельзя, Никон опутал меня!» Просто молыть, отрекся пред Никоном Христа, так же уже, бедной, не сможет встать. Я, заплакав, благословил ево, горюна; больши тово нечева мне делать с ним; ведает то бог, что будет ему.

Таже, держав десеть недель в Пафнутьеве на чепи, взяли меня паки в Москву²⁹ и в Крестовой, стязався власти со мною*, ввели меня в соборной храм и стригли по переносе меня и дьякона Феодора*, потом и проклинали; а я их проклинал сопротив; зело было мятежно в обедню ту тут!

²⁹ Епифанием исправлено: «на Москву». После этих слов в редакции В: свезли томно́ва человека, посадя на старую лошадь. Пристав созади — побивай, да побивай. Иное вверх ногами лошадь в грязи упадет, а я через голову. И днем одним перемчались девяносто верст, еле жив дотащился до Москвы (л. 62—62 об.).

И, подержав на патриархове дворе, повезли нас ночью на Угрешу к Николе в монастырь*. И бороду враги божии отрезали у меня. Чему быть? волки то есть, не жалеют овцы!³⁰ оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка, на лбу³¹. Везли не дорогою в монастырь — болотами да грязью, чтоб люди не сведали. Сами видят, что дуруют, а отстать от дурна не хотят: омрачил дьявол, — что на них и пенять! Не им было, а быть же было иным*; писанное время пришло по Евангелию: «нужда соблазнам приити»*. А другой глаголет евангелист: «невозможно соблазнам не приитти, но горе тому, им же приходит соблазн»*. Виждь, слышателю: необходимая наша беда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попускает бог, да же избрани будут, да же разжегутся, да же убелятся, да же искуснии явлению будут в вас. Выпросил у бога светлую Росию сатона, да же очервленит ю кровию мученическою. Добро ты, дьявол, вздумал, и нам то любо — Христа ради, нашего света, пострадать!

Держали меня у Николы в студеной полатке семнадцать недель*. Тут мне божие присещение бысть; чти в цареve послании, тамо обрящеша*. И царь приходил в монастырь; около темницы моя походил и, постовав, опять пошел из монастыря. Кажется потому, и жаль ему меня, да уш то воля божия так лежит. Как стригли, в то время велико нестроение в Верху* у них бысть с царицею, с покойницею: она за нас стояла в то время, миленькая; напоследок и от казни отпросила меня*. О том много говорить. Бог их простит! Я своево мучения на них не спрашиваю, ни в будущий век. Молитися мне подобает о них, о живых и о преставльшихся. Диявол между нами расечение положил, а оне всегда добры до меня. Полно тово! И Воротынской, бедной, князь Иван, тут же без царя молитца приезжал*; а ко мне просился в темницу; ино не пустили горюна; я лишо, в окошко глядя, поплакал на него. Миленькой мой! боится бога, сиротинка Христова; не покинет ево Христос! Всегда-таки он Христов да наш человек. И все бояря те до нас добры, один дьявол лих.

---

³⁰ Епифанием изменено на «овец».

³¹ В место этой фразы в редакции Б: Дети, чему быть? волки то есть. Коли волк овцы жалеет? Оне бы и мясо то мое съели. Да еще то, кажется, царь-ет вдруг не выдаст. А какое царь? Бог до времени снабдевает. Как будет время, так вдруг проглотят. Да буди же воля господня (л. 46—46 об.).

Что-петь сделаешь, коли Христос попустил! Князь Ивана миленькова Хованскова и батошьем били*, как Исаию сожгли*. А боярню ту Федосью Морозову и совсем разорили, и сына у нея уморили, и ея мучат*; и сестру ея Евдокею, бивше батогами, и от детей отлучили и с мужем розвели, а ево, князь Петра Урусова, на другой-де женили. Да что-петь делать? Пускай их, миленьких! Муча-ся³², небеснаго жениха достигнут. Всяко то бог их пере-провадит век сей суетный, и присвоит к себе жених небесный в чертог свой, праведное солнце, свет, упование наше!³³ Паки на первое возвратимся³⁴.

Посем свезли меня паги в монастырь Пафнутьев и там, заперши в темную полатку, скована держали год без

---

³² Епифанием изменено на «мучат» (то есть читалось бы: «Пускай их, миленьких, мучат!»).

³³ Вместо последней фразы в редакции Б: Красные и светлые боярioni в русской земли явились; не токмо славы, но и плоти своей и деток не пощадили, да Христа приобретают. Пускай Христос своих собирает к себе! Умер же бы Иванушко всяко, а то мученик Христов Морозовых бояр. Исповедал ево света в темнице, на Москве бывше, и причастил тела Христова, яко непорочнаго агнца. Добро. Полно тово. Любо мне, что за Христа умирают, я их тому и учил. Что по них и тужить? Слава богу о всем (л. 48—48 об.).

³⁴ Вместо двух последних абзацев в редакции В: И, подержав на патриархове дворе, вывели меня ночью к Спальному крыльцу*; голова досмотрил и послал в Тайнишные водяные ворота*. Я чаял, в реку посадят, ано от тайных дел шиш антихристов стоит, Дементий Башмаков*, дожидается меня, учал мне говорить: «протопоп, велел тебе государь сказать — не бось-де ты никоно, надейся на меня!» И я ему поклоняюсь, а сам говорю: «челом, — реку, — бью на ево жалованье; какая он надежа мне! надежа моя Христос!» Да и повели меня по мосту за реку. Я, идучи, говорю: «не надейтесь на князя, на сыны человеческия, в них же несть спасения»*, и прочая.

Таже полуголова Осип Салов со стрельцами повез меня к Николе на Угрешу в монастырь; посмотрю — ано предо мною и дьякона тащат. Везли болотами, а не дорогою, до монастыря, и, привезше, в полатку студеную над ледником посадили, и прочих — дьякона и попа Никиту суздальскаго — в полатках во иных посадили, и стрельцов человек с дватцет с полуголовою стояли. Я сидел семнатцет недель, а оне, бедные, изнемогли и повинились, сидя пятнатцет недель; так их в Москву взяли опять*, а меня паки в Пафнутьев перевезли и там в полатке, сковав, держали близко с год. А как на Угреше был, тамо и царь приходил и, посмотря, около полатки вздыхая, а ко мне не вошел; и дорогу было приготовили, насыпали песку, да подумал-подумал, да и не вошел; полуголову взял, и с ним кое-што говоря про меня, да и поехал домой. Кажется, и жаль ему меня, да видишь, богу уш то надобно так. Опосле и Воротынской князь-Иван в монастырь приезжал и просил-

мала*. Тут келарь Никодим сперва добр до меня был³⁵. А се бедной большо тово же табаку испил, что у газскаго митрополита выняли напоследок 60 пудов, да домру, да иные тайные монастырские вещи, что поигравше творят*. Согрешил, простите; не мое то дело: то ведает он; своему владыке стоит или падает*. К слову молилось. То у них были любимые законоучителие. У сего келаря Никодима попросился я на велик день* для праздника отдохнуть, чтоб велел, дверей отворя, на пороге посидеть; и он, меня наругав, и отказал жестоко, как ему захотелось; и потом, в келию пришед, разболелся: маслом сбороваали и причащали, и тогда-сегда дѣхнет. То было в понедельник светлой. И в нощи против вторника прииде к нему муж во образе моем, с кадиллом, в ризах светлых, и покадил ево и, за руку взяв, воздвигнул, и бысть здрав. И притече ко мне с келейником ночью в темницу, — идучи говорит: «блаженна обитель, — таковыя имеет темницы! блаженна темница — таковых в себе имеет страдальцов! блаженны и юзы!»* И пал предо мною, ухватился за чепь, говорит: «прости, господа ради, прости, согрешил пред богом и пред тобою; оскорбил тебя, — и за сие наказал мя бог». И я говорю: «как наказал? повеждь ми». И он паки: «а ты-де сам, приходя и покадя, меня пожаловал и поднял, — что-де запираешься!» А келейник, тут же стоя, говорит: «я, батюшко-государь, тебя под

ся ко мне, так не смели пустить; денег, бедной, громаду в листу подавал, и денег не приняли. После, в другое лето, на Пафнутьеве подворье в Москве я скован сидел, так он ехал в корете нарочком мимо меня, и благославил я ево, миленькова. И все бояря те добры до меня, да дьявол лих. Хованскова князь-Ивана и батогами за благочестие били в Верху, а дочь ту мою духовную, Феодосью Морозову, и совсем разорили, и сына ея Ивана Глебовича уморили, и сестру ея, княгиню Евдокею Прокопьевну, дочь же мою духовную, с мужем и с детьми, бивше, розвели и ныне мучат всех; не велят веровать в старова сына божия спаса-Христа, но к новому богу, антихристу, зовут. Послушай их, кому охота жупела и огня, соединишь с ними в преисподний ад! Полно тово.

В Никольском же монастыре мне было в полатке в Вознесение день божие присещение; в цареве послании писано о том — тамо обрящеша* (л. 62 об.—64 об.).

³⁵ После этих слов в редакции В: в первом году, а в другой привоз ожесточал, горюн, задушил было меня, завалая и окошка и дверь, и дыму негде было итти. Тошнее мне было земляные тюрьмы: где сижу и ем, тут и ветхая вся срание и сдание; прокурить откутают, да и опять задушат. Доброй человек, дворянин, друг, Иваном зовут, Богданович Камынин, вкладчик в монастыре, и ко мне зашел, да на келаря покричал, и лубье, и все без указу розломал, так мне с тех мест окошко стало и отдух (л. 64 об.—65 об.).

руку вывел из кельи, да и поклонился тебе, ты и пошел сюды». И я ему заказал, чтоб людям не сказывал о тайне сей. Он же со мною спрашивался, как ему жить впредь по Христе: «или-де мне велишь покинуть все и в пустыню пойти?» Аз же его понаказав, и не велел ему келарства покидать, токмо бы, хотя втай, держал старое предание отеческое. Он же, поклоняся, отъиде к себе и на утро за трапезою всей братье сказал. Людие же бесстрашно и дерзновенно ко мне побрели, просяще благословения и молитвы от меня; а я их учю от писания и пользую словом Божиим; в те времена и врази кои были, и те примирились тут. Увы! коли оставлю суетный сей век? Писано: «горе, ему же рекут добре вси человецы»*. Воистинну не знаю, как до краю доживать: добрых дел нет, а прославил бог! То ведает он, — воля ево.

Тут же приезжал ко мне втай с детьми моими Феодор покойник, удушенной мой*, и спрашивался со мною: «как-де прикажешь мне ходить — в рубашке ли по-старому или в платье облещись? — еретики-де ищут и погубить меня хотят. Был-де я на Резани под началом, у архиепископа на дворе, и зело-де он, Иларион, мучил меня, — реткой день, коли плетми не бьет, и скована в железах держал, принуждая к новому антихристову таинству*. И я-де уже изнемог, в нощи моляся и плача, говорю: „господи! аще не избавишь мя, осквернят меня, и погибну. Что тогда мне сотворишь?“» — И много плачючи говорил. — «А се-де вдруг, батюшко, железа все грянули с меня, и дверь отперлась, и отворилася сама. Я-де богу поклоняся, да и пошел; к воротам пришел — и ворота отворены! Я-де по большой дороге, к Москве напрямик! Егда-де россветало, — ано погоня на лошедах! Трое человек мимо меня пробежали — не увидели меня. Я-де надеюся на Христа, бреду-таки впредь. Помале-де оне едут навстречю ко мне, лают меня: ушел-де, блядин сын, — где-де ево возьмешь! Да и опять-де проехали, не видали меня. И я-де ныне к тебе спроситца прибред: туды ль-де мне опять мучитца пойти или, платье вздев, жить на Москве?» — И я ему, грешной, велел вздеть платье³⁶. А однако не ухоронил от еретических рук — удавили на Мезени, повеся на виселицу. Вечная ему память и с Лукою

---

³⁶ В место этой фразы в редакции В: Я, подумав, велел ему платье носить и посреде людей таяся жить (л. 68).

Лаврентьевичем! Детушки миленькие мои, пострадали за Христа! Слава богу о них!

Зело у Федора тово крепок подвиг был: в день юродствует, а ночь всю на молитве со слезами. Много добрых людей знаю, а не видал подвижника такова! Пожил у меня с полгода на Москве, — а мне еще не моглося, — в задней комнатке двое нас с ним, и, много час-другой, полежит да и встанет; 1000 поклонов отбросает, да сядет на полу и иное, стоя, часа с три плачет, а я таки лежу — иное сплю, а иное неможется; егда уж наплачется гораздо, тогда ко мне приступит: «долго ли тебе, протопоп, лежать тово, образумься, — веть ты поп! как сороманет?» И мне неможется, так меня подымает, говоря: «встань³⁷, миленькой батюшко, — ну, таки встащися как-нибудь!» Да и роскачает меня. Сидя мне велит молитвы говорить, а он за меня поклоны кладет. То-то друг мой сердечной был! Скорбен, миленькой, был с перетуги великия: черев из него вышло в одну пору три аршина, а в другую пору пять аршин³⁸. Неможет, а кишки перемеряет. И смех с ним и горе! На Устюге пять лет беспрестанно мерз на морозе бос, бродя в одной рубашке: я сам ему самовидец. Тут мне учинился сын духовной, как я из Сибири ехал. У церкви в полатке, — прибегал молитвы ради, — сказывал: «как-де от мороза тово в тепле том станешь, батюшко, отходить, зело-де тяшко в те поры бывает», — по кирпичью тому ногами теми стучает, что коченьем, а на утро и опять не болят. Псалтырь у него тогда была новых печатей в келье, — маленько еще знал о новизнах; и я ему рассказал подробну про новыя книги; он же, схватав книгу, тотчас и в печь кинул, да и проклял всю новизну. Зело у него во Христа горяча была вера!³⁹ Да что много говорить? — как начал, так и скончал! Не на баснях проходил подвиг, не как я, окаянной; того ради и скончался боголепне⁴⁰. Хорош был и Афонасьюшко* миленькой, сын же мне духовной, во иноцех Авраамий, что отступники на Москве в огне испекли, и

---

³⁷ Епифанием добавлено: «ж».

³⁸ После этих слов в редакции В: от тяготы зимняя и от побой (л. 68 об.).

³⁹ Епифанием порядок слов изменен: «вера была».

⁴⁰ В место: Псалтырь у него тогда была... и скончался боголепне. — в редакции В: Отец у него в Новгороде богат гораздо, сказывал мне, мытонец-де, Феодором же зовут, а он уроженец мезеньской, и баба у него, и дядя, и вся родня на Мезени. Бог из-

яко хлеб сладок принесется святей троице⁴¹. До иночества бродил босиком же в одной рубашке и зиму и лето; только сей Феодора посмирнее и в подвиге малехнее покороче. Плакать зело же был охотник: и ходит и плачет. А с кем молыт, — и у него слова тихо и гладко, яко плачет. Феодор же ревнив гораздо был и зело о деле божии болезнен; всяко тщится разорити и обличити неправду. Да пускай их! Как жили, так и скончались о Христе Иусе, госпде нашем.

Еще вам побеседую о своей волоките. Как привезли меня из монастыря Пафнутьева к Москве, и поставили

волил, и удавили его на виселице отступники у родни на Мезени. А уродствовать тово как обещался богу, да солгал, так-де морем ездил на ладье к городу с Мезени, и погодою било нас, и не ведаю-де, как упал в море, а ногами зацепился за петлю и долго висел: голова в воде, а ноги вверху; и на ум-де взбрело обещание: яко не солгу, аще от потопления мя бог избавит. И не вем-де, кто силен — выпехнул меня из воды на полубы; с тех-де мест стал странствовать. Домой приехав, житие свое девством прошел, бог изволил. Многие борьбы блудныя бывали, да всяко сохранил владыко; слава богу о нем, и умер за христианскую веру! Добро, он уже скончал свой подвиг: как-то еще мы до пристанища доедем? Во глубине еще плоем, берегу не видеть, грести надобе прилежно, чтоб здорово за дружиною в пристанище достигнуть. Старец, не станем много спать: дьявол около темниц наших бодро зело ходит, хочется ему нас гораздо, да силен Христос и нас не покинуть. Я дьявола не боюсь, боюсь господа своего, творца и содетеля и владыки; а дьявол — какая диковина, чево ево бояцца! Бояцца подобает бога и заповеди его соблюдать, так и мы со Христом ладно до пристанища доедем (л. 68 об.—69 об.).

⁴¹ После этих слов в редакции В: Павел Крутицкой* за бороду ево драл и по щокам бил своими руками, а он истиха писанием обличал их отступление; таж и плетьми били и, муча всяко, кончали во огне за старую нашу христианскую веру. Он же скончался о Христе Иусе, после Феодорова удавления два года спустя.

И Лука Лаврентиевич сын же мне был духовной, что на Мезени вместе с Феодором удавили те же отступники, на виселице повеся; смирен нрав имел, покойник: говорил, яко плакал, москвитин родом, у матери вдовы сын был одиночаден, сапожник чином, молод леты — годов в полтретьятцеть — да ум столетен. Егда вопроши его Пилат: «как ты, мужик, крестисься?» — он же отвеща: «как батюшко мой, протопоп Аввакум, так и я крещуся». И, много говоря, предаде его в темницу; потом с Москвы указали удавить, так же, что и Феодора, на виселице повеся; он же и скончался о Христе Иусе.

Милые мои, сердечные други, помогайте и нам, бедным, молитвами своими, да же бы и нам о Христе подвиг сей мирно скончати. Полно мне про детей тех говорить, стану паки про себя сказывать (л. 70—70 об.).

на подворье, и, волоча многажды в Чюдов⁴², поставили перед вселенских патриархов*, и наши все тут же, что лисы, сидели, — от писания с патриархами говорил много; бог отверз грешные мое уста*, и посрамил их Христос! Последнее слово ко мне рекли: «что-де ты упрям? вся-де наша палестина, — и серби, и албанасы, и волóхи, и римляне, и ляхи, — все-де трема персты крестятся, один-де ты стоишь во своем упорстве и крестисься пятью персты! — так-де не подобает!»* И я им о Христе отвечал сице: «вселенстии учителие! Рим давно упал и лежит неисклонно, и ляхи с ним же погибли, до конца зраги быша християном. А и у вас православие пестро стало от насилия турскаго Магмета*, — да и дивить на вас нельзя: немощни есте стали. И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, божиею благодатию, самодержество. До Никона-отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь немятежна*. Никон-волк со дьяволом предали трема персты креститца; а первые наши пастыри яко же сами пятью персты крестились, такоже пятью персты и благословляли по преданию святых отец наших Мелетия антиохийскаго и Феодорита Блаженнаго, епископа киринейскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека*. Еще же и московский поместный бывый собор при царе Иване так же слагая персты креститися и благословляти повелевает, яко ж прежнии святии отцы Мелетий и прочии научиша*. Тогда при царе Иване быша на соборе знаменосцы Гурий и Варсонофий, казанские чудотворцы, и Филипп, соловецкий игумен, от святых русских»*. И патриарси задумалися; а наши, что волчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцев своих, говоря: «глупы-де были и не смыслили наши русские святые, не учоные-де люди были, — чему им верить? Они-де грамоте не умели!» О, боже святой! како претерпе святых своих толика досаждения? Мне, бедному, горько, а делать нечева стало. Побранил их, побранил их, колько мог, и последнее слово рекл: «чист есмь аз, и прах прилепший от ног своих отрясаю* пред вами, по писанному: „лучше един творяй волю Божию, нежели тьмы беззаконных!“»* Так на меня и пуши закричали: «возьми, возьми его!»* — всех нас обесчестил!» Да толкать и бить меня стали; и патриархи са-

---

⁴² После этих слов в редакции В: грызлися, что собаки, со мною власти (л. 70 об.).

ми на меня бросились, человек их с сорок, чаю, было*, — велико антихристово войско собралось! Ухватил меня Иван Уаров* да потащил. И я закричал: «постой, — не бейте!» Так оне все отскочили. И я толмачю-архимариту* говорить стал: «говори патриархам: апостол Павел пишет: „таков нам подобаше архиерей — преподобен, незлобив“*, и прочая; а вы, убивше человека, как литоргисать станете?» Так оне сели. И я отшел ко дверям да набок повалился: «посидите вы, а я полежу», говорю им. Так оне смеются: «дурак-де протопоп-от! и патриархов не почитает!» И я говорю: «мы уроди Христа ради; вы славни, мы же бесчестни; вы сильни, мы же немощни!»* Потом паки ко мне пришли власти и про аллилуйя стали говорить со мною. И мне Христос подал — посрамил в них римскую ту блядь Дионисием Ареопагитом, как выше сего в начале реченно. И Евфимей, чюдовской келарь, молил: «прав-де ты, — нечева-де нам больши тово говорить с тобою». Да и повели меня на чепь.

Потом полуголову царь прислал со стрельцами, и повезли меня на Воробьевы горы*; тут же священника Лазоря и инока Епифания старца*; острижены и обруганы, что мужички деревенские, миленькие! Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя. Да пускай их терпят! Что о них тужить? Христос и лутче их был, да тож ему, свету нашему, было от прадедов их, от Анны и Каиафы*; а на нынешних и дивить нечева: с обрасца делают! Потужить надобно о них, о бедных. Увы, бедные никонияня! погибаете от своего злаго и непокориваго нрава!

Потом с Воробьевых гор перевели нас на Андреевское подворье, таже в Савину слободку. Что за разбойниками, стрельцов войско за нами ходит и срать провожают; помянется, — и смех и горе, — как-то омрачил дьявол! Таж к Николе на Угрешу; тут государь присылал ко мне голову Юрья Лутохина благословения ради, и кое о чем много говорили⁴³.

Таже опять ввезли в Москву нас на Никольское подворье и взяли у нас о правоверии еще скаски. Потом ко мне комнатные люди многожды присыланы были, Артемон и Дементей, и говорили мне царевым глаголом: «протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное и бого-

---

⁴³ Вместо последних двух абзацев в редакции В: Потом полуголову царь прислал со стрельцами, и повезли

подражательное житие, прошу-де твоего благословения и с царицею и с чады, — помолися о нас!» Кланяючись, посланник говорит. И я по нем всегда плачу; жаль мне сильно ево. И паки он же: «пожалуй-де послушай меня: соединишь со вселенскими теми хотя небольшим чем!» И я говорю: «еще и умрети ми бог изволит, с отступниками не соединюся! Ты, — реку, — мой царь; а им до тебя какое дело? Своево, — реку, — царя потеряли, да и тебя проглотить сюды приволоклися! Я, — реку, — не сведу рук с высоты небесная, дондеже бог тебя отдаст мне». И много тех присылок было. Кое о чем говорено. Последнее слово рек: «где-де ты ни будешь, не забывай нас в молитвах своих!»* Я и ныне, грешной, елико могу, о нем бога молю⁴⁴.

меня на Воробьевы горы; тут же священника Лазаря и старца Епифания, обруганы и острижены, как и я был прежде. Поставили нас по разным дворам; неотступно 20 человек стрельцов, да полуголова, да сотник над нами стояли: берегли, жаловали, и по ночам с огнем сидели, и на двор срать провожали. Помилуй их, Христос! прямые добрые стрельцы те люди, и дети таковы не будут, мучатся туды жо, с нами возяся; нужица та какова прилучится, и оне всяко, миленькие, радуют. Да што много рассуждать? У спаса оне лутче чернцов тех, которые клубуки те рогатые ставцами теми носят*. Полно, оне, горюны, испивают допьяна да матерны бранятся, а то бы оне и с мучениками равны были. Да што же делать, и так их не покинет бог!

Таже нас перевезли на Ондреевское подворье. Тут приезжал ко мне шпынять от тайных дел Дементей Башмаков; бытто без царя ведома был, а опосле, бывше у меня, сказал — по цареву велению был. Всяко, бедные, умышляют, как бы им меня прельстить, да бог не выдаст за молитв пречистые богородицы: она меня, помощница, обороняет от них.

А на Воробьевых горах дьяк, конюшей, Тимофей Марков от царя прислан и у всех был. Много кое-чево говоря, с криком разошлись и со стыром большим. Я после ево написал послание и с сотником Иваном Лобковым к царю послал*; кое о чем многонько поговоря, и благославление ему, и царице, и детям приписал.

Потом, держав на Воробьевых горах, и на Ондреевском подворье и в Савине слободке, к Николе на Угрешу перевезли; тут голову Юрья Лутохина ко мне опять царь прислал и за послание «спаси бог» с поклоном большое сказал, и благословения себе, и царице, и детям прося, молитца о себе приказал (л. 73 об.—74 об.).

⁴⁴ После этих слов в редакции В: Еще и мучит мя, но царь бо то есть; бывало время, и впрямь добр до нас бывал. До Никона-злодея, прежде мору, к Казанской пришед, у руки мы были, яйцами нас делил: и сын мой Иван маленек еще был и не прилучился подле меня, а он, государь, знает гораздо ево, послал брата моево роднова сыскивать робенка, а сам долго, стоя, ждал, докамест брат на улице робенка сыскал; руку ему дает целовать, и робенок глуп, не смыслит; видит, что не поп,—так не хочет цело-

[ПУСТОЗЕРСКАЯ ССЫЛКА]

Таже, братию казня, а меня не казня, сослали* в Пустозерье⁴⁵. И я из Пустозерья послал к царю два послания: первое невелико, а другое больши. Кое о чем говорил. Сказал ему в послании и богознамения некая, показанная мне в темницах; тамо чтый да разумеет*. Еще же от меня и от братии дьяконово снискание послано в Москву, правоверным гостинца, книга «Ответ православных» и обличение на отступническую блудню. Писано в ней правда о догматах церковных*. Еще же и от Лазаря священника посланы два послания царю и патриарху*. И за вся сия присланы к нам гостинцы: повесили на Мезени в дому моем двух человек, детей моих духовных, — преждедеченного Феодора юродиваго да Луку Лаврентьевича, рабов Христовых. Лука та московской жилец, у матери-вдовы сын был единочаден, усмарьчином, юноша лет в полтретьятцеть; приехал на Мезень по смерть с детьми моими. И егда бысть в дому моем всегубительство, спросил его Пилат*: «как ты, мужик, крестисься?» Он же отвеща смиренномудро: «я так верую и крещуся, слагая персты, как отец мой духовной, протопоп Аввакум». Пилат же повеле его в темницу затворити, потом, положа петлю на шею, на релех повесил. Он же от земных на небесная възиде. Больши тово что ему могут сделать? Аще и млад, да по-старому сделал: пошел себе ко владыке. Хотя бы и старой так догадался! В те жо поры и сынов моих родных двоих, Ивана и Прокопья, велено ж повесить; да оне, бедные, оплошали и не

вать; и государь сам руку к губам робенку принес, два яйца ему дал и погладил по голове. Ино-су и сие нам надобе не забывать, не от царя нам мука сия, но, грех ради наших, от бога дьяволу попущено озлобити нас, да же, искусяся ныне вечнаго искушения уйдем. Слава богу о всем (л. 75 об.—76).

⁴⁶ Вместо этого предложения в редакции В: Таже братию — Лазаря и старца — казня, вырезав языки, а меня и Никифора-протопопа не казня, сослали нас в Пустозерье, а двоих сынов моих — Ивана и Прокопья — оставили на Москве за поруками, и оне, бедные, мучились годы с три, уклоняся от смерти властелинскаго навета: где день, где ночь, никто держать не смеет, и кое-как на Мезень к матери прибрели*; не пожили и с год, ано и в землю попали. Да пускай! лутче пустые бродни, чем по улицам бродить. Я беспрестанно бога о том молю: «господи, аще хотим, аще и не хотим, спаси нас!» И господь и промышляет о нашем спасении помаленьку; пускай потерлим токо, а то пригодится не в кую пору; тогда слюбится, как время будет (л. 76 об.).

догадались венцов победных ухватити: испужався смерти, повинились⁴⁶. Так их и с матерью троих в землю живых закопали. Вот вам и без смерти смерть! Кайтесь, сидя, дондеже дьявол иное что умыслит. Страшна смерть: недивно! Некогда и друг ближний Петр отречется и, *исшед вон, плакася горько* и слез ради прощен бысть*. А на робят и дивить нечева: моего ради согрешения попушено им изнеможение. Да уж добро; быть тому так! Силен Христос всех нас спасти и помиловати⁴⁷.

Посем той же полуголова* Иван Елагин был и у нас в Пустозерье, приехав с Мезени, и взял у нас скаску. Сице реченно: год и месяц, и паки: «мы святых отец церковное предание держим неизменно, а палестинскаго патриарха Паисея с товарищи еретическое соборище проклинаем». И иное там говорено многонько, и Никону, завотчику ересям, досталось небольшое место. Посем привели нас к плахе и, прочет наказ, меня отвели, не казня, в темницу. Чли в наказе: Аввакума посадить в землю в струбе и давать ему воды и хлеба. И я сопротив тово ялюнул и умереть хотел, не едши, и не ел дней с восемь и больши, да братья паки есть велели⁴⁸.

---

⁴⁶ После этих слов в редакции В: «Виноваты пред богом и пред великим государем», а неведомо, что сзоровали (л. 77 об.).

⁴⁷ Вместо: Вот вам и без смерти смерть... спасти и помиловати. — в редакции В: да по правилам так оне сделали, спаси бог. Того ради, робята, не бойтесь смерти, держите старое благочестие крепко и непоползновенно! А мать за то сидит с ними, чтоб впредь детей подкрепляла Христа ради умирати, и жила бы, не розвешав уши; а то баба, бывало, нищих кормит, сторонних научает, как слагать персты, и креститца, и творить молитва, а детей своих и забывла подкрепить, чтоб на висилцу пошли и с доброю дружиною* умерли заодно Христа ради. Ну, да бог вас простит, не дивно, что так сделали, — и Петр-апостол некогда убоялся смерти и Христа отрекся, и о сем плакася горько, таже помилован и прощен бысть. А и о вас некогда молящу ми ся тошно, и видев вашу пред собою темницу и вас троих на молитве стоящих в вашей темнице, а от вас три столпа огнены к небесем стоят простерты. Аз с тех мест обрадовался и лехче мне стало, яко покаяние ваше приял бог. Слава о сем богу! (л. 77 об.—78).

⁴⁸ Вместо: и, прочет наказ... есть велели. — в редакции В: ...и прочитали наказ: «изволил-де государь, и бояря приговорили, тебя, Аввакума, вместо смертные казни учинить струб в землю и, сделав окошко, давать хлеб и воду, а прочим таварищам резать без милости языки и сечь руки». И я, плюнув на землю, говорил: «я, — реку, — плюю на ево кормлю; не едше, умру, а не предам благоверия». И потом повели меня в темницу, и не ел дней с десятк, да братья велели (л. 78 об.).

Посем Лазаря священника взяли и язык весь вырезали из горла; мало пошло крови, да и перестала. Он же и паки говорит без языка. Таже, положи правую руку на плаху, по запястье отсекали, и рука отсеченая, на земле лежа, сложила сама персты по преданию и долго лежала так пред народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение спасителево неизменно. Мне-су и самому сие чудно: бездушная одушевленных обличает! Я на третьей день у него во рте рукою моею щупал и гладил: гладко все, — без языка, а не болит. Дал бог, во временне часе исцелело. На Москве у него резали: тогда осталось языка, а ныне весь без остатку резан; а говорил два годы чисто, яко и с языком. Егда исполнилися два годы, иное чудо: в три дни у него язык вырос совершенной, лишь маленько тупенек, и паки говорит, беспрестанно хваля бога и отступников порицая⁴⁹.

Посем взяли соловецкаго пустытника, инока-схимника Елифания старца, и язык вырезали весь же; у руки отсекали четыре перста. И сперва говорил гугниво. Посем молил пречистую богоматерь, и показаны ему оба языки, московской и здешней, на воздуже; он же, един взяв, положил в рот свой, и с тех мест стал говорить чисто и ясно, а язык совершен обретется во рте. Дивна дела господня и неизреченны судьбы владычни! — и казнить попускает, и паки целит и милует! Да что много говорить? Бог — старой чудотворец от небытия в бытие приводит. Во се петь в день последний всю плоть человечесю во мгновении ока воскресит. Да кто о том рассудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет. Слава ему о всем!

Посем взяли дьякона Феодора; язык вырезали весь же, оставили кусочик небольшой во рте, в горле накость резан⁵⁰; тогда на той мере и зажил, а опосле и опять со старой вырос и за губы выходит, притуп маленько. У не-

---

⁴⁹ Вместо: Дал бог... и отступников порицая. — в редакции В: ...а говорит, яко и прежде. Играет надо мною: «щупай, протопоп, забей руку в горло то, небось, не откушу!» И смех с ним, и горел! Я говорю: «чево щупать, на улице язык бросили!» Он же сопротив: «собаки оне, вражьи дети! пускай мои едят языки». Первой у него лехче и у старца на Москве резаны были, а ныне жестоко гораздо. А по дву годах и опять иной язык вырос, чудно, с первой же величиною, лишь маленько тупенек (л. 79—79 об.).

⁵⁰ После этих слов в редакции В: не милость показуя, но руки не послужили — от дрожи и трепета нож из рук валлся (л. 81 об.).

во же отсекли руку поперег ладони. И все, дал бог, стало здорово, — и говорит ясно против прежнеева и чисто.

Таже осыпали нас землею; струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырьми замками; *стражие же пре[д] дверьми стражаху темницы**. Мы же, здесь и везде сидящи в темницах, поем пред владыкою Христом, сыном божиим, Песни Песням, их же Соломан воспе, зря на мать Вирсавию: «се еси добра, прекрасная моя! се еси добра, любимая моя! очи твои горят, яко пламень огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных луч, и зся в красоте сияешь, яко день в силе своей»* (Хвала о церкви)⁵¹.

Таже Пилат, поехав от нас, на Мезени достроя, возвратился в Москву. И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число бог изочтет. Чюдо, как то в познании не хотят приити: огнем, да кнутом, да висилицею хотят веру утвердить! Которые-то апостоли научили так? — не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить, еже бы огнем, да кнутом, да висилицею в веру приводить. Но господем реченно ко апостолом сице: «шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится — спасен будет, а иже не имет веры — осужден будет»*. Смотри, слышателю, волею зовет Христос, а не приказал апостолом непокаряющихся огнем жечь и на висилицах вешать. Татарской бог Магмет написал во своих книгах сице: «непокаряющихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити». А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел. И те учителя явны, яко шиши антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же. Писано во Евангелии: «не может древо добро плод зол творити, ниже древо зло плод добр творити»*: от плода бо всяко древо познано бывает. Да што много говорить? аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы. Кому охота венчатца, не по што ходить в Персиду, а то дома Вавилон*. Ну-тко, правоверне, нарцы имя Христово, стань среди Москвы, прекрестися знаменем спасителя нашего Христа, пятью персты, яко же

⁵¹ Слова, заключенные в скобки, в автографе обведены.

прияхом от святых отец: вот тебе царство небесное дома родилось! Бог благословит: мучься за сложение перст, не рассуждай много! А я с тобою же за сие о Христе умрети готов. Аще я и не смыслен гораздо, неука человек, да то знаю, что вся в церкви, от святых отец преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти, яко же приях; *не предлагаю предел вечных, до нас положено**: лежи оно так во веки веком! Не блуди, еретик, не токмо над жертвою Христовою и над крестом, но и пелены не шевели. А то удумали со дьяволом книги перепечатать, вся переменить — крест на церкви и на просвирах переменить*, внутрь олтаря молитвы иерейские откинули, ектеньи переменили, в крещении явно духу лукавому молитца велят, — я бы им и с ним в глаза наплевал, — и около купели против солнца лукаво-ет их водит, такоже и церкви свята, против солнца же и брак венчав, против солнца ж водят*, — явно противно творят, — а в крещении и не отрицаются сатоны. Чему быть? — дети ево: коли отца своево отрицатися захотят! Да что много говорить? Ох, правоверной душе! — вся горняя долу быша. Как говорил Никон, адов пес, так и сделал: «печатай, Арсен*, книги как-нибудь, лишь бы не по-старому!» — так-су и сделал. Да больши тово нечем переменить. Умереть за сие всякому подобает. Будьте оне прокляты, окаянные, со всем лукавым замыслом своим, а стражущим от них вечная память 3-ж!⁵²

Посем у всякаго правовернаго прощения прошу: иное было; кажется, про житие то мне и не надобно говорить; да прочтох Деяния апостольская и Послания Павлова, — апостоли о себе возвещали же, е[г]да что бог соделает в них: *не нам, богу нашему слава**. А я ничто ж есмь. Рекох, и паки реку: аз есмь человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам и всякому человеку лицемерец окаянной. Простите же и молитесь о мне, а я о вас должен, чтущих и послушающих. Больши тово жить не умею; а что сделаю я, то людям и сказываю; пускай богу молятся о мне! В день века вси жо там познают соделанная мною — или благая или злая. Но аще и не учен словом, но не разумом; не учен диалектика и риторики и философии, а разум Христов в себе имам, яко ж и апостол глаголет: «аще и невежда словом, но не разумом»*.

---

⁵² Так в автографе, то есть «трижды».

Простите, — еще вам про невежество свое побеседую. Ей, сглупал, отца своего запове[дь] преступил, и сего ради дом мой наказан бысть; вни[май] бога ради, како бысть. Егда еще я попом бысть, духовник царев, протопоп Стефан Вонифантьевич, благословил меня образом Филиппа митрополита да книгою святаго Ефрема Сирина*, себя пользоваться, прочитая, и люди. Аз же, окаянный, презрев отеческое благословение и приказ, ту книгу брату двоюродному, по докуке ево, на лошедь променял. У меня же в дому был брат мой родной, именем Евфимей, зело грамоте горазд и о церкви велико прилежание имел; напоследок взят был к бо[ль]шой царевне в Верх во псаломщики, а в мор и с женою скончался. Сей Евфимей лошедь сию поил и кормил и гораздо об ней прилежал, презирая правило многажды. И виде бог неправду в нас с братом, яко неправо по истинне ходим, — я книгу променял, отцову заповедь преступил, а брат, правило презирая, о скотине прилежал, — изволил нас владыко сице наказать: лошедь ту по ночам и в день стали беси мучить, — всегда мокра, заезжена, и еле жива стала. Аз же недоумеюся, коея ради вины бес так озлобляет нас. И в день неделный после ужина, в келейном правиле, на полунощнице, брат мой Евфимей говорил кафизму непорочную и завопил высоким гласом: «*призри на мя и помилуй мя!*»* — и, испустя книгу из рук, ударился о землю, от бесов поражен бысть, — начат кричать и вопить гласы неудобными, понеже беси ево жестоко начаша мучить. В дому же моем иные родные два брата — Козьма и Герасим — больши ево, а не смогли удержать ево, Евфимия; и всех домашних человек с тритцеть, держа ево, рыдают и плачут, вопиюще ко владыке: «*господи помилуй, согрешили пред тобою, прогневали твою благостыню, прости нас, грешных, помилуй юношу сего, за молитв святых отец наших!*» А он пуши бесится, кричит и дрожит, и бьется. Аз же, помощию божиею, в то время не смутихся от голки тоя бесовския. Кончавше правило, паки начях молитися Христу и богородице со слезами, глаголя: «*вла-*

⁵³ В настоящем издании рассказы («повести») разделяются пробелом, поскольку в автографе в одном случае они графически отделены небольшим пробелом, что свидетельствует об осознании Аввакумом их относительной самостоятельности (в других случаях в автографе рассказы отделяются особым разделительным знаком).

дычице моя, пресвятая богородице! покажи, за которое мое согрешение таковое ми бысть наказание, да, уразумею, каюся пре[д] сыном твоим и пред тобою, впредь тово не стану делать!» И, плачючи, послал во церковь по Потребник и по святую воду сына своего духовнаго Симеона — юноша таков же, что и Евфимей, лет в четырнатцеть, дружно меж себя живуще Симеон со Евфимием, книгами и правилом друг друга подкрепляюще и веселящися, живуще оба в подвиге крепко, в посте и молитве. Той же Симеон, плакав по друге своем, сходил во церковь и принес книгу и святую воду. Аз же начах действовать над обуреваемым молитвы Великаго Василия с Симеоном: он мне строил кадило и свечи и воду святую подносил, а прочии держали беснующагося. И егда в молитве речь дошла: «аз ти о имени господни повелеваю, душе немый и глухий, изыди от создания сего и к тому не вниди в него, но иди на пустое место, идеже человек не живет, но токмо бог призывает»*, — бес же не слушает, не идет из брата. И я паки ту же речь в другоряд, и бес еще не слушает, пуши мучит брата. Ох, горе мне! Как молить? — и сором, и не смею. Но по старцову Епифаниеву повелению говорю; сице было: взял кадило, покадил образы и беснова и потом ударился о лавку, рыдав на мног час. Восставше, ту же Василиеву речь закричал к бесу: «изыди от создания сего!» Бес же скорчил в кольцо брата и, пружався, изыде и сел на окошко; брат же быв яко мертв. Аз же покropил ево водою святою; он же, очхняся, перстом мне на беса, сидящаго на окошке, показывает, а сам не говорит, связавшуся языку его. Аз же покropил водою окошко, и бес сошел в жерновный угол. Брат же и там ево указывает. Аз же и там покropил водою, бес же оттоля пошел на печь. Брат же и там указывает. Аз же и там тою же водою. Брат же указал под печь, а сам прекрестился. И аз не пошел за бесом, но напоил святою водою брата во имя господне. Он же, воздохня из глубины сердца, сице ко мне проглагола: «спаси бог тебя, батюшко, что ты меня отнял у царевича и двух князей бесовских! Будет тебе бить челом брат мой Аввакум за твою доброту. Да и мальчику тому спаси бог, которой в церковь по книгу и по воду ту ходил, пособлял тебе с ними битца. Подобием он, что и Симеон же, друг мой. Подле реки Сундовика* меня водили и били, а сами говорят: „нам-де ты отдан за то, что брат твой Аввакум на лошедь променял книгу, а ты-де ея любишь“; так-де мне надобе брату по-

говорить, чтоб книгу ту назад взял, а за нея бы дал деньги двоюродному брату». И я ему говорю: «я, — реку, — свет, брат твой Аввакум». И он мне отвещал: «какой ты мне брат? Ты мне батько; отнял ты меня у царевича и у князей; а брат мой на Лопатищах живет, — будет тебе бить челом». Аз же паки ему дал святые воды; он же и судно у меня отнимает и съестъ хочет, — сладка ему бысть вода! Изошла вода, и я пополоскал и давать стал; он и не стал пить. Ночь всю зимнюю с ним простряпал; маленько я с ним полежал и пошел во церковь заутреню петь; и без меня беси паки на него напали, но лехче прежнева. Аз же, пришед от церкви, маслом ево посвятил, и паки беси отъидоша, и ум цел стал; но дряхла бысть, от бесов изломан: на печь поглядывает и оттоля боится; егда куды отлучюся, а беси и наветовать ему станут. Бился я с бесами, что с собаками, недели с три за грех мой, дондеже взял книгу и деньги за нея дал. И ездил к другу своему Илариону игумну: он просвиру вынял за брата; тогда добро жил, — что ныне архиепископ резанской, мучитель стал христианской*. И иным духовным я бил челом о брате, и умолили бога о нас, грешных, и освобожден от бесов бысть брат мой. Таково то зло заповеди преступление отеческой! Что же будет за преступление заповеди господня? Ох, да только огонь да мука! Не знаю, дни коратать как! Слабоумием объят и лицемерием, и лжею покрыт есмь, братоненавидением и самолюбием одеян, во осуждении всех человек погибаю, и мняся нечто быти, а кал и гной есмь, окаянной, — прямое говно! отвсюду воняю — душою и телом. Хорошо мне жить с собаками да со свиньями в конурах: так же и оне воняют, что и моя душа, злосмрадною вонею. Да свиньи и псы по естеству, а я от грехов воняю, яко пес мертвой, повержен на улице града. Спаси бог властей тех, что землю меня закрыли: себе уж хотя воняю, злая дела творяще, да иных не соблажняю. Ей, добро так.

Да и в темницу ту ко мне бешаной зашел, Кирилушко, московской стрелец, караульщик мой. Остриг ево аз, и вымыл, и платье переменил, — зело вшей было много. Замкнуты мы с ним двое⁵⁴ жили, а третьей с нами Христос и пречистая богородица. Он, миленькой, бывало срет и сцят под себя, а я ево очищаю. Есть и пить про-

---

⁵⁴ Далее еще раз повторяется «с ним», обведенное чернилами, то есть исключенное из текста.

сит, а без благословения взять не смеет. У правила стоять не захочет, — дьявол сон ему наводит, и я постегая чотками, так и молитву творить станет и кланяется за мною, стоя. И егда правило скончаю, он и паки бесноватися станет. При мне беснуется и шалует, а егда ко старцу пойду посидеть в ево темницу, а ево положу на лавке, не велю ему вставать и благословляю его, и, докамест у старца сижу, лежит, не встанет, богом привязан, — лежа беснуется. А в головах у него образы и книги, хлеб и квас и прочая, а ничево без меня не тронет. Как прииду, так встанет, и дьявол, мне досаждая, блудить заставляет. Я закричу, так и сядет. Егда стряпаю, в то время есть просит и украсть тщится до времени обеда; а егда пред обедом «Отче наш» проговорю и благословляю, так тово брашна и не ест — просит неблагословеннова. И я ему силою в рот напехаю, и он и плачет, и глотает. И как рыбою покормлю, тогда бес в нем вздивиячится, а сам из него говорит: «ты же-де меня ослабил!»* И я, плакався пред владыкою, опять постом стягну и окрочу ево Христом. Таже маслом ево освятил, и отрадило ему от беса. Жил со мною с месяц и больши. Перед смертию образумился. Я исповедал ево и причастил, он же и преставился, миленькой, скоро. И я, гроб купя и саван, велел погребсти у церкви; попом сорокоуст дал. Лежал у меня мертвой сутки, и я ночью, востав, помоля бога, благословя ево, мертвова, и с ним поцеловався, опять подле его спать лягу. Таварищ мой миленькой был! Слава богу о сем! Ныне он, а завтра я также умру.

Да у меня ж был на Москве бешаной, — Филипом звали, — как я из Сибири выехал. В углу в ызбе⁵⁵ прикован был к стене, понеже в нем бес был суров и жесток гораздо, бился и дрался, и не могли с ним домочадцы ладить. Егда ж аз, грешный, со крестом и с водою прииду, повинен бывает и, яко мертв, падает пред крестом Христовым и ничево не смеет надо мною делать. И молитвами святых отец сила божия отгнала от него беса, но токмо ум еще несовершен был. Феодор был над ним юродивой приставлен, что на Мезени веры ради Христовы отступники удавили, — Псалтырь над Филиппом говорил и учил ево Исусовой молитве. А я сам во дни отлучаше-

---

⁵⁵ Епифанием цифрами над строкой указана перестановка слов: «в ызбе в углу».

ся от дому, токмо в нощи действовал над Филиппом. По некоем времени пришел я от Феодора Ртищева зело печален, понеже в дому у него с еретиками шумел много о вере и о законе; а в моем дому в то время учинилося нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фетиньею меж собою побранились, — дьявол ссорил ни за што. И я, пришед, бил их обеих и оскорбил гораздо, от печали⁵⁶; согрешил пред богом и пред ними. Таже бес вздвигял в Филиппе, и начал чепь ломать, бесясь, и кричать неудобно. На всех домашних нападе ужас, и зело голка бысть велика. Аз же без исправления приступил к нему, хотя ево укротити; но не бысть по-прежнему. Ухватил меня и учал бить и драть и всяко меня, яко паучину, терзает, а сам говорит: «попал ты мне в руки!» Я токмо молитву говорю, да без дел не пользует и молитва. Домашние не могут отнять, а я и сам ему отдался. Вижу, что согрешил: пускай меня бьет. Но, — чюден господь! — бьет, а ничто не болит. Потом бросил меня от себя, а сам говорит: «не боюсь я тебя!» Так мне в те поры горько стало: «Бес, — реку, — надо мною волю взял!» Полежал маленько, с совестью собрался. Воставше, жену свою сыскал и пред нею стал прощатца со слезами, а сам ей, в землю кланяся, говорю: «согрешил, Настасья Марковна, — прости мя, грешнаго!» Она мне также кланяется. Посем и с Фетиньею тем же образом простился. Таже лег среди горницы и велел всякому человеку бить себя плетью по пяти ударов по окаянной спине: человек было с дватцеть, — и жена, и дети, все, плачючи, стегали. А я говорю: «аще кто бить меня не станет, да не имать со мною части во царствии небеснем!»* И оне нехотя бьют и плачют; а я ко всякому удару по молитве. Егда ж все отбили, и я, воставше, сотворил пред ними прощение. Бес же, видев неминучую, опять вышел вон из Филиппа. И я крестом ево благословил, и он по-старому хорош стал. И потом исцелел божиею благодатию о Христе Исусе, госпode нашем, ему ж слава.

А егда я был в Сибири, — туды еще ехал, — и жил в Тобольске, привели ко мне бешанова, Феодором звали. Жесток же был бес в нем. Соблудил в велик день с же-

---

⁵⁶ После этих слов в редакции В: Да и всегда таки я, окаянной, сердит, дратца лихой. Горе мне за сие! (л. 90 об.).

ною своею, наругая праздник, — жена ево сказывала, — да и взбесился. И я, в дому своем держа месяца с два, стужал об нем божеству, в церковь водил и маслом освятил, и помиловал бог: здрав бысть, и ум исцеле. И стал со мною на кры[ло]се петь в литоргию; во время переноса и досадил мне*. Аз в то время, побив его на крылосе, и в притворе велел пономарю приковать к стене. И он, вышатав пробой, пуши и первова в[з]бесясь, в обедню ушел на двор к большому воеводе и, сундуки разломав, платье княинино на себя вздел, а их розгонял. Князь же, осердясь, многими людьми в тюрму ево оттащили; он же в тюрме юзников бедных всех перебил и печь разломал. Князь же велел ево в деревню к жене и детям сослать. Он же, бродя в деревнях, велики[е] пакости творил. Всяк бегаёт от него. А мне не дадут воеводы, осердясь. Я по нем пред владыкою плакал всегда. Посем пришла грамота с Москвы, — велено меня сослать из Тобольска на Лену, великую реку. И егда в Петров день собрался в дощеник, пришел ко мне Феодор целоумен, на дощенике при народе кланяется на ноги мои, а сам говорит: «спаси бог, батюшко, за милость твою, что помиловал мя. По пустыни-де я бежал третьева дни, а ты-де мне явился и благословил меня крестом, и беси-де прочь отбежали от меня, и я пришел к тебе поклонитца и паки прошу благословения от тебя». Аз же, на него глядя, поплакал и возрадовался о величии божии, понеже о всех нас печется и промышляет господь: ево исцелил, а меня возвеселил! И поуча ево, благословя, отпустил к жене ево и детям в дом. А сам поплыл в ссылку, моля о нем Христа, сына божия-света, да сохранит его и впредь от неприязни. А назад я едучи, спрашивал про него, и мне сказали: «преставился-де, после тебя годы с три живучи христиански с женою и детьми». Ино и добро. Слава богу о сем!

Простите меня, старец с рабом тем Христовым: вы мя понудисте сие говорить. А однако уж розвякался, — еще вам повесть скажу. Как в погах еще был, там же, где брата беси мучили, была у меня в дому⁵⁷ вдова молодая, — давно уж, и имя ей забыл; помнится, Офимьею звали, — ходит и стряпает, и все хорошо делает. Как станем в вечер на-

---

⁵⁷ После этого Епифанием вписано: «моем».

чинать правило, так ея бес ударит о землю, омертвует вся, яко камень станет, и не дышит, кажется, — ростянет ея среди горницы, и руки и ноги, — лежит яко мертва. И я, «О всепетую»* проговоря, кадилом покажу, потом крест положу ей на голову и молитвы. Василиевы в то время говорю: так голова под крестом и свободна станет, баба и заговорит, а руки и ноги и тело еще мертво и каменно. И я по руке поглажу крестом, так и рука свободна станет; я — и по другой, и другая так же освободится; я — и по животу, так баба и сядет. Ноги еще каменные. Не смею туды крестом гладить, — думаю, думаю, — и ноги поглажу: баба и вся свободна станет. Вставше, богу помолясь, да и мне челом. Прокуда-таки — ни бес, ни што был в ней, много времени так в ней играл. Маслом ея освятил, так вовсе отошел прочь: исцелела, дал бог. А иное два Василия у меня бешаные бывали прикованы, — странно и говорить про них: кал свой ели.

А еще сказать ли тебе, старец, повесть? Блазновато, кажется, — да было так. В Гобольске была у меня девица, Анною звали, дочь мне духовная, гораздо о правиле прилежала о церковном и о келейном и вся мира сего красоту вознебрегла. Позавиде диявол добродетели ея, наведе ей печаль о первом хозяине своем Елизаре, у него же выросла, привезена из полону из кумьков. Чистотою девство соблюла, и, егда исполнилася плодов благих, дьявол окрал: захотела от меня отйти и за перзова хозя[и]на замуж пойти, и плакать стала всегда. Господь же пустил на нея беса, смиряя ея, понеже и меня не стала слушать ни в чем и о поклонех не стала радеть. Егда станем правило говорить, она на месте станет, прижав руки, да так и простоит. Виде бог противление ея, послал беса на нея: в правило⁵⁸ стоящу ей, да и в[з]бесится. И мне, бедному, жаль: крестом благословлю и водою покроплю, так и отступит от нея бес. И многажды так бысть. Она же единаче в безумии своем и непокорстве пребывает. Благохитрый же бог инако ея наказал: задремала в правило, да и повалилась на лавке спать, и три дни и три ночи не пробудяся спала. Я лишо ея по времяном кажу, спящую: тогда-сегда дохнет. Чаю, умрет. И в четвертый день очнулась; села, да плачет; есть ей дают — не ест.

---

⁵⁸ Епифанием изменено: «правиле».

Егда я правило канонное скончав и домочадцов, благословя, распустил, паки начях во тьме без огня поклонны класть; она же с молитвою втай приступила ко мне и пала на ноги мои; и я, от нея отшед, сел за столом. И она, приступя паки к столу и плачючи, говорит: «послушай, государь, велено тебе сказать». Я стал слушать у нея. «Егда-де я в правило задремала и повалилась, приступили ко мне два ангела и взяли меня и вели меня тесным путем. И на левой стране слышала плач, и рыдание, и гласы умиленны. Потом-де меня привели во светлое место, зело гораздо краснѣ, и показали-де многие красные жилища и полаты; и всех-де краше полата, неизреченною красотою сияет паче всех и велика гораздо. Ввели-де меня в нея; ано-де стоят столы, и на них послано бело, и блюда с брашнами стоят. По конец-де стола древо кудряво повеваает и красотами разными украшено; в древе-де том птичьи гласы слышала я, а топерва-де не могу про них сказать, каковы умильны и хороши! И подержав-де меня, паки из полаты повели, а сами говорят: „знаешь ли, чья полата сия?“ И аз-де отвещала: „не знаю, пустите меня в нея“. Оне же отвещали: „отца твоего, протопопа Аввакума, полата сия. Слушай ево и живи так, как он тебе наказывает персты слагать, и креститца, и кланятца, богу молясь, и во всем не протився ему, так и ты будешь с ним здесь. А буде не станешь слушать, так будешь в давешнем месте, где плакание то слышала. Скажи жо отцу своему. Мы не беси водили тебя; смотри: у нас пѣпарты; беси-де не имеют тово“. И я-де, батюшко, смотрела, — бело у ушей тех их». Да и поклонилася мне, прощения прося. Потом паки исправилася во всем. Егда меня сослали из Тобольска, и я оставил ея у сына духовнаго тут. Хотела пострищися, а дьявол опять сделал по своему: пошла за Елизара замуж и деток прижила. И по осьми летех услышала, что я еду назад, отпросилася у мужа и постриглася. А как замужем была, по временам бог наказывал, — бес мучил ея. Егда ж аз в Тоболеск приехал, за месяц до меня постриглася и принесла ко мне два детища и, положиа предо мною робятишок, плакала и рыдала, кающеся, бесстыдно порицая себя. Аз же, пред человеки смиряя ея, многожды на нея кричал; она же прощася в преступлении своем, каяся пред всеми. И егда гораздо ея утрудил, тогда совершенно простил. В обедню за мною в церковь вошла. И нападе на нея бес во время переноса, — учала кричать и вопить, со-

бакою лаять, и козою блекотать, и кокушкою кокозать. Аз же сжалихся об ней: покиня херуви[м]скую петъ, взявше от престола крест и на крылос взошед, закричал: «запрещая ти именем господним; полно, бес, мучить ея! Бог простит ея в сий век и в будущий!» Бес же изыде из нея. Она же притече ко мне и пала предо мною за ню же вину. Аз же крестом ея⁵⁹ благословя, и с тех мест простил, и бысть здрава душею и телом. Со мною и на Русь выехала. И как меня стригли, в том году страдала с детьми моими от Павла митрополита на патриархове дворе веры ради и правости закона. Довольно волочили и мучили ея. Имя ея во иноцех Агафья.

Ко мне же, отче, в дом принашивали матери деток своих маленьких, скорбию одержимы[х] грыжною; и мои детки егда скорбели во младенчестве грыжною болѣзнию, и я маслом священным, с молитвою презвитерскою, помажу вся чюства и, на руку масла положи, младенцу спину вытру и шульятка, и божиею благодатию грыжная болѣзнь и минуется во младенце. И аще у коего отрыгнет скорбь, и я так же сотворю, и бог совершенно исцеляет по своему человеколюбию.

А егда еще я был попом, с первых времен, как к подвигу касаться стал, бес меня пуживал сице. Изнемогла у меня жена гораздо, и приехал к ней отец духовной; аз же из двора пошел по книгу в церковь ноши глубоко, по чему исповедать ея. И егда на паперть пришел, столик до тово стоял, а егда аз пришел, бесовским действием скачет столик на месте своем. И я, не устрашась, помолясь пред образом, осенил рукою столик и, пришед, поставил ево, и перестал играть. И егда в трапезу вошел, тут иная бесовская игра: мертвец на лавке в трапезе во гробу стоял, и бесовским действием верхняя раскрылася доска, и саван шевелитца стал, устрашая меня. Аз же, богу помолясь, осенил рукою мертвеца, и бысть по-прежнему все. Егда ж в олтарь вошел, ано ризы и стихари летают с места на место, устрашая меня. Аз же, помоляся и поцеловав престол, рукою ризы благословил и пощупал, приступя, а оне по-старому висят. Потом, книгу взяв, из

---

⁵⁹ В автографе «ея» зачеркнуто (Епифанием?).

церкви пошел. Таково-то ухищрение бесовское к нам! Да полно тово гворить. Чево крестная сила и священное масло над беша[ны]ми⁶⁰ и больными не творит благодатию божиею!⁶¹ Да нам надобе помнить сие: не нас ради, ни нам, но имени своему славу господь дает. А я, грязь, что могу сделать, аще не Христос? Плакать мне подобает о себе. Иуда чудотворец был, да сребролюбия ради ко дьяволу попал. И сам дьявол на небе был, да высокоумия ради свержен бысть. Адам был в раю, да сластолюбия ради изгнан бысть и пять тысяч пятьсот лет во аде был осужден*. Посем разумея всяк, мняйся стояти, да блюдется, да ся не падет. Держись за Христовы ноги и богородице молись и всем святым, так будет хорошо⁶².

---

⁶⁰ Исправлено Епифанием.

⁶¹ Епифанием цифрами над строкой обозначена перестановка слов: «божиею благодатию».

⁶² В редакции В последнего абзаца нет. Вместо него следует рассказ о борьбе Аввакума с бесами («О жертве никонианской») и статья «О причастии», после чего читаем:

Еще тебе скажу, старец, повесть. Как я был в Даурах с Пашковым с Афонасьем на озере Иргене, гладны гораздо, а рыбы никто добыть не может, а инова и ничево нет, от глада исчезаем. Помоля я бога, взяв две сети, в протоке перекидал, наутро пришел, ано мне бог дал шесть язей да две щуки. Ино во всех людях дивно, потому никто ничего не может добыть. На другие сутки рыб с десять мне бог дал. Тут же сведав Пашков и исполняя зависти, сбил меня с тово места и свои ловушки на том месте велел поставить, а мне насмех и ругаясь, указал место на броду, где коровы и козы бродят. Человеку воды по лодышку, — какая рыба? — и лягушек нет! Тут мне зело было горько, а се, подумав, рече: «владыко человек-любче, не вода дает рыбу, — ты вся промыслом своим, спасе наш, строишь на пользу нашу. Дай мне рыбки той на безводном том месте, посрами дурака тово, прослави имя твое святое, да не рекут невернии, где есть бог их». И помоляся, взяв сети, в воде с детьми бродя, положили сети. Дети, на меня, бедные, кручиняся, говорят: «батюшко, к чему гноить сети те? Видишь ли, и воды нету, какой быть рыбе?» Аз же, не послушав их совету, на Христа уповая, сделал так, как захотелось. И наутро посылаю детей к сетям. Оне же отвещали: «батюшко-государь, пошто итти? какая в сетях рыба? благослови нас, и мы по дрова лутче сбродим». Меня ж дух подвизает, чаю в сетях рыбу. Огорчась на большева сына Ивана, послал ево одново по дрова, а с меньшим потащился к сетям сам. Гораздо о том Христу докучаю. Егда пришли, ино и чудно и радощно обрели: полны сети напехал бог рыбы, свившися клубом и лежат с рыбою о середке. И сын мой Прокопей закричал: «батюшко-государь, рыба, рыба!» И аз ему отвещал: «постой, чадо, не тако подобает, но прежде поклонимся господу-богу, и тогда пойдем в воду». И, помоляся, вытащили на берег рыбу, хвалу воссылая Христу-богу, и, паки построя сети на том же месте, рыбу насилу домой оттащили. Наутро пришли — опять столько же рыбы, на третьей день — паки

Ну, старец, моево вяканья много веть слышал. О имени господни повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову*, как богородица беса тово в руках тех мяла и тебе отдала, и как муравьи те тебя ели за тайно-ет уд, и как бес-от дрова те сожег, и как келья та обгорела, а в ней цело все, и как ты кричал на небо то, да иное, что вспомнишь во славу Христу и богородице. Слушай же, что говорю: не станешь писать, я-петь осержусь. Любил слушать у меня, чево соромитца, — скажи хотя немношко! Апостоли Павел и Варнава на соборе сказывали же во Еросалиме пред всеми, елика сотвори бог знамения и чюдеса во языцех с нима, в Деяниях, зач. 36 и 42 зач., и величашеся имя господа Исуса. Мнози же от веровавших приходяду исповедующе и сказующе дела своя*. Да и много тово найдется во Апостоле и в Деяниях. Сказывай, небось, лише совесть крепку держи; не себе славы ища, говори, но Христу и богородице. Пускай раб-от Христов

столько же рыбы; и слезно, и чудно то было время, а на прежнем нашем месте ничего Пашкову не дает бог рыбы. Он же, исполняя зависти, паки послал ночью и велел сети мои в клочки изорвати. Что петь с дураком делаешь! Мы, собрав рваные сети, починя втай, на ином месте промысляв рыбу, кормились, от него таяся, и сделали ез. Бог же и там стал рыбы давати, а дьявол ево чаучил и ез велел втай раскопать. Мы, терпя Христа ради, опять починили, и много тово было. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком.

Терпение убогих не погибнет до конца*.

Слушай-ко, старец, еще. Ходил я на Шакшу-озеро*, к детям по рыбу, — от двора верст с пятнатцеть, там с людьми промыслили, — в то время как лед треснул и меня напоил бог. И у детей накладше рыбы нарту большую, и домой потащил маленьким детям после Рождества Христова. И, егда буду нареди дороги, изнемог, таща по земле рыбу, понеже снегу там не бывает, токмо морозы велики. Ни огня, ничево нет, ночь постигла, выбился из силы, вспотел, и ноги не служат. Верст с восемь до двора; рыба покинуть и так побрести — ино лисицы розъедят, и домашние гладны; все стало горе, а тащить не могу. Потаща гоны места, ноги задрожат, да и паду в лямке среди пути ниц лицом, что пьяной, и озябше, встав, еще попойду столько ж — и паки упаду. Бился так много, блиско полуночи. Скиня с себя мокрое платье, вздел на мокрую рубаху сухую, тонкую тафтяную белью шубу и взлез на вершину древа, уснул. Поваляся, пробудился, — ано все замерзло: и базлуки на ногах замерзли, шубенко тонко, и живот озяб весь. Увы, Аввакум, бедная сиротина, яко искра огня угасает и яко неплодное древо посекаемо бывает, — только смерть пришла. Взираю на небо и на сияющия звезды, тамо помышляю владыку, а сам и прекрестигися не смогу: весь замерз. Помышляю лежа: «Христе, свете истинный, аще не ты меня от безгодного сего и нечаемого времени избавишь, нечева мне стало делать; яко червь, исчезаю». А се согреяся серд-

веселится, чтучи! Как умрем, так он почтет, да помянет пред богом нас. А мы за чтущих и слушающих станем бога молить; наши оне люди будут там, у Христа, а мы их во веки веком. Аминь⁶³.

це мос во мне, ринулся с места паки к нарте и на шею, не помню как, вложил лямку, опять потащил; ино нет силки; еще версты с четыре до двора, — покинул, и нехотя, все; побрел один, тащился с версту, да и повалился, только не смогу; полежав, еще хошу побрести, ино ноги обмерзли: не смогу подымать, ножа нет, базлуков отрезать от ног нечем. На коленях и на руках полз с версту; колени озябли: не могу владеть, опять лег. Уже двор и не само далеко, да не могу попасть, на гузне помаленьку ползу, — кое-как и дополз до своая конуры. У дверей лежу, промолвить не могу, а отворить дверей не могу же. К утру уже встали; уразумев, протопопица втащила меня, бытто мертвова, в ызбу; жажда мне велика, — наполнила меня водою, разболочки. Два ей горя, бедной, в ызбе стало: я да корова немощная, — только у нас и животов было, — упала на воде под лед; изломався, умирает, в ызбе лежа; в двадцети в пяти рублях сия нам пришла корова, робяткам молочка давала. Царевна Ирина Михайлова* ризы мне с Москвы и всю службу в Тоболеск прислала, и Пашков, на церковной обиход взяв, мне в то число коровку ту было дал: кормила с робяты год-другой; бывало, и с сосною, и с травою молочка тово хлебнешь, так лехче на брюхе. Плакав, жена бедная с робяты зарезала корову и истекшую кровь из коровы дала найму-казаку, и он приволок мою с рыбою нарту (л. 101 об.—106 об.).

⁶³ В Пустозерском сборнике, содержащем редакцию В, после «Жития» Аввакума, первой части «Жития» Епифания и «Снискания и собрания о божестве и о твари...», помещена следующая «похвала» русскому языку, выражающая писательское кредо Аввакума:

По благословению отца моего старца Епифания писано моею рукою грешною, протопопа Аввакума, и аще что реченно просто, и вы, господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторечию нашему, повеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хочет. И Павел пишет: «аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам — ничто ж есмь»*.

Вот, что много рассуждать: не латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры господь, но любви с прочими добродетельми хочет; того ради я и не брегу о красноречии и не унижаю своего языка русского. Ну, простите же меня, грешнаго, а вас всех, рабов Христовых, бог простит и благословит. Аминь (л. 162 об.—163).

Из „Книги бесед“

[ВВЕДЕНИЕ]

Книгу святую собрал от святого писания протопоп Аввакум на крестоборную ересь* никониянскую и на прочая их коби.

Беседа человека грешна, человека безобразна и бесславна*, человека не имуща видения, ни доброты, ниже подобия господня. Поистинне рещи, яко несть и человек. Но гад есмь или свиния; якоже и она питается рожцы, так и я грехми. Рожцы вкус имут, в гортани сладость, во чреве же бредкость. Тако и аз, яко юнейший блудный сын, заблудих от дому отца моего, пасяхся со свиниями*, еже есть с бесы, питаюся грехми, услаждая плоть, огорчаяя же душу делы, и словесы, и помыслы злыми.

...Человек бысть Иов*, праведен, непорочен, беззловбив; человек божий Моисей*, боговидец; человек бысть Иисус Наввин, молитвою постави на небе текущее солнце*; человек бысть Давыд, царь и пророк, его же похвали божие сердце сице: «обретох Давыда, сына Иессеева, мужа по сердцу моему»*; человек бысть пророк Даниил, его же в Вавилоне, в рове, устыдешася лютые звери*, видевшие на нем божий образ непорочен, ради добродетелей в нем цветущих; человек бысть пророк Аввакум, его же принесе ангел от Иеросалима с пищею в Вавилон, в ров, к Даниилу*.

Но не я, окаянный Аввакум: я и сам сижу в рове, душею и телом обнажився, сам пят*, с нагими же.

...Ныне нам подобает плакати в настоящее время*. Увы, *увы мне! Мати, кого мя роди? По Иову, проклят день, в оньже родихся, и ночь она буди тьма, иже изведе из чрева матере моея**. Понеже антихрист прииде во вратом двора* и народилось выблятков его полна поднебесная. И в нашей русской земли обретесе чорт большой, ему же мера — высоты и глубины — ад преглубокий. Помышляю, яко, во аде стоя, главою и до облак достанет. Внимайте и разумеите вси послушавшии, даст бо вам господь разум о всем.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

*«Повесть о страдавших в России
за древлецерковная благочестная предания»*

В лета 7160-го году, июня в день¹, по поущению божию вскрался на престол патриаршеский бывшей поп Никита Минич, в чернецах Никон*, обольстя святую душу протопопа духовника царева², Стефана, являясь ему яко ангел, а внутрь сый диявол. Протопоп же увеща царя и царицу, да поставят Никона на Иосифово место*. И я, окаянный, о благочестивом патриархе к челобитной приписал свою руку*. Ано врага выпросили и беду на свою шею. Тогда и я, при духовнике, в тех же палатах шатался, яко в бездне мнозе. Много о том потонку беседовать, едино рещи: за что мучат мя, тогда и днесь, большо и до исхода души. Егда же бысть патриархом злый вождь, и начат казнити правоверие, повелеваяй трема персты креститися и в пост великий в церкви в пояс творити метания. Мы же, со отцы и братиею, не умолчав, почали обличать еретика*, предтечу антихристового. Он же нас, муча много, и розослал в ссылки всех. *И рассеяны быша, яко от скорби, бывшия при Стефане апостоли**. Тако, отец и

¹ июня в 1 день — ГБЛ, собр. Егорова, № 1366, л. 4; июня 10 день — БАН, собр. Дружинина, № 467, л. 154. Список условных сокращений в сносках и комментарии см. стр. 363.

² В рукописи: духовнаго царева; исправлено по другим спискам — ГБЛ, собр. Егорова, № 1366, л. 4; № 1885, л. 49; № 1898, л. 3; ГБЛ, собр. Общества истории и древностей российских, ф. 188, № 12, л. 40 об.; ГБЛ, собр. Олонецкой семинарии, № 54, л. 8; ГБЛ, собр. Попова, № 2548, л. 29 об.; ГИМ, Музейское собр., № 2582, л. 3 об.; ГИМ, собр. Хлудова, № 257, л. 62 об.

братию мою, епископа Павла Колѡменскаго, муча, и в Ювогородских пределах огнем сожег; Даниила, кстрѡмскаго протопопа, муча много, и в Астрахани в земляной тюрьме заморил*; также стриг, как и мене, в церкви, посреде народа; муромскаго протопопа Логина, — остригше и муча, в Муром сослал, тут и скончался в мор*; Гавриилу, священнику в Нижнем, приказал голову отсечь; Михаила священника без вести погубил: за Тверскими служил в монастыре Богородичне, перевел к тюрьме, да не и стало вдруг; двух священников, вологжан, безвестно же и сих дел; со мною 60 человек у всенощнова взял*, муча и бив и проклиная, в тюрьме держал, малии в живых обретошася; а меня в Даурскую землю сослал, — от Москвы, чаю, тысячъ будет с дватцать за Сибирь, — и волоча впредь и взад 12 лет, паки к Москве вытощили, яко непогребеново мертвеца*. Зело там употшивали палками по бокам и кнутом по спине 72 удара. А о прочих муках потонку неколи говорить, — всяко на хребте моем делаша грешницы. Егда же выехал на Русь, на старые чейи и беды попал*. Видите, видите, яко аз есмь, наг Аввакум протопоп, в землю посажен. Жена моя, протопопица Настасья, с детьми в земли же сидит*. И старец Соловецкия пустыни Епифаний, наг, в земли же сидит; два языка у него никонияна вырезали за исповедание веры, да и руку отсекли, а и паки ему третий язык бог дал. И Лазарь поп, наг же, сидит в земле, казнен, говорит также*. И диякон Федор и Киприян*, нагой, с нами же мучится. В тюрьме за православие же питан в прошлом году. А Соловецкой монастырь в осаде 7 лет от никониян сидит*. На Мезени из дому моего двух человек удавили* никонияна еретики на виселице. На Москве старца Авраамия, духовнаго сына моего, Исаию Салтыкова в костре сожгли. Старца Иону казанца в Кольском рассекли на пятеро. На Колмогорах Ивана юродиваго сожгли. В Боровске Полиекта священника и с ним 14 человек сожгли. В Нижнем человека сожгли. В Казани 30 человек. В Киеве стрельца Илариона сожгли. А по Волге той живущих во градах, и в селех, и в деревеньках тысяща тысящими положено под меч* нехотящих принять печати антихристовы. А иные ревнители закона суть, уразумевше лесь отступления, да не погибнут зле духом своим, собирающесе во дворы с женами и детьми, и сожигахуса огнем своею волею*. Блажен извол сей о господе! Мы же, оставшии, еще дышуще, о всех сих поми-

нание творим жертвою, со слезами, из глубины воздыхания неизглаголаными, воспеваем, радуящеся, Христа славяще: «упокой, господи, душа раб своих, всех пострадавших от никониян на всяком месте, и учини их идеже пришещает свет лица твоего, в селех со святыми, избранными твоими, яко благ и человеколюбец». Рабом Божиим побивенным вечная память трижды ж. Почивайте, миленькие, до общаго воскресения и о нас молитесь, да же и мы ту же чашу испием о господе, которую вы испили и уснули вечным сном. Пряно вино: хорошо умели никонияне употшивать. Да не тужите о здешнем том окаянном житии, но веселитесь и радуйтесь праведнии о господе, понеже преидоша от злаго во благое и от темнаго в житие светлое. Мы же еще в море, плаваем пучиною*, и не видим своего пристанища. Не вемы бо, доколе живот наш протянется, умилосердит ли ся владыка и даст ли нам та же чаша пить, ея же сам пил, и вас, рабов своих, напоил.

...Душе моя, душе моя, восстани, что спиши! Конец приближается, и хощещи молвити. Воспрями убо, да пощадит тя Христос бог, иже везде сый и вся исполняяй*. Душе, яже zde — временно, а яже тамо — вечно. Потщися, окаянная, и убудися: уснула сном погибельным, задремала еси в пищах и питии нерадения. Виждь, мотылолюбная, и то при тебе: бояроня Феодосья Прокопьевна Морозова и сестра ея Евдокея Прокопьевна княгиня Урусова, и Даниловых дворянская жена Марья Герасимовна с прочими! Мучатся в Боровске, в землю живы закопаны*, по многих муках, и пытках, и домов разорении, алчут и гладуют. Такие столпы великия, им же не точен мир весь! Жены суть, немощнейшая чадь, а со зверем по человеку борются. Чудо, да только подивитися лише сему. Как так? Осьмь тысяч хрестиян имела*, домовова заводу тысяч больши двух сот было, — дети мне духовныя, ведаю про них, — сына не пощадила, наследника всему, и другая тако же детей. А ныне вместо позлащенных одров в земле закопана сидит за старое православие. А ты, душе, много ли имеешь при них? Разве мешок, да горшок, а третье лапти на ногах. Безумная, ну-тко опрянися, исповеждь Христа, сына божия, явственне, полно укрыватися того. Добро рече некто от святых отец, яко всем нам един путь предлежит. Иного времени долго такова ждать: само царство небесное валится в рот. А ты откладываешь, говоря: дети малы, жена молода, разориться не хощется*, а тово не видишь, какую честь ту бросили бояроне те, да

еще жены суть. А ты — мужик, да безумнее баб, не имешь цела ума: ну, дети переженишь и жену ту утетишь. А за тем что? не гроб ли? Таже смерть, да не такова, понеже не Христа ради, но общей всемирной конец...

ИЗ БЕСЕДЫ ВТОРОЙ

[Об образе креста Христова]

Пребывайте, чада, о господе пребывайте, и крест Христов трисоставный почитайте от кипариса, и певга, и кедрa устроен, по речению Исая пророка к лицу церкви, яко «приидет к тебе слава Ливанова от кипариса, и певга, и кедрa, прославити место святое мое и место ногу моею прославлю»*.

...А иже крест трисоставный Христов суемудренный отлагают и четвероконечный римский крыж почитают*, кольми суть врежают душа своя, по реченному: аще кто любит Христа, той любит и крест святой и тричастный, от кипариса, и певга, и кедрa сложенный. Аще отлагает кто сего Христова креста, той отместся и Христа, бога нашего. Держи, христианин, церковная неизменна вся, и благословен будещи богом вышним и нами, грешными. И не предвигай вещей церковных с места на место, но держи. Что положиша и святии отцы, то тут да пребывает неизменно, якоже и Василий Великий рече: «не прелагай пределы, яже положиша отцы!»* Слыши и вонми, яже глаголю: да будет крест Христов тричастный на престоле, и на жертве, еже есть на просвире, и на главе церкви, и на иконах, и повсюду вместо образная, еже есть в поклонение. Держим же и четвероконечный крест во церкви, по преданию святых отец, но не вместо образная, токмо на ризах, и стихарях, и патрахилях, и пеленах. А иже кто его учинит на просвирах, или написав на нем образ распятого Христа и положив его на престол, вместо тричастного: таковой мерзок есть и непотребен во церкви, подобает его изринуть. Почто на владычнем месте садится!

...Что блядословят никонияна научением сатаны, — говорят: Соломону-де царю бес принесе со главы Адамовы от Едема срасленное древо на связи церкви, и от того-де древа и крест Христов делан четвероконечной: и се блядь, нечему веры нять, в еретических кобах писа-

но. Ино статнее тово я читал: не бес принесе одное³ срас-
 ленное древо, но Тирской князь привезе Соломону три
 древа в связи, — кипариса, и певга, и кедра. А те древа
 израстоша Лотова ради покаяния, егда паде со дщерьми
 своими и каеся греха своею пред Авраамом. Он же посла
 его на Восток по главни бывшего венца Адамля, емуже
 сын Сиф от рая принесе, от ангела взяв древо преступле-
 ния, и возложи на главу во утешение скорби его. И по
 смерти-де Адамли от венца того израстоша древеса и сго-
 реша. Напоследок же Лот, главни те взяв, на горах под-
 кнул и водою и слезами поливал, каеся своего греха, и
 бог-де его простил, и главни в три древа процвели. И
 Тирской князь древа те Соломону привезе, Соломон их
 в церкви святая святых в седалищи устрои. И при царе
 Езекии обоготвориша людии церковные вещи вся. Он же
 повеле змию медную разбить, иже в Синайстей пустыни
 чудотворная была*, и древа вышереченная из церкви
 изврещи за обоготворение их. И стояху у церкви до при-
 шествия Христова невреждени никем. Егда же приспе
 время распятия Христу, повелеша жидове от всех трех
 древ отсеци по концу и в трех чюрбанах сотвориша
 крест Христу, по речению пророчю — от кипариса, и пев-
 га, и кедра, тричастен. Я, грешный, сице читал, а не в
 церковных же книгах, кои обносятся во церкви, свиде-
 тельствованы, но в лежащих и не свидетельствованных*.
 Аще сие правда или ни, бог весть. Аз верую крепко про-
 роком, апостолом, и богословцем всем. Они нас научают,
 яко тричастен крест Христов, сиречь от трех древ сотво-
 рен. И над распятым Христом повеле Пилат титла поло-
 жить*. Пространно о том Елифаний Кипрский благове-
 стит*: дску с надписанием пригвоздиша ко кресту, и воз-
 главие над дскою оставиша кресту, еже есть верхней чи-
 бышек над титлом зрим. А без возглавия — тот не Хри-
 стов крест, но Петров: колода на кресте, а не титло поло-
 жено. Внимай о сем, мы тебе со Христом возвестим. Егда
 в Риме Петр апостол от Нерона царя пострада, и повеле-
 ша его пригвоздити ко кресту, — Петр же глагола: не по-

³ одно срасленное древо — ГБА, собр. Егорова, № 1885, л. 63; № 1898, л. 19 об.; ГБА, собр. Общества истории и древностей российских, ф. 188, № 12, л. 51 об.; ГИМ, Музейское собр., № 2582, л. 14.

В других списках: оно срасленное древо — ГБА, собр. Попова, № 2548, л. 36; ГИМ, собр. Хлудова, № 257, л. 78 об.

добает⁴ подобитися смерти владыки моего Христа, но учините мя стремглав в распятии моем. Распинатели же поворотя вверх ногами Петра и в колоду вдолбиша верхней конец креста, по прошению его*. Егда же соблудиша римстии людие и весь Запад над церковию, нарекоша имя ей костел, понеже стоит на костях апостола Петра: оттоле же восприяша и крест с колоткою, Петров, а Христов отринуша прочь. И стали писать распятие Христово на сеновном, еже есть — на четвероконечном кресте. И сии две вещи, Петров крест и четвероконечный, изгнаша с одново Владыку своего — крест Христов. Мы же, правовернии, сие блядское мудрование Римскаго костела и выблядков его, поляков и киевских уният*, еще же и наших никониян, за вся их нововводныя коби еретическия анафеме трижды предаем и держим от святых отец предаиное неизменно все. И почитаем крест Христов с возглавием на престоле, и на просвирах, и на церкви на главе и прочая, идеже положиша отцы поклонятися и почитати его честне и сердечне, со усердием облобызаем и поклоняемся, припадающе к нему, милости прося и победы на видимых и невидимых врагов.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

[Об иноческом чине]

...Бысть в лета наша в русской земли божие попущение, а дияволе злохитрие: изникоша из бездны мниси, нареченныя монахи, имеющие на себе образ любодейный: камилавки — подклейки женския и клобуки рогатыя*; получиша себе сию пагубу от костела римскаго. Бысть в Риме, прежде собора Фларенскаго, на престоле в папах баба еретица*. В Римской церкви, по пущению⁵ божию, устроила себе клобук на подклейки, — сицевым образом, яко же Никон, еже носят и ныне прельщении тамо и здесь.

⁴ В других списках: не подобает ми — ГБЛ, собр. Егорова, № 1366, л. 18; ГБЛ, собр. Олонецкой семинарии, № 54, л. 16 об.; ГБЛ, собр. Попова, № 2548, л. 36 об.; БАН, собр. Дружинина, № 467, л. 170 об.; ГИМ, собр. Хлудова, № 257, л. 80.

⁵ В других списках: по попущению божию — ГБЛ, собр. Егорова, № 1366, л. 21; № 1885, л. 69; № 1898, л. 24 об.; ГБЛ, собр. Общества истории и древностей российских, ф. 188, № 12, л. 57; ГБЛ, собр. Олонецкой семинарии, № 54; л. 18; ГБЛ, собр. Попова, № 2548, л. 38; ГИМ, Музейское собр., № 2582, л. 19; ГИМ, собр. Хлудова, № 257, л. 84 об.

Идушу ей, любодейце, за кресты, в ходу родила, на пути идучи, младенца выблядка. Разумевше же римстии людие, извергоша от сана святительства, яко на Москве врага божия, патриарха Никона; клубук же ея и всяко мудрование в церкви не изриновено бысть. И от тогда⁶ в церкви их слабость бысть велия: жены и девы во олтарь входяща, за престолом, на горнем месте, саждахуся; людие же ослабеша и не брегуще о сем, понеже ереси одоле благочестие. И егда умножися грех, ту преизбыточествова благодать. При Евгении*, папе Римстем, воздвижешя род христьянский от простаго чина, изгнаша еретика, папу Евгения, в Базилийский град. На месте же его в Риме возведоша папу именем Фелика*. И бысть распря в народе между большими и меньшими, понеже большии поборающе по Евгении, а меньшии народи по Фелике. Понеже Фелик держа во церкви старое благочестие и за сие дело любим бысть народу; а Евгений еретик мздою великих ударил. И того ради бысть в них разделение. И увещаша вельможи народ, даже соберут вселенский осмый собор на исправление падения своего. Богу же попускающе, по начинанию сердец их, а врагу действующу, собращася на сонм той лукавый царь, и патриарси гречестии, и весь Восток и Запад, от всех стран; и наш митрополит Исидор Московский таможе бысть. И сотвориша во Флоренце граде собор*, яко и у нас бысть ныне при вселенских в Москве такая же лукавая сонмища; утвердиша прелесть свою паче прежнего. Не приста же совету и делу их епископ Марко Ефесский*. И осудиша его в заточение смертное, якоже и нас, бедных, здесь. Да воздаст им господь по делом их! Тогда Фелик, видя свое изнеможение, уступи папство Евгению. Он же, Евгений, прииде на собор в прежереченном рогатом клубуце, управляяй правило и уставляяй законы и предания новая, а старая вся, отеческая, отмещуще. И приписаша царь и власти гречестии к нему, лукавому собору, руки своя. Сия уставы и в Царьград пришли: оттоле и греки развратилися; клубуки такия вздели на себя и инья догматы Флоренскаго собора учиниша в церквах своих. Тому времени 282 года, как бысть Фларенский собор*. Писано в летописцах латынских, и в летописцах русских помянуто. Оттоле в Риме и повсюду нача болезнь болети болезненно, и распространя-

---

⁶ В других списках: от того — ГБЛ, собр. Егорова, № 1366, л. 21; ГБЛ, собр. Олонецкой семинарии, № 54, л. 18 об.; БАН, собр. Дружинина, № 467, л. 174.

тиса гной по вселенной всей. Царь же Иван Калюян* поехал домой, умре на пути, его же земля не прия в недра своя. А патриарх Иван Антиохийский в Риме зле живот свой сконча, егда начат руки прикладывать, в то время ангел исторже душу от него. А Цареградский Иосиф*, разболевся, приволокся домой. А митрополит наш Московский приехал домой с гордостью. Его же князь великий и встретить не велел, понеже гостинцы неладны привез: по правую руку крыж латынской вез, а по левую крест Христов. За сие его князь предал под начал*: он же, тайно убежав паки в Рим, и тамо скончася зле. А кои правовернии, на соборе том бывше и не хотя рук приложити к приговору сонмицы лукавыя тоя: римляне же их овых заточиша, а инии разбегошася. И наш старец Сергиева монастыря оттоле ушел и на пути заблудил, ему же явился игумен преподобный Сергий Радонежский*, и проведе старца сквозе нужна места, и путь указал. И спросил преподобный старца, глагола ему: «видел ли еси третьягонадесять апостола, Марка Ефесскаго?» Старец же, поклонися ему, рече: «ей, отче, и благословения сподобился от руки его». Таже Сергий невидим бысть, старец же прииде восвоя и поведа всем. Видите ли, вернии, римское-то дело родилося какво хорошо! А и у нас на Москве той нехуже тово. Мне царя тово бедново жаль пуше всех греческаго: здешняя и вечная вся погубил! Посем брата ево роднова, Константина царя, предал бог за отступление-то сие Магнету, турецкому царю, и все царство греческое с ним*. А на Русь было на пряг в мимошедшем году*. Да еще удержа молитвы сидящих по темницам и тюрьмам, вопиющих к богу день и ночь. А никонияне пуши устремишася на зло, чают добро творят, еже пожигают Христовых людей. Бог ожидает обращения их и дает время на покаяние их, пострашает тем и сем; а им мнится — ради достоинства их терпит. Увы, ослепил сатана! Водимы духом противным, и сами не сведят⁷, камо грядут. Токмо жги да пали, секи да руби едиnorodных своих! Слыши небо и внуши земле! Вы будьте свидетели нашей крови изливающейся. Толико наша великая вина, еже держим отец своих предание неизменно

⁷ не видят — ГБЛ, собр. Егорова, № 1366, л. 24; БАН, собр. Дружинина, № 467, л. 177 об.

В других списках: не ведят — ГБЛ, собр. Общества истории и древностей российских, ф. 188, № 12, л. 60; ГБЛ, собр. Олонецкой семинарии, № 54, л. 20; ГИМ, Музейское собр., № 2582, л. 21 об.

во всем! Аще мнится имя извергнути от памяти прежде бывших царей и патриархов и всех, на что оне нам после себя оставили книги сия, за них же мы полагаем душа своя! Аще ли им памяти честне творят и святых русских почитают всех, их же мы уставы и предания неизменно держим: за что же нас мучит и губит? Али не правду говорю? Отвещай ми! Что задумался? «Безумне, в сию ночь ангел душу твою истяжет от тебе, а яже уготова, кому будет?»* Разве турскому царю? Ох, ох, затмение ума! А все-то блюдолизы римские устроили с Никоном врагом гонение сие на христиан. Да воздаст им господь по делом их! Мы же со Христом не боимся ваших гроз, любим сию старину, преданную от святых, и не изменяем риз священннх и простых, понеже изменения ради риз гнев божий на люди живет. Почти себе пророка Софония 3 главу*; он тебе повестит, что случается от бога изменяющим ризы не токмо священнныя, но и простыя на себе. А то малое ли дело: богом преданное скидали с голов, и волосы расчесали, чтобы бабы блудницы любили их; выставя рожу свою да подпояшется по титькам, воздевши на себя широкий жюпан! Так-то святыя предали смирения образ носить? Почти-тко, никониян, как Василий Великий научает. Не ведаешь? А где тебе ведать. Всегда пьян и блуден, — прости, не то тебе на ум идет, как душу спасти. Василий Великий иноку повелевает* мало и на небо глядеть, но всегда землю зри. А егда за трапезою с братиею ясти сядешь, тогда и паче клобуком лице свое накрой, да же не видят друг друга, како ядят.

...Подобает истинному иноку дела Христу подобитися, а не словесы глумными, и так творить, якоже святии. Помнишь ли? Иван Предтеча* подпоясывался по чреслам, а не по титькам, поясом усменным, сиречь кожаным: чресла глаголются под пупом опоясатися крепко, даже брюхо-то не толстеет. А ты что чреватая жонка, не извредить бы в брюхе робенка, подпоясываеся по титькам! Чему быть! И в твоём брюхе том не меньше робенка бабья накладено беды тоя, — ягод миндальных, и ренсково, и романей, и водок различных с вином процеженных налил: как и подпоясать. Невозможное дело, ядомое извредить в нем. А сей ремень на тебе долог!⁸ Бедные, бедные!

---

⁸ В других списках: надобе долог — ГБЛ, собр. Егорова, № 1366, л. 26; № 1885, л. 75; № 1898, л. 29; ГБЛ, собр. Попова, № 2548, л. 41; БАН, собр. Дружинина, № 467, л. 180; ГИМ, собр. Хлудова, № 257, л. 92.

Так-то Христос приказал жить и святин научиша! Увы, погипе благоговейный от земля и несть исправляющаго в человецех. Ну-су полно браниться — тово нам. Примите вы первыя наши святыя и непорочныя книги, их же святин предаша, и обычая свои дурныя отложите: мы станем пред вами прощатися о Христе Исусе, господе нашем. Писал протопоп Аввакум своею рукою.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

[Об иконном писании]

...По попущению божию умножися в нашей русской земли иконнаго письма неподобнаго изуграфы*. Пишут от чина меньшаго, а величии власти соблаговоляют им*, и вси грядут в пропасть погибели, друг за друга уцепившися, по писанному: слепый слепца водяй, оба в яму впадутся, понеже в нощи неведения шатаются; а ходяй во дне не поткнется, понеже свет мира сего видит, еже есть: просвещенный светом разума опасно зрит коби и кознования еретическая и потонку разумевае вся нововводная, не увязает в советех, яже умышляют грешнии. Есть же дело настоящее: пишут Спасов образ Еммануила*, лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстыя, персты надутые, тако же и у ног бедра толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишо сабли той при бедре не писано. А то все писано по плотскому умыслу, понеже сами еретицы возлюбиха толстоту плотскую и опровергоша долу горняя. Христос же бог наш тонкостны чувства имея все, якоже и богословцы научают нас. Чти в Маргарите слово Златоустаго на Рожество богородицы, в нем писано подобие Христова и богородично: ни близко не находило, как ныне еретицы умыслиша. А все то кобель борзой Никон, враг*, умыслил, будто живыя писать, устроает все по фряжскому, сиречь по-неметцкому. Якоже фрязи пишут образ благовещения пресвятыя богородицы, чреватую, брюхо на колени висит, — во мгновения ока Христос совершен во чреве обретесе! А у нас в Москве в Жезле книге* написано слово в слово против сего: в зачатии-де Христос обретесе совершен человек, яко да родится. А в другом месте: яко человек тридесяти лет. Вот смотрите-су, добрыя люди: коли с зубами и с бородою человек родится! На всех на вас шлюся от мала и до велика: быва-

ло ли то от века? Пуще оне фрягов тех напечатали, враги божи. Мы же, правовернии, тако исповедуем, яко святія научают нас, Иван Дамаскин и прочии: в членах, еже есть в составех, Христос, бог наш, в зачатии совершен обретесе, а плоть его пресвятая по обычаю девятомесечно исполняшесе; и родися младенец, а не совершен муж, яко 30 лет. Вот, иконники учнут Христа в рожестве с бороною писать, да и ссылаются на книгу ту: так у них и ладно стало. А богородицу чревату в благовещение, яко же и фрязи поганья⁹. А Христа на кресте раздутова: толстехунек миленькой стоит, и ноги те у него, что стульчики. Ох, ох, бедныя! Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступов и обычаев! А Николе Чюдотворцу имя¹⁰ немецкое*: Николай. В немцах немчин был Николай*, а при апостолах еретик был Николай*; а во святых нет нигде Николая. Только с ними стало. Никола Чудотворец терпит, а мы немощни: хотя бы одному кобелю голову ту назад рожею заворотил, да пускай бы по Москве той так ходил. Да что петь делать? Христос им время-то попустил, якоже Июда апостол пишет: «яко господь люди от земли Египетския спасл, последи неверовавших погуби. Ангелы же, не соблюдшая своего начальства, но оставших свое жилище, на суд великаго дне узами вечными под мраком соблюде»*. Виждь, слышателю, яко терпит им бог, яко и бесом, до суднаго дни. Тогда им весь указ будет; а ныне пускай их поиграют с бесами теми заодно над Христом, и над Николою, и над всеми святыми с богородицею, светом нашим, да и над нами бедными, что черти над попами, — пускай возьматся! Златоуст Иван и лутче нас был, а как время пришло, так спрятали* так же, как и нас. И Филипп митрополит на Москве*. Да много того есть. Коли же кто изволил богу служить, о себе ему не подобает тужить. Не токмо за имение святых книг, но и за мирскую правду подобает ему душа своя положить, якоже Златоуст за вдову и за Феогностов сад, а на Москве за опришину Филипп. Кольми же за церковной изврат, — всяк правоверный много не рассуждай, пойди в огонь. Бог благословит, и наше благословение да

---

⁹ В другом списке: поганцы—ГБЛ, собр. Егорова, № 1366, л. 28.

¹⁰ В других списках: дали имя—ГБЛ, собр. Егорова, № 1366, л. 28 об.

имя немецкое написали—ГБЛ, собр. Попова, № 2548, л. 41 об.; ГИМ, собр. Хлудова, № 257, л. 93 об.

есть с тобою во веки! Не по што в Персы итти, пеши
огненные искать, но бог дал дома Вавилон*: в Боровске
пещь халдейская*, идеже мучатся святии отроцы*, херу-
вимом уподобльшеся, трисвятую песнь воссылающе. Пра-
во хорошо учинилося. Лучше дому Новходоносорова, па-
латы и теремы златоверхими украшены, преграды и сте-
ны златом устроены, и пути каменьми драгими намоще-
ны, и садовие дрeвеса различные насажены, и птицы
воспевающе, и зверие в садах глумящеся, и крины и тра-
вы процветающе, благоухание износяще повеваемо. А
Новходоносор, раздувшеся, глагола ко господу богу не-
бесному: «ты царствуешь на небеси, а я подобен тебе
здесь, на земли». И егда виде бог гордость его необрат-
ную, претвори Новходоносора сопреди тельцом, а созда
львом*, и хождаше в дубраве со скоты 7 лет, ядый траву,
дондеже покаяся. Так-то господь гордым противится,
смиранным же дает благодать*. Разумейте, правовернии,
как трие отроцы, ради своего страдания, в царстве, по
всей поднебесней величаются, а Новходоносор уничижа-
ется. Сие дело предлежит во образ за хотящих наследо-
вати спасение. Не покланяйся и ты, рабе божий, неподоб-
ным образом, писанным по немецкому преданию, якоже и
трие отроки в Вавилоне телу златому, поставленному на
поле Дейре. Толсто же телище-то тогда было и велико,
что нынешние образы, писанные по-немецкому! Да и мно-
го же у них изменение тово во иконах тех: власы расче-
саны, и ризы изменны, и сложение перстов — малакса.
Вместо Христова знаменья — малаксу погубную целуй!
Знаешь ли, что я говорю? А то руку ту раскорякою тою
пишут. Не умори, не целуй ея, то антихристова печать*.
Плюнь на нея; привяжется дурная мысль. Буде образа
подобна написана не прилучится: и ты на небо, на восток,
кланяйся, а таким образом не кланяйся. Посем мир вам
от нас и благословение. Я, грешной протопоп Аввакум,
со отцы и братиею о Христе Иусе, вам светом, всякому
верному, попремногу челом бьем. Молитесь о нас, а мы
должны о вас. Богу нашему слава о всем, аминь.

БЕСЕДА ПЯТАЯ

[О внешней мудрости]

...Альманашники, и звездочетцы, и вси зодейшики
познали бога внешнею хитростию, и не яко бога почтоша

и прославиша, но осуетишася своими умышленьми, уподоблятися богу своею мудростию начинающе, якоже первый блядивый Неврод*, и по нем Зевес прелагатай, блудодей, и Ермис* пияница, и Артемида любодейца*, о них же Гронограф и вси кронники свидетельствуют*; таже по них бывше Платон и Пифагор, Аристотель* и Диоген*, Иппократ* и Галин*: вси сии мудри быша и во ад угодиша, достигоша с сатаню разумом своим небесных твердей, и звездное течение поразумевше, и оттоле пошествие и движение смотрях небеснаго круга, гадающе к людской жизни века сего, — настоящей, или тщету, или гобзование, — и тою мудростию своею уподобляхуся богу, мнящеся вся знати. Якоже древле рече диавол: «поставлю престол мой на небеси и буду подобен вышнему»*, тако и тии глаголют: «мы разумеем небесная и земная, и кто нам подобен!» И взимахуся блядины дети выше облак, — слово в слово, яко и сатана древле. Сего ради отверже их бог: благоизволил буйством апостольским спасти хотящих наследовати спасение. Все христиане от апостол и отец святых научени быша смирению, и кротости, и любви нелицемерной; с верою непорочною, и постом, и со смиренною мудростию, живуще в трезвости, достигают не мудрости внешняя, — поразумевати и луннаго течения, — но на самое небо восходят смирением ко престолу царя славы, и со ангелы сподоблятися славити бога; души их во благих водворяются, а телеса их на земли нетленни быша и есть. Виждь, гордоусец и альманашник, твой Платон и Пифагор: тако их же, яко свиней, вши съели, и память их с шумом погибе, гордости их и уподобления ради к богу. Многи же святии смирения ради и долготерпения от бога прославившася и по смерти обоготворени быша, понеже и телеса их являют в них живущую благодать господню, чудесьми и знаменьми яко солнце повсюду сияют. Виждь, безумной зодийшик, свою богопротивную гордость, каковы плоды приносите богу и творцу всех, Христу; токмо насыщатися, и упиватися, и баб блудить ваше дело. Прости — не судя глаголю, к слову прилучилося. Не ваше то дело, но бесовское научение. Плакати о вас подобает, а не ругати: понеже плоть от плоти наша и кость от костей наших, тела нашего и уды отчасти. Увы, отцы и братия наша! Увы, чада и друзи! Увы, приятели и сродство! Уже бо разлучишася от святых zde и в будущем веце. Како о вас не плакать? Плачю, рече, яко взял вас живых диавол и не вем, где положити хошет: яве есть, сводит в преглубокий тартар и огню негасимому

снедь устрояет. Посмотри-тко на рожу ту, на брюхо то, никониян окаянный, — толст ведь ты! Как в дверь небесную вместится хощешь! Узка бо есть и тесен и прискорбен путь, вводяй в живот. Нужно бо есть царство небесное и нужницы восхищают е, а не толстобрюхие. Воззри на святые иконы и виждь угодившия богу, како добрыя изуграфы подобие их описуют: лице, и руце, и нозе, и вся чувства тончава и измождала от поста, и труда, и всякия им находящия скорби. А вы ныне подобие их переменили, пишите таковых же, якоже вы сами: толстобрюхих, толсторожих и ноги и руки яко стульцы. И у каждого святаго, — спаси бог-су вас, — выправили вы у них морщины те, у бедных: сами оне в животе своем не догадалися так сделать, как вы их учинили! Помните ли? — на сонмице той лукавой, пред патриархами теми вселенскими*, говорите мне, Иларион и Павел*: «Аввакум милой, не упрямясь, что ты на русских святых указываешь, глупы наши святые были и грамоте не умели, чему им верить!» Помните, чаю, не забыли, — как я бранить стал, а вы меня бить стали. Разумныи!¹¹ Мудрены вы со дьяволом! Нечего рассужать. Да нечева у вас и послушать доброму человеку: все говорите, как продавать, как куповать, как есть, как пить, как баб блудить, как робят в олtare за афедрон хватать. А иное мне и молвить тово сором, что вы делаете: знаю все ваше злохитрство, собаки, бляди, митрополиты, архиепископы, никонияна, воры, прелагатаи, другия немцы руския. Святых образы изменили и вся церковныя уставы и поступки: да еще бо християном милым не горько было! Он, мой бедной, мается шесть-ту дней на трудах, а в день воскресной прибежит во церковь помолити бога и труды своя освятити: ано и послушать нечево — по-латыне поют, плясавицы скоморошьи! Да еще бы в огонь християнин не шел! Сгорят-су все о Христе Иусе, а вас, собак, не послушают. Да и надобно так правоверным всем: то наша и вечная похвала, что за Христа своего и святых отец предания сгореть, да и в будущем вечно живи будем, о Христе Иусе, госпoде нашем, ему же слава ныне, и присно, и во веки веком, аминь.

---

¹¹ В других списках: разумные свиньи—ГБЛ, собр. Егорова, № 1366, л. 34 об.; № 1885, л. 83; № 1898, л. 35; ГБЛ, собр. Общества истории и древностей российских, ф. 188, № 12, л. 71 об.; ГБЛ, собр. Попова, № 2548, л. 44; ГИМ, Музейское собр., № 2582, л. 29 об.; БАН, собр. Дружинина, № 467, л. 189 об.; ГИМ, собр. Хлудова, № 257, л. 100 об.

ИЗ БЕСЕДЫ ВОСЬМОЙ

[Об Аврааме]

«О МЕЛХИСЕДЕКЕ»

...Сей Мелхиседек сын царев, отец его именем Мелхил, мати Салима, брат Мелхил же. Отец же его любляше брата его Мелхила, а мати его любляше Мелхиседека. И восхоте отец его, Мелхиседека, на жертву богом принести; мати же плакаше о нем и глагола мужу своему: метнем жребия о чадах наших и по жребию на жертву богом возложим. И паде жребий на Мелхила, к пожрению сотвориша велие торжество, и инии чад своих с царевичем уготовиша на жертву великую. А скота, овец и быков и прочих, и масла, и круп, числа нет. Все царство их снидесе на празднество се. Мелхиседек же отъиде в гору, в чащу леса, и молящесе господу богу небесному с воплем крепким, да пожрет земля отца его и мать, и брата, и всех, жертву творящих истуканным богом. Бог же с небесе услышав его молитву, повеле расступитися земле и пожре их и грады и царство все. Оста един Мелхиседек в горе, не имый отца и матери, ни причта роду, уподоблен сыну божию: напоследок господь наш воссия на земли от девы, не имый отца на земли, а на небеси без матери, — здесь без отца родися, а на небеси без матери; прежде век вечных из чрева от отца родися, не имать начала днем, ни животу конца, по чину Мелхиседекову царь и священник пребывает во веки. Не якоже в Моисеове законе кровию козлию, и тельчею жертвы приношахуся о гресех на всяк день, но единою Христос себя принесе в жертву отцу своему, и освятив нас кровию своею и сыны света сотвори, и наследники царствию небесному. На што нам лутче тово? Сыны божия стали верующии во Христа! А никонияна сыны дияволи: понеже не любят Христа и божественнаго его креста.

Сей Мелхиседек, живый в чащи леса того, в горе сей Фаворской, семь лет ядый вершия древес, а вместо пития росу лизаше*, прямой был священник, не искал ренских, и романей, и водок, и вин процеженных, и пива с кордомоном, и медов малиновых, и вишневых, и белых розных крепких. Друг мой Иларион*, архиепископ Рязанской. Видишь ли, как Мелхиседек жил? На вороных в каретах не тешился, ездя! Да еще был царские породы. А ты хто? Воспомяни-тко, Яковлевич, попенок! В карету

сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу, по площади, чтобы черницы-ворухи унеятки любили. Ох, ох, бедной! Некому по тебе плакать! Недостойн суть век твой весь Макарьевского монастыря единыя нощи. Помнишь, как на комарах тех стояно на молитве? Явно ослепил тебя диявол! Где ты ум-от дел? Столько добра и трудов погубил! На Павла митрополита что глядишь? Тот не живал духовно*, — блинами все торговал, да оладьями, да как учинился попенком, так по боярским дворам блюдолизить научился: не видал и не знает духовнаго тово жития. А ты, мила голова, нарочит бывал и бесов молитвою прогонял. Помнишь, камением тем в тебя бросали на Лыскове том у мужика того, как я к тебе приезжал! А ныне уж содружился ты с бесами теми, мирно живешь, в карете с тобою же ездят и в соборную церковь и в Верх к царю под руки тебя водят, любим бо еси им. Как им тебя не любить? Столько христиан прижег и пригубил злым царю наговором, еще же и учением своим льстивым и пагубным многих неискусных во ад сведе! Никто же ин от властей, якоже ты, ухищрением басней своих и пронырством царя льстишь и люди божия губишь. Да воздаст ти господь по делом твоим в день страшнаго суда! Полно мне говорить. Хошу от вас ныне терпеть. Якоже образ нам даде Христос, терпя от жидов: тако и мы ныне от вас не стужаем, — терпим о Христе до смертнаго часа. Хошу и всех, да же постражут, якоже и мы, а мы якоже и Христос, от вас, новых жидов. Иларион! Не лгу веть я, — сердиты были и жиды те, якоже и вы: Исаию пророка пилою претерли*; Иеремию* в кал ввергли; Науфея камением побили*; Захарии главу отрезали в церкви*, якоже и вы меня, стригше в церкви, браду отрезали*; напоследок и самого сына божия убили, истинну им свидетельствующа; архидиякона Стефана камением побили*; Иякова, брата Иванова, мечем скончали*. Да и много у них стряпни той было, — почтите токо. И вы не меньше их наклочили беды той, людей тех перегубили, мняся службу приносить богу. Мне сие гораздо любо: руская освятилася земля кровию мученическою. Не ленитесь, бедные, подвизайтесь гораздо, яко Махмет, подклоняйте под меч непокоряющихся в веру свою, да и по смерти своей, яко Ирод древле, прикажите владык и старейшин галилейских на память кончины своей побить. Да пускай плачет Израиль, в день умертвия вашего поминая мертвыя своя.

...Молю убо аз, юзник, вас всех страждущих о Христе: претерпим мало здесь от никониян, да бога вечно возвеселим. С ним и мы возрадуемся: ныне же в зеркале и в гадании, таможе со Христом лицом к лицу. Ныне нам от никониян огонь и дрова, земля и топор, и нож и виселица; тамо ангельския песни и славословие, хвала и радость, и честь, и вечное возрадование. Яра ныне зима, но тамо сладок рай. Болезнено терпение, но блаженно восприятие. Да не смущается сердце ваше и устрашается. Слышите господем реченное: «блажени плачущии, яко тии утешатся»*, и: «многими скорбьми подобает нам внити в царство небесное»*. Не начный блажен, но скончавый: «претерпевый до конца, той спасен будет»*. Всяк верный не развешивай ушей тех и не задумывайся: гряди со дерзновением во огонь и с радостью господа ради постражи, яко добр воин Исус Христов правости ради древних книг святых! И мы с тобою же, вкупе бога моля и пречистую владычицу нашу богородицу и всех святых, уповаем, конечно: не оставит нас господь и богомати. Аще они нас и мучат и губят, а сами дрожат; шлюсь на их совесть нечистую. А праведник, уповая, яко лев рыкая, ходит, не имать попечения ни о чем, токмо о Христе. Станем, братие, добре, станем мужески, не предадим благоверия! Аще и покушаются никонияне нас отлучити от Христа муками и скорбми: да статочное ли дело избидить им Христа? Слава наша Христос, утверждение наше Христос, прибежище наше Христос.

...Я, братия моя, видал антихриста тово, собаку бешаную, — право, видал, да и сказать не знаю как. Некогда мне печальну бывшу и помышляющу, как приидет антихрист, враг последней, и коим образом, да сидя молитвы говоря, и забылся, понеже не могу стоять на ногах, — сидя молюся, окаянный. А се на поле на чистом много множество людей вижу. И подле меня некто стоит. Я ему говорю: «чего людей много в собрании?» Он же отвеща: «антихрист грядет; стой, не ужасайся». Я подперся посохом двоерогим своим, протопоповским, стал бодро: ано ведут ко мне два в ризах белых нагова человека, — плоть та у него вся смрад и зело дурна, огнем дышит, изо рта, из ноздрей и из ушей пламя смрадное исходит. За ним царь наш последует и власти со множеством народа. Егда ко мне привели его, я на него закричал и посохом хочу его бить. Он же мне отвещал: «что ты, протопоп, на меня кричишь? Я нехотящих не могу обладать, но волею

последующих ми, сих во области держу». Да изговоря, пал предо мною, поклонился на землю. Я плюнул на него, да и очутился^{12*}, а сам вздрогнул и поклонился господи. Дурно сильно мне стало, ужасно, да нечево на то глядеть. Знаю я по писанию о Христе и без показания, скоро ему быть. А выблядков тех ево уже много, бешаных собак. Нас же да избавит от них Христос, сын божий, ему же слава ныне и присно и во веки веком. Амиль.

ИЗ БЕСЕДЫ ДЕВЯТОЙ

[Толкование на 87—88 зачало Послания ап. Павла к римлянам и 23 зачало Евангелия от Иоанна]

Апостол: «Не точию же, но и хвалимся в скорбех, ведуще, яко скорбь терпение соделоваает, терпение же — искусство, искусство же — упование, упование же не посрамит: яко любви божия излися в сердца наша духом святым, данным нам»*. — Толкование: Паки реку: ей, хвалимся и радуемся в скорбех своих, мучими от вас, никониян, в темницах, и во оковах, и в смертях многожды от вашева жалованья. Двадесять два лета плаваю и так и сяк, иногда наг, иногда гладен, иногда убит, иногда на дожде, иногда на мразе, иногда на чепах, иногда в железах, иногда в темнице, кроме повседневных нападений и разлучений жены и детей*. «Кто изнемогает, и аз не изнемогаю? Кто соблажняется, и аз не разжизаюся?»* Но терплю, бедной, о Христе Исусе упованием будущих благ. А ты, никониян, чем похвалишься? — скажи-тко! антихристом своим нагим разве, да огнем, да топором, да виселицею? Богаты вы тем! — знаю я. Да кто от святых так делал? Разве Саул* царь, сын Киссов. Егда Доик оклеветал архиерея Авимелеха и сына его Авиафара прозятя его Давыда, понеже угостили его и оружие Галиафова отдали ему: уведав же Саул мерский от Донка Идумейска и приказал, взбесися, леввит со архиереи тысящи с две и больши убить*. Ни пути, ни дела! Так то и вы ныне: секи да руби, жги да пали, да вешай! А неведомо за што. Сами же соблудили над церковию с Никоном с носатым и с брюхатым, с борзым кобелем, отступником и еретиком, да бросайся на тех, кои правду говорят.

¹² В другом списке: очуствовался—ГБЛ, собр. Егорова, № 1366, л. 66 об.

Больно-су нам! Мать нашу ограбили святую церковь, да еще бы мы ж молчали! Не умолчим-су и по смерти своей вашему воровству. Отдайте матери нашея имение все, и аз-от, которой передвигнули на иное место, положите на старом месте, где от святых отец положен был*. То малое ли дело; всю невесту Христову разорили. Разорили римляна-воры, блядины дети, — разорили, зело обесчестили! Бесятся, играют в церкви той! Кой что захватил, тот то и потащил: иной за сердце-то ухватил, еже есть престол святой четверостолпый переменял и пятой столп в средине учинил и тут мощи положил, а иной вор за голову невесту Христову ухватил и венец богоукрашенный сорвал, еже есть древо жизни и спасения, древо бессмертия, древо разума, древо трилюбезно, нетленно и неизнуряемо, крест трисоставный, честное древо, троица бо носит трисоставный образ. Сиче пишет Григорий Синаит*: «радуйся, кресте, образе неописанный и многоименный, древо требогатое, страшное же и всеблаженно, радуйся, кресте всесвятой и всесильный, радуйся, хранителю жизни нашея, господень кресте многопетый, образом своим бесы низлагая, враги отгоняя, страсти упражняя, и благословение даруя нам, и жизнь и силу содействием святаго духа, и честными пречистыя мольбами нам, свет, помогая». А от воров терпи,—пускай тебя бесчестят.

...А иной вор церковной с просвир Христов крест схватил да крыж римской положил. А просвиру ту Предотечю, что таракан изгрыз, девять дыр сделал, а сам говорит: «в девять чинов небесных сил так надобе». Господи помилуй! Где у них ум-от? Да мне видится, чины-те небесныя бесплотны, а жертва та приносится в воспоминание бывших на земли плотных, самого Христа агнец, а вторая просвира — богоматери, а третья всех святых, — неразлучным соединением, в части единой, все лики святых купно в мольбу предлагаем к богу о наших согрешениях, вспоминая им сродник наших труды и подвиги пред богом, и милися деем к ним же сочетатися в неразлучное соединение сего ради приношения; а лики частыми не разлучаем их: се бо есть нечестиво, аще кто разлучает их, единаче послуживших богovi. Таже четвертую просвиру и часть из нея приносим со агньцем предложенным о чине святительства, да же правят дело божие, и о спасении их. Таже пятую просвиру и часть из нея приносим о цари благочестивом и всем княжестве, пекущихся о правоверии. Таже шестую просвиру и часть из

нея приносим со агньцем к богу о всех живущих на земли, да же ради части сея подаст всему миру долгоденство и здравие и спасение. Таже седьмую просвиру и часть из нея приносим за усопшия в правой вере, да же ради части сея помянет бог души отец и братию наших во царствии своем. Аще и за единого изволишь часть принести особь, да будет особная просвира: нечестиво бо есть един хлеб многажды святить и един принос к богу дважды и трижды приносить, якоже никонияна из единого хлеба самочинием многи части приносят в принос.

Повесть писана в Духовном Цветнике*.

Некий священник егда творяще просвиромисание, приходяше к нему дух святой в видении орла, священник же действуя, взираше на него. По прилучаю же пономарь над просвирами прежде священника в пекарне действие сотвори по обычаю олтаря и принесе к действию священническому. Егда же священник нача просвиромисать, и не бысть пред ним в видении орла. Он же начат плакався, которати себя, глаголя: «яко греха ради моего не прииде, святой дух». Бысть же глас к нему: «сего ради не прииде к действию твоему, яко закланное ми паки закалаешь и принесенное паки приносишь». Священник же вопросив пономаря о тайне сей; он же исповедав подробну вся, како учинил, пад пред священником, прощения испросил.

Видишь ли, никониянин, что вы делаете, над одною просвирою кудесите, — дыр с 300 навертишь! Ох, собаки! Переменили предание святых отец и пять просвир вместо семи, возлюбили. Так же и в Риме прежде вас соделалось. Папа еретик, — забыл я имя ему, Спиридон Потемкин* покойник помнил, — так же откинул от семи две просвиры: подобает-де над пятию просвирами служить в пять чувств человеческих. А другой папа после тово еще две откинул: подобает-де над трема служить во образ святых троицы. А после тово третий папа еще две откинул: подобает-де над единою служить во едино божество. А иной папа: не подобает-де кислой просвиры в службе быть, но опреснок* надобе Моисеова закона ветхаго.

ИЗ БЕСЕДЫ ДЕСЯТОЙ

[Беседа о наятых делателях]

...В Луке зачало осмьдесят третие: «нищ же бе некто именем Лазарь, иже лежаще пред враты его гноен,

и желаше насытитися от крупиц, падающих от трапезы богатаго. Но и пси, приходяще, облизаху гной его. Бысть же умрети нищему, и несену быти на лоно Авраамле. Умре же богатый, и погребоша его, и во аде. Возвед очи свои сый в муках, узре Авраама издалеца и Лазаря в недрах его. И той возгласи, рече: «отче Аврааме, помилуй мя и послы Лазаря, яко да омочит конец перста своего в воде и остудит язык мой, яко стражду в пламени сем». Рече же Авраам: «чадо, помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоём, и Лазарь такожде злая: ныне же зде утешается, ты же страдаеши. И над всеми сими между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящий преити отсюда к вам не возмогут, ниже оттуду к нам преходят». Рече же: «молю тя убо, отче, да послыши его в дом отца моего, имам бо пять братия, яко да засвидетельствует им, да не и тии придут на место се мучное». Глагола ему Авраам: «имут Моисея и пророки, да послушают их». Он же рече: «ни, отче Аврааме; но аще кто от мертвых идет к ним, покаются». Рече же ему: «аще Моисея и со пророки не послушают, ниже аще кто от мертвых воскреснет, не имут веры»*. Видите ли, братие, како смири его мука? Преже даже пред очима не видел Лазаря гнойна, а ныне зрит издалеца и мил ся деет ко Аврааму, а Лазарю говорить сором, понеже не сотворил добра ничтоже. Возьми, — поидет Лазарь в огонь к тебе с водою! Каков сам был милостив! Вот твоему празднеству отдание! Любил вино и мед пить, и жареные лебеди, и гуси, и рафленные куры: вот тебе в то место жару в горло, губитель души своей окаянной! Я не Авраам, — не стану чадом звать: собака ты! За что Христа не слушал, нищих не миловал? Полно-тко милостивая душа Авраам-от миленькой, — чадом зовет, да разговаривает, быт-то с добрым человеком. Плюнул бы ему в рожу ту и в брюхо то толстое пнул бы ногою! Да что тово говорить? — по себе я знаю: хотя много надосадит никониянин, да как пришед с лестию бывало: «ведаю твое чистое, и непорочное и богоподражательное житие, помолися о мне, и о жене, и о детях, и благослови нас!» — так мне жаль станет, плачю пред богом о нем. Да и ныне ево жаль, — не знаю што. Завел его собака Никон за мыс, а то он доброй человек был, знаю я его. Полно тово.

Из „Книги толкований“

[ИЗ ТОЛКОВАНИЙ ПСАЛМОВ]

Псалом: «Обновится, яко орлу, юность твоя»*. Толк: Чти Алфавит, да разумееш, како обновляется орел. Аще внимаеши, и аз ти повем. Егда состарееца орел и обветшает весь, тогда обретает источник воды чисты и возлетает выспрь с великим трудом, еже есть в высоту, взимается к небесному огню, сиречь близ солнца подлетит, и обгорит вся ветхость на нем; он же паки возвращается на прежереченный источник чистыя воды и измывается довольно в нем, и, паки опернатеи, бывает юн вместо ветха. Ну, душе, сотвори и ты так. Аще обетшала грехми, да обновится, яко орлу, юность твоя; так же прибеги ко огню небесному, попадающему терние наших грехов*. С Павлом реку: «бог наш огонь паядаяи есть*». И измойся чистою водою естественною», еже есть крестися паки во второе, по писанию, понеже второе крещение грешнику — слезы и покаяние. *Да обновится, яко орела, юность твоя.*

...Псалом: «Господь на небеси уготова престол свой и царство его всеми обладает»*. Толк: Царствует господь наш Иисус Христос над всею тварию, над верными и неверными, еллинами, иудеями и самими бесами. Не пресекается царство его, и его же царствию несть конца. Слыши, никониянин, что глаголет пророк, яко вечно царство господне и не пресекается времены. Аще и блядословишь

на погибель себе, не по разуму говоря: «его же царству не будет конца», и я на тебя не дивлю: понеже пьян ты, упился еси от жены любодейцы, сидящая на водах многих и ездящи на звери червление. Зело пьяно вино и пьяно питие у блядки. Нарядна вор-блядь; в царской багрянице ездит и из золотой чаши подливает*. Упоила римское царство и польское, и многия окрестные веси, да и в Русь нашу приехала* во 160 году*, да царя с царицею напоила: так он и пьян стал; с тех мест не проспится; беспрестанно пиет кровь свидетелей Исусовых. Ну, разумеете ли про жену ту, чада церковная? Всякая ересь блядня глаголется. У еретиков у всех женская слабость: якоже блудница всякова осквернити желает, тако и отступник Никон с товарищи всех тщится перемазать сквернами любодейния своего, да же отведет от бога великия и малыя, богатая и убогая, смиренныя и нищия, старыя и младыя, юноша и девы и ссущия сосца матерня младенцы — всех сих еретик ищет погубить и ко диаволу подклонить.

...Псалом: «Слово законопреступно возложиша на мя: еда спяй не приложит воскреснути»*. Толк: Жиды лгаху Пилату на Христа, вадяще, да распнет его*, и ругающеся глаголаху: «аще снидет со креста, упова на бога, да видим и веру имем ему!»* А нынешние жиды, в огонь сажая правоверных христиан, тоже ругаяся говорят: «аще-де праведен и свят, и он-де не сгорит!» А кой и не сгорит, и оне, иссекши бердышами, и паки дров насеченных накладут, да в пепел правоверных жгут, яко и там на кресте Христа мертва в ребра мужик стрелец рогатиною пырнул*. Выслужился блядин сын, пять рублей ему государева жалованя, да сукно, да погреб! Понеже радеет нам, великому государю. Ох, ох, бедныя!

Псалом: «Ибо человек мира моего, на нь же уповах, ядый хлебы моя, возвеличи на мя пята»*. Толк: Сие реченно о Июде предатели. Ступил на шею Христу тому свету враг божий, забыл хлеб-соль; все на руках было, и ковчежец имеяша и вметаемая ношаше*. Да что на Июду? И ныне много таких; всяк Июда, иже льстит и обманывает, любя тленные вещи и сребро паче души своей.

...Псалом 41:

«Им же образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к тебе, боже»*. Толк: Елень бо зверь легкий и быстрый, питается мохом, и зиму и лето щиплет подле земли пищу свою, и по прилучию пожирает змей и поглотаает живы во утробу свою; змия же, егда

утробу терзати начнет, елень же течет быстро на источник водный и, пьюще текущую воду, умерщвляет в себе змию и паки здрав и жив бывает; аще ли же не получит воды в той час, змия его умерщвляет (о сем писано во Алфавите). Сице подобает и нам желание имети к богу, пожерже змию мысленную, еже есть беса возгневдившагося в нас, многокозненными умыслами и страстьми различными на вечную смерть устрояюща*. Дондеже есмы в животе, потщимся взыскати текущая живыя воды, ею же спас поил самаряныню жену, сице глагола к ней: «всяк пий от воды сея, вжаждется паки, а иже пиет от воды, юже аз дам ему, не вжаждется во веки; но вода, юже аз дам ему, будет в нем источник воды, текущи в живот вечный»*. Вот живая вода во Евангелии и во всех святых писаниях. Заливай ею, слышателю, змей-те в себе.

...Псалом: «Красотою твоею и добротою твоею и налещы и спей, и царствуй, истинны ради, и кротости, и правды, и наставит тя дивно десница твоя»*. Толк: Силен-де ты, Христе, налицая налячеши лук свой на скипетры сатанины и спешно-де сотвори добротою своею красною, испровергше диявола; царствуй над грехом, кротости ради и правды истинныя; наставит тя дивно десница твоя. Мудро господь диявола тово победил, братия; обманул ево, яко рыболов рыбу удицею подцепил. Евсевий Самосадцкий* пишет: «якоже лшение ловец на уду вонзе, рыбу уловляет, тако и Христос плоть облече на божество, утаився, диявола уловил». Дурачищо большой, не Адама в породе снадном обмануть! Сам, что собака бешаная, в петлю попал! Да ладно так Христос сын божий сделал, — заколол его деревянным копием, еже есть трисоставным крестом, да и нам приказал тем же крестом его побеждать и власть дал, наступати на змию, и на скорпию, и на всю силу вражюю.

...Псалом: «Помяну имя твое во всяком роде и роде. Сего ради людие исповедятся тебе в век и в век века»*. Толк: Зри, и нам поминати имя господне, великим и малым, во всяком роде, и апостольски во Христе жити.

Да и есть в нашем роде; на них зря людие исповедятся богу в век и в век века непрестанно. Наипаче же в нынешнее время в нашей России сами во огонь идут от скорби великия, ревнуя по благочестии, яко древле апостоли; не жалеют себя, но Христа ради и богородицы в смерть идут, да вечно живи будут. А как-су нейти в огонь христианскому роду? Богородицу согнали со престола*

никонияне-еретики, воры, блядины дети. Да еще бы не горько христианину! Горько-су будет, не покручинься. У христиан только и надежи она, упование, с сыном своим и богом. А еретики с престола сбросили и обесчестили. Ну, поп еретик, с чем о велике дни приидешь на двор ко христианину? Ни креста Христова в руках нет, ни образа богородична! По польскому обычаю крыжок из зепи вынявши, и благословлять, смеясь, станешь. Ох, воры, блядины дети! Каковы митрополиты и архиепископы, таковы и попы наставлены. Воли мне нет да силы, — перерезал бы, что Илья пророк студных и мерских жерцов всех, что собак. А к чему их блюсти! Тушны уже гораздо, упитались у тряпезы Иезавелины* и держаще учение Валаамово, иже учаше Валаака положити соблазн пред сынами Израилевыми, ясти жертвы идольския и любви творити**. Ей, прямо так; не затеял я: чти книги 4-я Моисеовы, глава 24. Слово в слово так же и ныне. В Ферапонтове монастыре новой Валаам*, блудодей, царя тово развратил и выблядков тех наплодил. Знаете ли, вернии? Никон пресквернейший; от него беда та на церковь ту пришла. Как бы доброй царь, повесил бы его на высокое древо, яко древле Артаксеркс Амана, хотяща погубити Мардохея и род Израилев искоренити*. Миленькой царь Иван Васильевич* скоро бы указ сделал такой собаке. А то чему быть! Ум отнял у милова, у нынешнева, как близ ево был. Я веть тогда тут был, все ведаю. Всему тому сваха Анна Ртищева со дьяволом.

...А противник, еже есть антихрист, зачнется от блуда, от жены жидовки, от колена Данова.

Мнит ми ся, сам сатана сблудит с нею сим подобием, якоже змий ныне летает к женам*, дьявольской же дух; и дастся зачтому душа за плоть матерню. А хотя и бусорман сблудит, ино тот же поганец, — духом своим дьявол помажет его, так и стал помазанец. Исперва будет казаться людям кроток, и смирен, и милостив, и человеколюбив: слово в слово как Никон, ближней предтеча его, плакать горазд. Я ево высмотрил дьяволова сына, до мору тово еще, — великий обманщик, блядин сын! Как-то при духовнике том, Стефане, вздыхает, как-то плачет, овчеобразный волк. В окно из палаты нищим деньги бросает, едучи по пути нищим золотые мечет! А мир-от слепой хвалит: государь такой-сякой, миленькой, не бывал такой от веку! А бабы молодые, — простите бога ради, — и черницы, в палатах тех у него веременицы, тешат его,

великого государя пресквернейшаго. А он их холостит, блядей. У меня жила Максимова попадья, молодая жонка, и не выходила от него: когда-сегда дома побывает воруха, всегда весела с воток да с меду; пришед песни поет: у святителя государя в ложнице была, вотку пила. А иные речи блазнено и говорить. Мочно вам знать и самим, что прилично блуду*. Простите же меня за сие. И больши тоя безделицы я ведаю, да плюнуть на все. Слово в слово таков-то и антихрист будет.

...И царя тово враг божий омрачил, да к тому величает, льстя, на переносе: «благочестивейшаго, тишайшаго, самодержавнейшаго государя нашего, такова-сякова, великаго, — больше всех святых от века! — да помянет господь бог во царствии своем, всегда, и ныне, и присно, и во веки веков». И веков тех, — и то в Кириллове книге* описует ересь: малое-де слово сие, да велику ересь содержит*. А царь-ет, петь, в те поры чается и мнится будто и впрямь таков, святее его нет! А где пуще гордости той! Мерзко богу горделиваго и доброе дело, колми же блудня и слабоумие, истинну в неправде содержаще. И бесплотных на небеси не пощадил бог за гордость и неправду, якоже Иезекииль пророк глаголет, — «херувим из среды огня извержен бысть, зане обретошася неправда в нем»*. Кольми же берна¹ человека не пощадит бог за гордость и неправду. Прежде во православной церкви на переносе не так бывало, но ко всему лицу мирскому глагола дьякон и священник: «всех вас да помянет господь бог во царствии своем, всегда, и ныне, и присно, и во веки веком»; а до царя дошед, глаголет: «да помянет господь бог благородие твое во царствии своем»; а к патриарху пришед: «да помянет господь бог святительство твое во царствии своем». А не в лице говорили именем его, посылая во царство небесное: буде он и грешен, ино род его царев православен, а в роду и святой обрящется. Тако и патриарх, аще и согрешит нечто, яко человек, но святительство непорочно. А ныне у них все накомь да поперег; жива человека в лице святым называй: коли не пропадет. В Помяннике напечатано сиче: «помолимся о державном святом государе царе». Вот, как не беда че-

¹ брэнна — в Боровском списке (XVIII в.), по которому печатал отрывки из данного сочинения Н. Субботин (см.: Материалы, VIII, стр. VI, IX). В настоящее время этот список неизвестен и разночтение указывается на основании свидетельства Н. Субботина.

ловеку! А во Отечниках написано*: «егда-де человека в лице похвалишь, тогда сатане его словом предаешь». От века несть слыхано, кто бы себя велел в лице святым звать, разве Навходоносор Вавилонский! Да досталось ему, безумному! Седьмь лет быком походил по дубраве, траву ядше, плачучи. Да, хорошо; слава богу о сем. Как простил бог слез тех ради, так потом годе усу тому воля давать; не стал уж раздувать, но и до смерти семеньми питашеся. А то приступу не было: «бог есмь аз! Кто мне равен? Разве небесной! Он владеет на небеси, а я на земли равен ему!»

...Много мучительства сотворил и крови неповинныя реки потекли. Во Апокалипсисе писано: «аще кто в пленение ведет, в пленение да идет, а аще кто мечем убьет, подобает ему убиенну быти»*. Писание не лжет, будет так; праведен суд божий; терпит господь, наказуя, ожидает обращения. Манасии пятьдесят лет терпел, да дождался*. Также шаловал дурачищо, бога отступя, и на высоких жрал, сиречь на горах болванам кланялся. Исаия пророк, велегласная труба, так же ему журил, как и ныне бывает, и он ево на полы древяною пилою перетер: «навось! не указывай нам, великому государю! на нас то положено!» А кто положил? В коих правилах писано царю церковью владеть, и догматы изменять, и святая кадить? Только ему подобает смотреть и оберегать от волк, губящих ея, а не учить, как вера держать и как персты слагать. Се бо не царево дело, но православных архиереев и истинных пастырей, иже души своя полагают за стадо Христово, а не тех, глаголю, пастырей слушать, иже и так и сяк готовы на одном часу перевернутца. Сии бо волцы, а не пастыри, душегубцы, а не спасители: своими руками готовы неповинных крови пролияти и исповедников православныя веры во огонь всажати. Хороши законоучителие! Да што на них дивить! Таковыя нароком наставлены, яко земские ярышки, — что им велят, то и творят. Только у них и вытвержено: «а-се, государь, во-се, государь, добро, государь!» Медведя Никон, смеяся, прислал Ионе Ростовскому на двор, и он челом медведю, — митрополитищо, законоположник! А тут же в сонмище с палестинскими седит*, бутто знает! А о Павле Крутицком мерско и говорить*: тот явной любодей, церковной кровоядец и навадник, убийца и душегубец, Анны Михайловны Ртищевой любимой владыка, подпазушной пес борзой, готов зайцов Христовых ловить и во огонь сажать.

Добро-су, други, пришла ваша година и область темная. Творите, еже хотите. Нечево много говорить, не пособить подождать воли господни, аже умилосердится о нас бедных и услышит плач вопиющих к нему день и ночь. Надеюся, яко прекратит дние сии за молитв святых отец наших и подаст рабом своим отраду и утеху. Да и при Манасии жерцы те также шурмовали; да как самоео выдал бог персам, так и все skutалися, и хвосты те, воскрылия риз своих, прижали. А Манасию татаровя в коноб всадили, самоео изжарить хотели, как он жарил во Израили глаголющих истину и правду. Видит беду свою неминуемую, яко не помогут боги, стоящии на горах высоких, притече душею ко истинному богу, животворящсму мертвыя, и возопи, в конобе медяне седя: «господи еседержителю, боже отец наших, Авраамов, и Исааков, и Ияковль», и прочая. Вот, пророк Давыд не солгал, рекше: «бродами и уздою челюсти их востягнеши, неприближающихся к тебе»*. Слава тебе, господи! Любо и мне; хорошо так, Христе, сыне божий! А то с дураком ладу не было, все переломал на свой лад, и сына божия попра, и кровь заветную осквернил, а в котле том узнал Авраамова бога. И Авраам отец стал. А до тово глупым звал, как и в Московском сонме: глупы-де были русские наши святыя, грамоте не умели! Так и там было. Господь милостив: покаяния ради избави его от смерти, — рассядеса коноб, и ангел восхитя ево и принесе во Иеросалим. Ну же он жернов тех душишь, и живых и мертвых: от вас-де разорение се, и мне была кончина! воры-де, блядины дети, с ума меня свели! А сам где был? А то Исаия говорил. Полно противитца! Сам так захотел: новой закон блядивой положил, а отеческой истинной отрынул и обругал. Кто бы ты принудил? Самовластен еси и священная писания измлада умееши, могущая тя умудрити во спасение твое, да не восхотел последовати учению отца истиннаго духовнаго твоего, но приял еси змию вогнездящуюся в сердце твое, еже есть тогда и днесь победители. Кайся вправду, Манасия! Не гляди на Озию, во отчаяние пришедша, дерзнувшаго святая покадити**, но зри на богоотца царя и пророка Давыда. Егда изочте Израиля и прогневал тем бога, послан ангел и уби от полка его в три часа 70 000. Давыд же плакаше и бияше в перси, глаголя: «аз, пастырь, согреших; аз тя, господи, прогневах, а сии овцы ничтоже о сем разумеют; меня казни и дом мой, а сих помилуй!» И умилосердися господь, покаяния ради царе-

ва, повеле ангелу престати от пагубы людцкой*. Виждь, начальных согрешения какову беду миру наносит, тогда и ныне и во веки. А в нашей России в 20 в 3 лета, отнележе враг развратил церковь и внесены быша еретическия уставы, много пагубы бывало: мор на всю землю и сеча, и междоусобие, и кровь беспрестанно льется, за начальных игрушки. А еретики ему блазнят и лагодят, глаголя: «яко на кроткова, государь, Давыда напасти и беды на тебя и на царство твое бывают». А не молвят так, что-де, государь, войны те и смущение во царстве том, яко при Сауле царе, сыне Киссове; несть ли-де и во твоей души такового смущения, якоже и в его, Саулове, мерской, осмотрися-де, государь, и прибегни с покаянием к богу, да милостив будет той zde и в будущем веце яко Манасии, умилосердися-де, государь, яко Ахав развративше Израиля; прибегни, яко блудница*; возопи, яко хананея*; припади, яко мытарь*, бия в перси, и, яко разбойник, возопи*: «помяни мя, господи, егда придеши во царствии си», да милостив будет ти господь бог, не ревнуй лукавнующим, ниже завиди творящим беззаконие, зане яко трава скоро истишут и яко зелье злака скоро отпадут*. Престани-де, государь, проливати крови неповинных; пролей в то место слезы, угаси пещь, палящую рабов Христовых в Боровске и в Казани; с воздыханием из глубины сердца расторгни узы сидящих в темницах и изведи живых, закопанных в землю; припади к коленама их с покаянием, да умолят о тебе бога, яко о Феофиле иконоборце Мефодий*. Древле также был миленький Мефодий-ет с двема разбойником закопан в землю, яко и боярня Морозова Феодосья в Боровске с прочими, в земле сидя, яко кокушка кокует.

..Пострижена ты уж нынеча, инокиня схимница Феофора*, миленькая моя! Как-то человеку тому, душка та коему больна, всяко домышляется, еже бо не во тщету жизнь изнуряти! Хороша ты и так милостию божиею была и без чернечества тово. А ныне и давно добро, кстае плакать сильно ладно². Также бы нам надобно царя тово Алексея Михайловича постричь беднова, да пускай поплачет хотя небольшое время. Накудесил много, горюн, в жизни сей, яко козел скача по холмам, ветер гоня, облетая, по аеру, яко пернат, ища станы святых, како бо их поглотить и во ад с собою свести. Но спаси его, господи,

---

² В Боровском списке (см. стр. 105): сильно хорошо, ладно.

имиже веси судьбами своими, Христе, за молитв кокушек тех, бедных, сидящих в земле.

...О царю Алексее! Покажу ли ти путь к покаянию и исправлению твоему? Воззри на царя Давыда, что сотвори, внегда вниде к Вирсавии, жене Уриеве, сиречь у живова мужа отнял жену и на постелю к себе взял. Таже вниде к нему Нафан пророк и глагола пророку пророку со дерзновением: «царю Давыде! даждь ми суд праведен на сильного, имущаго у себя сто овец, и едина бысть овца у некоего, он же, восхитя, и ту к себе привлече. Да судиши праведне обидящаго со обидимым!» Давыд же отвеща: «сотворивый неправду повинен смертному осуждению»*. И глагола ему Нафан: «царю Давыде! ты сию неправду сотворил: понеже имаши триста жен и семьсот наложниц, не удовольився ими, убив боярина своего Урию, и жену его Вирсавию к себе же на ложе привлече. По суду своему повинен еси смерти». Давыд же рече: «о Нафане, что сотворю? Согреших, неправду сотворих». И глагола ему Нафан: «возри вспять и виждь осуждение твое». Обозревжеса Давыд, виде над собою ангела, — оружие наго держа, хотя его за беззаконие посети*. И възопи Давыд ко господу: «помилуй мя боже, по велицей милости твоей и по многим щедротам твоим очисти беззакония моя» и прочая псалма того, весь до конца. И плакався о гресе том непрестанно и до смерти своей. Вот, царю! коли тебя притрапезники те твои Давыдом зовут, сотвори и ты Давыдски к богу покаяние о себе и не гневайся на мя, правду свидетельствующу ти, якоже и на Нафана Давыд, но послушай совета моего болезненнаго к себе. Ей, тебе истинну говорю, — время покаяться.

...Любя я тебе, право, сие сказал, а иной тебе так не скажет, но вси лижут тебя, — да уже слизали и душу твою! А ты аще умеешь грамоте той, но и нонеча хмельненек от Никанова тово напоения; не помнишь Давыдова тово покаяния. Ведаю разум твой; умеешь многи языки говорить, да што в том прибыли? С сим веком останется здесь, а во грядущем ничимже пользует тя. Воздохни-тко по-старому, как при Стефане, бывало, добренько, и рцы по рускому языку: «господи, помилуй мя грешнаго!» А кирелеисонот отставь; так елленя говорят; плюнь на них! Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничижай ево и в церкви и в дому, и в пословицах. Как нас Христос научил, так и подобает говорить. Любит нас бог не меньше греков; предал нам и гра-

моту нашим языком Кирилом святым и братом его*. Чего же нам еще хочется лучше твоего? Разве языка ангельска? Да нет, ныне не дадут, до общего воскресения. «Да еще бы и ангельски говорили, — Павел рече, — любви же не имам, бых яко медь звенящи или яко барабаны ваши!»* Никоея пользы в них несть. «Любы не превозносятся, не бесчинствуют, любы не завидит, ни гордится, не раздражается, не ищет своя си, не вменяет злое, не радуется о неправде, радуется же о истинне, вся любит»*. А ты, миленькой, посмотри-тко в пазуху-то у себя, царь христианской! Всех ли христиан тех любишь? Несть больше, отбеже любы и вселися злоба. Еретиков никониян токмо любишь, а нас, православных христиан, мучишь, правду о церкви божии глаголющих ти. Перестань-ко ты нас мучить твоем! Возьми еретиков тех, погубивших душу твою, и пережги их, скверных собак, латынников и жидов, а нас распусти, природных своих. Право, будет хорошо. Меня хотя и не замай в земле той до смерти моей; иных тех распусти. Потому что меня жалуют люди те, знают гораздо везде: так мне надобе себя поупасти, чтобы в гордость не войти. Писано: «отрада на душу гонение велико живет». И ты, пожалуй, распусти иных тех при себе, а я и так хорош. Сын твой после тебя распустит же о Христе всех страждущих и верных по старым книгам в господа нашего Исуса Христа. На шестом соборе бысть же сие, — Константин Брадатый проклявше мучителя, отца своего еретика*, и всем верным и страждущим по Христе живот дарова. Тако глаголет дух святой мною грешным, рабом своим: и здесь тоже будет после тебя! И ты послушай меня, сделай доброе при себе, дондеже еси в животе. Егда придет хищник и восхитит тя, не успеешь тогда; *понеже суд бывает без милости несотворшим милости**. Веть мы у тебя не отнимаем царства твоего здесь, ниже иных взущаем на тебя, но за веру свою стоим, боля о законе своем, преданном от святых отец. Что ти успеет во грядущий век? Грабишь нас напрасно и обнажаешь от Христа. Время и тебе покаются, понеже любит господь бог покаяние.

Хощеши ли, ин путь тебе покажу? Взри на неввитян. В три дни милость божию к себе привлекли сицевым образом. Глагола господь ко пророку Ионе с повелением: «иди и проповеждь ниневвитяном, да покаются, понеже грехи их внидоша во уши моя; аще ли ни, погибнут пагубою». Иона же, ведав божие милосердие, яко милостив бывает кающимся, не восхоте в Неввию ийти, но седше

в корабль и в Фарсис побеже, да же не солжется пророчество. Став же корабль непоступно на пучине морстей, ветру велию дышущу. Иона же навклиром, еже есть кораблеником, рече: «вверзите мя в море, понеже мене ради не поступит корабль». Егда же вовергоша, и повеле бог киту великому, да пожрет его. И бысть три дни и три нощи во чреве китове, прообразуя Христово тридневное погребение в сердцы земли. И принесе его кит жива к Ниневии, граду великому, ему же обхождение седмь дней. В книгах Ионы пророка, в Библии писано. Егда же испусти его зверь, он же проповеда людям, глаголя: «аще не покаетесь, тако глаголет господь, в три дни погибнете». И изыде на поле, седе под смерчем, ожидая граду пэгубления. Людие же умилишася, и с сущими младенцы, сосцы матери три дни постишася, и плакавше грех свои, во вретиса облекошася, и перстию главы своя посыпавше, и скоту не даша пищи и пития. Много их бысть, иже не познаша десницы и шуйцы, больши двунадесяти тем, — сиречь робят тех столько, а старых тех и гораздо много. И виде бог умиление и покаяние их, раскаявся владыко и помилова их. Пророк же оскорбися, яко не сбысться пророчество его, и уснув, сидя под смерчем, — сиречь древца некакие, — и он, милой, с кручины ввалился под куст и уснул. И възыде об ношь тыковь над главою его, красна и лепа. Он же возрадовахся и возвеселихся о ней. И повеле господь червю ночному подгрызти: и изсхе из корени. Пророк паки оскорбися о ней. И глагола ему господь: «како ты, Иона, ни сажил, ни поливал тыковь сию, — об ношь возрасте, об ношь и погибе, а скорбию великою оскорбился еси о ней? Кольми же в Ниневии людии мои, иже не познаша десницы и шуйцы, больши паче, нежели дванадесят тем, вси оскорбишася и притекоша ко мне»*. Виждь, человеце, како любит бог покаяние грешников, понеже праведника пророка тешит, а грешных милует. Прибегнем к нему, милостивому богу и спасу нашему, и не отчаем своего спасения, якоже Каин сотворил, или царь Озия во Израили. Добр человек был и милостив, и правдолюбив, но впаде в недуг гордости, сицевым образом разгордевся: вниде во святая святых, взял кадило и приступи к жертвеннику, начат святая кадить. Архиереи же умолчаша ему за величество сана его, но токмо един священник Азар приступи к царю и рече (как бы то я, бедной, тебе ворчу, — архиереи те не помогают мне, злодеи, но токмо потакают лишю тебе: «жги, государь,

крестьян тех, а нам как прикажешь, так мы в церкви и поем; во всем тебе, государю, не противны; хотя медведя дай нам в олтар-ет и мы рады тебя, государя, тешить, лише нам погребы давай, да кормы с дворца». Да, право, так, — не лгу). И глагола Азар: «Озия! не подобает ти святая кадити, но токмо едином иереом, сыном Аароним». Он же, не стыдился гласа священническа, своя совершая. И порази его господь язвою на челе, еже есть бог проказу наведе. Изгнаша его из церкви по закону Моисеову, понеже закон повелевая прокаженных вне сонма и из града изгоняти, дондеже исцелиет, и паки по свидетельству священническу приемлется и прощен бывает. Людие же, устыдился сана царьска, не изгнаша его из града. Он же, Озия, живяше в доме своем неисходно, не прииде в покаяние греха своего и до смерти. Бог же о сем прогневался на люди, удержав пророчество за их согрешение и за пророческое ослабление, яко не изгнаша прокаженного царя вне града. И молча пророк Исаия до смерти Озиины, понеже дух святой не сниде на пророка к недостойным людям глаголати, яко прогневаша господа удержанием прокаженного во граде. И в лето, в не же умре Озия царь, виде господа сидяща на престоле висоце и превознесенне, и окрест его херувимы, шесть крыл единому и шесть крыл другому, двема облетаху, двема очи закрываху, двема же — ноги, и воиюще друг ко другу: «свят, свят, свят господь Саваоф, исполнь небо и землю славы его». И един от предстоящих, взяв клещи и от престола уголь горящий, и прикоснуся устом моим, рече пророк и возопив: «о, окаянный аз, провидех воплощаемаго бога, света не вечерня и миром обладающа!» И нача паки пророчествовати*. Виждь и разумей, колики беды гордость рождает: сам погиб и людям охрипу наведе и тщету дарования божия. Тако и ныне от гордости вниде во церковь нестроеение и догматное пременение.

[ИЗ ТОЛКОВАНИЙ НА КНИГИ ПРИТЧЕЙ И ПРЕМУДРОСТИ СОЛОМОНА]

...Коли взбесился, не унять тебя. Ну и церковь ту под гору со всем! Разделай костел римской и опреснок учини, яко папа, еретик римской, после причастия в олтаре птицы рафленья заедать на золотых блюдах, с похмелья! как быть хорошо! прикусны! лутче просвир!

мясо птичье брюшка не пышит! Воры, воры, блядины дети! Как вам себя не сором! Иудейская вся возлюбили, яко и оне древле похотеша желанию в пустыни и искусша бога в безводне: и даст им прошение их, посла сытость в душа их. Но потекла им по пятам сия сытость! Поражени бо быша в пустыне, и от змей погибоша, и из ноздрей черви потекоша, и многоразлично казни неблагодарнии прияша*; наконец же, всех кости падоша, — не вниде ни един в обетованную землю, токмо Исус Наввин, чад их обрезав*; а старые те черти все падоша в пустыни. Такие же, как и вы, сластолюбцы были. Манну едят, а о чесноке египетском тужат. Да помяните себе, что я говорю: пропасть и вам за собак места! Ждет вас бог на обращение; не узнаетеся враги креста Христова, сластолюбцы, блудодеи, осквернившие ризу крещения, убийцы и прелюбодеи, пьяницы и непрестаемаго греха желатели. Горе вам, насыщению, яко взалчете! Горе вам смеющимся, яко восплачете и возрыдаете! Дайте только срок, собаки, не уйдете у меня: надеюся на Христа, яко будете у меня в руках! выдавлю я из вас сок-от! Ну, да полно тово! яжьте, пейте, веселитесь, разоряйте церковь ту! не соромьтеся, делайте костел-от! пришла ваша година и область темная. А мы с православными християны за святую церковь о Христе Иисусе помрем от вас, не изменим отеческое ничто же.

...Рассуждай глагол Христов: своего врага люби, а не божия, сиречь еретика и наветника душевнаго уклоняйся и ненавиди, отрицайся его и душею и телом, а аще кто не богоборец и не еретик досаждает ти, такового любити подобает по господни заповеди. Тому же подобно и мирное поставление. С еретиком какой мир? Бранися с ним и до смерти, и не повинуйся ево уму развращенному.

...Беги от еретика: обесчестишься, поречешь себя, сиречь душу свою извредишь: ево не исправишь, а себе язвы примешь. В еретиках жестоки нравы и неизвратны на благое; зудит его слово то правое, яко мозоль.

...Аще он когда и мякко с тобой говорит, уклоняйся его, понеже ловит тебя, да же наведет беду душевную и телесную. Но с премудрым советы сердечныя рассуждай.

...Взыщи християнина, который старых святых книг не уничижает, и с ним беседуй, рассуждая премудрость, писанную во святых старопечатных книгах, и приложит примати. Так обоим добро будет от Христа бога.

...Сущее: «Падут грады, вознегодует на них вода мор-

ская, реки же потекут жесточае»*. Толк: Глаголет, — па-
дут грады — от бога отступят люди, а вознегодует вода
морская — грешные праведных изгоняют; реки же поте-
кут жесточае — еже есть праведники пуще их воровство
обличают: грешники праведников мучат, а оне больши их
обличают, не молчат небось, стреляют их праведными
словесы своими метко; не обмишулится праведник-от, —
уж как пустит слово-то свое о Христе на собаку
никониянина, тотчас неправду ту в еретике-то за-
колет.

...Сущее: «Седина же есть мудрость человеком и воз-
раст старости житие нескверное»*. Толк: Зри житие чи-
стое и не скверное и безгрешное, мудрость, и честь, и
слава и старость честная человеку. Всех богатых богатей-
ший и славных славнейше, во всем мире обносится имя
его, живущаго в вере Христове и в делах господних. Бла-
жен есть таковой и треблажен, иже не ульсти языком
своим, и не сотвори искреннему своему зла, и поношения
не прият на ближния своя. Окаянен же и безумен же от-
текает от веры Христовы, истинные старыя премудрости,
и прилепляется бесом, молодой вере, глупостию младен-
ческою одержим. Таковой и дел благих не имать, тако
глуп, яко робенок: по земле прилежай и щепу и говно по-
емля, в рот себе пихает; и падая с лавки и с полатей,
язвы себе от безумия приемлет. Тако любяй никониян-
ския книги спадает с высоты разума старопечатных книг
московских и язвит себя по внутреннему человеку: яко
щепу и кал пихает в рот, научая лжи и неправде от бля-
дивых книг никониянских; таковой аще и сед и многоле-
тен, но младенец сый неразумия ради.

...Сущее: «Рачение бо злое губит добрая и желание
похоти пременяет ум незлобив»*. Толк: Аще кто возлю-
бит злыя никониянския книги и иные поступки, — наре-
чия и одежды и прочия бляди, нововодныя коби, — тако-
вый вся своя добрая погубляет и от бога чюжд бывает,
понеже желание дурное переменит его беднова, ко всему
нестроен учинится: ум-от у него омрачится от погани той
новой, и бывает милостивый не милостив, и незлобивый
злобен, и праведный лживый учинится. Такова-то их но-
вая та благодать проклятая, губит людей-тех добрых. То-
го ради подобает неослабно прибегати к богу и милости
просити: всяк бо, правости ища и веры правыя, не погиб-
нет, но имать по словеси Христову, живот вечный, а при-
лежай настоящей блазни, всяко погрязнет.

[ИЗ ТОЛКОВАНИЯ НА КНИГУ
ПРОРОКА ИСАИИ]

...Сущее: «И ту будет вселение птицам и водворение сирином, и тростие, и стеблие»*. Толк: Много птиц поющих по пустыни сей. Птичье житие проходят многие святые отцы и, яко сирины, со умилением и со слезами песнь богу поют. Сирин бо есть птица краснопеснивая, — писано во Алфавите* о ней, — обретается к востоку близ рая, во Аравитцких странах, в райских селениях живет и, егда излетает из рая, поет песни красныя и зело неизреченны, и не вместимыи человеку уму; егда же обрящет ея человек и она узрит его, тогда и лаче прилагает сладость пения своего. Человек же, слышавше, забывает от радости вся видимая и настоящая века сего и вне бывает себя; мнози же и умирают, слушавше, шествуя по ней, понеже красно и сладко пение*; и есть не захочет горюн от желанія своего. Было также и при Христе, бозе нашем, якоже и Евангелие повествует о сем: егда кождаше в пустыни Исус, а за ним народа пять тысяч и паки 4 с бабами и с робяты волочатся, слушавше, яко сирина, песен его, и не ядше, бедные приседают, сладки гораздо песни. Он же, умилосердився о них, и хлебом чудесным и рыбою их накормил* после учения пречистаго своего. Да плуты люди те сия забыли все и песни и чудеса; идоша вспять от него. Кто их похвалит, дураки! начали, а не совершили. *Претерпевый до конца, той спасен будет**, не начный блажен, но скончавый. Тако и ныне: кто сиринов тех, светов, слушает, сиречь учения святых отец, и тщится делом совершить, блажен будет и треблажен; понеже, яко иудей, не отступает вспять от Христа, но и умереть за истину готов, упоая на господя, яко трость вкоренень крепко и яко стебель у кореня Христа прицепился неотлучно.

Сущее: «И тамо будет путь чист, и путь свят наречется, и мимо идет тамо нечист, ниже будет тамо путь нечистых, рассеяни иже пойдут по нему и не заблудят»*. Толк: Путь чист и путь свят — заповеди божия глаголет, в них же ходят святини, чистое и непорочное живущее житие о Христе Исусе, а нечистии сими путями не ходят, еже есть еретики не соблюдают заповедей господних, но и текущим по них возбраняют: не любят по бозе живущих, понеже стыдно им глядеть на постника, многоядцем, и блудным на целомудрых, и пьяным на трезвых. Праведник, яко светильник, не угасая светит, и люди о нем весе-

лятся, по писанию: похваляему праведнику, возвеселятся людие. А богоотступнику досадно: ево так не хвалят, да ищет, как бы праведника уловить или погубить. Рассеяни же поидут по нему и не заблудят, сиречь, аще еретик праведника и изгоняет в ссылки, в расеяние посылает во страны дальняя, якоже Никон отступник делал с никонияны: отец и братию мою в Астрахань, и в Новгород, и в Сибирь, и в Дауры, и в Пустозерье, везде рассеяни по лицу всей земли, а оне, миленькие, не заблуждают, единаче ходят по пути господни.

...Сущее: «Почто цените сребро не в хлебы и труд ваш не в сытость; послушайте мене и снесите благая, и насытитесь во благих душа ваша; внимайте слухом вашим и последуйте путем моим: и жива будет во благих душа ваша»*. Толк: Развратився Израиль тогда, от закона и заповедей божиих ослабели, имения ваша изживаху в неподобство, якоже и у нас в новом Израили бывает; также по-жидовски украшают плоть, а душу же презирают, а инии строят многоценныя ризы, инии возгражают дома красныя и различныя жилища, а инии кони и колесницы и иная несказанная, а к душевному строю претит диявол: в церковь и нищим подати не хочет, а что и подает, ино смеху достойно — денешку и полденешку или кусок корки сухие, а имеет тысящи сребра и злата и на псах ожерелки шелковые и кольца серебряныя*. Ох, увы, ценившим сребро не в хлебы и труд не в пост! Глад себе вечной немилостивии собирают, изживая в непотребство и в блудню, вечных благих не желают, ушми не слушают и сердцем не внимают господу, зовущу: «внимайте слухом вашим и последуйте путем моим и жива будет во благих душа ваша. А сребролюбцы и немилостивии пуще изощряются на злая, — тогда во иудеях и ныне в наших единаче недугует человек род сим недугом смертоносным необратно.

...Сущее: «Горы бо и холми изменятся, чающе вас в радости, и вся дрeвеса дубравная воспещут ветвьми, и вместо прута взыдет кипарис, вместо же праха взыдет мирсина, и будет имя господне во знамение вечно и не оскудеет»*, — рече господь. Толк: Горы бо и холми — царие язык и власти земстии изменяются учением Христовым и святых его, приходят в благоразумие, чающе радости небесныя со святыми. И вся дрeвеса дубравная воспещут; люди все верни быше во Христа возрадуются; прежде быше яко голая лоза и яко прут сухой, процветут во благовонный кипарис верою во Христа; израстут

древеса чудная; по всей земли воня благоухания чудес наполнено святых. И ныне явился новой святой, Илинарх в Соловецком монастыре, — вместо же праха взыдет мирсина. Зрите и разумеите: не прах ли был Илинарх-от*, в земле лежал, кто его знал, земля ино земля, а ныне яко мирсина взошел, зело завонял во всю русскую землю. Мирсина бо есть древо райское, обретается к восточным странам, посреде кедров и кипарисов, и зело древо ухано, еже есть вони исполненно благой, издавеча приходящаго обвеселит. Тако и Иринарх во всей земли верных возвеселил, а никониян взбесил своим и скорбь им наведе явлением. Понеже старыя наша изгнанныя православныя веры крин процвете, на обличение никонияном новолубцам, врагом и отступником от Христа и от пречистой богородицы и от соловецких чудотворцов. Как вы, никонияне, скрыть чудо сие умыслите? Али сице рцете, яко вашего ради достояния земля Иринарха отца изведе из недр своих ради ваших новых блядивых молитв? Гордоусы! — обмишулились, — не так, не так! не лгите на истину: пение в Соловках церковное и келейное по старому православию и книги имеют старопечатные, вашим блядям противятся, того ради от вас в осаде сидят семь годов* милые, алчни и жадни, наги и боси, терпят всякую нужду ради веры православныя. Того ради, утешая их, бог изведе из земля стараго игумна Иринарха, бывшего древле в православной вере при благочестивом царе Михаиле Федоровиче всея Руси. И будет имя господне во знамение вечно, рече господь: еще же и не оскудеет, по словеси божию, старое наше православие молитвами святых отец. А ваше никониянское собачье умышление скоро извод возьмет, не будет яко мирсина и кипарис, но яко неверия паки в прут иссохнет и в прах разыдется, и провоняет яко мертвый пес.

«ЧТО ЕСТЬ ТАЙНА ХРИСТИАНСКАЯ И КАК ЖИТИ В ВЕРЕ ХРИСТОВЕ»

...Еже есть хоцещи помилован быти — сам такожде милуй; хоцещи почтен быти — почитай; хоцещи ясти — иных корми; хоцещи взять — иному давай. Се бо есть равенство, а по превосходному уму — себе желай худдшее, а искреннему лутьшее; себе желай меньшее, а искреннему большее. Богатому поклонись в пояс, а нищему в землю.

Ударит тя кто по ланите — обрати ему и другую и, отшед, ему же поклонися. Чти отца твоего и мать твою любезне и сердечне, яко ко святым, к стопам ног их главу приклоняй благоговейне, изведших тя от своея утробы; тебя ради утроба матерня болезнь претерпе, отец же, болезнующ о тебе, воздыханием и печалию снедаем всегда. Сего ради старость его поддержи, болезнь его уврачуй, гной его своима рукама обмой, ризы мягкие на плоть его возложи, седины его облобызай, пищею сладкою напитай и, отшед, поклонись, яко Иосиф Прекрасный отцу своему, не постыдися Египта, державы своея*. Также и матери твори, яко Соломан царь Вирсавию* одесную престола своего устрой. Аще ветха деньми — на руку своею поноси; чрез грязь на плещу принеси; прежде ея напитай — потом сам вкуси; со гласом хваления главу свою к персям ея преклоняй и облобызай корень рождения своего. Воздохни о старости ея и, пад, поклонися родителю своему, — се бо есть благоприятно и любезно пред богом. Яко же бо ты отцу своему и матери сотворишь, такожде и тебе чада твоя сотворят, и в ню же меру мериши — возмерит ти ся. Еще же по плоти брата и сестру своих почитай; не рцы им грубо и досадительно ничто; ниже возносись на единокровных своих; понеже одинаго корене леторосли масличныя; одина утроба вас поноси и единая ссаша сосца матери своея; из единых изыдоша ложесн; едино лоно матерне вас воспита, и рuce ея равно строиша вас; одиначе сердцем и утровою уязвляясь о вас и равною любовию прилежаше к вам. Воспоминайте, чада, между собою союз сея любви и равное к вам строение родителя своего; не возноситеся друг на друга и не преобижайте словом и делом, и помышлением единокровных своих, но меньшей брат к большему повинование приноси; больший же о меньшем вседушне промышление твори.

...Разумеете ли силу любви? Не сию, глаголю, любовь, еже любит рачитель блудный рачительницу или пьяница пьяницу; тако же любятся тати с татями и мытарь с мытарем; ядят и пьют и друг друга, восхитя чужая, с любовию да пьют. Ни, ни! — се бо есть пагубная, бесовская любовь. Истинная же любовь о господе бозе и спасе нашем, Исусе Христе; сия есть от трудов и пота лица своего. Алчна накорми; жадна напои; нага одежи; странна в дом свой введи; священство и иночество почитай, главу свою до земли им преклоняй; в темницу пришед, сидящим упокоение сотвори; о вдовице и о сиром попекись;

грешника на покаяние приведи; заповедь Божию творити научи; должника искупи; обидимаго заступи*; мимоходящему путь укажи и проводи и поклонись. И о всех и за вся молитвы богу приноси, о здравии и спасении всех православных христиан. Се бо есть сила любви. Аще время привлечет и пострадать брата ради, не оторцыся по Христову словеси.

...Братия и чада моя о господе, богатии и убозии, мали и велицы, смиренныя и нищия, сирья и вдовицы! Дондеже имамы время, попецемся о единородных своих душах и о домашних своих: муж о жене, жена о муже; отец о сыне, сын о отце; мати о дщери, тщи о матери; брат о сестре, сестра о брате. Не во тлю, молю вы, попечение творим, якоже неверни попечение творят о брашнях, и о ризах, и о чести настоящего века сего: како сына ризами украсить, како тщерь венном, сиречь приданым, довольно наделить или пиршество ясно и светло сотворить или в дому храмы красныя и повапленныя возградить. Ни, ни, чада моя о господе! — се бо языческо есть, в вас же, Христовых учениках, не тако да буди, но пещися вам подобает: како сына и тщерь во благоразумие привести, како к любви Божии привлеши, в православной вере утвердить, на милость и любовь к человеку научить, молитве и посту и иным добродетелем вразумить. Се бо есть благоприятно и любезно богу.

Еще же муж жене и жена мужу своему да воздают должную любовь о господе. И пейте от своих студенец источника, еже есть в чюжия кладези не ходите, но свою воду пейте. Просто рещи — друг от друга не соблудите и не желайте красоты чюжия. Во всяком кладезе одинака вода и не разнствует ничем же друга друзей. Тако и совокупление мужа и жены, токмо красота чужая греху ходатайственна, а сладость смешению одна. Якоже в рай красен бе и добр в снесь, иже Адама уморивый, плод, озоба и наг бысть от славы своя, тако и здесь чюжая красота нага благодати святаго крещения сотворит. Так что стал еси? О, муж или жена, бес — не бес, человек — не человек! Как на тебя Христос поглядит, как пречистая богородица позрит? Как явишися на страшнем и нелицемерном суде наг красоты и одеяния светло блещащихся риз? Скрыся под древо со Еввою Адам* и прикрывста листвием смоковичным свою наготу. Тогда богу ходящу в рай и глаголющу: «Адаме, Адаме, где бе?» Спрятался бедной под куст, как подъявитца наг? О, окаянный Адам,

куды от бога бежишь? Со дьяволом любил пировать и воровать, а к зиждителю повинутца не захотел. Так же бывает и здесь: мотрошит окаянной прелюбодей, яко Адам, листвием закрывает свою срамоту, сиречь в бане парится и измывается начисто, яко селезнь, сблудя с чюжею, или блудница с чюжим, рубаху белую воздевает, к церкви пришед, молитвы у попа просит, бутто и всегда доброй человек — праведник. А совесть та замучила злодея, да тут же идет ко кресту и к прочим святыням кашается.

Ох, ох, безумия! не зрит внутрь души своя наготы и срамоты, яко вместо риз благодатных сквернавыми ризы оболчен и помазан блудною тиною и вонею злосмрадною повит. И бес блудной в души наше сedit, кудри бедной расчесывает и ус расправливает посреде народа. Сильно хорош, и плюнуть не на ково. А прелюбодейца белилами, румьями умазалася, брови и очи подсурмила, уста багряноносна, поклоны niskи, словеса гладки, вопросы тихи, ответы мяжки, приветы сладки, взгляды благочинны, шествие по пути изрядно, рубаха белая, ризы красныя, сапоги сафьянныя*. Как быть хороша — вторая египтяныня, Петерфийна жена*, или Самсонова Диалида* блядь. Посмотри-тко, дурка, на душу свою, какова она красна. И ты, кудрявец, чосаная голова! Я отселе вижу в вас: гной и червие в душах ваших кипят; беси же вас злосмрадною водою кропят и ликовствуют в вас, яко в адовых темных жилищах, веселящися. Вы же не чуете в себе зверей таковых, яко снедают вас ради беззаконныя сласти сея.

...Не ищите риторики и философии, ни красноречия, но здравым истинным глаголом последующе, поживите. Понеже ритор и философ не может быть христианин.

...Аз есмь ни ритор, ни философ, дидакалства и логофетства неискусен, простец человек и зело исполнен неведения. Сказать ли, кому я подобен? Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам града и по окошкам милостыню просящу. День той скончав и препитав домашних своих, на утро паки поволокся. Тако и аз, по вся дни волочась, собираю и вам, питомником церковным, предлагаю, — пускай, ядше, веселимся и живи будем. У богатова человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатова гостя, из полатей его хлеба крому выпрошу, у Златоуста, у торгового человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исая пророков, у посадцких людей, по четвертине хлеба вы-

просил. Набрав кошел, да и вам даю, жителям в дому бога моего. Ну, ешьте на здоровье, питайтесь, не мрите с голоду. Я опять побреду собирать по окошкам, еще мне надают, добры до меня люди те, — помогают моей нищете. А я и паки вам, бедненьким, поделюсь, сколько бог дает. Не подобает скрывать данного нам таланта, да же не осудимся, яко и оный, обертев во убрус сребро господина своего и скрых в землю; за сие ввержен бысть во тьму кромешную, идеже плач и скрежет зубом, и зело прыгут во огни негасимом*. Не ленись того для, собака!

...Слышал еси милосердие божие, о друже, гладкая глава и учесанья кудри, и ты, разумная, похотка гладкая, умазанное лице, добрая жена? Вонмите евангельским словесем, престаните поне при кончине от беззакония. Отдали есте юность дияволу: дайте поне старость богу, дайте целомудрие творцу своему и содетелю-свету. Не таковый рачитель на смешение друг друга, якоже бог спасения и обращения вашего хошет. Покайтесь, прибегнете поне позде к нему, создателю своему свету! Ей, запоздали! Верите настоящему сему веку? Не быша ли прежде вас сильнии царие и князи, богатии и убози, малии и велиции? Где оне? Се видим, пожертвы быша, всех поглотит смерть, всех увяди, всех исти! Воистину, быв яко не быв. Возри во гроб и виждь: где юность, где очи краснии и зрак наш? Вся изше, яко сено, и яко цвет отцвете, и яко трава посеченна бысть. Гной, червие, смрад лют, блудящая плоть бедная лежит, таже прак и без вести бысть. Где же душа прелюбодеевая? Во адовых темных жилищах, идеже несть света, но тма кромешная, идеже гроза неумолимая и лютии немилостиви приставницы, скрежет зубом и плач неутешимый. Ох мне, како избуду сих? Люто есть место и зело страшно, ужасает ми ся ум и трепещет ми душа, воспоминая сия. Помяните, чада, богатаго онаго, о нем же спас рече, како яко лев ревет за блудни своя, жгом негасимым огнем. Изво ада ко Аврааму рече: «Отче Аврааме, помилуй мя! Посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и ухладит язык мой, яко стражу бо пламене сем». Видите ли, како смири его мука? Издалеча Авраама и Лазаря видит! А прежде, у брат лежаща, пред глаза, не видал! Недосуг больше чесать кудрей стало! Там же здесь дурил, как и вы ныне дури-те, забывше смерть. Кто молвит о добре, так и слушать не хотел, — заревет, да закричит: «не указывай, — не тебе за меня отечать! Знай ты себя! не слушаю, говори

твоя! Как хочу, так живу!» А мазаное-то лицо защекочет, будто и всегда добрая жена: «бог судит! — напрасно оглашаешь! Я за тем не хожу, — право и не знаю тово!» Ох, бесчинница! Ворует, да и запирается! Беду на беду творит! А как бы: «согрешила, прости, впред престану!» — ино бы и бог простит, да и жила бы чинненко, плакався о первой той глупости. Ино диавол претит, а своя слабость престать не велит. Да еще огрызается, что сука, пред добрым человеком.

Ох, горе мне, — не хочется говорить, да нужда влечет. Как вора не обличить, коли не кается! Я, окаянный, в Сибири* зашел сам со огнем: в храмине прелюбодей на прелюбодеице лежит. Вскочили. И я говорю: «что се творите? не по правилам грех содеваете!» И оне сопротиво мне: «не осужай!» И аз паки им: «не осужаю, а не потакаю». Прелюбодей мил ся деет и кланяется мне, еже бы отпустил. А женщина та беду говорит: «напраслину-де ты на меня наводишь, протопоп, и затеваешь небылицу! — брат-де он мне, и я-де с ним кое-што говорю». А сама портки подвязывает, — блудницы те там портки носят. И я говорю: «враг божий! а то вещи обличают». И она смеется. Так мне горько стало, — согрешает, да еще не кается! Свел их в приказ воеводы. Те к тому делу милостивы, — смехом делают: мужика, постегав маленько, и отпустил, а ея мне ж под начал и отдал, смеючись. Прислал. Я под пол ея спрятал. Дни с три во тьме сидела на холоду, — заревела: «государь-батюшко, Петрович! Согрешила пред богом и пред тобою! Виновата, — не буду так впредь делать! Прости меня, грешную!» Кричит ночью в правило, — мешает говорить. Я-су, перестал правило говорить, велел ея вынять и говорю ей: «хочешь ли вина и пива?»* И она дрожит и говорит: «нет, государь, не до вина стало! Дай, пожалуй, кусочик хлебца». И я ей говорю: «разумей, чадо, — похотение-то блудное пища и питие рождает в человеке, и ума недостаток, и к богу презорство и бесстрашие: наедшися и напився пьяна, скачешь, яко юница, быков желаешь и, яко кошка, котов ищешь, смерть забывше». Потом дал ей чотки в руки, велел класть пред богом поклоны. Кланялася, кланялася, да и упала. Я пономарю шелепом приказал. Где-петь детца? Черт плотной на шею навязался! И плачу пред богом, а мучю. Помню, в правилех пишет: «прелюбодей и на Пасху без милости мучится». Началя много, да и отпустил. Она и паки за тот же промысл, сосуд сатанин.

Из „Книги обличений, или Евангелія вѣчнаго“

...Да слышит глаголы сын мой духовный — Фетька отщепенец, от никониян рукоположенец, зря на животворящий крест господень; да буди распятый на кресте сем судия между мною и тобою, днесь и в день века. Живешь развращенно и нелепо мудрствуешь о образе святых троих*. Рекох ти и паки реку: веруй и исповеждь по писанию, якоже святые книги научают, а не по своему обольщенному смыслу. Ей, бога тебе свидетеля поставляю и святой крест господень!

Блудишь, сице пиша и глаголя о святей троице: понеже-де божественное несозданное существо святых троих несекомо есть и не расстоящо лицом же до друг друга, и отнюдь не раздельно. Аз ти глаголю: возбесился еси, человече, святая сливаешь, раздельную лицы глаголеши нераздельну. Впал еси в бреге стремнины; украдше свои очи, помрачил свою душу; истинны в писании не разумевше, глаголешь образ един святых троих сличен; и исповедуешь, пиша в своих подметных тетратках, склятвою и ротою глаголя, яко сын во отце, тако же и дух святой внутрь отца — имут един образ, нераздельными лицы. И приводишь в приводе душу человечесю, толкуя суматоху, глаголя: якоже-де душа трисоставна — ум, слово, дух — имать един образ, такоже-де и бог: сын и дух святой во отце соединенно и совокупно, а не слитно и нераздельно всяко.

...Подобно Федьке бешенному* бывал у меня в Сибири бешенный, Феодором же звали, — тезоименит тебе, а другой на Лопатищах Васильем звали: на чепи сидя, у.....ся, говно то свое ухватя, в рот пехает себе же, а сам говорит: царь, царь, царенки, царенки. И едино лице и два лица знаменит; понеже дьяволи так учат. Как я, мазав маслом святым, да потом шелепом свитым: твори молитву Иисусову, бешенный страдник! Да бывало Христовою милостию и оцеломудрствуется недели в две, а в три и исправится. А с тобою уж десять лет мучюся, а не могу от тебя бесов тех отогнать: за моя некоторыя грехи суровы велиары в тебя вошли. Да легче беса от бешенного изгнать, нежели от еретика.

...Федор, веть ты дурак! как тово не смыслишь! В писании лежит о зачатии Христове писано сице: «слухом бо вниде и неизреченно изыде». И ты, не зная силы глаголу, блекочешь, страдник: «ухом-де девыя бог слово во чрево ея вниде и боком изыде». Тако ты рече, Федор! Лазарь и бранил тебя за сие, а я уж на тебя и плюнул.

Как о сем не знаешь? Слухом бо вниде, сиречь, со гласом архангеловым зачатся бог слово в девей; не разверз двери девства в воплощении, а дверьми ея вселися во утробу, а не ухом.

...Кто изрещи может сие необычное дело? От века несть слыхано, николи же, нигде же. Аще и по благовещению радишася Сиф, Енох, Исаак, Иван Предтеча и Сампсон, и владычица наша, свет царица небесная*, но отцы ложесна прежде детища разверзаху, и потом рождашася младенец, врата разбивше. Здесь же, во Христе, не тако. Бог идеже хошет, побеждается естества чин: без болезни вниде, без болезни и изыде. И млеко дояше, дева питаше питающаго всю тварь. И сие не по естеству бе, но выше естества неизреченно. Не бывает у дев млеко, дондеже с мужем во чреве не зачнет.

У пречистыя матери господни и у девы млеко бысть. Егда родила бога-человека* без болезни, на руках ея возлегша, сосал титочки свет наш. Потом и хлебец стал есть, и мед, и мясца, и рыбку, да и все ел за спасение наше. И вино пияше, да не как веть мы — объядением и пиянством, — нет, но благоискусно дая потребная плоти. Больше же в посте пребывая.

...Да что-су вы, добрые люди, говорите: «батько-де сердито делает. У Николы тово и не мое смирение было, да не мог претерпеть: одинако Ария, собаку*, по зубам

брязнул. Ревнив был миленькой покойник. Не мог претерпеть хулы на святую троицу. Собором стащили с него и чин весь: «неправильне-де творишь, архиепископ». Да ему даром дали пестрыя те ризы Христос да богородица. И опять ево нарядили, а он себе...¹ никою не бояся. Проклят блядин сын Арий да буди, — не называй тварию творца, сына божия-света. За что-то меня в те поры не было. Никола бы вора по щоке, а я бы по другой, блядина сына.

...Ох, блядин сын, собака косая, дурак, страдник! Коли не знаешь в книгах силы и ты вопросы бабы поселянки*: заблудил-де от гордости, государыня матушка, на водах пустыни и не знаю праваго пути к богу. А со отцем-де своим духовным дьявол спроситца претит ми, и от него-де за воровство свое учинился проклят. Помози-де, матушка, моему сиротству, исправь мою душу косую, и весь-де мой орган по души катится косо, с трудом великим, не путем еду...

---

¹ Пропуск в рукописи.

Из статьи „Списание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека“

Сие Моисей пишет: «искони сотвори бог небо и землю» *. Гранограф толкует *: небо небес, на нем же престол божий, то небо огненно, а сие, видимое, глаголется твердь быти; под тем небом ангельское ликостояние и служение бывает к богу, а сотворил его бог словом своим от несущества, еже есть от небытия в бытие приведе. Слово божие живо и действенно, — рекл: «буди небо», — и бысть, «буди вода», — и бысть, «буди земля», — и бысть. Землю взял от воды, а не от пены: пена — легкое дело *, а водное естество тяжко, того для и земля тяжела. Петр апостол пишет: «яко небеса убо исперва, и земля от воды, и водою составленна божиим словом» *. И приказал лежать на воде, а не на китах. Дамаскин пишет: «утвержей ни на чем же землю повелением си и распространи неодолимую тяготу», — всегда поет церковь.

Паки Библия: «земля же бе невидима и неукрашена» *, сиречь без лица в водах морских вся плавала, яко камень, — ни дров, ни травы, ни рек, никакова украшения не бысть, много воды было.

Бытия: «и разлучи бог между водою и водою, и рече: „да будет твердь, и бысть“» *. Слово и дело вскоре, — от тое же воды сгустилося, егоже видим, — небо. Давид о нем же вещает: «пропиная небо, яко кожу, покрываяй водами превыспреня своя» *. Сиречь там половина воды, яко на полатях лежит и николи к нам не сходит, токмо в потоп,

при Нои, за грехи людския оттоле спустил бог; разверзшаяся хляби небесныя, и шесть недель вода лила на землю. Еще же приказал и морю из предел выступить, и погрязла земля в водах. Над высокими горами пятнадцать сажень было воды. И стояла вода 40 недель¹, шесть недель прибывала, шесть недель убывала, и всего год было, дондеже ковчег Ноев на месте ста. Все померло в водах: и люди, и скоты, и звери, и птицы небесныя; токмо Ной праведник с своими спасеся.

На первое возвратимся и рцем паки Бытия: «и тьма верху безны, и дух божий ношашеся верху воды»*. Сиречь не видеть ничево, дня не было, — темно.

И рече бог: «да будет свет», и бысть свет. И нарече свет — день, а тьму нарече ночь. И бысть вечер, и бысть утро, день един*. Просто молить: ночь да день — сутки стали. День на дело людям приготовил, а ночь — на покой и на словословие к нему, свету, яко и Давид глаголет: «седмижды днем хвалих тя о судьбах правды твоея»*, сиречь в сутках так всякому подобает: вечерня, гавечерня, правила, полунощница, утренняя, часы, литургия. Да он же говорит: «полунощи востах исповедатися на судьбы правды твоея». Сверх тово и нам так надобе вставать и плакатися о гресех.

Паки Бытия: «и бысть мрачен день и не светел без светил». И в первый день бог звезду сотворил, ей же имя Аррис*; а во второй сотворил звезду Ермис; а в третий день Крон; а в четвертый Афродиту, и Артемида она же словет, и положил их на тверди небесной в нощи светити по земли; в четвертый же день солнце сотворил и украсил день яко пресветлым венцем; в пятый же день месяц сотворил и небо звездами украсил. И положил солнце во область дни, луну же во область нощи*.

...И повеле господь, да изнесет земля траву, сеющу семенну породу и по подобию, и древа плодовитая, творящая плод*. Гранограф толкует: во второй день землю красил господь, а Златоуст в Маргарите глухо пишет. И израстиша былия прекрасная, травы цветныя разными процветении*: червонныя, лазоревыя, зеленыя, белыя, голубыя и иныя многия цветы пестры и пепелесы, по господню глаголу, яко ни Соломан премудрый возмог себе

---

¹ В списках: 40 дней — ГБЛ, собр. Егорова, № 1885, л. 116 об.; № 1898, л. 60; ГБЛ, собр. Общества истории и древностей российских; ф. 188, № 12, л. 127 об.; ГБЛ, собр. Попова, № 2548, л. 78 об.; ГИМ, Музейское собр., № 2582, л. 55 об.

таковыя цвѣтныя одежды устроить; оне же и благоуханіем благовонным облагоухают. Также и дрѣвеса израстоша: кипариси, и певги, и кедри, мирьсины и черничіе, смокви и финики, и виноградіе, и иное садовіе, — множество много различныя плодовиые дрѣва из земли изыдоша. И реки посреде гор протекоша, и источники водныя. Таже от земли сотворил бог скоты и зверіе дубравныя, а от воды птицы небесныя, парящая по аеру; от воды же и вся летающая по аеру: мухи и прочая гады, пресмыкающіеся по земле. Посем насадил рай во Едеме, на востоце, дрѣва и крины райскія, по 12 плодов в году приносят; дрѣва не гниющая, травы не ветшающія, цвѣты не увядаемыя, плоды неистлеваемыя; аще и на земле рай, но посреде плотнаго и духовнаго житія устроен.

...И сотвори человека, сиречь яко скуделник скуделу, еже есть горшешник горшок. И положил пред собою. Он же бездушен пред ним лежит, недвижим. И виде бог, яко добро: дуну на него. И дадеся ему душа, яко ангел некій чистейшій; дух же возвратися ко господеву, а персть отъиде в землю. И бысть человек в душу живу. Зри, всю тварь господь сотворил словом, а человека боголепными руками*.

...И нарече имя ему Адам. Посем введе его в рай и заповеда ему, да не вкусит от дрѣва, еже разумети добро и зло, и вложи в него сон, и успе Адам. И взят господь от ребра его. И сотвори ему жену, помощницу по нем, и нарече имя ей Ева.

...Паки Бытію рцем: «и приведе господь ко Адаму звери, и скоти, и птицы небесныя, и поклонишася ему, видя его во славне образе сияюща, Адам же нарече им всем имена». И поживе Адам в раю, по Филону*, сто лет, а инии глаголют три годы*, а инии шесть часов*, яко царь над всею тварию. Вся ему покорна, вся повинна, лютыя звери пред ним трепетаху и бояхуся Адама. И сам бог беседоваше с Адамом. И позавиде диявол чести и славе Адамли, восхоте у бога украсти. Вниде во змию, лучшаго зверя*, и оболга бога ко Адаму, рече: «завистлив бог, Адаме, не хочет вас быти таковых, яко же сам. Аще вкусьте от дрѣва, от него же вам заповеда, будете яко бози». Адам же отказал, помня заповедь зиждителяву. Змия же, отклоняся от Адама, прииде ко Евве: ноги у нее были и крылье было. Хорошій зверь была, красной, докаместь не своровала. И рече Евве те же глаголы, что и Адаму. Она же, послушав змии, приступи ко дрѣву: возьм

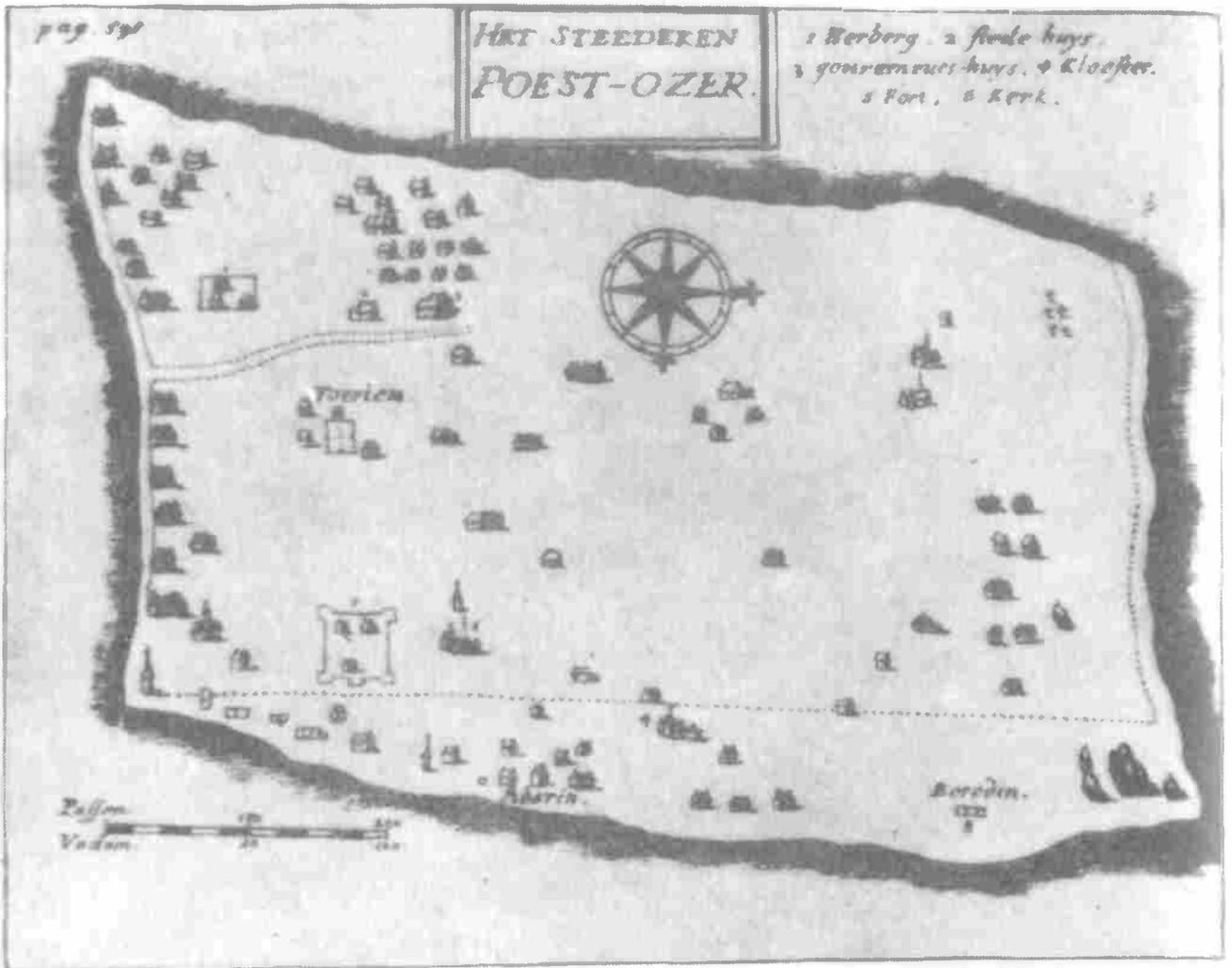

Никон. Из Титулярника 1672 г.

Алексей Михайлович. Из Титулярника 1672 г.

Снимок с изображения Пустозерска XVII в.

грезнь и озоба его, и Адаму даде, понеже древо красно видением и добро в снедь, смоковь красная, ягоды сладкие, слова между собою льстивые: оне упиваются, а дьявол смеется в то время. Увы, невоздержания, увы небрежения господни заповеди! Оттоле и доднесь творится так же лесь в слабоумных человеках. Потчивают друг друга зелием нерастворенным, сиречь зеленым вином процеженным и прочими питии и сладкими брашны. А опосле и посмевают друг друга, упившагося до пьяна,—слово в слово, что в раю бывает при дьяволе и при Адаме.

Бытие паки: «и вкусиста Адам и Евва * от древа, от него же бог заоведа, и обнажистася». О миленькие! одеть стало некому; ввел дьявол в беду, а сам и в сторону. Лукавой хозяин накормил и напоил, да и с двора спехнул. Пьяной валяется на улице, ограблен, а никто не помилует.

Увы безумия и тогдашнева и нынешнева!

Паки Библия: «Адам же и Евва сшиста себе листовие смоковничное от древа», от него же вкусиста, прикрыста срамоту свою и скрыстася, под древо возлегоста. Проспалися бедные с похмелья, ано и самим себя сором: борода и ус в блевотине, а от гузна весь и до ног в говнех, со здоровных чаш голова кругом идет.

Паки Бытия: и ходящу богу в раи, глаголющу: «Адаме, Адаме, где бе?» Он же отвеща: «господи, гласа твоего слышу, а видети тя не могу». Господь же, наруга ему, рече: «се Адам, яко един от нас». И паки рече господь: «что се сотворил еси?» Он же отвеща: «жена, ежи ми сотворил еси». Просто молить: на што-де мне дуру такую сделал. Сам неправ, да на бога же пеняет. И ныне похмельные, тоже шпыняя, говорят: «на что бог и сотворил хмель-ет, весь-де до нага пропился и есть нечева, да меня ж-де избивили всево», а иной говорит: «бог-де его судит, упоил до пьяна»; правится бедной, бытто от неволи так сделалось. А беспрестанно тово ищет и желает; на людей переводит, а сам где был? Что, Адам, на Евву переводишь? А сам от дьявола и прежде поущение слышал. Ино было, уразумев навет дьявольской, и жена укрепить к соблюдению заповеди. Так в те поры не так было: небрежем о заповеди зиждителиеве: ешь да пей, да веселися. А топеря: «жена, еже ми даде». Чем было рещи: «согрешил господи, прости мя». Ино стыдно так молить, лукавая совесть не велит, коварством хошет грех загладить, да на людей переводит.

«Жена, еже ми даде». Господь же рече ко Евве: «Евва, что се сотворила еси?» Она же отвеща: «змия прельсти мя». Вот хорошо: каков муж, такова жена; оба бражники, а у детей и давно добра нечева спрашивать, волочатся ни сыты, ни голодны.

Бытия: змия же отвеща: «дьявол научил мя». Бедные! все правы и виноватова нет. А то и корень воровству сыскался. Чем еще поправитесь? И все за одно, с вором стакався, воровали: чем дело вершить? Да нечем переменить. Кнутом бить, да впредь не воруют.

Бытия паки: «и повеле господь херувиму всех изгнати из рая». Изгнан бысть Адам и запечатлен бысть рай. И осудил бог Адама делати землю, от нея же взят бысть; жене же в печалех родити чада; а змии на чреслах ползати и ясти землю, а дьявола проклять.

Челобитные, письма, послания

ЧЕЛОБИТНЫЕ ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ

«ПЕРВАЯ» ЧЕЛОБИТНАЯ

От высочайшая устроенному десницы благочестивому государю, царю-свету Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, радоватися. Грешник протопоп Аввакум Петров, припадая, глаголю тебе, свету, надеже нашей. Государь наш свет! что ти возглаголю, яко от гроба восстав, от дальняго заключения, от радости великия обливаясь многими слезами, — свое ли смертоносное житие возвещу тебе, свету, или о церковном раздоре реку тебе, свету?

Я чаял, живучи на Востоке в смертях многих, тишину здесь в Москве быти; а я ныне увидял церковь паче и прежняго смущенну. Свет наш государь, благочестивый царь! Златаустый пишет на Послание к ефесеом*: «ничтоже тако раскол творит во церквах, якож во властех любоначалие, и ничтож тако прогневает бога, якоже раздор церковной». Воистинно, государь, смущенна церковь ныне.

Летом, в Преображений день*, чюдо преславно и ужасу достойно в Тобольске показал бог: в соборной большой церкви служил литоргию ключарь тоя церкви Иван, Михайлов сын, с протодьяконом Мефодием, и егда возгласиша: «двери, двери мудростию вонмем», тогда у

священника со главы взялся воздух и повергло на землю; и егда исповедание веры начали говорить, и в то время звезда на дискосе над агнцем на все четыре поставления преступала* и до возглашения «Победныя пе[сни]»; и егда приспе время протодьякону к дискоосу притыкати, приподнялася мало и стала на своем месте на дискосе просто. А служба у них в церкви по новым служебни[кам], по приказу архиепископлю*. И мне, государь, мнится, яко и тварь рыдает, своего владыку видя бесчестна, яко неистинна глаголют духа святого быти и Христа, сына божия, на небеси не царя быти во исповедании своя веры*.

Да не одно, государь, то, но и моровое поветрие* не мало нам знамение было от Никоновых затеек, и агарянской меч стоит десять лет беспрестани*, отнележе раздрал он церковь. Добро было при протопопе Стефане*, яко все быша тихо и немятежно ради его слез, и рыдания, и негордаго учения; понеже не губил Стефан никого до смерти, якоже Никон, ниже прощрял на убиение. Тебе, свету, самому житие ево вестно. Увы души моей бедной! Лучши бы мне в пустыни даурской, со зверьми живучи, конец прияти, нежели ныне слышу во церквах Христа моего глаголюща невоскресша*.

Вем, яко скорбно тебе, государю, от доуки нашей. Государь-свет, православной царь! Не сладко и нам, егда ребра наша ломают и, розвязав, нас кнутьем мучат и томят на морозе голодом. А все церкви ради божия стражем. Изволишь, государь, с долготерпением послушать, и я тебе, свету, о своих бедах и напастех возведу немного.

Егда я был в попех в Нижегородском уезде, ради церкви божия был удушен и три часа лежал, яко бездушен, руки мои и ноги были избиты, и имение мое не в одну пору бысть в разграблении, и сие мне яко уметы, да Христа моего приобретаю*.

И егда устроил мя бог протопопом в Юрьевце-Повольском, бит ослопием и топтан злых человек ногами, и дран за власы руками; отнял меня Дионис Крюков еле жива. И о сем молихся, да простит им бог zde и в будущем веце.

А Никон меня, патриарх бывшей, на Москве по ногам бив, мучил недели с три по вся дни*, от первого часа до десятаго. И о сих всех благодарю бога.

Да он же, Никон, егда мя взял от всенщнаго с двора протопопа Иоанна Неронова, по ево патриархову веленью, Борис Нелединской со стрельцами ризы на мне изодрали и святое Евангелие, с наля сбив, затоптали; и посадя на

телегу с чепью, по улицам, ростяня мои руки, не в одну пору возили. И уш то, государь, так попустил бог им.

И потом во Андроньеве монастыре посадил под полату пустую в землю и три дни и три нощи на чеши держал без пищи. И о сих всех благодарю, государь, бога. Прости, государь,—тут мне пищу принесе ангел за молитв святаго отца протопопа Стефана. Не скучно ли тебе, государю-свету?

И сибирския беды хошу вспомянути, колико во одинатцеть лет на хрепте моем делаша язв беззаконнии за имя Христово. Не челобитьем тебе, государю, ниже похвалою глаголю, да не буду безумен, истинну бо, по апостолу, *реку* *. Яко ты наш государь, благочестивый царь, а мы твои богомольцы: некому нам возвещать, како строится во твоей державе.

Егда патриарх бывшей Никон послал меня в смертоносное место, в Дауры, тогда на пути постигоша мя вся злая. По лицу грешному воевода бил своими руками, из главы волосы мои одрал и по хрепту моему бил чеканом, и седмьдесят два удара кнутом по той же спине, и скована в тюрьме держал пять недель, тритцеть и седмь недель морозил на морозе, чрез день дая пищу, и два лета против воды заставил меня тянуть лямку. От водяного наводнения и от зноби осенняя распух живот мой и ноги, и от пухоты расседалася на ногах моих кожа, и кровь те чаще беспрестанно.

А инии твои, государевы-световы, казаки, тружajúщися в водах, в то время многие помирали от тоя воеводския налоги и муки.

И как мы дошли до места, тамо нас и совершенное зло постигло: ел я с казаками не по естеству пищу: вербу и сосну, и траву, и коренье, и мертвыя мяса зверины, а по напраснству и по прилучаю и кобылие. И тово было ядения шесть лет. А казаки бедные — всякую мертвечину, иные — волки и лисицы, иные — человеческую лайну. И от тоя нужды человек с пятьсот померло; а осталось немного — человек ныне с сорок. А иных он, воевода Афонасей Пашков, пережег огнем и перебил кнутьем до смерти, якоже и меня мучил. А что, государь, у меня было из Енисейска везено с собою в запас хлепча на предидущая лета, и тот хлеб он, Афонасей, у меня отнял после кнутова биения и продавал мне на платьшишко мое и на книги свою рожь немолотую дорогою ценою, по два рубли пуд вещей и больши. И я из первых лет ел рожь немолотую вареную, покамест чево было. А он, Афонасей, и до съез-

ду жил в покое, потому, государь, что завезено у него всего было много казачьими трудами.

У меня же, грешника, в той нужде умерли два сына, не могли претерпеть тоя гладныя нужды; а прочих, государь, детей моих снабдевала от смерти жена ево, Афонасьева, и другая — сноха ево — втайне; егда от нас кто начнет с голоду умирати, тогда присылали нужную пищу. Понеже жены милостивы быша, яко древняя серафтяныни*.

И не то, государь-свет, надежда наша, едино; но в десять лет много тово было: беды в реках и в мори, и потопление ми многое было. Первое — с челядию своею гладен, потом без обуви и без одежды, яко во иное время берестами вместо одеяния одевался и по гарам великим каменным босы ходяща, нужную пищу собираху от травы и корения, яко дивии звери; иногда младенцы мои о острое камение ноги свои до крови розбиваху и сердце мое эле уязвляху, рыдающе горькими слезами; а во иное время сам и подружие мое шесть недель шли по голому льду, убивающесе о лед, волокли на волоченьках малых детей своих в пустых даурских местех, мерзли все на морозе.

И о сих всех, государь-свет, благодарим бога, яко первые мы в тех странах с женою моею и детьми учинились от патриарха в такой пагубной, паче же хорошей, ссылке. Упоил нас чашею вина неразворенна*. Да не поставит ему бог в грех здесь и в будущем веце!

Не прогневайся, государь-свет, на меня, что много глаголю: не тогда мне говорить, как издохну! А близ исход души моей, чаю, понеже время належит.

То не отеческой у патриарха вымысл, но древняго отступника Иулияна* и египтенина Феофила*, патриарха Александрова града, и прочих еретик и убийц, яко христиан погубляти. Мне мнится, и дух пытливой таков же Никон имать, яко и Феофил, понеже всех устрашает. Многие ево боятся, а протопоп Аввакум, уповая на бога, ево не боится. Твоя, государева-светова, воля, аще и паки попустишь ему меня озлобить, за помощию божиею готов и дух свой предати. Аще не ныне, умрем же всяко и житию должная послужим; смерть мужу покой есть*; смерть греху опона.

А душа моя прияти ево новых законов беззаконных не хочет. И во откровении ми от бога бысть се, яко мерзок он пред богом, Никон. Аще и льстит тебе, государю-свету, яко Арий древнему Константину*, но погубил твой в Руси все государевы люди душою и телом, и хотя

щии ево законы новыя прияти на страшнем суде будут слыть никонияня, яко древнии арианя. Христа он, Никон, не исповедует, в плоть пришедша; Христа не исповедует ныне царя быти и воскресение ево, яко иудеи, скрывает; он же глаголет неистинна духа святого, и сложение креста в перстех разрушает, и истинное метание в поклонех отсекает, и многих ересей люди божия и твоя наполнил; инде напечатано: «духу лукавому молимся»*. Ох души моей и горе! Говорить много не смею, тебя бы, света, не опечалить; а время отложить служебники новые и все ево, Никоновы, затейки дурные! Воистинно, государь, сблудил во всем, яко Фармос* древней. Потщися, государь, исторгнути злое ево и пагубное учение, дондеже конечная погуба на нас не приидет, и огонь с небесе или мор древний и прочая злая нас не постигло. А егда сие злое коренне исторгнем, тогда нам будет вся благая: и кротко и тихо все царство твое будет, яко и прежде Никонова патриаршества было; и агарянской меч бог устави и сподобит нас получити вечная благая.

О патриархе престану, государь, тебе, свету, извещати, но молю тебя, государя, о воеводе, которой был с нами в Даурах, Афонасей Пашков, — спаси ево душу, якож ты, государь, веси. А время ему и пострищися, да же впредь не губит, на воеводствах живучи, христианства. Ей, государь, не помнит бога: или поп, наш брат, или инок — всех равно губит и мучит, огнем жжет и погубляет. Токмо, государь, за мою досаду не вели ему мстити! И паки тебе, государю, припадая, глаголю, слезы от очию моею испущая: не вели ему мстити! Не должны суть чада родителем имения снискати, но собирают родители чадом. Аще и стропотное, но мое он чадо, Афонасей Пашков, и чадо мое и брат мне по благодати: едина купель всех нас породила, едина мати всем нам церковь, един покров — небо, едино светило — солнце. Аще и досаждают, но любовию их нам примати.

Помилуй, государь, царь православной, не оскорби бедную мою душу: не вели, государь, ему, Афонасью, мстити своим праведным гневом царским, но възщи ево, яко Христос заблуждшее овча, Адама. Твое бо, света, милости и спасати всегда, и ныне, и присно, и до кончины.

Свет-государь! Пред человеки не могу тебе ничтож проговорити, но желаю наедине светлосное лице твое зрети и священнолепных уст твоих глагол некий слышати мне на пользу, как мне жити.

[ЗАПИСКА О ЖЕСТОКОСТЯХ ВОЕВОДЫ ПАШКОВА,
ПРИЛОЖЕННАЯ К «ПЕРВОЙ» ЧЕЛОБИТНОЙ
АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ]

В 169* Афонасей Пашков* увез из Даур Никанские земли два иноземца, Данилка да Ваську, а те люди вышли на государево имя в даурской земле в полк к казакам.

Да другие два переотчика, Ивашко Тимофеев Жючерской да Илюшка Тунгусской, жили у тех же даурских казаков многие лета. И Ивашковым да Илюшкиным толмачеством государю собирали казаки государские ево казны многие лета.

А после розгрому Богдойскова пришли достальные казаки снизу ко Офонасью Пашкову на Иргень озеро. А те четыре человека: Данилко, да Васька, да Ивашко, да Илюшка, пришли с ними же, казаками, служить великому государю. А воевода Афонасей Пашков у казаков их отнял и взял к себе во двор сильно, и оне и по се время плачючи, живут, мучая у него во дворе, пособить себе не могут. А бьют челом великому государю, чтоб их свободил от порабощения и пожаловал в свой чин государев. Да он же, Афонасей, увез из Острошков от Лариона Толбозина троих аманатов: Гаврилка, Алешку, Андрюшку. Да он же увез 19 человек ясырю у казаков: Бакулайко да две ево дочери, имен их не помню, Марьица, Анютка, две Овдотьицы, четыре Маринки, две Палашки, и третья Овдотьица ж, три Анютки ж, Офроська с братом с Ивашком. И те все люди у него.

А та земля без аманатов и досталь запустела, государевым людям быть не у чево, лише государеве казне напрасная проторь. Да он же, Офонасей, государевых служилых двух человек взял во двор к себе сильно: Олешку Брацкова да Юшку Иванова. А те все люди, кроме государя, помощника себе не имеют.

Да он же, Афонасей, живучи в даурской земли, служивых государевых людей не отпускаючи на промысл, чем им, бедным, питатися, переморил больши пяти сот человек голодною смертию. А которые, не претерпев гладу, ходили промыслять нужные пищи, и он, Афонасей, их пытал, бил кнутьем, и ребра ломал, и огнем жег. Таковых ради вин Ивашко Сватеныш да Клишко Шамандрухин с товарыщи, осмь человек, свою казачью лошедь [съели]¹,

¹ В рукописи это слово отсутствует; введено по изд. Памят-ники, стб. 702.

и он их, пытав, в тюрьме и уморил. Ияков Красноярской молыл: «Только бы-де воевода по государеву указу ехал прямою дорогою, и мы бы-де нужи такие не терпели». И он, Афонасей, ево, Иякова, за то, бив кнутом, жжег до смерти. И к моему протопопову зимовью мертваго кинул под окошко, что он, Ияков, на пытке творил Исусову молитву.

Да он же, Афонасей Пашков, двух человек, Галахтиона и Михайла, бил кнутом за то, что один у него попросил есть, а другой молыл: «краше бы сего житья смерть!» И он, бив за то кнутом, послал нагих за реку мухам на снадение и, держав сутки, взял назад. И потом Михайло умер, а Галахтиона Матюшке Заряну велел Пашков в пустой бане прибить палкою. А преж тово ево же, Галахтиона, и Стефана Подхолюгу, и Харпегу, и иных многих бил кнутьем за то, что оне с голоду кобыльи кишки немые с калом и кровь с снегом хватали и ели от нужи великия.

Березовскаго казака Акишу бил кнутом за то, что он ево, Афонасьевы, три щуки распластал нехорошо, не умеючи. Такова ево милость, Афонасьева, была к государевым служивым людям. Кожи, и ноги, и головы давал есть казакам, а мяса своим дворовым людям. А иных двух человек повесил, ей, безвинно.

Прочих же ево ругательств и муки к государевым служивым людям *не достанет ми повествовати лето* *. А иные ево, Афонасьевы, ругательства сказать странно и страшно: при смерти их и причащать мне не давал, и пречистыя тайны у меня отнял и держал у себя в коробке. Да приходили в Нерчинской острог из Енисейска служилые люди, пятидесятник Иван Елисеев с товарищи, с грамотами государевыми, как бог дал государыню царевну и великую княжну Софью Алексеевну *. И он, Афонасей, для вести, чтоб про него на Руси неведомо было, не отпустил их назад и уморил в дощенике двух человек, прикащика самова Ивана да толмача Константина.

«ТРЕТЬЯ» ЧЕЛОБИТНАЯ

Христолюбивому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодер[жцу], бьет челом богомолец твой, в Даурех мученой прото[поп], Аввакум Петров.

Прогневал, грешной, благоутроби[e] твое от болезни сердца неудержанием моим; а иное тебе, свету-государю, и солгали на меня, им же да не вменит господь во грех.

Помилуй мя, равноапостольный государь-царь, робятишек ради моих умилосердися ко мне!

С великою нуждею доволокся до Колмогор; а в Пустозерской острог до Христовъ. Рождества не возможно стало ехать, потому что путь нужной, на оленех ездят. И смущаюся, грешник, чтоб робятишка на пути не примерли с нужи.

Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец! Пожалуй меня, богомольца своего, хотя zde, на Колмогорах, изволь мне быть, или как твоя государева воля, потому что безответен пред царским твоим величеством.

Свет-государь, православной царь! Умилися к странству моему, помилуй изнемогшаго в напастех и всячески уже сокрушена: болезнь бо чад моих на всяк час слез душу мою исполняет. И в даурской стране у меня два сына от нужи умерли. Царь-государь, смилуйся.

«ЧЕТВЕРТАЯ» ЧЕЛОБИТНАЯ

«СПИСОК С ГРАМОТКИ»

Государь-царь, державный свет! — протопоп Аввакум, не стужаю ти много, но токмо глаголю ти: радоватися и здравствовати о Христе хошу, и благоволит душа моя, да благословит тя господь, и света мою государыню-царицу, и детушек ваших, и всех твоих да благословит их дух и душа моя во веки.

Помню твой приказ с Дементьем: приказывал памятовати о себе, — нет, государь, не забуду. Якож зрит господь, сердце мое не притворяя, говорю: аще получю дерзновение и в будущем веце, и там о тебе хошу припасти ко всех владыце, не токмо zde, в темнице. Протопоп Аввакум не помнит тово ничево, благодатию божиею, что над ним делается. Одново желаю — пред богом стати вам непостыдным. Да и много столько мне, грешному, — забыти ваше благородие! Один ты у нас царь на сем свете. Да и надеюся, яко силен бог спасти нас с вами. Ну, государь, моли ж ся и за мя, грешнаго, и в чем перед тобою погрешил, прости мя; а тебя тако ж да простит господь бог и да помянет любовь твою ко мне, нищему, во царствии своем, егда приидет воздати комуждо по делом его.

Да и заплутаев тех бог простит, кои меня проклинали

и стригли: рабу господню не подобает сваритися, но кротку быти ко всем*. Не оне меня томят и мучат, но диявол наветом своим строит; а оне тово не знают и сами, что творят. Да уж, государь, пускай, быти тому так! Положь то дело за игрушку! Мне то не досадно. Посем паки да благословит тя третицею господь и дух мой здесь и в будущем веце.

Прости ж, государе, уже рыдаю и сотерзаюся страхом, и недоумением содержим есмь; помышляю моя деяния и будущего судища ужас. Брат наш, синбирской протопоп Никифор, сего суетнаго света отъиде*; посем та же чаша и меня ждет. Ох, увы мне, окаянному, и горе! Како отвечаю бессмертному судии, царю всех и богу! Токмо надеюся на его праведныя щедроти, понеж любящим его вся поспешествуют во благое. Подобаает, государь, и всем нам помышляти смерть, ад, небо, и отца нашего, протопопа Стефана, учение помнить. Паки тя, государь, благословляю и, опрятне став, поклоняюся тебе, самодержавному, честне.

А корму твоего, государева, дают нам в вес — муки по одному пуду на месец, да и о том слава богу. Хорошо бы, государь, и побольши для нищие братии за ваше спасение.

Изволь, самодержавне, с Москвы отпустить двух сынов моих* к матери их на Мезень, да тут, живучи вместе, за ваше спасение бога молят; и не умори их с голоду, господя ради. А обо мне, якож богу и тебе годе: достоин я, окаянный, грехов ради своих, темнице пустозерской. Умилися, святая душа, о жене моей и о детех.

«ПЯТАЯ» ЧЕЛОБИТНАЯ

Царь-государь и великий князь Алексей Михайлович! Мнагажды писахо[м] тебе прежде и молихом тя, да примиришися богу и умилишися в разделении твоём от церковн[а]го тела. И ныне последнее тебе плачевное моление приношу, из темницы, яко из гроба, тебе глаголю: помилуй единородную душу свою и вниди паки в первое свое благочестие, в нем же ты порожден еси с преже бывшими тебе благочестивыми цари, родители твоими и прародители; и с нами, богомольцы своими, во единой святой купели ты освящен еси; единыя же Сионския церкви святых сосец ея нелесным млеком воспитен еси с нами, сиречь единой православной вере и здравым догматом с нами от юности научен еси.

Почто по духу братию свою тако оскорбляеши? Единого бо мы себе отца имаemy вси, иже есть на небесех, по святому Христову Евангелию. И не покручинься, царю, что тако глаголю ти: ей, истинна так. Господин убо есть над всеми царь, раб же со всеми есть божий. Тогда ж наипаче наречется господин, егда сам себе владеет и безместным страstem не работает, но споборника имея благочестива помысла, непобедимаго самодержца бессловесных страстей, иже всех матеря похоти всеоружием целомудрия низлагает. «Честь царева суд любит»*, по пророку.

Что есть ересь наша или кий раскол внесохом мы во церковь, якож блядословят о нас никонияня, нарицают раскольниками и еретиками в лукавом и богомерском Жезле*, а инде и предотечами антихристовыми? Не постави им господь греха сего, не ведут бо беднии, что творят. Ты самодержче, суд подымеши о сих всех, иже таково им дерзновение подавый на ны. Не вемы в себе ни следу ересей, коих пощади нас сын божий от такова нечестия и впредь, ниж раскольства: бог сведетель и пречистая богородица и вси святии! Аще мы раскольники и еретики, то и вси святии отцы наши и прежнии цари благочестивии, и святейшия патриархи такови суть. О, небо и земле, слыши глаголы сия потопныя* и языки велеречивыя! Воистинну, царь-государь, глаголем ти: смело держаете, но не на пользу себе. Кто бы смел реши таковыя хульныя глаголы на святых, аще бы не твоя держава попустила тому быти? Вонми, государь, с коею правдою хошеши стати на страшном суде Христове пред т[ьм]ы анг[ельскими] и пред всеми племены² язык верных и зловерных. Аще во православии нашем, отеческих святых книгах и в догматах их хотя едина ересь и хула на Христа бога и церковь его обрящется, ей, ради мы за них прощаться пред всеми православными, паче же за то, аще мы что от себя внесохом — соблазны или раскол — во церковь. Но несть, несть! Вся церковная права суть разумевающим истинну и здрава обретающим разум по Христе Иусе, а не по стихиям сего мира, за ню же мы страждем и умираем и крови своя проливаем.

Испытай, царю христианский, писание и виждь, яко в последняя времена исправления веры и обретения истинны нигде же несть и не будет, но везде писано есть, что

---

² В этом месте рукопись дефектна; слова в скобках восстановлены по изд. Памятники, стб. 758.

в последняя времена отступят веры, а не исправят ю, и
искажат писания, и превратят, и внесут ереси погубель-
ныя, и многих прельстят. Сице везде суть в писаниих свя-
тых узриши. И не дивися, тако истинна. Христос сам ре-
че: «егда придет сын человеческий, обрящет ли веру
свою на земли?» * На се богословцы глаголют: не обря-
[ще]т, кроме малых избранных, забегших в горы, а во
градех и селех не обрящется ни единого православна[го]
епископа и попа. Тако будет, царю, по словеси Христову.
И помяни дни Ноевы: много ли осталось благочестивых
пред потопом? Веси, только осмь душ. И в скончании ве-
ка тако будет: мало Христово стадо, много ж сатанино и
антихристово воинство будет. И ты не хвалися. Пал ся
еси велико, а не востал искривлением Никона, богоотмет-
ника и еретика, а не исправлением, умер еси по души ево
учением, а не воскрес. И не прогневися, что богоотметни-
ком ево называю. Аще правдою спросиши, и мы скажем
ти о том ясно с очей на очи и усты ко устом возвестим ти
велегласно; аще ли же ни, то пустим до Христова суда:
там будет и тебе тошно, да тогда не пособишь себе ни ма-
ло. Здесь ты нам праведнаго суда со отступниками не дал,
и ты тамо отвещати будещи сам всем нам, а льстящий и
ласкающий тебе, им же судом судиша нас, тако ж и сами
от Христа и святых его осудятся, и в ню же меру мериша
нам, возмерится им от сына божия. Несть бо уже нам
к ним ни едино слово. Все в тебе, царю, дело затворися
и о тебе едином стоит. Жаль нам твоея царския души
и всего дому твоего, зело болезнуем о тебе, да пособить
не можем ти, понеж сам ты пользы ко спасению своему
не хочешь.

А о греческих властех и вере их нынешной сам ты
посылал прежде испытovati у них догматов Арсения Су-
ханова * и ведаешь, что у них иссяче благочестие по про-
рочеству святых — царя Константина и Силивестра* папы,
и ангела божия, явльшагося тогда Филофею Цареград-
[скому] патри[арху]* и сказавшу о том же. Ведаешь ли, пи-
сано се во Истории о белом клаб[уце * и,]³ ведая, почто
истинну в неправде содержиши? Сего ради открывается
гнев божий на вас и бысть многажды ты наказан от бога
и все царство твое, да не позналися есте.

А еже нас не велишь, умерших, у церкви погребати,

---

³ В этом месте рукопись дефектна; слова в скобках восстано-
влены по изд. Памятники, стб. 760.

и исповеди и святых таин лишать в животе сущих еще коих, да Христос нас не лишит благодати своея: тойъ есть присно с нами и будет, надеем бо ся на нь крепко, и никто ж — человек смертной и тленной — отлучити нас от него возможет, с ним бо стражем и умираем. А по смерти нашей грешная телеса наша — добро так, царю, ты придумал со властью своими, что псом пометати или птицам на растерзание отдати. Вемы бо, да и ты слышишь по вся дни во церкви, яко святым мучеником ни единому честнаго погребения не бысть от убивающих их или в темницах уморяющих, но метяху их в бесчестныя места, и в воду иных, и в ровы, и в кал, овых же и сожигали мощи, да Христос их нигде не забыл. Тако ж и нас негли не забудет надежда наша и купно с первыми соберет кости наша в последний день и оживотворит мертвенная телеса наша духом святым. Нестъ мы лутши древних мученик и исповедник — добро так нам валятися на земли! Земли же есть и добровольне себе святии отцы погребати себе не повелеша, великаго ради смирения, да большую мзду восприимут от Христа бога. И елико ты нас оскорбляеши больши и мучишь, и томишь, толико мы тебя любим, царя, больши и бога молим до смерти твоей и своей о тебе и всех кленущих нас: спаси, господи, и обрати ко истинне своей! Аще ж не обратитесь, то вси погибнете вечно, а не временно.

Прости, Михайлович-свет, либо потом умру, да же бы тебе ведомо было, да никак не лгу, ниж притворяясь говорю: в темнице мне, яко во гробу, сидящу, что надобна? Разве смерть? Ей, тако.

Некогда мне молящюся о тебе с горькими слезами от вечера и до полунощи и зело стужающу божеству, да же бы тебе исцелитися душею своею и живу быти пред ним; и от труда своего аз, многогрешный, падох на лица своем, плакахся и рыдая горько, и от туги великия забыхся, лежа на земли, и видех тя пред собою или ангела твоего умиленна стояща, подпершися под лице правою рукою. Аз же возрадовахся, начах тя лобызати и обымати со умиленными глаголы. И увидех на брюхе твоем язву зело велику*, исполнена гноя многа, и убоях, вострепетах душею, положих тя взнак на войлок свой, на нем же молитвы и поклоны творю, и начах язву на брюхе твоем, слезами моими покропляя, руками сводити, и бысть брюхо твое цело и здраво, яко николи же болѣ. Душа ж моя возрадовалася о господе и о здравии твоем зело.

И паки поворотих тя вверх спиною твоею, видех спину твою сгнившу паче брюха, и язва больша первая явихся. Мне ж так же плакавшуся, руками сводящу язву твою спинную, и мало-мало посошлася и не вся исцеле.

И очютихся от видения того, не исцелих тя всего здрава до конца. Нет, государь, большо покинуть мне плакать о тебе, вижу, не исцелеть. Ну, прости ж, господа ради, дондеж увидимся с тобою.

Якож присылал ко мне Юрья Лутохина*, и рекл он, Юрье, усты твоими мне на Угреше: «рассудит-де, протопоп, меня с тобою праведный судия Христос». И я на том же положил: буди тако по воли твоей. Коли тебе, государь, тако годе, ино и мне так любо: ты царствуй многа лета, а я мучуся многа лета, и поидем вместе в дома своя вечныя, еда бог изволит. Ну, государь, да хотя меня и собакам приказал выкинуть, да еще благословляютья благословением последним, а потом прости, уж тово чаю только.

Царь-государь Алексей Михайлович, любим бо еси мне, исповемя тебе всем сердцем моим и повем ти вся чудеса господня. Ей, не лгу — буди мне с сею ложью стати на страшнем суде с тобою пред лицом господним. Того ради хощу тебе сказать, яко мнит ми ся, не хоснит господь о кончине моей, и помышляет ми ся, будет скоро о[т]ложение телиси моему, яко утомил мя еси зело, еще ж мне и самому о жизни сей нерадящу. Послушай, державне, побеседаю ти, яко лицом к лицу.

Нынешня 177 году, в великий пост на первой неделе* по обычаю моему хлеба не ядох в понедельник, тако ж и во фторник, и в среду не ядох, еще ж и в четверг не ядше пребых, в пяток же прежде часов* начах келейное правило, псалмы Давидовы пети, принде на мя озноба зело люта, и на печи зубы мои розбило с дрожи. Мне же, и лежа на печи, умом моим глаголющу псалмы, понеж от бога дана Псалтырь и наизусть глаголати мне, — прости, царю, за невежество мое, — от дрожи тоя нападе на мя мыт; и толико изнемог, яко отчаявшу ми ся и жизни сея, уже всех дней не ядшу ми дней с десять и больша. И лежащу ми на одре моем и зазирающу себе, яко в такыя великия дни правила не имею, но токмо по чоткам молитвы считаю, и божиим благоволением в нощи вторья недели, против пятка, распространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, а се и руки быша и ноги велики, потом и весь широк и пространен под небесем по всей земли распространился, а потом бог вмес-

тил в меня небо, и землю, и всю тварь. Мне же, молитвы беспрестанно творящу и лествицу перебирающу в то время, и бысть того времени на полчаса и больши, и потом восставши ми от одра лехко и поклонившуся до земля господеву, и после сего присещения господня начях хлеб ясти во славу богу.

Видишь ли, самодержавне? Ты владеешь на свободе одною русскою землею, а мне сын божий покорил за темничное сидение и небо и землю; ты, от здешняго своего царства в вечный свой дом пошедше, только возьмешь гроб и саван, аз же, присуждением вашим, не сподоблюся савана и гроба, но наги кости мои псами и птицами небесными растерзаны будут и по земле влачimy; так добро и любезно мне на земле лежати и светом одеяну и небом прикрыту быти; небо мое, земля моя, свет мой и вся тварь — бог мне дал, якож выше того рекох. Да не первому мне показано сиче; чти, державный, книгу Палею: егда ангел великий Альтез древле восхитил Авраама выпрѣ*, сиречь на высоту к небу, и показа ему от века сотворенная вся, богу тако извольшу. А и ныне, чаешь, изнемог бог? Несть, несть, той же бог всегда и ныне, и присно, и во веки веком. Аминь.

Хвалити ми ся не подобает, токмо о немощах моих, да вселится в мя сила Христова — не только то тово божия присещения. Егда мне темныя твоя власти волосы и бороду остригли и, проклявше, за твоим караулом на Угреше в темнице держали, — о, горе мне, не хочется говорить, да нужда влечет, — тогда нападе на мя печаль, и зело отяготихся от кручины и размышлях в себе, что се бысть, яко древле и еретиков так не ругали, якож меня ныне: волосы и бороду остригли, и прокляли, и в темнице затворили никонияня, пуши отца своего Никона надо мною, бедным, сотворили. И о том стужах божеству, да явит ми, не туне ли мое бедное страдание. И в полунощи во всенощное, чтущу ми наизусть святое Евангелие утреннее, над ледником на сололке стоя, в одной рубашке и без пояса, в день Вознесения господня, бысть в душе весть, и ста близ меня по правую руку ангел мой хранитель, улыскався, и приклоняся ко мне, и мил ся мне дея; мне же чтущу святое Евангелие не скоро и ко ангелу радость имущу, а се потом изо облака госпожа богородица яви ми ся, потом и Христос с силами многими и рече ми: «не бойся, аз есмь с тобою». Мне же к тому прочетше к концу святое Евангелие и рекшу: «слава тебе, господи», и,

падшу на земли, лежащу на мног час, и, егда отъиде слава господня, востях и начах утреннюю кончати. Бысть же ми радость неизреченна*, ея же невозможно исповедати ныне. За любовь тебе господню, Михайлович, сказано сие, понеже хощу умереть. Молю тя именем господним, не поведай врагом моим, никониянам, тайны сея, да не поругают Христа Иуса, сына божия и бога: глупы веть оне, дураки, блюют и на самого бога нечестивыя глаголы; горе им, бедным, будет.

Посем, государь, мир ти и паки благословение, аще снабдиши о нем же молю твою царскую душу; аще ли же ни, буди во⁴ля твоя, якож хощещи. Не хотелося боло мне в тебе некрепкодушия тово: веть то всячески всяко будем вместе, не ныне, ино тамо увидимся, бог изволит.

ЧЕЛОБИТНАЯ ЦАРЮ ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Благаго и преблагаго и всеблагаго бога нашего благодатному устроению, блаженному и треблаженному и всеблаженному государю нашему, свету-свиту, рускому царю и великому князю Феодору Алексеевичу.

Не смею нарещися богомолец твой*, но яко некий изверг*, и непричастен ногам твоим, издалеча вопию, яко мытарь: милостив буди ми, господи*; подстилаю главу и весь орган тела моего со гласом: милостив буди ми, господи*, яко серафинисса, жена еллинска* к сыну божию, ибо и пси ядят от крупиц, падающих от трапезы господий своих*. Ей, пес есмь аз, но желаю крупицы твоя милости.

Помилуй мя, страннаго, устраншагося грехми бога и человек, помилуй мя, Алексеевич, дитяtko красное, церковное! Тобою хошет весь мир просветитися, о тебе люди божия расточенныя радуются, яко бог нам дал державу крепкую и незыблему. Отради ми, отрасль царская, и не погуби мене со беззаконными моими, ниже в век враждовав, соблюдеши зол моих, зане ты еси царь мой, и аз раб твой; ты помазан елеом радости*, а аз обложен узами железными; ты, государь, царствуешь, а аз во юдоли плачевной плачюся. Увы мне! Кого мя роди мати моя! Проклят день в онь же родихся, и ношь она буди тьма*, еже изведе из чрева матере моя.

⁴ В этом месте рукопись дефектна; слова в скобках восстановлены по изд. Памятники, стб. 766.

Помилуй мя, сыне Давыдов*, помилуй мя! Аще благодать обретох пред тобою, помилуй мя! *Услыши моление мое, внуши молитву мою не во устнах льстивых!** Глаголю ти: разрежь чрево мое и посмотри сердце мое, яко с трепетом молю и мил ся дею; припадаю: приклони ухо твое и внуши глаголы моя из болезненны души. Царю, послушав, от лют мя избави: един бо еси ты нашему спасению повинен. Аще не ты по господе бозе, кто нам поможет? Столпи поколебашася наветом сатаны, патриарси изнемогоша, святители падоша, и все священство еле живо — бог весть! — али и умроша. Увы, погибе благоговейный от земля и несть исправляющаго в человецех! Спаси, спаси, спаси их, господи, ими же веси судьбами! Излей на них вино и масло, да в разум придут!

А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во един час*. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю. Да воевода бы мне крепкой, умной — князь Юрья Алексеевич Долгорукой!* Перво бы Никона, собаку, и рассекли начетверо, а потом бы никониян. Князь Юрья Алексеевич, не согрешим, небось, но и венцы победныя примем! Помнишь, ты мне жаловал, говорил: «естли-де, что, протопоп Аввакум, — на соборе том говорит, — и я тебе сопотив безответно реку: "государь, видно, так ты"». Да инде и слава богу. А после не так у них стало.

Бог судит между мною и царем Алексеем. В муках он сидит, слышал я от спаса; то ему за свою правду*. Иноземцы те что знают? Что велено им, то и творили. Своего царя Константина*, потеряв безверием, предали турку*, да и моего Алексея в безумии поддержали, костельники и шиши антихристовы, прелагатаи, богоборцы!

Князь Юрья Алексеевич, здрав буди, а благословение мое есть на главе твоей. Помнишь, и дважды благословил тя да и ныне так же. Прости и моли о мне, грешнем, бога, да не разлучит нас во царствии своем в день века. Мои, светы, вы все, князи и бояре, отступником до вас нет дела. Говорите Иоакиму патриарху*, престал бы от римских законов: дурно затеели, право. Простой человек Яким-от. Тайные те шиши, кои приехали из Рима, те ево надувают аспидовым ядом. Прости, батюшко Якимушко! Спаси бог за квас, егда напоил мя жаждуща, егда аз с кобелями теми грызся, яко гончая собака с борзыми, с Павлом и Ларионом*.

Чудо! Чудо! Заслепил диявол! Отеческое откиня, им

же отцы наши, уставом, до небес достигоша, да странное богоборство возлюбиша, извратишася. Не я своим умыслом, скверной, затеваю, ни, ни, никакo же, но время открьет, яко чаша в руке господни неразворенна исполнь растворения и уклони от сея в сию, обаче и дрожде его не искидашася*. Псалмопевец глагола: «и дрождей не кинет даром, но испиют ё вси грешнии земля»*.

Рече господь: «имеяй уши слышати, да слышит!»*

Прости, прости, прости, державне, пад, поклоняюся. Прости, господа ради, в чем согрубил тебе, свету. Благословение тебе от всемогущия десницы и от меня, грешнаго, Аввакума протопопа. Аминь.

ПОСЛАНИЕ ЦАРЕВНЕ ИРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ РОМАНОВОЙ

Свет-государыня, всегосподованная дево, Ирина Михайловна! Что аз, грубый, хошу пред тобою рещи? Вем, яко мудра еси, дево, сосуд божий избранный, благослови поговорить! Ты у нас по царе над царством со игуменом Христом, игумения. Якоже он, надежа наша, иссек римскою властью любоплотный род еврейский*, подобает, государыня, и здесь любоплотным по тому же уставу быть. Не страша же глаголю, но предлагаю законопреступникам сбывшееся издревле во Израили. Егда в законе поблядят, тогда и разорение, егда же обратятся ко господу богу, тогда им милость и ужитие мирно и безмолвно. Но виждь, предобрая, что над собою и греки учинили, ко псу езда, на Флоренском соборе*, истиннее рещи на сонмище жидовское, руки приписали, Мануилович* с товарищи, что наведе греческой державе? Помнишь ли, свет, реченное или запаматовала? Ну, ино я препомню.

Тому лет с двести семьдесят с лишком, варвар, Бахмет турской*, взял Царьград* и брата Мануиловича Константин*. Не коснел Христос, скоро указ учини. Блюдусь и трепещу. Та же собака заглядывает и в нашу бедную Росию. Мнит ми ся по греческому же уставу ступает, малу-помалу на высоту восходит и со дьяволом предуспевает. Егда помышляю, ужас меня объемлет; отвсяду ми тесно ныне, душа, плавание, а тогда телесем гробы.

Преудобренная невесто Христова, не лучши ли со Христом помиритца и взыскать старая вера, еже дед и отец твой* держали, а новую блядь в гной спрятать? Пускай

Никонов устав мотыльноской до общаго воскресения тут препочует. А будет так и не учинитца, тако глаголет дух святыи, пострадать будет и нам, якоже и греком. А потом варвар попустит и на самую первую блудницу, еже есть костел римской, потом же и последний диявол, глаголю антихрист, потом пророцы Илия и Енох с Богословом, потом изменение твари. Потом *се жених грядет, исходите во стретение его**, по глаголющему пророку: «зрех, дондеже престолы поставятся и ветхий дньми седе, и книги развершося, и тьмы тьмами предстояху ему, и тысяща тысящами служажу ему»*. Тогда праведницы просветятся, а грешницы омрачатся, тогда християне возвеселятся, а никонияны восплачуются и возрыдают, яко прииде отмщение коварству их.

Воистинну, государыня, никониянская вера и устав не по бозе, но по человеку. Умыслил Никон оружием и пищальми и со дрекольми на противныя, не разумех пророка вопиюща: «не на лук бо мой уповаю и оружие мое не спасет мене»*. По тому же рекл прилично апостол Павел: «несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тьмы века сего, к духовом злобе поднебесным»*. И еще он же: «сего ради примете вся оружия божия, да возможете противитися в день лют, и вся содеявше стати»*. Паки он же: «станете убо препоясани чресла ваша истинною и оболкшеся во броня правды и обувше нозе во благовествования миру. Надо всеми же сими восприимше щит веры, в нем же возможете вся стрелы лукаваго разжженные угасити»*.

Царевна-государыня, Ирина Михайловна! Умоли государя-царя, чтобы мне дал с никонияны суд праведный, да известна будет вера наша христианская и их никониянская. Иду, раб ваш, братися с турским по⁵ святей божии церкви, взявши братию мою страждущих повсюду. Не надобе нам ни пищали, ни сабли, ни ино что от таковых, но токмо облекусь в ризы священныя; попы и дияконы со кресты и с фимияном, а черныцы в черныя ризы и схимы. И всяк возраст мужеска полу и женска⁶ плачуще и восклицюще горце: «владыко, не остави нас сиры, но прииди и стани с нами, да воспоем песнь раба божия Мои-

---

⁵ В рукописи: во; исправлено по списку XVIII в. ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 37, л. 5.

⁶ В рукописи после этого слова зачеркнуто: и отроки и отроцицы.

сея: "коня и всадники фараоновы вверже в море, избранныя всадники потопа в Черном море"* и прочая. Надеюся на господа, яко Ияков Никейский* прогнав перскаго царя комарами.

А никонияня, патриархи и митрополиты и архиепископы со архимандриты и игумены, пускай против варвара своим сонмом пойдут. Как знают, так и молят по-своему бога. В молитвах их напечатано: «молимся тебе, дух лукавый»*. Пускай оне с лукавым духом, а мы, християне, со Христом Исусом. Нам оне, поганцы, в товарищы не надобны. Мы пойдём на турская полки от десных, в руках победное оружие, крест, держа, а никонияня пускай да идут о левую, с крыжами и с партесным пением*. Оне пускай против воевод идут турскаго, а мы на самого диявола и Салтана-царя. Я хошу о Христе бозе моем, яко Давыд на Голияда*, тако и Салтана-царя патрахилию обязав, в Москву притащу ти и пред царя моего поставлю, яко пса, и благословение царю-государю подам.

Пойду в пустыню, куды очи несут, направляем Христом и пречистою богородицею, а избранное Христово воинство, куды кто хочет, туды и поди, бог благословит. А никонияня назад не возвратятся, тако глаголет дух святой, истреблени будут, яко *Мадиям и Сисара, Иавим в потоце Кисове*, со иноплеменники брашася, погибнут вси, *потребятся*, яко *древле во Аендоре*, *будут яко иной земный**. Да больше того полно говорить, будет так, якоже рекох.

По сих всех прости мя, святая душа, и благослови, елико согреших словом и делом и помышлением и осуждением и всеми моими чювствы. Аминь.

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ СЕМЬЕ

1

«СПИСОК С ГРАМОТКИ СТРАДАЛЬЦА ХРИСТОВА
АВВАКУМА ОТЦА»

Детям моим благословение и дому моему мир!

Настасья, большо мне с вами только видания, прижали плотно ко узам.

В Пафнотьеве монастыре* держали девять недель на переменных цепях. И после того мчали к Москве девяносто верст на переменных лошедях, не отдыхая; затрясли было. Потом остригли и проклиали.

У Николы на Угреше* сею в темной полате, весь обран и пояс снят со всяцем утверждением, и блюстители пред дверьми и внутрь полаты — полуголова со стрельцами. Иногда есть дают хлеб, а иногда и щи. Дети бедные к монастырю приезжают, да получить меня не могут: всяко крепко от страха, насилу и домой уедут.

Нет у меня строки книжные, пою богу моему наизусть: глагол божий во устех моих. Подстилаю плоть души моей и почиваю на ребрах, одеваюся слезами и воздыханием, видя людей, в конец прельстившихся.

А вас уже я и забыл, токмо прошу о спасении вашем. Аще жив, мизинцу моему* целование, аще же умер, блажен есть. Паки всем благословение. Помолитесь о мне, да же совершу путь течения добре.

Дорого столбец сей куплен, неколи много писать. Писано же лучинкою.

Помышляю о себе, яко удавят мя еретики: попущено бо им гораздо.

Не обленись, жена, детей тех понуждати к молитве, паче же сами молитесь. Молитва бо Петра из темницы избави*, молитва Иону из чрева китова изведе*, молитва триех отроков от огня свободы*, молитвою Анна Самойла породил*, молитвами вси святии спасошася, молитва прилежна паче огня на небо возлетает. Добро молитва! Ей же помогает пост и милостыня. Не ленитесь молиться, да не бесплодни будете.

В Вознесенев день, в темнице, во время утрени начах чести святое Евангелие. Падох на лица моем и глаголах: «кто есмь аз, умерый пес, яко господь присети мя в темнице?» По сих мысленными очима видех господа, и глаголюща ми: «не бойся, аз есмь с тобою!» И в то время радости многия исполнен бых*. О сих до zde. Воистинну, молиться добро. Мир вам паки.

Еще ми от бесов многи наветы и пакости бывают, и о сих ныне несть ми глаголати подробну. Молитесь о мне, да избавляюся от них.

Писано в темнице лучинкою, кое-как. Мая в 1 день.

2

Сыну Ивану и Прокопью, с матерью и с братом и сестрами, с женою и дочерью*, всем благословение. Посланы грамотки к Москве, и ты их, прочетше, запечатай и сошли. Да к вам же послано десять крестов — старец*

трудился. Мне боярня* главоотяжец да саван прислала против первых писем. Буде от нея грамотки к вам придут, не распечатывайте. Буде годно, я отселе к вам пришлю. Паки мир вам.

А кресты кедровые послано. Запечатая грамотки, да пошли к Москве.

Еще таинства в крестом, а грамоток в мир не читите — петь себе.

3

Ивану с матерью, и с женою, и с дочерью, и Прокопью с братом, и с сестрами, и с домашними, Феодору с Лукою, всем без розбору — благословен[ие]; Марковну бог простит.

Пришли с Машиги[ным] ваши все посылки*. Я Огрофене* холстинку послал, да неведомо до нея дошла, неведомо — нет; уш-то ей, бедной, некому о том грамотки написать? Уш-то она бранится с братиею? А я сетую: не весть — дошла, неведомо — нет. А о рубашках, — я с Тимофеем* писал, и про холстинку и про него, что он сплутал, нам посылку с Москвы не привез. И он уш-то то и отодрал? Три рубахи пришлите. Давн[о] рубахи надобно: часто наг хожу. Да и башмачишков нет, какие бы нибудь, да и фerezишков нет, да и деньженец нет. Грамотки, Иван, бояроне в столпчик запечатай да пошли. Послал ныне богоявленской воды боченку, а летом — августовы*; а и нынешнюю и первую сам святил. О мире преж сего писал я вам, Феодор, что об одном деле двожды говоришь? В первые, реку, лета быша православнии епископи, аще и при Никоне священо.

И Маремьяне* попадье я грамотку с Иваном Архиповым* послал, велю жить с попом, что она плутает? Апостол глаголет: «святит бо ся муж неверен о жене верней»*. Многонько там писано. А ныне с Стефаном...^{7*}, послал с сестрою, неколи много писать, надобе боло итить.

В Соловки те, Феодор, хотя бы подъехал*, письма те спрятав, в монастырь вошел как мочно тайно бы, письма те дал, а буде нельзя, ино бы и опять назад со всем.

И как весною приедете, тогда и Орину* привезите; а у вас бы жила смирно, не плутала; а буде станет плутать, и вы ее смиряйте.

---

⁷ Далее в рукописи одно или два слова не поддаются прочтению.

Хто тебе научил указывать, тово мне, чтоб я Федосье * той запретил? Плутаешь иное: и ты много. Ведаю веть я и твое высокое житье, как, у нее живучи, кутил ты! Горе, барте, мне с вами стало.

4

Возлюбленнии, молю вы, яко странники и пришельцы, отгребатися от плотских похотей, яже воют на душу нашу*.

Воистинну, по пророку, *вся суета суете, и все суетие**. От нужных не заповедано промыслять, но излишня отсекать. Аще о внешнем всегда будем пещися, а о души когда будем промыслять? Тогда, егда умрем? Мертвый не делает, мертвому тайны не открываются. Когда от века слышать, еже бы мертвый что доброе сотворил? Токмо видим воню от гроба злосмрадную исходящу и червми тело растлеваемо, помявою повиваемо и землею покрываемо. Увы, красный уныл и ясен померк! Где благолепие лица, где светлейши очи, где юность и зрак наш? Все ише, яко цвет, яко трава подсечена бысть. Воистинну, вся увяди смерть. Уже к тому не печется о суетной многострастной плоти. Где ныне род и друзи? Се бо разлу[ча]емся. Воистинну, суета человеческая*.

Ну, Марковна, али не так говорю? Ей, так. Чего для печесься о излишних и о плотских скорбишь? Глаголете ми: «не знаем-де как до конца доживать». *Имеюще пищу и одежду, сим довольни будем**, а [о] прочих возложим на бога. Али бог забыл нас? Ни, ни. «Аще и забудет мати не помиловати рожения своего, но аз не забуду»*, — рече господь. — «Не пять ли птиц ценится единому пенязю, и ни едина от них падет без воли отца моего. Вас же и власы главныя вси изочтены суть. Не убойтесь, убо мнозех птиц лутше есте вы»*. Имеши ли речению сему веры? Поверь, не ложно. Рече господь: «небо и земля мимо идут, а словеса моя не имут преити»*. Разве неверен и невежда не имеет сему веры! Аз верую богу моему, ему же и служю всею совестью от чиста сердца, яко будет, так и есть, еже рече господь. А егда обнажихся во имя его пресвятое и от труда повалился в темнице, молитву говорю лежа, псалом: «внуши, боже, молитву мою и не презри моления моего»*, и прочая. Егда доидох речи «умякнуша словеса их паче елея, и та суть стрелы»*, примрачило ум мой о том месте. И речено ми, надо мною,

от образа: «возверзи на господа печаль свою, и той ты препитает, не даст в век молвы праведнику». И вскочил и поклонился господеву. А сам говорю: «ты же, боже, низведеш их в студенец истления» *, и прочая. Потому и рубашку с себя скинул и поверг неимущим. Наг оттоле и доныне, — уже три года будет, — да бог питает мя и согревает, и вся благая подает ми изобильно. Слава о всех сих творцу и содетелю всех Христу-богу, и богородице-свету со бесплотными и со всеми святыми!

И ты, Марковна, положиися всею крепостию душевною на Христа и богоматерь: она, надежда наша, не оставит нас погружаться в неверстии и бури. Вем до конца, яко попреизлиха о нас печется она и промышляет все, упование наше, и покрывает нас кровом крылу своею и от враг ограждает же. Надолго ли бы ми жили, аще бы не она защищала? Ведайте, каково диявол на нас огнено дышет со угодники своими, — в Даурах и повсюду — живых поглотити ищет! Да бог не выдаст, уповаю на нь крепко. Помните, зверь даурский * всяко распопу беднова, еже есть меня, протопопа, умышлял погубить, а не явно ли божия милость? На Москве в руки мне бог его выдал, — растеняся, лежит предо мною, что мертвой! Помнишь, жена, как он мне говорит: «ты волен, и со мною что хочешь, то и сотворишь!» А я постриг его и посхимил по воли божии и по докуки своей к нему, свету. Помнишь ли, в Даурах казаком на поезде говорил и в Енесейске Ржевскому *, и везде по городом: «мне, — реку, — Пашкова постричь надобно!» Да бог мне тово и дал. А то вы и не ведаете, как о том докучал богу.

А нынешнюю зиму потерпите только маленько: силен бог, уже собак тех, перепутав огненным ужем, отдаст нам в руки. Тогда умей спасти их. А что им попущено от нас умерщвлять, и то добро так. По господню речению сбывается: «и умертвят от вас, и будете ненавидими всеми имени моего ради, и влас главы вашея не погибнет. В терпении вашем стяжите душа ваша» *. Ну, да полно тово.

Спаси бог, Афанасьюшко Аввакумович, голубчик мой! Утешил ты меня! Сказывал воевода здешней, похваляя тебе, были-де у него вы, и он-де спросил тебя: «как-де ты, Афанасей, персты слагаешь?» И ты-де показал ему, воеводе: «вот-де, я слагаю». А он-де тебе молвил: «уже-де где отец и мати, там же будешь!» И ты-де супротив рек: «силен-де бог, не боюся!»

Воистинну, господь силен, не боюся никого! Упование

нам на него, владыку. Яко лев рычи, живучи, обличая их многообразную прелесть.

А учителя твоего, Григорья *, что не слышать? Жив ли он, беднишкой? А девок тех, свет, учи, Марью да Окулину *, а сам у братьей учися. Не гнушайся их, что оне некогда смалодушничали, на виселицу Христа ради не пошли *: уш то моего ради согрешения попущено изнеможение. Что же делать? И Петр апостол некогда так сделал *, слез ради прощен бысть. А он так же богу кающихся прощает и припадающих к нему приемлет. Разговаривай братьий: «не сетуйте-де о падении своем выше меры, — простит вас. Да и батюшко-де по воле божии вас прощает и разрешает, дает прощение в сий век и в будущий». Впредь не падайте, стойте; задняя забываяще, на предняя простирающесе, живите. Един бог без греха и без изврат, а человечество немощно, падает, яко глина, и востает, яко ангел. Се тому не работает греху, но присносущному богу Христу, сыну божию, свету, со отцем и со святым духом, ныне и присно и во веки веком.

Бог простит всех смалодушствующих и паки возвращайся на первое достояние! Аминь, аминь!

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ

1

Прежде сих грамоток * за четыре месеца понудил мя дух святой сыну нашему о Христе написать благословение к брачному созakupлению: в нощи сжалися дух мой о нем, и возгоресе душа моя, да благословен будет к женитве. И стрельцу у бердыша в топорище велел ящичек сделать, и заклеил своима бедныма рукама то посланейце в бердыш, и дал с себя ему шубу и денег близко полтины, и поклонился ему низко, да отнесет богом храним до рук сына моего, света; а ящичек стрельцу делал старец Епифаний; а посланейце я никому не показал, писал ево и без твоего прошения: у меня он благословен буди богом.

Да пишешь ты ко мне в сих грамотках на Федора, сына моего духовнаго, чтоб мне ему запретити от святых таин по твоему велению, и ты, бытто патриарх, указываешь мне, как вас, детей духовных, управляти ко царству

небесному. Ох, увы, горе! бедная, бедная моя духовная власть! Уж мне баба указывает, как мне пасти Христово стадо! Сама вся в грязи, а иных очищает; сама слепа, а зрячим путь указывает! Образумься! Ветъ ты не ведаешь, что клусишь! Я ветъ знаю, что меж вами с Феодором сделалось.

Писал тебе преж сего* в грамотке: пора прощатца — петь худо будет, та язва будет на тебе, которую ты Феодору смышляешь. Никак не по человеку стану судить. Хотя мне 1000 литр злата давай, не обольстишь, не блюдишь, яко и Епифания Евдоксия*. Дочь ты мне духовная — не уйдешь у меня ни на небо, ни в безну. Тяжело тебе от меня будет. Да уж приходит к тому. Чем боло плакать, что нас не слушала, делала по своему хотению — и привел боло диявол на совершенное падение. Да еще надежа моя, упование мое, пресвятая богородица заступила от диявольскаго осквернения и не дала дияволу осквернить душу мою бедную, но союз той злый расторгла и разлучила вас, окаянных, к богу и человеком поганую вашу любовь разорвала*, да в совершенное осквернение не впадете! Глупая, безумная, безобразная, выколи глазища те свои челноком, что и Мистридия*. Оно лутче со едином оком внити в живот, нежели две оце имуще ввержену быти в геену. Да не носи себе треухов тех, сделай шапку, чтоб и рожу ту всю закрыла, а то беда на меня твои треухи те.

Ну, дружец мой, не сердитуй жо! Правду тебе говорю. Кто ково любит, тот о том печется и о нем промышляет пред богом и человеки. А вы мне все больны: и ты и Федор. Не кручинься на Марковну*: она ничево сего не знает; простая баба, право.

Вот тебе грамотка... 2

Господь грядет грешники мучити, праведники же спасти*. Плачемся и въздыхаем, и примем чювство онаго дне, в онь же безвестная и тайная открывый человеком отдаст по достоянию. Страшен судия придет, и кто против станет его? Не обленися потрудитися в нынешнем веце, предварим и восплачемся прежде суда онаго, егда небеса погибнут, и звезды спадут, и вся земля поколеблется, да милостива обрящем тогда бога нашего.

Свет моя, государыня! Люблю я правило нощное и старое пение. А буде обленишься на нощное правило, тот

день окаянной плоти и есть не давай. Не игрушка душа, что плотским покоем ея подавлять! Да переставай ты и медок попивать. Нам иногда случается и воды в честь, да живем же. Али ты нас тем лутчи, что боярыня? Да единоко нам бог распростре небо, еще же луна и солнце всем сияет равно, такожде земля, и воды, и вся прозябающая по повелению владычню служат тебе не больши, и мне не меньши. А честь прелетает. Един честен, — тот, кто ночью востает на молитву, да медок перестанет, в квас примещивая, пить.

Еще ли, государыня, браниться?

Мне мнится, обленилася ты на ночную молитву. Того ради тебе так говорю с веселием — Евангелие воспоминаю: «егда поносят вам и изженут вы, возрадуйтесь в тот день и възиграйте, се бо мзда ваша многа на небесех»*. Аще и радостию тебе глаголю, не радуйся о глаголах сих. Дние наши не радости, но плача суть. Воспомяни: егда ты родилася, не възиграла, но заплакала, от утробы ишед матерни. И всякой младенец тако творит, прознаменуя плачевное сие житие, яко дние плача суть, а не праздника. Якоже мне, грешнику, на земли и праздника несть, развее святым и праведным, кои веселятся законы божими и заповедьми его соблюдающе. Тако и ты, государыня, плачи суетнаго жития своего и грехов своих, понеже призвал тя бог в домовое строение и рассуждение; но и возвеселися, егда, в нощи востав, совершиши 300 поклонов в седьмь сот молитв веселием и радости духовныя. И меня, грешнаго, помяни тут, надежда моя, к богу, и жену мою и дети мои.

Еще же реку ти: егда молишися, вниди в клеть свою, затвори двери своя*, сиречь все помыслы злыя отринь и единому богу гори душею; воздохни со восклицанием и рцы: «господи, согрешила, окаянная, прости! Несмь достойна нарещися дщерь твоя, сотвори мя, яко едину от наемниц твоих!»* Еще же глаголю: аще и все добродетели сотворишь, рцы души своей: «ничтоже благо сотворих, ниже начах добро творити». Нощию воставай, — не людем себя приказуй будить, но сама воспряни от сна безлености, — и припади, и поклонися сотворшему тя. А к вечеру меру помни сидеть, поклоны: еда метание на колену твориши, тогда главу свою впрямь держи; егда же великий прилучится, тогда главою до земли. А нощию триста метаний на колену твори. Егда совершиши сто молитв стоя, тогда «Слава» и «Ныне», «Аллилуйя», и тут три поклоны великия бывают. Тако ж и на «Достойне» всег-

да поклон великий. На святую Пасху и во всю пятьдесятницу и ношью — в пояс. И промеж Рождества и Крещения — в пояс. И во всякую субботу, и неделю, и в праздники — в пояс. Разве в Великую субботу против Великого дни — то метание на колену.

Блюдися, ты, государыня, лестцов — чернцов, и попов, и черниц, еже бы не развратили душу твою, и всех злых человек уклоняйся, а с добрыми беседуй. Не презирай живова мертвеца.

ПИСЬМО БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ И КНЯГИНЕ Е. П. УРУСОВОЙ

Увы, измолче гортань мой, исчезосте очи мои! Благоволи, господи, избавити мя. Господи, помози ми потщися! Скоро да предварят ны щедроты твоя, господи, яко обнищахом зело. Помози нам, боже, спасителю наш!*

Свет моя, еще ли ты дышишь? Друг мой сердечной, еще ли дышишь, или сожгли, или удавили тебя?

Не вем и не слышу; не ведаю — жива, не ведаю — скончали! Чадо церковное, чадо мое драгое, Феодосья Прокопьевна! Провещай мне, старцу грешну, един глагол: жива ли ты?

Увы, Феодосья! Увы, Евдокея! Два супруга нераспряженная, две ластовицы сладкоглаголивья, две маслицы и два свещника, пред богом на земли стояще! Воистинну подобни есте Еноху и Илии*. Женскую немощь отложше, мужескую мудрость восприявше, диявола победиша и мучителей посрамиша, вопиюще и глаголюще: «приидите, телеса наша мечи ссецыте и огнем сожгите, мы бо, радуясь, идем к жениху своему Христу».

О, светила великия, солнца и луна руския земли, Феодосья и Евдокея, и чада ваша, яко звезды сияющыя пред господем богом! О, две зари, освещающия весь мир на поднебесней! Воистинну красота есте церкви и сияние присносущныя славы господни по благодати! Вы забрала церковная и стражи дома господня, возбраняете волком вход во святая. Вы два пастыря, пасете овчье стадо Христово на пажетех духовных, ограждающе всех молитвами своими от волков губящих. Вы руководство заблуждшим в райския двери и вшедшим — древа животного наслаждение! Вы похвала мучеником и радость праведным и святителем веселие! Вы ангелом собеседницы и всем святым

сопричастницы и преподобным украшение! Вы и моей дряхлости жезл, и подпора, и крепость, и утверждение! И что много говорю? — всем вся бысте ко исправлению и утверждение во Христа Иуса.

Как вас нареку? Вертоград едемский именую и Ноев славный ковчег, спасший мир от потопления! Древле гога-ривал и ныне то же говорю: киот священия, скрижали завета, жезл Ааронов прозябший*, два херувима одушевленная! Не ведаю, как назвать! Язык мой короток, не досяжет вашей доброты и красоты; ум мой не обымет подвига вашего и страдания. Подумаю, да лише руками возмахну! Как так, государыни, изволили с такия высокия степени ступить и в бесчестия вринутися? Воистинну подобни сыну божию: от небес ступил, в нищету нашу облечен и волею пострадал. Тому ж и здесь прилично о вас мне рассудить.

Недивно, яко 20 лет и единое лето мучат мя: на се бо зван есмь, да отрясу бремя греховное; а се человек нищей, непородней и неразумной, от человек беззаступной, одеяния и злата и сребра не имею, священническа рода, протопоп чином, скорбей и печалей преисполнен пред господем богом. Но чюдно о вашей честности помыслить: род ваш, — Борис Иванович Морозов* сему царю был дядька, и пестун, и кормилец, болел об нем и скорбел паче души своей, день и ночь покоя не имущ; он сопротивно племянника ево роднаго, Ивана Глебовича Морозова, опалою и гневом смерти напрасной предал, — твоего сына и моего света.

Увы, чадо драгее! Увы, мой свете, утроба наша возлюбленная — твой сын плотской, а мой духовной! Яко трава посечена бысть, яко лоза виноградная с плодом, к земле приклонилась и отъиде в вечная блаженства со ангелы ликовствовати и с лики праведных предстоит святей троицы. Уже к тому не печется о суетной многострастной плоти, и тебе уже неково чотками стегать и не на ково поглядеть, как на лошадки поедет, и по головки неково погладить, — помнишь ли, как бывало? Миленькой мой государь! В последнее увидился с ним, егда причастил ево. Да пускай, богу надобно так! И ты небожно о нем кручинься. Хорошо, право, Христос изволил. Явно разумеем, яко царствию небесному достоин. Хотя бы и всех нас побрал, гораздо бы изрядно! С Феодором там себе у Христа ликовствуют*, — сподобил их бог! А мы еще не вемы, как до берега доберемся.

Поминаешь ли Феодора? Не сердитуеши ли на него? Поминай-су бога для, не сердитуй! Он не больно пред вами виноват был, — обо всем мне пред смертью, покойник, писал: стала-де ты скупа быть, не стала милостыни творить и им-де на дорогу ничево не дала, и с Москвы от твоей изгони съехал, и кое-што сказывал. Да уже бог вас простит! Нечево старова поминать: меня не слушала, как я говорил, а после пеняешь мне. Да што на тебя и дивить! У бабы волосы долги, а ум короток.

Ну, прости ж меня, а тебя бог простит во всем. Мучьтеса за Христа хорошенько, не оглядывайтеса назад. Спаси бог, денег ты жене моей и кое-что послала. Да мужик ничево не отдал, ни полушки, перед ним! Пускай ево! Не до денег нам ныне. У тебя и больши нашава заводов было, да отняли же. Да добро так! Благодарите же бога, миленькие светы мои, не тужите о безделицах века сего.

Ну, и тово полно — побоярила: надобе попасть в небесное боярство.

Мир вам, Евдокеи и Феодоре, и всем благословения. Заплатите же сему за труды принесшему.

<Многогрешный инок Елифанй, пустынный честный обители соловецкия, в темницы, яко во гробе, сидя, бога моля, благословения преписал. О, светы мои, новые исповедницы Христовы! Потерпим мало, да великая восприимем>⁸.

ПОСЛАНИЕ БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ, КНЯГИНЕ Е. П. УРУСОВОЙ И М. Г. ДАНИЛОВОЙ

Книга иноке Феодоре, а по-мирский бояроне, с сестрами.

Херувимом подобящеса, отроцы в печи ликовствоваху, вопиюще: «благословен еси, боже, яко истинною и судом навел еси сый вся грех ради наших, препетый и препрославленный во веки вся»*.

Молитвами святых отец наших, господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас. Аминь.

Херувимы многоочития, серафими шестокрильнии, воеводы огнепальныя, воинство небесных сил, тричисленная единица трисоставнаго божества, раби вернии: Феодора в Евдокее, Евдокея в Феодоре и Мария в Феодоре и Евдо-

⁸ Слова в скобках — копия приписки Елифаня.

кее! Чюдной состав — по образу святых троицы, яко все-ленстии учителя: Василий, и Григорий, Иоанн Златоустый! * Феодора — огненный ум Афанасия Александрскаго *, православия насаждь учения, злославия терние иссекла еси, умножила семя веры одождением духа. Преподобная, по троицы поборница великая, княгиня Евдокея³ Прокопьевна, свет трисиянный, вселившийся в душу твою, сосуд избран показа тя, треблаженная, светло проповеда троицу пресущную и безначальную. Лоза преподобия и стебель⁹ страдания, цвет священства и плод богоданен, верным присноцветущая даровася, но яко мучеником сликowana, Мария Герасимовна, со страждущими с тобою взываше: «ты еси, Христе, мучеником светлое радование». Старец, раб вашего преподобия, поклоняюся главою грешною за посещение, яко простросте беседу довольную и напоили мя водою животекущею. Зело, зело углубили кладезь учения своего о господе, а ужа моя кратка, досягнути немощно, присенно и прикровенно во ином месте течения воды.

Понуждаете мя молитися, чтобы дал бог терпение и любовь и покорение, безлобие и воздержание, безгневие и терпение, и послушание. И я о сем в души своей колеблюся: нет ли в вас между собою ропоту? — боюся и трепещу навета дияволя. Евдокея Прокопьевна! Худо, свет моя, неблагоприятие. Мария Герасимовна! Чево у вас не бывало прежде сего, ныне ли чести искать или о нужной пици ропотить? В мимошедшее времена и рабичища слаще тово ели у вас, чем вы ныне питаетесь; а в пустошном сем только ропот и бессоветие.

Увы мне, грешному! Ей, слезам достойно есть: у меня здесь диявол от десных ссору положил, — в догматах считались, да и разбились. Молодой щененок, Федор дьякон *, сын духовной мне, учал блудить над старыми книгами и о святей троице предкнулся, и о Христове во ад сошествии, и о иных, догматствуя по-никониянски, нелепотно. В книге моей написано и послано к вам * о господе. Аз же, не утерпев безумию его, и слышати не мог хулы на господа бога моего, отрезал его от себя и положил под клятвою, не ради внешних досад к ним, — никакже, — но ради бесстыдства его на бога и хулы на старых книг. Буди он проклят, враг божий!

---

⁹ В рукописи: святитель; исправлено по списку начала XIX в. ГПБ АН УССР, собр. митр. Макария, № 58, л. 94.

А у вас, светы мои, какое догматство между собою? Женской быт одно говори: «как в старопечатных книгах напечатано, так я держу и верую, с тем и умираю». Да молитву Исусову грызи, да и все тут. А о пищи и питии, и о чести века сего что ропотать? Бросили вы сие, плюньте уже на все! Наудачю ведь говорю. Аль то и нет у вас тозо, милостию Христа, бога моего, и заступлением пречистыя владычицы нашея, богородицы, помощницы нашея, света?

А ты, друг мой головной, пожалуй, господу ради, на себе притирай. Ты уже мертвец, отреклася всего, а оне еще, горемыки, имут сердца своя к супружеству и ко птенцам. Можно нам знать, яко скорбь их томит. Я и мужик, а всяко живет. У меня в домишку девка-рабичища робенка родила. Иныя говорят: Прокопей, сын мой, привалял, а Прокопей божится и запирается. Ну, что говорить, в летах, недивно и ему привалять! Да сие мне скорбно, яко покаяния не могу получить. Вьную пору совесть расвирепееет, хошу анафеме предать и молить владыку, да послет беса и умучит его, яко древле в Коринфах соблюдившаго с мачехою*. И паки посужую, как бы самому в напасть не впасть; аще только не он, так горе мне будет тогда: мученика казни предам.

Увы, Феодора Прокопьевна, мати моя! Утеснися душа моя отвсюду грех ради моих. Молися, молися, крепко молися господу ради о мне! А я уже и не знаю, как живу в горести ума моего; не помню иное в печалях, как день, как ночь преходят меня. Ох, ох, ох души, отвсюду утеснившися моею! Евдокея да Марья оханье прислали ко мне*, а у меня и своего много! Глядел, глядел в ваше рукописание, огорчилася утроба моя, я ударился о землю: «владыко! Соблюди, — реку, — их во имя твое, и меня, грешнаго, за молитв их спаси! Кому помощи, аще не ты?» А ты говоришь иную суторщину: «взойду ль-де я тебе на ум-от когда? Большо-де ты меня забыл». Я тебя избранил в те поры, — прости бога ради! Вот, реку, она во сне брусит, и слушать нечево! Разве, реку, сама забываешь меня? А что, петь, о Иване том больно сокрушаешься? * «Главы, главы не сохранил!» Полно-су плюскать тово Христа ддя! Главы не сохранил! Как пороссудить тово дело твое, ино ужас возьмет. Как то, надежа-свет, Христос изволил! То бы по-твоёму добро, как бы на лошадах тех без тебя ездить стал, да баб тех воровать? Привели бы оне на вся, ругаяся тебе, — и Христа бы отрекся, как

и оне ж! А то дорогое дело — по-новому-су робенка причастили! Великая беда, куды! Он и не знает, ни ведает в печалех в то время, что над ним кудесили, блядины оне дети, и со всем умыслом своим. У спаса-света правда будет на суде. Только бы он ево, надежа-свет, не возлюбил, и он бы ево в такую нужную пору не взял к себе. Я благодарю бога о нем, — причастил я ево, помню, довлеет ему сие во веки веком, не истлела в нем благодать! Я на твое плюсканье не гляжу: тебе бы таки всяк исповедник! Ох, матка божия, не по Феодосьину хотению делается! Плачь-ко ты о себе больше, а о нем, слава Христу, и без твоих возгрей! А што? Горе уже от безумия твоего стало мне! Есть о нем плачущих тех. Иной и один вздохнет, ино адом потрясет; хотя бы и впрямь осужден был, ино выпустят. А то за что ево осудить? В муках скончался робя. Григорей о Трояне, о мучители, помолился, ино отдала *. Сказал же ему Христос: «опять-де не моли мне о таковых, не стужай», а однако-таки отдал милостивый бог. А Иван не мучитель был, сам, покойник, мучился и света не видал вся дни живота своего. Да собаки опоганили при смерти, так у матушки и брюхо заболело: «охти мне, сына опоганили! Во ад угодил!» Не угодил, не суетися! Для тебя так попушено, чтобы ты не вознеслась. Блюдися себевозношения тово, инока-схимница! Дорога ты, что в черницы те попала, грязь худая? А хто ты? Не Феодосья ли девица преподобнамученица? * Еще не дошла до тое версты! Ну, полно браниться. Прости, согрешил. Не кручинься о Иване, так и бранить не стану.

На тебя глядя, и Евдокея кручинится о своих робятах. Да мóлоть ли правда? Евдокее той, миленькой, тяшко: то-су и есть мужское и девическое дело, чтобы в грехи не ввалились без приятеля. А батюшко * по-за воронами охоч, знаю я ево, да что же делать? Прокопьевна, миленькая, положим упование на Христа и пречистую богородицу, света. Она детей наших не покинет. Евдокея Прокопьевна! Авось бы ты умерла, ведь бы им жить же без тебя? Ну, да станем Христу докучать: он управит их к себе, создатель наш.

Марья Герасимовна! Не пререкуйте же вы пред старицею тою с Евдокеею тою: она ведь ангельский чин содержит, а вы веть простые бабы, грех вам пред нею пререковать. Да, чаю, то у вас и нет тово о Христе, надеюся на господа, яко даст вам бог терпения и долготушество, и кротость, и повиновение, и любовь. А что, петь, ты о

Акинфее печалуешься? Вели ему пострижися, да и ты постригися, да прямою дорогою ко Христу тому побредите неоглядкою, а затем—как вас Христос наставит. Мир ему и благословение, свету моему Ивановичю, и всем благословение, любящим вас. Евдокея Прокопьевна! Чаю, уже великошки детушки те у тебя, светы мои! Да что же делать? Не больно кручинься о них: бог о всяком человеке промышляет.

Ну, простите же, светы мои, сердечные друзья, простите, государыни мои, простите же-су бога для!

Господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас!

Мати честная и преподобная Феодора! Прости мя, грешнаго, елика согреших словом и делом, и помышлением! Прости же, оскорбил тебя, прости, государыня моя! Ну, прости же, старица! Того для не кручинься о Иване: еще и не так стану бранить, будет не перестанешь сетовать. Чем было тем не велеть сетовать, а она сама кручинится!

А Меланью* ту твою веть я знаю, что она доброй человек, да пускай не розвешивает ушей, стадо то Христово крепко пасет, как побраню. Ведь я не сердит на нея, — чаю, знаешь ты меня. Оне мне и малины прислали, радуют, миленькие. А мне, петь-су, своих тех как покинуть! Надобе друг друга журить, как бы лутчи. Я браню ея, а она благословения просит. Видишь ли, совесть та в ней хороша какова? Полно уже мне ея искушать. Попроси у ней мне благословения: прощается-де пред тобою! Да вели ей ко мне отписнуть рукою своею что-нибудь. Ну, прости же и ты меня и молися бога для о мне. Я веть надеюся на молитвы те ваши. Посем мир вам и благословение, и по поклонцу рядом всем. И Устине-старице с побратимом мир и благословение. Терпите, светы мои, о Христе. <Многогрешный инок Епифаний, милости у Христа бога прося, а ваши святые молитвы в помощь себе призывая, благословение вам Христово приписал.

Не забывают нас, светы, новые исповедницы, во святых своих молитвах. >¹⁰

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ СИМЕОНУ

1

Ну, Симеонушко, вот тебе вести. Однако ты приказываешь: «батюшко, отпиши что-нибудь!»

¹⁰ Слова в скобках — копия приписки Епифания.

Я ведь не богослов, что на ум напало, я тебе то и говорю. Горазд я, Симеон, есть да спать, а как ветхая та испражнять? Покой большой у меня и у старца милостию божию, где пьем и ядим, тут, прости бога ради, и лайно испражняем, да складше на лопату, да и в окошко. Хотя всевода тут приходит *, да нам даром. Мне видится, и у царя Алексея Михайловича нет такого покоя.

Еретики, собаки! Как то их диявол научил: жива человека закопай в землю! Хлебом кормят, а срать не пускают!

Как то бедная боярыня мучится с сестрами? Так же веть нешто! О миленькая моя, не твое бы дело то! Ездила, ездила в коретах, да и в свинарник попала, друг мой милой! Кормят, кормят, да в лоб палкою, да и на огонь жарить. А что ты, Прокопьевна, не боисся ли смерти то? Небось, голупка, плюнь на них, мужествуй крепко о Христе Исусе! Сладка веть смерть та за Христа-света. Я бы умер, да и опять бы ожил, да и паки бы умер по Христе, бозе нашем. Сладок веть Исус-от. В каноне пишет: «Исусе сладкий, Исусе пресладкий, Исусе многомилостиве[й]», да и много тово. «Исусе пресладкий», «Исусе сладкий», а нет тово, чтоб горький. Ну, государыня, пойди же ты со сладким Исусом в огонь, подле нево и тебе сладко будет. Да помнишь ли три отроки в пещи огненной в Вавилоне? Навходоносор глядит — ано сын божий четвертой с ними! В пещи гуляют отроки, сам-четверт с богом*. Небось, не покинет и вас сын божий. Дерзайте, всенадежным упованием таки размахав, да и в пламя! На-вось, диявол, еже мое тело, до души моей дела тебе нет! Аз есмь раба бога живаго и сына его едиnorodнаго, света, его же положи наследника всем, им же и веки сотвори; иже сый сияние славы отча и образ ипостаси его, нося же всяческая глаголом силы своея, собою очищение сотворив грехов наших, седе одесную престола величества на высоких, толико лучши быв ангел, елико преславнее их наследствова имя*. И паки пойте, в пещь идуще, огнем горяще: *благословен еси, господи, боже отец наших, хвально и прославлено имя твое во веки**, и прочая до конца.

Ну, голупки, там три отроки, а здесь вас трое же и весь собор православных с вами же. Там не предстоящу пророку Даниилу со отроки в пещи, но духом купно с ними. Тако и я: аще и отдален от вас, но с вами горю купно о Христе Исусе, господе нашем.

Рабом нашим Божиим всем пожженным вечная память трижды, большая.

Бог вас благословит, всех чтущих и послушающих. Писано моею рукою грешною, сколько бог дал, лутче тово не умею. Глуп ведь я гораздо, так, человеченко ни к чему не годно, ворчю от болезни сердца своего. А бог всех нас правит о Христе Иусе.

2

Чадодогоприимче! * Разумееш ли кончину арапа онаго, иже по вселенной и всеа руския державы летал, яко жюк мотыльный из говна прилетел и паки в кал залетел, — Паисей Александрейский епископ? Распял-де его Измаил на кресте *, еже есть турской. Я помыслил: ано достойно и праведно. Помнишь, во Апокалеписе пишет: «аще кто в пленение ведет, в пленение да идет, и аще кто мечем убиет, подобает ему оружием убиенну быти» *. Распяли оне Христа в русской земле, мздою исполнь десницы своя, правильне варвар над ними творит! Яко Тезерий древле Пилата и Каияфу *, первых распинателей, а нынешних других — Салтан Магметович.

Подай, господи! Подай, господи! Не смейся враг, новой жидовин, распенше Христа! Еще надеюся Тита втораго Иуспияновича на весь новый Йеросалим, идеже течет Истра река, и с приго[род]ком, в нем же Неглинна течет *. Чаю, подвигнет бог того же турка на отмщение кровей мученических. Пускай любодеицу * ту потрясет, хмель-ет выгонит из блядки! Пьяна кровьми святых, на красном звере ездит, рассвирепев, *имущи чашу злату в руке своей, полну мерзости, и скверн любодеяния ея**, сиречь из трех перстов подносит хотящим прянова пьянова пития и без ума всех творит, испивших из кукиша десная руки. Ей, бога свидетеля сему поставляю, всяк, крестивыйся трема персты, изумлен бывает. Аще некогда и пятию персты начнет знаменоватися, а без покаяния чистаго не может на первое достояние приити. Тяжела-су прссыпка та пившему чашу сию, треперстную блядь! А к тому еще малакса на чело поп наложит **, так и вовсе спи, не просняся и до суднаго дни! Малаксу тово знаешь ли ты, Семион? А то каракуля та!

Беда-су миру бедному от сего пития! И не хотящих поят, силою на лоб воротит поп, выблядков сын. А человечество немощно и полско, по писанию: «семя тли во всяком лежит». И не хотя, иной омрачится и уступит спасения своего, подклонит главу свою к печати сей, ов — стра-

ха ради, а ин — зазрения. Как не принять! Царица в золотой чаше подносит. Сиречь патриарх или митрополит оставит каракулю ту, да еще и царь тут же глядит или воевода на городе присматривают. Беда миру бедному пришла! Не пить чаша — во огонь посадят и кости пережгут, а пить чаша скверная сия — в негасимый огонь ввержену быть и в век нескончаемый в плач.

Ну, как же христианом нам быть? Приклони-тко ухо то ко мне и услыши глаголы моя, право, не солгу. Чево себе ищю, тово ж желаю и тебе. Аще не хочешь в стену сию итти господа ради своего, а в существо пойдешь же. Сиречь: стена — огонь сей онаго огня, иже хочет поясти сопротивныя. Сей огонь плоти снедает, души же не коснется; оный же обоя язвит в неистление. Писано есть: восшумит же удолю вся плачевная страшным скрежетанием, вся видящии согрешившия вечнуюю мукам судом праведным Божиим отпущаемы. А прежде возгласят трубы, и истощаются гробы, и воскреснет человеческое, трепеща, естество все: иже добрая содеявшей — в радости радуются, согрешившии же трепещут, плачуще и люте восклицающе, в муку посылаемы и от избранных разлучаемы во тьму кромешную, во огонь вечный, в пропасть глубокую, в черви лютыя, в скрежет зубный и неусыпный, в болезни беспрестанныя. Страшно бо судище, брате мой, на нем же вси обнажены станем. Несть помощника тогда и несть предстателя, ни отец сыну, ни сын отцу, ни мати тщери, ни друг другу, несть помогающего, каждо от дел прославится или осудится. Сотвори же, брате, дело сие о Христе и не пей пития тово из чаши той скверныя вышереченныя! Воистинно будет добро и впредь слюбится. А хотя и бить станут или жечь, ино и слава господу богу о сем. *Достоин бо есть делатель мзды своея**, на се бо изыдохом из чрева матери своея. На что лутче сего? С мученики в чин, со апостолы в полк, со святители в лик, победный венец, сообщник Христу, святей трице престолу предстоя со ангелы и архангелы и со всеми бесплотными, с предивными роды вчинен! А в огне том здесь небольшое время потерпеть, аки оком мгнуть, так душа и выступит! Разве тебе не разумно? Боишися печи той? Дерзай, плюнь на нея, небось! До печи той страх-от, а егда в нея вошел, тогда и забыл вся. Егда же загорится, а ты и увидишь Христа и ангельския силы с ним: емлют души те от телес, да и приносят ко Христу, а он, надежа, благословляет и силу ей подает божествен-

ную, не уже к тому бывает тѣшка, но яко восперенна, туды же со ангелы летает, равно яко птичка попорхивает. Рада, из темницы той вылетела! Вот пела до того, плачуще: «изведи из темницы душу мою, исповедатися имяни твоему. Мене ждут праведницы, дондеже воздаси мне» *. Ну, а то выплакала! Темница горит в печи, а душа, яко бисер и яко злато чисто, взимается со ангелы выпрь, в славу богу и отцу, сын божий и святой дух возносят ю в высоту. А темницу никонияня бердышами секут во огне. Да уже не слышит, ни чует ничево, персть бо есть, яко камень горит или земля. Аще и не горит, ино таков ж до востаннаго дни, нечувственна и несмысленна персть. Аще святых телеса и нетленна суть, не силою естественною содержими бывають, но, благодатию духа святаго укрепляеми, не истлевають, и действует благодать духа святаго в бездушном телеси. Еще живу ему сушу, вселися в него бог, ради веры и добродетелей его, и по смерти телеси его не оставляет бог. Душа же праведных в руке божии, амо же он вестъ, во всеобъятии его, якоже и Христос распятся на кресте, душу свою в руке отцу предаде, плоть же его три дни во гробе лежа, не истле без души, понеже бог слово в ней бесстрастно пребысть, им же Христова содержима плоть. Егда посла бог-отец душу в телеси *, паки душею оживе, и пожерто бысть мертвенное животом. Сниде во ад, плени адова сокровища. Таже явися ученикам, потом взыде на небеса и седе одесную отца, к тому уже не умрет, смерть на нь к тому не обладает *. Тако и о святых телесех разумей: до востаннаго дни лежат благодатию содержими, в день же последний душами подымутся, и грешници мертвена телеса оживотворятся тем же духом святым. Во трубах глас божий будет. Егда первая труба вострубит, тогда отверзутся гробы. Егда же вторая труба вострубит, тогда потечет кость к кости, состав к составу своему. Так то созидати дух святой прах телес наших будет. Таже вострубит третья труба, крепко, громко, неизреченно. И слышавше души повеление господне, потекут каяждо к своему телеси и подымут своя телеса. Страшно и дивно! Беседует Златауст: тогда дивно и преславно позорище будет. Тамо зрим прах земный на высоту возметающ, онамо также человецы вставають, река же огненная потечет, огонь искусный коеждо дела искусит, и погнани будут вои небесными. И его же дело пребудет, спасетя и просветитя, а его же дело скорит, отщетитя. Сам же спасетя тако

же, якоже огнем*. И Павел апостол так же пишет. Сиречь: каков почернел во огне том — грехи те в нем и о нем горят — таков уж и стал темнообразен, валяется на земли, нет силы крохи. Вот дурак, сластей тех ради земных что над собою сделал! Пропал, погиб, некому пособить! А ужжо еще тебе ж будет указ. Сей же огонь искусит небо и землю, и всю тварь, солнце, и луну, и звезды. Будет небо ново и земля нова, бела, яко хартия, и моря не будет к тому. Ядовит бо сей огонь, понеже потечет от престола господня и пояст соблазны вся. Таже праведницы просветятся и взяты будут на облацех по воздуху на встречу господне. Златаустый пишет: тогда бо плоть святых легка будет, яко восперенна, носится по воздуху начнет, яко птицьа. Полетим, братия, тогда надежу своего встречать с великою радостью и веселием и с ним воцаримся во веки веком. А никонияны валяются на земли, и валяются, яко огорелыя главни. Таже сядет господь на престоле славы своея судити праведным и грешным и воздаст комуждо по делом его.

Ну, вот, дожили, дал бог, до краю. Не кручиньтесь, наши православные христиания! Право, будет конец, скоро будет. Ей, не замедлит. Потерпите, сидя в темницах тех, господа ради бога и святаго Израилева, не поскучьте, су, пожалуйста. И я с вами же, грешник, должен. Никола Чюдотворец и лутче меня, со крестьяны сидел пять лет в темнице от Максимияна-мучителя*. Да то горькое время пережили, миленькие, а ныне радуются радостью неизглаголанною и прославленною со Христом. А мучитель ревет в жупеле огня. На-вось тебе столовые, долги и безконечные пироги, и меды сладкие, и водка процеженная, с зеленым вином! А есть ли под тобою, Максимиян, перина пуховая и возглавие? И евнухи опахивают твое здоровье, чтобы мухи не кусали великаго государя? А как там срать тово ходишь, спальники-робята подтирают ли гузно то у тебя в жупеле том огненном? Сказал мне дух святой, нет-де там уж у вас робят тех, все здесь остались, да уж-де ты и не серешь кушенья тово, намале самого кушают черви, великаго государя. Бедной, бедной, безумное царшко! Что ты над собою сделал! Ну, где ныне светлоблещающийся ризы и уряжение коней? Где златоверхие полаты? Где строение сел любимых? Где сады и преграды? Где багряноносная порфира и венец царской, бисером и камением драгим устроен? Где жезл и меч, им же содержал царствия державу? Где светлообразныя рын-

ды, яко ангели, пред тобою оруженосны попорхивали в блещущихся ризах? Где вся затей и заводы пустошнаго сего века, о них же упражнялся невестягнувенно, оставя бога и яко идолом бездушным служаше? Сего ради и сам стриновен еси от лица господня во ад кромешной. Ну, сквозь землю пропадай, блядин сын! Полно християн тех мучить, давно тебя ждет матица огня! * Воспоем, християня, господу богу песнь Моисеову, раба божия: «славно бо прославися» * господь бог наш, яко судил любодеице и отмстил крови наша, всех соженных и в темницах сидящих! Паисея Александрийскаго патриарха, распял турок, а Макар Антиохийский забежал в Грузи *, якоже от волка в подворотню нырнул, да под лестницу спрятался. А здешним любодеям то же будет от Христа, бога и спаса нашего. А нас Христос, бог наш, десницею своею покроет и сохранит, якоже он весть, ему же слава со отцем и со святым духом, ныне и присно, и во веки веком. Аминь.

Бог вас благословит, всех чтущих и слушающих. Писано моею грешною рукою сколько бог дал, лутче тово не умею. Глуп веть я гараздо. Так, человекенко ничему не годной, ворчю от болезни сердца своего. А бог всех правит о Христе Иусе.

Чадо Симеоне! Бог благословит тя сею книгою *. Поминай мя в молитвах своих и неослабно господа зови, да милостив будет ми за молитв твоих, ныне и присно, и во веки веком. Аминь.

3

Чадо Семионе, на гóре я родился.

В Тобольске граде прииде ко мне в дом искуситель, чернец пьяной, и кричит: «учителю, учителю, дай мне скоро царство небесное!» — часу в пятом или в шестом ноши. Аз с домочадцы кануны говорю. Кричит чернец неотступно. Подумаю: «беда моя, что сотворю?» Покинул правило говорить, взял ево в ызбу и рекох ему: «чесо просиши?» Он же отвещав: «хощу царства небеснаго скоро-скоро!» Аз же глаголю ему: «можеш ли пити чашу, ея же ти поднесу?» Он же рече: «могу, давай в сий час, не закосня». Аз же приказал пономарю стул посреде избы поставить и топор мясной на стул положить: вершить черныца хошу. Еще же конатной толстый шелеп приказал сделать. Взявше книгу, отходную стал ему го-

ворити и со всеми прощаца. Он же задумался. Таже на стул велел ему главу возложить, и шелепом пономарь поше. Он же закричал: «государь, виноват! Пощади, помилуй!» И пьянство отскочило. Ослабили ему. Пал предо мною. Аз же дал ему чотки в руки, полтора ста поклонов пред богом за епетимию велел класть. Поставил его пономарь в одной свитке, мантию и клабук снял и на гвоздь повесил. Я, став предо образ господень, вслух Иисусову молитву говоря, на колени поклоняюся. А он последуя, стоя за мною, также на колени. А пономарь шелепом по спине. Да уже насилу дышать стал, так ево употчивал пономарь-ет¹¹. Вижу я, яко довлет благодати господни; в сени ево отпустили отдохнуть, и дверь не затворили. Бросился он из сеней, да и чрез забор, да и бегом. Пономарь-ет кричит вослед: «отче, отче, мантию и клобук возьми!» Он же отвеща: «горите вы и со всем! Не до манатьи!»

С месяц времени минув, пришел в день к окошку, молитву искусно творит и чинно. А я чту книгу Библию. «Пойди, — реку, — Библию слушать в избу». И он: «не смею-де, государь, и гледеть на тебя. Прости, согрешил!» Я простил ево со Христом и велел манатью отдать. Потом издали мне в землю кланяется. И архимарита и братию стал почитать, и воеводы мне ж бьют челом. А до того никто с ним не смел говорить.

Отрадние, чадо, Лоту в Содоме и Гоморе житие бысть*, нежели мне в волокитах тех. Беспреданно душевное плавание и неусыпныя наветы и беды. Яко со зверьми, по человеку со искусители брахся. Вне убо страх, а внутрь такожде боязнь. И во церковь иду, а тово и гляжу, как нападут. А в церкви стою, паки внутренняя беда: бесчинства в ней не могу претерпеть. Беспреданно ратуюся с попами пьяными* и с крылошаны, и с прихожаны. Малая чадь, робята, в церкви играют, и те душу мою возмущают. Иное хошу и промолчать, ино невозможное дело: горит во утробе моей, яко пламя палит. И плачу, и ратуюся. А егда в литоргею нищия по церкви бродят, и не могу их унять, и я им кланяюся, и денег посулю, велю на одном месте стоять, а после обедни и заплачу. А которые бродят и мятежат людьми, не послушают совета моего, с теми ратуюся, понеже совесть нудит, претер-

---

¹¹ Рукопись в этом месте дефектна; «ет» восстановлено по изд. Памятники, стб. 564.

петь не могу. Еще же и Златаустром реченное воспоминаю души моей. Есть писанно в Беседах апостольских*, во нравоучении, вселенная учитель рече: «аще бы-де варвар или скиф, в церковь вшед, начат во олтаре престол раззорять и тряпезу опроверг, наругав святая святых, еже есть святой сокромонт долу опроверг (тело Христово)¹², не вси ли бы прилучившиися тут руже свои возложили на него и, уязвльше, яко бешенаго пса, далече отгнавше, восплакали и возрыдали погибели его». Зде же не тряпезу раззоряют, ниже святая опровергают, но самый дух святой оскорбляют и досажают богу паче, нежели оный раззоритель тряпезы. Вошед в церковь, ов смиеся, ин празнословит и плищ счиняет во время соборнаго моления, ин же, разгордевся, устав церковный пременяет, и ин иная непотребства. Стоящи же в церкви яко изумлени и неми, и глуши, и слепи: слышавше не слышат и видявше не разумеют, ни болезнуют о разрушении церковнаго устава. Вси бегуны, вси потаковники, вси своя си ищут, а не яже суть божия. Аз же глаголю и повелеваю на мятежника церковнаго всем верным руки возложить и далече от церкви отгнати, паче онаго варвара; и дондеже в покаяние придет, ни на праг церковный не попущу таковому восступити. Церковь бо есть небо, церковь — духу святому жилище: херувимом владыка возлежит на престоле, господь серафимом почивает на дискосе. Егда восступил еси на праг церковный, помышляй, яко на небо възыде, равно со ангелы послужити богу, богу живому, истинному, богу животворящему мертвыя и разрешающему от греховныя смерти к вечной нестареющейся жизни, ея же да улучим вси о Христе Иисусе.

Слышал ли еси, чадо Семионе, Златауство учение и поболение о церкви? Напоследок же и душу свою предаде по церкви святой, яко храбрый и непобедимый воин царя небеснаго, света. Читал ли ты, чадо Семионе, житие то ево твердо и внятно? Честнаго отца сын, воеводы именем Секунда, матере Анфисы. Бе единочаден. От юности возлюбив бога и работая Христу всем сердцем и всею душою, Мелетием в четцы поставлен, а Флавиян в той же Антиохии совершил во освященство, напоследок же с честью царь Аркадий, Евдоксия* царица в Царьград взяша на престол патреаршеский и пять лет святой церковь правил, ядый хлеб токмо ячменный, и родостаму, еже есть

---

¹² Скобки в рукописи.

вареную воду, пияше. Возрастом мал бе, главу имея велику, языком златословесен, милости источник, кипящий во устех его благодать духа святаго, яко река, изливашеся повсюду. На гордыя высок, к кающимся милостив, заблуждшия обращая, непокоривыя обличая и потязая, гладныя питая, обидимыя заступая, всем вся бых, да вся приобрете*. Егда же исполнися время и прииде кончина, рыкнул Иркиан в царице*, — возьми да понеси, собирай собор на извержение Иваново!* Надоело житье святое: понуждает на всякое благочестие, а в царских надобно прокладно пить-есть, поиграть в дутки, сиповшики с трупками, детей потешить, самим повеселиться! — Иван мешает.

Слово в слово изначала у нас бысть так же. При духовнике протопопе Стефане Алексеюшко-то с Марьюшкой* добры до нас были и гараздо, яко Аркадий и Евдоксия ко Иоанну. Егда же огорчило житие святое, яко и мед ядушим много, — возьми да понеси, рассылай всылки, стриги, проклинай! Новый Феофил, александри[й]ский епископ, имей дух пытливый, — Никон: Златауста — в Куксы арменския, потом в Каманы*; Аввакума протопоппа — в Сибирь, в Тоболеск, потом в Дауры! Прочих же отец и братья наших бесчисленно губи и души, возьми таковых от земли: не подобает им жити! И оттоле двадцать три лета и пол-лета и месяц по се время беспрестани жгут и вешают исповедников Христовых. Оне, миленькие, ради пресветлыя и честныя, и вседетельныя, пренеисчетныя и страшныя троица несытно пуще в глаза лезут, слово в слово, яко комары или мушицы. Елико их больше подавляют, тогда больши пищат и в глаза лезут. Так же и русаки бедные, — пускай глупы! — ради: мучителя дождались, полками во огонь дерзают за Христа, сына божия, света. Мудры блядины дети греки, да с варваром турским с одново блюда патриархи кушают* рафленыя курки. Русачки же миленькия не так: во огонь лезет, а благоверия не предает. В Казани никонияня тридцать человек сожгли, в Сибири столько же, в Володимере шестеро, в Боровске четырнадцать человек; а в Нижнем преславно бысть: овых еретики пожигают, а инии, распальшесе любовью и плакав о благоверии, не дождався еретическаго осуждения, сами во огонь дерзнувше*, да цело и непорочно соблюдут правоверие. И сожегше своя телеса, душа же в руке божии предаша, ликозствуют со Христом во веки веком, самовольны мученички, Христовы рабы. Вечная им

память во веки веком! Добро дело содеяли, чадо Семноне, надобно так. Рассуждали мы между собою и блажим кончину их. Аминь.

ПИСЬМО ИГУМЕНУ ФЕОКТИСТУ

«ОТПИСКА С МЕЗЕНИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА
КО ИГУМЕНУ ФЕОКТИСТУ.
СПИСАНО С СУЩИЯ ЕВО ПРОТОПОПОВЫ РУКИ
СЛОВО В СЛОВО»

Рече господь: «аще согрешают пред вами человецы до седмьдесят крат, седморицею и каются, прощайте их» *.

Отче Феоктисте и вся братия! Я, протопоп Аввакум, пред богом и пред вами согрешил и истинну повредил: простите мя, безумнаго и нерассуднаго, *имущаго ревность божию не по разуму* *. Глаголете ми, яко мною вредится истинна и лутче бы мне умереть в Даурах, а нежели бы мне быть у вас на Москве.

И то, отче, не моею волею, но божиею до сего времени живу. А что я на Москве гной росшевелил и еретиков раздражил своим приездом из Даур: и я в Москву приехал прошлаго году не самозван, но взыскан благочестивым царем и привезен по грамотам. Уш-то мне так бог изволил быть у вас на Москве. Не кручиньтесь на меня господа ради, что моего ради приезда стражете. *Аще бог по нас, кто на ны? Кто поемлет на избранныя божия? Бог оправдай и кто осуждай? Христос Исус умерый, паче ж и воскресый, иже и проповедует о нас* *.

Отче, что ты страшлив? Слышишь ли: есть о нас промышленик! Феоктист, что ты опечалился? Аще не днешь, умрем ж всяко. Не малодушствуй, понеже *наша брань несть к крови и плоти* *. А что на тебя дивих! Не видишь, глаза у тебя худы. Рече господь: «ходяй во тьме не весть, камо грядет» *. Не забреди, брате, со слепых тех к Никону в горькой Сион! * Не сделай беды, да не погибнем зле! Около Воскресенскова * ров велик и глубок выкопан, прознаменует ад: блюдиися да не ввалиссия, и многих да не погубиши. Я-су право, блюдуся горькаго того Сиона, понеж в нем не сладки песни поет *дщи Вавилоня, окаянная!* * Расширила и народила выблядков Родиона и Ивана * и иных душепагубных волков, и оне пожирают стадо Христово зле. И я, отче Феоктисте, видя их, хищников, ловящих овец Христовых, не умолчал ему, Родиону, и Ивану

и начальнику их Илариону, понеж возбудил вас, рабов Христовых, приездом своим. *А аще бы нам умолчать, камене возопиет* *.

И ты не кручинься на меня, миленькой! Я поехал от вас с Москвы паки по городом и по весем словесныя рыбы промышлять: а вы там бегайте от никониян! Поминайте, реченное: «не бойся, малое мое стадо, яко отец мой благоизволи вам дати царство» *. Батько Феоктист! скажи Василью Рогожке от меня мир, и благословение, и поклон, и прощение и спроси, что с ним, не видался, тако ж и протчей братье всем за меня кланяйся — твое то дело: протопоп-де прощения просит, кому в чем досадил. Да и сам престань бога для пить сикера.

А Ондрей Самойлов у меня на Колмогорах недели с четыре жил *: у всех у вас благословения просит и прощения. Да отпиши ко мне кое о чем пространно — не поленись, или Афонася заставь *. А я жду на Мезени вашева письма до весны.

Не езд к Николе на Болото: никониане удавят. Шатайся кое-как всокровенне или ко мне приедь, буде сможешь. Про все пиши, а про старцово житье мне не пиши *, не досажай мне им, не могут мои уши слышати о нем хульных глагол ни от ангела. Уш-то грех ради моих в сложении перстов малодушствует. Да исправит его бог, надеюся! Отпиши ко мне, как живут отщипенцы, блядины дети, новые унияты, кои в рогах ходят *, понеж стец их диявол, бляди и лжи начальник, их тому ж научил лгать и прельщать народы.

Посем мир ти, господине и брате, и отче! И жена моя и дети благословения просят, и Фетинья и Григорей *.

ПИСЬМО АФАНАСИЮ

Афонасий, не умер ли ты? Да как умереть: Афонасий бессмертие толкуется. Носи гораздо пироги те по тюрьмам тем.

А Борис Афонасьевич еще ли троицу ту страха ради не принял? * Жури ему: боярин-де-су, одинова умереть, хотя бы то-де тебя скать по гузну тому плетьми теми и побили, ино бы не какая диковина, не Христова бы кровь пролилась, человечья.

А Хованской князь Иван Большой * изнемог же. Чему быть! Не хотят отстать от Антиоха тово Египетска-

го*, рафленные куры да крепкие меды как покинуть? Бедненькие, увязают в советех, яже умышляют грешнии! Да покинут, будет и не хотя, егда повелит господь расторгнути душу с телом.

Аще и Илия и Енох не вкусили смерти плотски, но при антихристе и те плотию постраждют* и, на стогнах убиты, полежав три дни и пол, оживут паки и на небо въздут.

Видишь ли, толикия светила смерть плотски вкусят. А мы когда бессмертии будем?

Ну, Афонасей, прости. Спаси бог тя за пироги. Моли бога о мне. Мир ти и благословение от всех нас, а от меня и поклон с любезным целованием.

ПИСЬМО МАРЕМЬЯНЕ ФЕОДОРОВНЕ

Маремьяна Феодоровна, свет моя, еще ль ты жива, голубка? Яко голубица посреде крагуев ныряешь и так и сяк, изрядное и избранное дитячко церковное и мое, грешнаго.

Ну, свет, бог тебя благословит, перебивайся и так и сяк, аще господь и отрадит нам, бедным.

Спаси бог, что не забываешь бедныя протопопицы с детьми. Посажена горяша так же в землю, что и мы, с Иваном и Прокопием; а прочии горе мычют. Да пускай их терпят.

Как там братия наша, еще ли живы или все сожжены? Бог их, светов моих, благословит и живых и мертвых! Все бо живи Христу, хотя и сожжены и повешены, те и лучшая приобрели.

Не остави и нас, владыко, и не отлучи от дружины нашея! Собери нас под крыло свое, воедино всех наших! Удержи диявола, да не поглотит наших никого же! Ты бо еси бог наш, судия живым и мертвым.

Ну, голубка, скажи всем благословение от меня, грешна старца, да молятся о мне отцы и братия. Дмитрию отпиши от меня благословение, Козьме священнику, Стефану священнику и домом их благословение, и прочим всем, в грамотке писанным, равно благословение. Аще живи, и Якову и Максиму* с домами их благословение. Страждущим Христа ради, еще же их же знаю и не знаю, их же вем и не вем, стоящих право душами своими в вере — всех их бог благословит, и жены их, и детки, и

вся сродники, отцы их, и братию, и сестр, всякаго чина в православии пребывающих, за него же стражем и умираем.

Потерпите, светы мои, господа ради потерпите! И не унывайте душами своими, но уповающе на бога и пречистую богоматерь в молитвах и молениих да пребудем. Время жития сего суетнаго сокращенно: яко дым исчезает, тако вся сия минует. Доброродие и слава века сего и богатство — все ничтоже, едино спасение души сей всего нужнее. *Без веры нам невозможно угодити богу**, веровати же подобает право, како от отец прияхом. Не учите вас о том стало — ведаете путь господень, его же ради и стражете. А еще кого и сшибет диявол с ног православия, муками и томлением отречется, и он бы не лежал отчаянием, но паки бы к первому православию с покаянием прицепился. Милостив господь и праведен, ведает немощь естества нашего человеческого, простит и помилует кающагося. Горе же тому будет, иже отчається, упадше, и возненавидит перваго света и ко тьме прилепится. «Лучше бы не родился человек той»*, яко Июда по писанию.

Зело богу гнусно нынешнее пение. Грешному мне человек доброй из церкви принес просфиру и со крестом Христовым. А поп, является, по-старому поет, до того пел по-новому. Я чаял, покаялся и перестал, ано внутрь его поган. Я взял просвиру, поцеловал, положил в уголку, покадил, хотел по причастии потребить. В нощи той, егда умолкнуша уста моя от молитвы, прискочиша беси ко мне, лежащу ми, и един завернул мне голову, рек мне: «сем-ко ты сюды!» — только и дыхания стало. Едва-едва умом молитву Исусову сотворил, и отскочил бес от меня. Аз же охаю и стону, кости разломал, встать не могу. И кое-как встал, молитвуя довольно, опять взвалился и мало замгнул. Вижу: у церкви некия образ, и крест Христов на нем распят по-латыне, неподобно, и латынники молятся тут, приклякивают по-польски. И мне некто велел той крест поцеловать. Паки нападоша на мя беси и утрудиха мя зельно и покинуша. Аз же без сна ночь ту проводих, плачючи. Уразумех, яко просвиры ради стражю, выложил ея за окошко. Не знаю, что над нею делать — крест на ней! И лежала день. В другую ночь не смею спать, лежа молитвы говорю. Прискочиша множество бесов, и един сел с домрою в углу на месте, где до того просвира лежала. И прочии начаша играти в домры и в гутки. А я слушаю у них. Зело мне груско, да уже

не тронули меня и исчезли. Аз же, востонав, плакався пред владыкою, обещался сожечь просвиру. И бысть в той час здрав. И кости перестали болеть, и во очию мою, яко искры огнены, от святаго духа являхуся. И в день сжег просвиру, и пепел за окошко кинул, рекше: «вот, бес, жертва твоя, мне не надобе». И в другую ночь лежа по чоткам молитвую. Вошел бес в келию мою и ходил около меня. Ничево не сделал, лишю из рук чотки вышиб, и я, подняв, опять стал молитвы говорить. И паки в день с печалию стих лежа пою: «и печаль мою пред ним возвещю, услыши ны, господи!» * И бес вскричал на меня зело жестоко. Аз вздрогнул и ужасся от него. И паки в ыную ночь, не вем как, вне ума, о просвиरे опечалился и уснул, и бес зело мя утрудил. С доски свалясь на пол, пред образом немощен, плачючи Никона проклял и ересь ево. И паки в той час здрав бысть.

Видишь ли, Маремьяна, как бы съел просвиру ту, так бы что Исакия Печерскаго затомили*. Такова та их жертва та хороша. И от малой святыни беда, а от большие то и давно, нечево спрашивать.

Маремьяна, прости же. Скажи Анне Амосовне* благословение. Бог разберет всякую правду и неправду, надобно лише потерпеть за имя ево святое. Мир тебе о Христе. Аминь.

ПОСЛАНИЕ «ВЕРНЫМ»

«ПОСЛАНИЕ К ВЕРНЫМ ОТ НЕГО ЖЕ, СТРАДАЛЬЦА ХРИСТОВА, АВВАКУМА, ИЗ ПУСТОЗЕРСКОЙ ТЕМНИЦЫ»

Возлюбленнии мои, их же аз люблю воистинну*, друзип мои о господе, раби господа вышняго, светы мои, имена ваша написаны на небеси! Еще ли вы живии, любящии Христа истиннаго, сына божия и бога, еще ли дышите?

Попустил им Христос, предал нас в руки враг. Уш-то аз, окаянный, достоин ранам быти сим. Жаль мне стада верных, вляющихся и скитающихся в ветренном учении, во лжи человечестей, в коварстве льщения*. Да что же делать? Токмо уповати на бога, рекшаго: «не бойся, малое мое стадо, яко отец мой благоизволи дати вам царство небесное»*. Не сего дни так учинилось кораблю Христову влятися, еже есть святей церкви, но помяни, что Златоуст говорит: «многи волны и люто потопление, но не боимся погрязновения, на камени бо стоим. Аще каме-

ню волны и приражаются, но в пены претворяются, каменя же вредити не может, еже есть Христа».

Что же делать, братия моя любимая, потерпим со Христом, да слюбится нам, а они постыдятся. Горе им, бедным, будет в день судный, судия бо близ, при дверех, сотворити кончину веку сему суетному. Горе тому, кто не внимает о прелести последних времен! *Зде есть терпение святых**, иже соблюдают заповедь божию и веру Иисусову, якоже Лествичник Иоанн* пишет: «аще не вкусиши горчицы и опреснока, не можеша свободитися фараона». Фараон есть диавол, а горчицы — топоры, и огонь, и виселицы.

А которая на нас строят, на тех нечево винить: диавол тому виновен, а они были братия наша.

Станем бога ради добре, станем мужески, не предадим благоверия! Аще и яра зима, но сладок рай, аще и болезнено терпение, да блаженно восприятие. Отъята буди рука — да вечно ликовствуем, да такожде и нога — да во царствии веселимся, еще же и глава — да венцы увяземся. Аще и все тело предадут огневи, и мы, хлеб сладок, троице принесемся. *Не убоимся, братие, от убивающих тело, души же не могущих убить**, убоимся вторья смерти*, еже есть вечныя муки.

Братия моя зде со мною под спудом сидят, дважды языки резали и руки секли*, а они и паки говорят по-прежнему, и языки таковы же выросли божию благодартию. Вот, не смеху ли достойно — диавольской умысл! — паче же слезам, не о нас, но о режущих. *Горе им, яко в путь Каинов ходиша и в лествь Валаамову предашася!** Спаси их, господи, ими же веси судьбами! Не вмени им за озлобление наше, пречистый владыко!

Милинькие мои! Аз сижу под спудом тем засыпан. Несть на мне ни нитки, токмо крест с гойтаном да в руках чотки — тем от бесов боронюся. Да что бог пришлет, и аз то снем, а коли нет — ино и так добро. О Христе Иисусе питайся наш брат, живой мертвец, воздыханием и слезами, донеле же душа в теле. А егда разлучится, ино и так добро: жив погребен.

Воистинну и на свободе люди те в нынешнее время равны с погребеными. Во всех концех земли ох и рыдание, и плач, и жалость, наипаче же любящим бога туга и навет сугубой: душевной и телесной.

Увы, камо ся дежем, прежде того осуждени и прежде вечных мук утомлени? Се ныне прибегаем во твое, владычице, теплое заступление, предстани нам в помощь и не

закосни, всегосподствованная небесная царице, госпоже богомати, *видя виждь озлобление людей сих**, и умоли сына своего, света, да избавит нас сугубых бед и напастей, еже есть в нынешнем житии времени и в будущем.

Братия, свети мои! Простите мя, грешнаго, и помолитесь о мне, и вас бог простит и благословит, и наше грешное благословение да есть с вами неразлучно. Вас и жен ваших, и деток, и домашних всех, целую целованием духовным о Христе и, пад, покланяюся на плесны ног ваших, слезами помывая. *Спаситесь, свети мои, от рода строптиваго сего** и нас в молитвах своих поминайте, а мы вас должны.

Спаси бог за платки. По платку нам прислали закона ради отец наших и веры ради Христовы.

Детей своих учите, бога ради для, неослабно страху божию, играть не велите. Ох, светы мои! Вся мимо идет, токмо душа — вещь непременно. Стойте в вере Христа, спасителя нашего, не ослабевайте душами своими. Паки мир вам всем и благословение, благодать господа нашего Иисуса Христа, сына божия, с вами. Аминь.

Жаль их бедных, от гнева погибающих. Побили наших, о Христе пострадавших, на виселицах и огнем пожгли. И в моем дому двоих повесили*, и детей, было, приказали удавить, да, не вем како, увертелися у виселицы. А ныне и Соловки во осаде морят, пять лет не етчи. Чюдно в новой той их вере родилося. Помилуй их, Христос, бедных! Потеряли, горюны Христа-бога, поработилися страстем сего века. Ждет их Христос ко обращению, да обратятся бедныя никониане, да как хотят! Мы чисти от них. Говорили мы им по своей силе, затем умрем о Христе Иисусе, сыне божии. Не дорожи мне сим веком, *не имам zde града, но грядущаго взыскуем**.

ПОСЛАНИЕ «ГОРЕМЫКАМ МИЛЕНЬКИМ»

Книга всем нашим горемыкам миленьким.

Любо мне, что вы охаете: «ох, ох, как спастися, искушение прииде!» Чаю-су, ох, да ладно так, меньше, петь, спите, убужайте друг друга.

А я себе играю, в земле той сидя. Пускай, реку, диявол-от сосуды своими поганяет от долу к горнему жилищу и в вечное блаженство рабов тех Христовых. Павел пишет: «житие наше на небесех есть»*.

Благодать господа бога и спаса нашего Исуса Христа со всеми вами, любящими святую троицу, отца и сына и святого духа.

Раб и посланник Исус Христов, волею божиею земляной юзник, протопоп Аввакум чадом святых соборных и апостольских церкви: Акинфею с сестрою Маврою, Родиону, Андрею брату и сестре Марье Исаии сожженного*, Феодору Железному, Мартину, Мавре, Феодосьи, Анне, Парасковии, Димитрию Колашнику, Димитрею Молодому, Симеону, Агафону, Ксеньи со Игнатъем, Анне Амосовне с детьми, Акилине девице, Евдокеи, Марфы, Анне, Ксеньи, Ирине, Ивану Сахарному, Маремьяне с Димитрием, Агафонником, старице Меланьи, Пелагии, Мавре, Таисей, Елене, Ираиде и Сусане, Марье, Неониле, Афонасию, Луке и всей тысящи. Пад пред всеми, равным лобзанием целую главы ваша и перси, и рuce, и нозе, и весь орган телесный подьемлю, своима рукама приношу вас в жертву богу живу и истинну, богу животворящему мертвыя; сам по нем аз умираю, и в вас того желаю.

Станем добре, станем твердо, отцы мои и братия, и чада и сестры, и матери и дщери! Аще не ныне, умрем же всяко. Не предадим благоверия, други мои сердечныя, светы, но оболкшеса во броня веры и шлем упования приемше*, подвигнемся на богоотступныя и богомерския нечестивыя никонияня, обличаем их богоборную прелесть. Аще кто силен, да борется словесы и делы, *взирающе на начальника вере и совершителя Исуса**. Аще кто немощен, да уклонится от зла и сотворит благо. *Зане очи господни на праведныя и уши его в молитву их, лице же господне на творящая злая, еже потребити их от земля**.

Вы просили есте о неведомых вам вещех — о сожженных братии, како их почитати? И аз о имени господни со духом вашим согласую: добро почитати сожженных за правоверие отец и братий наших. Но в место образная их не поставляем, дондеже бог коего прославит. Тогда, перекрестясь, поклонимся, егда бог изволит обавить.

А до тех времен сожженных кости держим в чесне месте, кажение и целование приносим по страдавших за Христа-спаса, избавителя душ наших.

Аще приключится и вода святити, полагаем их со крестом Христовым в воды и теми кропляемся водами, и испиваем, поучающиеся на тот же подвиг, и в молитвы их призываем, сице рекше: «боже, за молитв пострадавших, сего и сего, спаси нас, господи, и их помяни во царствии

небеснем». Да прекрестяся, богу лбом в землю. А мощи кадя, глаголи: «отче мой или брате, елико имаши дерзновение к богу, молися о мне, грешнем». Да поцеловав и по кадя, челом ему усердно, просто. Аще и прекрестясь поцелуешь — не согрешишь. Но добро, кто бог оправдает, а не мы, человеки.

Ответ о причастии. Есть в правилех пишет, повелевает исповедатися искусному простолюдину, нежели невеже попу, паче же еретику.

Аще нужда привлечет, и причаститися без попа мочно святым комканием.

Аще мужеск пол или женеск, в нынешнее настоящее огнепальное время со исповеданием и с прощением дружок другу тела Христова и крови причащаетесь: пред образом владычним возжги свещу и на столыце устрой плат, и на нем поставь сосудец с вином и водою, и вложи часть тела Христова; возьмше фимиян и кадило, со Исусовою молитвою покади образ и святая, и дом весь, и потом целуй святыя иконы и крест на себе носяй, и, поклонився на землю, глаголи полное прощение пред образом господним, и, встав, глаголи: «владыко, господи, Исусе Христе, человеколюбче, да не во осуждение ми будет причастие святых ти тайн, но во очищение и освящение души и телу, и во обретение будущия жизни и царствия, яко благословен еси во веки, аминь». Таже и к нам прощение, изливая свою душу, и бог тебя благословит, причастися святаго сокромента.

И паки моли о себе и о нас бога, а мы о вашем благоприступании, елико можем.

Ответ о крещающихся младенцах. По старому служебнику и новоставленной поп, аще в нем дух не противен, да крестит робенка. Где же деться? — нужда стала. Аще и старой поп по новому служебнику — не приятно. А за царя хотя бога и молят, то обычное дело. Есть пишет в правилех: не всех дух святой рукополагает, но всеми действует, кроме еретика. И я то помышляю: иной станет в попы те, а душею о старине той горит. Таковых по нужды приемлем, аще богоборствует. И старой чорт — плюнь на него и с паками.

А младенцов тех причащайте истинным запасом* и всех плакавшие, кой и по-новому тому крещен. Жаль мне младенцов тех, хотя бы тела тово Христова сподобилися искусенько! И мирянин причащай робенка, бог благословит.

А исповедаться пошто итти к никонияну? Аще нужда и привлечет тя, и ты с ним в церкви той скаски сказывай, как лисица у крестьянина куры крала: «прости-де, батюшко, я-де не отгнал», и как собаки на волков лают: «прости-де, батюшко, я-де в конюру сабаки той не запер». Да он, сидя, исповедывает, а ты ляг перед ним, да и ноги вверх подыми, да слину попусти, так он и сам от тебя побежит: черная-де немочь ударила. Простите-су бога ради, согрешил я пред вами. А што? Уже горе меня взяло от них, от блядиных детей. Плюйте на них, на собак! Ведь оне, воры, и дочерей духовных воруют, право, не лгу. «Исповедайте друг другу согрешения, по апостолу, и молитесь друг о друге, яко да исцелете» *.

А воду ту святит, хотя истинной крест погружаем, да молитву диявольскую говорит. В правилех пишет: и образу Христову в еретическом соборе не кланяться. Егда оне престанут от молитвы, тогда после их кланяйся. А то тоже, хотя и крест, да еретическое действо.

А будет нужею в церковь ту затошат, и ты молитву Исусову, вздыхая, говори, а пения тово не слушай их.

А на молебны те хотя и давайте им, а молебны те в Москву-реку сажайте. Хотя и попа тово, врага божия, в воду ту посадишь, и ты не согрешил: Лев Катанский в огонь посадил же такова вора *.

А по старым книгам кои пострыжены от никониян, за простоту не пособить, быть ему чернцу, господь видит нужду человеческую.

Поминайте покойников, кои и по-новому причащены: розберет Христе, какова в ком совесть была.

А с водою тою как он придет, так ты во вратех тех яму выкопай, да в ней роженья натычь, так он и абрушится тут, да и пропадет. А ты охай, около ево бегая, будто ненароком. А будет которой и яму ту перелезет, и в дому том быв, водою тою и намочит, и ты после ево вымети метлою, а ребятам тем вели по-за печью от него спрятаться, а сам с женою ходи тут и вином ево пой, а сам говори: «прости, бачко, ночесь с женою спал и не окачивался, недостойны ко кресту!» Он кропит, а ты рожу ту в угол вороти или в мошну в те поры полезь да деньги ему добывай; а жена — и она собаку из-под лавки в те поры выгоняй, да кричи на нея. Он ко кресту зовет, а она говори: «бачко, недосуг! Еще собаку выгоняю, тебя же заест!» Да осердись на него, раба Христова: «бачко, какой ты человек! Аль по своей попадье не разумеешь? Не

время мне!» Да как-нибудь, что собаку, отживите ево. А хотя и омочит водою тою — душа бы твоя не хотела! Велика та, су, и есть вам нужда та от них, от лихоманов, мочно знать! Да что же, светы мои, делать? Больши станем перед спасом плакать.

А в чем погрешится, и ты кайся пред господем богом! Где же деться? Живыя могилы нет!

А крест Христов на печатех тех без полныя подписи нехорошо: без копия, и без трости, и без «Ника» и без «Царя славы»; некто играет, яко жидовин древле, и ругается кресту Христову.

Спаси бог за послание отца Авраамия*. Сын мне духовный был, в бельцах Афонасей. Пускай сгорел — сгорел за Христа! Любо мне гораздо. А здесь Киприяну голову отсекли. 83, июля в 7 день, в среду*.

Борисушко! Бог тебя простит, яже согреших от юности и до сего часа, или словом, или делом, или помышлением, или в разуме, и в недомысле, или пронырством и лукавством, и человекоугождением, татьбою и блудом и всякою нечистотою. Бог простит тя о всем в сий век и в будущий, и да неосуждена тя сподобит предстати на страшнем суде своем Христос, бог наш, сый благословен во веки, аминь.

Ну, Борисушко, всегда прощения говори; а я ведь слышу, и на всяк день по-дважды кажу вас кадилом, и дома ваша, верных рабов Христовых, и понахиды пою, и мертвых кажу, и благословляя вас крестом Христовым и потом рукою своею грешною пятья днем, по всяком правиле. А ты за меня кланяешься ли богу толь свету? Я веть о вас молю, а ваших молитв требую же, да и надеюся за молитв ваших спасен быти.

У отца Досифея благословения прошу, и старец Епифаний также, по-премному челом бьем: отец святой, моли бога о нас!

Симеон! Деньги твоего привозу все пропали: только три рубли пришло с пустобородом, а то всю — девяносто рублей — съел диявол.

Феодосей привез к нам 11.

Да воздаст господь бог всем творящим к нам милость, и за те, кои и пропали! Да напишутся имена их в книгах животных!

Раби бога вышняго! Посылайте деньги мои к жене моей и детям*; а я, милостию Христа, моего бога, покoен, сыт и пьян, — дал бог! Оне, бедные, требуют и ко

мне приказывают с Мезени той; не ведомо, кои беды гладуют: живут большо неблагодарно. Чему быть? Робята робяцки и движутся.

Маремьяна! А с кем вы послали лествицу ту? Ешь, пожалуй, во вторники те и в четверги те, бог простит тя! Правила не теряй — молитв и поклонов — и о мне моли бога. Спаси бог за лествицу: дойдет ли, не дойдет ли, а вы ведь послали. Вы правду, я кривду, уж то недостоин.

Маремьяна! Вот тебе игуменья Акилина Гавриловна, девица, будь у нея в послушании о Христе Иусе, госпoде нашем, ему же слава и ныне, и присно, и во веки веком, аминь.

Посем вам всем паки мир и благословение. И старец, мир дав, по-премногу челом бьем. Молитесь о нас всеусердно. Ну, простите, а вас бог простит.

<Инок Елифаній* милости у Христа бога прося, а ваши святые молитвы в помощь себе призывая, благословение Христа Иуса приписал.>¹³

«СОВЕТ СВЯТЫМ ОТЦЕМ ПРЕПОДОБНЫМ»

Паки реку и паки возглаголю всем святым, живущим в Лиде и во Ассароне*, еже есть в пустынях и горах скитающимся, отцем и братьям, богомольцам, о своем спасении и о недостатках мирских.

Вы бо есте вожи и дверь райския породы, скитаетесь посреде видимаго леса, душа же ваша витает в горнем Сионе*. Вы есте ходатаи слепоте мирстей, омываете прозрение своими слезами, приводяще к свету святые троица. Вы есте корабли, фарсийскаго исполнены злата*, плывуще во пристанище тихим ветром. Вы есте необузданныи кони, текуще ретящиеся, превосходяще друг друга желанием красот небесных. Вы есте поущание ленивым; нашей братье, заблуждшим, столпи непоколебимии и утвержение вере. Вы есте камень избранное, на положенном во главу углу камени себе наздасте. Вы есте слепым вожи и хромым хождение, прокаженным очищение, мертвым воздвижение, болящим исцеление. Молитва ваша, яко огонь, попаляя дубровы и яко пламень, пожигая горы, тако и вы никониянския еретическия гнусные уставы.

Милостив буди ми, господи! Дажь ми слово прогла-

---

¹³ Приписка Елифанія.

голати подвиг святых твоих, им же не точен весь мир.

О возлюблении богом! О чета богоизбранная горняго Сиона! Кто не воспоеет песнь богу, в разуме приемше ваш труд и подвиг! Ужаснися небо, и да подвижутся вся основания земная. Убойтесе вси, живущии на Гаваоне*, противнии Исусу! Востече солнце от запада на полудне, зря Исусову победу, взыде праведное солнце от врагов римлян, ненавидящих его и изгнавших, и вселихся со святыми своими в тесных пустынных дебрях, и даст святым своим победу на новыя гаваониты. Изгнаша жиды Исуса Христа, божия сына, он же прошед, посреде их идяше, и прииде в гору, со ученики пребывая. Тако и никонияня изгнаша святых божиих от градов и сел и весей. Они же, вселихся в горах, со ученики витают. О отцы святии, подобни бысте тверди небесней, на ней же сияет видимое солнце! В ваших же душах мысленное солнце, молитвами вашими просвещает весь мир. За молитв ваших не убоюсь и я. Что сотворит ми человек духа никониянска? Но крепко ѿ всенадежно упование имам, яко есть за мя ходатаи к богу. Отцы святии, духоносцы, кто вам подобен? разве лик апостольский и пророческий, и святителей, и преподобных, иже в посте просияша и на небесех пред владыкою сияют?!

Чюдно, батюшки, извол божий и поущение велиару* нас дьявол видимый мучит, а вас душевныя и телесныя страсти, и везде фараониты*. Да как от них избудем в тленнем телеси сем, со бесплотным брався? Батьки, а батьки, сказать ли вам? Я доведался, сказал мне дух святой: видимых тех врагов велено побеждать терпением от них и благодарением к богу, взирающе на распятаго нас ради, а невидимых тех постом и молитвою со слезами, и смирением, и любовию, между собою без ропоту живуще, душею и сердцем едином, нелицемерно и негневливо, не самолюбно. Брату пошедшу, отвори ему келью и затвори за ним сенцы. С пути приидет — встретя, поклонився на колену, целовавше. Сняв с него бремя и положи к месту, совлецы с него и котыгу, развесь мокрую на грядку, возложи на брата сухую. Та же на столец возложи хлеб и зелияницу против дней по уставу. Аще прилучится, и с маслецом разрешите на радостях: два отца — два братца. Разве пост соборной, среда и пяток, — и вы ягодок или медку за любовь Христову полижите, да и меня поминайте: я люблю мед-от. Та же от трапезы воставше и достой-

но благодарение богу воздавше, сытым брюхом седше, друг друга о вестях вопрошайте, любезно, не кичением говорите друг другу. Пришлец тем не величайся, яко был в Вавилоне*, а домашней — не ставь свое велико, яко без него нагревал келью. Но грех ради наших вселилася в человеки ересь. Пыщится, надувается гневливой, един спросить гордится, а другой отвещать не хошет. Оба, яко сено, истлевают, и яко древо, червием изгрызаеми бивают. А и сами не знают, о чем мутятся. Мало им в глаза те сего света, и тьму ту желают [в] свою душу вложити.

Убы о сем братстве! Лучше бы, не взявше аггельскаго чина, во тьме житейстей жити, во Египте, не исходя в пустыню с Моисеом, и в котлах египетских мяса жрати, нежели ропщуще в Синаи приобщатися манне, гневаяся на бога и на Моисея. Гнев бо мужу правду Божию не соделоваает, гнев от бога отлучает и душе убийство сотворяет. Прогневаяся брат на брата, на Авеля Каин*, и изведе его на поле, убив каменем. Виждь, что успело Каину в сей и в будущей жизни, омочил десницу свою в горле крови братни, омочился и сам в темницах адовых в век века.

О зависть и нелюбка, сатанино дело! Да слышите, братоубийцы, гневающеися туне на брата, разгну вам Каинову повесть¹⁴ (беседа Златоустова, слово б на иудея). Рече господь ко Каину: «к тебе обращение братне, и ты обладаеши им. Дерзай, — рече, — и не бойся, ниже устрашайся о сем. К тебе обращение его, и ты начальствуеши им». А еже глаголет, сичево есть: пребывай на чести первороднаго и бывай брату твоему прибежище и покров, и предстательство, и держава, и обладай им, точию да не ко убийству искочиши, ниже на законопреступное оно изыдеши закование. Но обаче ни тако не послуша, ниже умолкну, но содела убийство, и десницею в горле омочи братнем.

Видите, отцы и братия, начальствуемии! Не бывайте подначальным, яко Каини, внимайте наказание бога самого ко Каину: пребывал на чести первенства, бывай брату прибежище и покров, и предстательство и держава, и обладай им, точию не бей, законопреступно не твори. Аще ученик не брежет о своей души, не брези о нем, но прилежи, кое же спаси его. Да слыши бога, о Каине промышляюща. Что убо по братоубийстве оном, егда рече бог «оставим его», прочее, кая в нем польза? «Содела убийство, убил есть брата, преобиде моего наказания, неис-

---

¹⁴ На поле рукописи киноварью: О Каине.

цельно некое и не прощаемо за коление дерзну, толика и такова промышления восприим, и учительства и совета моего, но вся изверже от смысла своего, и нимало не послушав, да оставится убо, и отвержен будет», прочее. И ниже слову некоторому: «да сподобится от мене». Но ничто же таково бог не рече, ни содела, но и приходит к нему паки и исправляет человека.

И рече бог-господь: «где есть Авель, брат твой?» Каин же отвеща: «не веде», — рече. Господь же не оставляет его, отметающася, но приводит и не хотяща к соделания исповеданию. И рече ко Каину: «глас крове брата твоего вопиет ко мне», самая та вещь проповедует убийство. Что же убо той? «Большой грех мой, еже оставити ми съ, аще изгониши мя от земли и от лица твоего скрююся». А еже глаголет, сице есть: большими убо согреших прощения и отвещания, и еже оставити ми ся. (Попросту реши: велик-де грех сотворил, нет мне прощения; нечево много говорить, пропал-де, да все тут.) Обаче, аще восхождещи отмстити о бывшем, всем предлежати хошу на убийство, иже от тебе пособия пуст быв.

Станем zde и рассудим о себе. Тако подобает прилежати ѓ падшем брате наставнику, яко бог о Каине. Падшему же не подобает подобитися Каинову безумию, и не глаголати: «большой грех мой, еже оставити ми ся, аще изгониши мя от земли, и от лица твоего скрююся». Преводне реши: аще-де мя запретишь, аз-де из кельи да и из пустыни от тебя, отца журливого, вон пойду. Не тако, не тако, нехорошо, неладно. Дуруешь, плут! Кайся, кайся, пади на ногу отцу: «виноват, согрешил!» Ну и я за тебя ко отцу: «прости, отче святой, господа ради прости! Заповедь твою презрел, преслушание сотворил, в грех впал, прости, отче святой, господа ради прости!» Кланяйся, дурачищо, не отчаивайся! Что в землю ту глядишь, что бык истурился? Ну, кайся, сказывай отцу тому, что тебе дьявол запретил? А то пророк Исаия, глава 43: «глаголи ты беззакония своя первие, яко да оправдишишь»*. Не бо просто рече пророк: «глаголи ты беззакония своя», но что глаголи ты беззакония своя первее, сиречь: «не жди обличающаго и оглаголюющаго. Виждь, Каин не рече первее, но пождаваше обличен быти от бога, паче же и обличаем отметашеся, так же, как и ты упрямысься; неладно, мленькой, так, Каинович. Сего ради и ин некий рече: «праведный себе оглагольник в первословии есть». Видишь ли, не ждати, яже от других обличения, но еже первее себя

самому оглаголовати. Петр убо по отвержении оном лютом, понеже вскоре свой вспомяну грех, и никому же обличающу, глаголаше свое прегрешение и плакася горько, сице исправи отвержение оно, яко и первый быти апостолом сподобися и вселенней всей врученне быти ему. Так то и ты заплачь пред батюшком, да и ладно. Виждь, отче, а то с падении своем плачет, бедной. Прости ево бога ради! Разделим грех-от ево на части: мне часть, тебе часть, ему часть, а четвертую на бога положим. Он нас сильнее всех, истребляя свой пай, и наша испепелит. Ну-су, горюн, люби же отца тово нелицемерно и в заповедех и оправданиих его ходи беспорочно: ныне уж ты не Каинов, но Петрович, апостола перваго сын стал, а мне брат учинился. Каково то хорошо сделалось! Моли бога и о мне, грешнем, да же исправит мя, яко и тебя, зиждитель наш и господь.

Паки возвратимся на ту же повесть. Обаче, аще восхощеши отмстити о бывшем, всем предлежати хошу на убийство, иже от тебе пособия пуст быв. Что убо бог, не тако рече: «всяк, убивый Каина, семь отмщений разрешит, сиречь примет»? «Не бойся, — рече, — сего, поживеши житие долго, и аще убьет тя кто, многим мукам будет повинен». Еже семь числ писании, неуставну множеству есть незначенательно. Пишет в Гранографе, тысящу лет жил. Елма убо ты, Каин, многими обложен бысть муками: боязнию, и трепетом, и стонаньми, и печалию, и расслаблением телесным (просто рещи, земля под ним, яко вода колебалася), убивый тя, рече, и от сих тя пременивый мук, сам на ся привлечет мучение. Вото-су, отец, как бы ты ученика тово убил, и упустил от себя — быть было и тебе битому самому, и мнится, убо быти тяжело и бременно глаголемое. Многа же се есть благодетельства указание, ибо яже по сих уцеломудрити хотя, таков умысли образ мучения, иже пременити его от греха можаше. Аще бо бы абие того убил, отшел бы, убо имея грех закровен и сущим потом не бы был ведом. Ныне же оставлен быв много лет пожити. Во оно время учитель сретающим его бысть всем ради зрения и мятежа плотскаго наказуя всех, никогда же таковая дерзнути. И сам же уньший бысть паки, страх бо и трепет, и еже с боязнию жити, и телесное расслабление, якоже уздою некоторою держаше его и не оставляше его, ниже на другое искочити, таково дерзновение паки. И первейшее чисто воспоминати, и всих ему душу целомудреннейшую соделоваше.

Никонияне, а никонияне! Видите, видите, клокочюща

и стонюща своег[o]...¹⁵ Расслаблен бысть прежде смерти и прежде суда того осужден, и прежде бесконечных мук мучим. От отчаяния стужаем, зовый и глаголя, расслаблен при кончине: «господие мои, отцы соловецкие, старцы, отродите ми да покаюся воровства своего, яко беззаконно содеял, отвергся христианския веры, играя, Христа распинал и панью богородицею сделал, и детину голоуса Богословом*, и вашу соловецкую обитель под меч подклонил, до пяти сот братии и больши. Иных за ребра вешал, а иных во льду заморозил, и боярнь живых, засадя, уморил в пятисаженных ямах. А иных пережег и перевешал, исповедников Христовых, бесчисленно много. Господие мои, отрадите ми поне мало!» А изо рта и из носа и из ушей неждид течет, бытто из зарезаные коровы. И бумаги хлопчатые не могли напастися, затыкая ноздри и горло. Ну-су, никонияне, вы самовидцы над ним были, глядели, как наказание божие было за разрушение старья христианския святыя нашея веры. Кричит, умирая: «пощадите, пощадите!» А вы ево спрашивали: «кому ты...¹⁶ молился?» И он вам сказывал: «Соловецкие старцы пилами трут мя и всяким оружием, велите войску отступить от монастыря их!» А в те дни уж посечены быша*.

Ужаснись, небо, и вострепещи, земле, преславную тайну видя! Вам засвидетельствую, вам являю, будете ми свидетели во всей Иудеи и Самарии и даже до последних земли. Никонияня не чювствуют, никонияня, яко свиньи, забрели в заходы, увязли в мотылах, не зрят гнева божия, на облацех восходяща. Огнь ни единыя лавки не оставил, вся перелизал, и собор было их на площади всех и с молитвою слизал, насилиу в Кремль ушли. А не очнутся в покаяние притти! Лепко-су большо антихристова та печать — три те перстика, укрепила блядь сатонин сосуд вся погибающая, умроша смертью второпервою, сиречь преже мук вечных уснуша сном, воздремашеся вси и спаху. Зрите, наши, огонь их не разбудит, мор их не приведе в чювство, меч не подклони главы их под руку вседержателя бога, пречистая богородица явлением своим не уцеломудри, святыя жены явишася и в разум не приведоша их*. Аще и паки Христос придет, пригвоздят, на Голгофе крест поставя, глаголемии христиане. Милостив

---

¹⁵ В рукописи «своег», далее оставлено место для двух слов, вероятно, «царя Алексея».

¹⁶ Далее оставлено место для одного слова, вероятно, «царь».

буди нам, господи, рабом своим повсюду, и не введи нас во искусы, но избави нас от лукавых, яко твое есть царство и сила, и слава ныне и в день века, аминь.

ПОСЛАНИЕ СИМЕОНУ [?], КСЕНИИ ИВАНОВНЕ И АЛЕКСАНДРЕ ГРИГОРЬЕВНЕ

...во странах сибирских от врага патриарха. Царие же тогда до меня зело добры быша. Егда же мя паки из Даур привезоша, тому лет 15, развратишася милья мои други. Токмо добра была царица Марья*, а царя озлобили вожди злии и лукавыя власти, понеже приняли от Никона тово новизну ту. Как им сором покинуть стало, а мы обличать стали, так на бесстудие приидоша и сами глаголаша с нами: «хотя-де в черта веровати, да вам не покоримся!» Вселенские-те, было, и говорили взять старые те книги, да наши псы не восхотели, заупрямку им стало. Царь тот меня и зело милосердовал, да уже и ему нечево стало делать. Властишка те мне многия друзья духовныя были, да свратил бранью их, бывало так. Оне с сердца приговор написали жжечь меня да царица-покойница не дала. Да петь то много, возясь, что черти над помом, да и сюды послали. Я им, отсюду написав, послал всем фигуру*. А бояроня-покойница, дочь мне была духовная, Феодосия Морозова, ревнивой человек была, свет моя, уставшицу ту, сестру свою Анну Веняминовну* и в дому и в Верху: «ты-де, блядь, Никоновы отирки, церковию колеблешь». А властей тех так же, бабоблудов. А отселе тож и им и досталь за беду стало. А Ртищевых тех ты и сам знаешь, да Артамон* заедино, наговоря царя со властями, — возьми да пали бедных наших, и Соловки не пощадели. Ведаешь ты о сем и сам пространно, нечево мне ковырять много.

Оттоле и до днесь лежит устав той, тьмы тьмами и тысяща тысящами погублено народу. Да уже с горя милые, не хотя отступить бога, сами во огонь лезут христиане. Воистинну блажени и треблажени творящии таковая! И прежде сего при мучителях мнози во огонь сами дерзали, якоже и ныне воочию нашею бывает. Едина погибель: яко тогда идолу пожрати, тако и ныне от старого благочестия отступить и лукавсму духу поклониться.

Аще бы кто разумел в новых книгах беды те, сам бы ся заморил не ядши. Во крещении напечатано: «но молим

ти ся, господи, дух лукавый, понеже помрачение помыслом наводяй» *. А в Шестодневе богородицу явно злословят, в слове Дамаскина Иоанна * переменили воровски. Евангельская речь: «и прият Иосиф жену свою и не знаяше ея, дондеже роди сына своего, первенца» *. И оне напечатали: «по сему-де не пресекается деторождение ея и по Христе». Я с ними говорил: «почто вы чистую деву бесчестите, глаголете, иных детей после Христа родила, яко и жида глаголют: „дети быша со Иосифом“?» И оне токмо смеются: «надобе-де так». Я бы за едину ту богородицу пятью умер. Как бы мне мочь Илии пророка, всех бы еретиков тех, яко Илия, ножом переколол за владычицу ту, яко он в потоце Киссове пол-осма¹⁷ ста перепластал, покойник, при Ахаве*. Сердит же был, миленькой.

А во ином месте сокровенно напечатана Ариева ересь* сице: «аще кто речет, яко ты еси един бог, творяй чудеса — внутрь трижды, а иже исповесть сына единосущна отцу — вне трижды». Вото какво красно сказывают: не единосущен сын отцу, но иного естества.

И все ли то в малых сих словесех могу тебе возвестить? И тремя теми персты Никон принудил царя креститься, то тем ум ево помрачил. Беда велика в трех перстах сих, глаголют богословци: змий, зверь, лжепророк являет в перстах сих, сиречь змий — диавол, зверь — антихрист, лжепророк — учитель лукавый, папа римский и патриарх русской, да и вси учителя тому злому делу лжепророцы глаголются. Сам, собака, презрит свою душу, да в зазор пришед и протчих за собою же тянет. Не токмо о честных говорити, но и меньшие — учителя пагуби.

Также здесь есть, в Пустозерье, попенко косою Оська Никольской. Не умеет трох свиней накормить, а губит людей, бутто и доброй еретик. Григорьем звали, байник, сын мне был духовной. Егда же еще в ызбах жили и после того, он [к] попенко на исповедь. Как причастил ево, так мужик и взбесился, да и без ума стал. Я с ним уведевся, говорю ему: «проклени попа тово со всею службою, так беси от тебя отступят. И я о тебе должен молити бога». И он говорит мне: «не могу-де никак тово сотворити: беси грозят, удавить хотят». Я и рукою махнул: «пропадай, — реку, — коли не хочешь обратиться». Послышу после, оно в бане и удавили черти. Таковы то оне, никонияне, человекогубцы, прелагатаи! После тово попенко

---

¹⁷ На полях рукописи: полдевята ста.

той призвал меня к себе на лице свое и передо мною прощался и проклинал новизну ту. Я ево маслом помазал и потрахиль алтын в полтретьяцеть вздел на него, крест ему большой позолоченой дал ради поклонения тово. Агда же Артамон сюды приехал, и паки ево развратил. Артамон—ученой ловыга, и цареву душу в руках держал, а сия ему тварь — за ничто же.

Чесо ради много беседую о нем? Блюди и ты душу свою от него, держа старово отеческаго предания, и блажен будеши. И кая то игрушка душою играть настоящих ради временных? Есть пишет Исаия пророк сице, нарекая нам днесь: «размладел еси плотию и упитался еси сластьми, и светло имаши лице, юностию цвѣтѣй, буй-силою. А наутре таже сый уныл и дряхл, и леты увянул или язео содручен онсица славный и богатством словый зело, или самая постиже смерть. Увы! Где юность, где слава, где злато, и о здании, кони и колесницы четвероконныя? Вся с веком сим рассыпашася. Блажен человек, его же господь обрящет бдяща о едиnorodной души, ему же слава в нетленных о господе.

Ксения Ивановна, учила ли ся еси, госпоже моя, псалмом, и како приносиши вечернюю песнь, и словесную службу сыну божию Христу? Разумно ли поешь псалом «Благослови, душе моя, господя»* о мирстем бытии, или учитися требуешь еще?

Да гряди убо, чадо, да тя повожу, прежде за руку ем, по граду и покажу ти сокровенная чюдеса великаго сего града и разумнаго, и угощу тя в нем. В нем же граде отечество наше исперва есть, из него же изведе человекогубец-бес, своими ласканьми прельстив человека.

Да ты узришь первое человеке бытие и яже абие постиже смерть, ею же роди грех первый отрод давно¹⁸ злаго беса. И познаеши земна суца родом, но дело руку божию, силою же зело худши скота, но владыку поставлена богом всему скоту и бездушней твари всей, естественным приготовлением худша, но умным обилием могуща и выше небес взыти.

Да аще то разумеваем, то и сами ся увемы, что есть мы, и бога познаем, и творцу поклонимся, владыце работаем, отца славим, кормителя любим, благодетеля устыдимся, начальника жизни нашея, иже есть быти, кланяющися, не препочием.

¹⁸ Исправлено по тексту источника: «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского, л. 134; в рукописи: от правознаго.

Еже да есть нам богатство во обещанных, искушает бо сим искушением нынешним и утверждает нам чаемая. Да елма же малогодная суть сице, то како будет вечная? И аще видимая суть добро сия, то како будет невидимая? Аще величество небесное мысли человека превосходит и меры, то присносущее естество кий ум может исследити? Им же ти повинно есть солнце, толико есть добро величество имы противу всему, яко не именовать кроме всего намерения и добротою естественною, аки око светлое, украшает тварь. Да елма же годная суть позорующе, то како будет добротою солнце праведное Христос, бог наш? Да аще невышнему тщета бывает, елма сего солнца не видит, то какова тщета будет слепому, не хотящу истиннаго солнца, Христа, видети?*

Разгнем книги, душе моя, и видим хитреца и содетеля и начен песнь вечернюю, псалом: «благослови, душе моя, господа».

Чесо ради Давид* понуждает душу свою хвалити господа; да нам отрыгнет словеса устен своих тако же славословити господа: «господи, боже мой, возвеличился еси зело»*. И когда и в кое время возвеличился? Толк: Не о горнем бытии глаголет пророк, но о смотреии. Тамо начало безначально, тамо начало несказанно. Здесь же на земли бысть Христово вочеловечение под леты. Отселе воссия величество плотяну богу.

Да слыши псалом, исповедание: «и в велелепоту ся облече, одеая светом, яко ризою»*. Толк: Проразуме псалмопевец духом святым за тысещу лет, яко приити сыну божию на землю и вочеловечитися, пострадати за ны и облещися плотию в велелепоту. Когда же то бысть, онагрили¹⁹ еси, душе, сего не разумеешь? Егда Христос пригвоздися на крест, таже во гробе положен бысть и в третий день воста, якоже жених от чертога*, того же пророка по словеси. Господь воцарися, в лепоту ся облече, облечеса господь в силу и препоясая, еже есть одеая, яко ризою. По востании из гроба сниде во ад, якоже писание о нем свидетельствует, силою лучшею одолевшу ему, сиречь смертью на смерть наступи. И ада разруши, изведе вся святых отцы, и Адама свободи, и введе ѿ в рай. Велий господь наш и велия крепость его, и разуму его несть числа! Той есть бог богом и господь господем, той есть сотворил небо и землю и вся видимая и невиди-

---

¹⁹ Так в рукописи.

мая. Есть бо ино тварное творение им — силы ангельския. Но прекращу беседу о сих, о видимом же с Давидом повем.

Псалом: «Пропиная небо, яко кожу, покрывая еодами превыспренная своя, полагая облаки на восхождение свое, ходяй на крилу ветреню» *. Толк: Небо сие видимое распростерто, кругом грядый над нами по повелению хитреца-бога, еже повеле исперва: «небо, вертися скоро, звезды, теките борзо, и друг другу не препинайте». На нем же воды недвижимы пребывают, а твердь под водами в посолюнь кругом грядый. Звезды же под ним отлучены, различны со своими круги летяще под землю и по малой тверди под землею шедше, паки на око Ю восходят, коллатствуя непрестанно.

А еже рече: «полагаяй облаки на восхождение свое, ходяй на крилу ветреню; творяй ангелы своя духи и слуги своя огонь палящ» *, и се являет псалмопевец: которой во ефире под горним небом сотворил ангельския силы, той же и по видимым силам—облаком—итти имать. И бысть. И по воскресении из мертвых възиде на небеса по облаком с горы Елеонския идуще. О нем же и Даниил провиде и рече сице, и видех: «и се сын человек, грядый на облацех небесных, и прииде до ветхаго деньми, и дастся ему власть и царство. И власть его — власть вечна, и царство его не престанет» *.

Так веруем со пророки, яко вознесеса и сedit одесную отца Христос и царствует непресекомо, его же царствию несть конца. А Никон блядет: не царствует Христос совершенно, но по судном дни воцарится, и тогда царству его не будет конца. Так Никон, алгимей, толкует ся и в символе говорит так же. Мы же не пресекаем Христова царства, но обладает бо Христос и владеет всеми верными и неверными, еллинами, и иудеями, и самыми бесами. Не пресекает бо ся его царство, его же царствию несть конца.

Псалом: «Основаяй землю на тверди своей, не преклонится в век века. Бездна, яко риза, одеяние ея» *. Толк: Разумно се идет. К сим сказует пророк под землею другую малую твердь, еже место несведомое. Бездна бо та глаголется тартар, якоже Патрикий Прусский * пиша сице глаголет: есть низу во основании земли ад, темное место. Низу же есть твердь под землею, под твердию же бездна, глаголемый тартар. Тамо по тверди зодии ходят, тамо планеты обтекают, и от них в тартаре строится лютая студень. Тамо река огненная в день последний снидет,

тамо бо мучатся еллинстии бози, и тамо и диавол с бесы осужден будет, тамо и наши отступники будут, и мраз и огонь купно на врагов Христовых.

Еще же по Исаии-пророку: и солнце тогда седьмо-сугубеч свет примет, едина в нем светящая сила будет, а жгущая отъимется и послется тамо же в тартар на врагов божиих, казителей закона. Добро так, праведен еси, господи, и праведно судишь!

Возвратимся о твари беседовати, паки прогнали отступников в тартар преисподний.

Псалом: «На горах станут воды, от запрещения твоего побегнут, от гласа грома твоего устрашатся»*. Толк: Егда разгнана бысть повелением Божиим от земли тьма и мрак, и бысть свет, и протяжено во второй день твердь, нами видимая, на ней же полводы положи хитрец-бог. Не быше бо тогда солнца, и луны, и звезд, но свет просто простираяся три дни и скутываяся, амо же весть господь отдохну; бо земля совлекшеся от воды, егда речет бог: «да соберутся воды в сонм един и да явится суша». И бысть дело божие скорее молнии. Обнажися земля повелением Божиим, и быша горы, и холми, и юдоли, и равни, и быша в земле лукияты жилы. Двизашеся воздух, и быша ветри крепцы и погоняху морскую горькую воду в лукияты жилы. Вода же протесняся, восходя на высоту гор, и горесть в земле оставляя, от них же сладка бываше. Текуще же от гор реки и источники водные, от них же строятся езера и болота.

Такое то псалмопевец глаголет: «восходят горы и нисходят поля в место, еже основал еси им. Предел положи, его же не преидут, ниже обратятся покрыти землю»*. И како тварь поступити смеет? Повеленно земли преклонитися в век века и горам.

Таже псалом: «Посылая источники в дебрех, посреде гор пройдут воды. Напаяют вся зверя сельныя. Ждут онагри в жажду свою. На ты птицы небесныя привитают, от среды камня дадут глас»*. Толк: Зри, слыш[ат]елю, и поплачи, како то есть водное естество устроено. Повсюду напаяют зверей и птиц: в дебрех, и в камениях горских, и инде. Рассадит вода та камень текуще, ждет онагрев жадных напоити. Онагр по Алфавиту* конь глаголется или осел, а попросту — лошадь. Тепло на желание естество имать прилучается, или человек на нем едет, или просто в дебрех витает, обретает текущую воду, испивает, а хозяин ево, его же ради живот сей создася, глаголют, че-

ловек, о сем славит бога. Лошадка напиталася — опять поехал путем или на работу о имени господни. Не толико ан живот воды жаждет, якоже лошедь: велбуд, путем грядый, токмо соль лижет, под ярмом идуще.

Псалом: «Напоая горы от превыспренних своих, от плода дел твоих насытится земля. Прозябая пажити скотом и траву на службу человеком, извести хлеб от земли. И вино веселит сердце человеку» *. Толк: Виждь дело божие. До потопа исхождаше река и напаяше лице земли на плодотворение, по потопе грома и молния напоают поля и верси горам, с высот сходя. Како же, да слыши, дождь строится? Егда бо солнце, пришед развратить воды морския, заидет под землю, влага же от вод на воздух вземся, бывает мгла, и ста вся на воздухе, состынув, бывает облако, идеже богу хотящу, тамо по воздуху и носится, воды исполнено, иде же бог повелит, тамо проливается, напоает горы и поля, и юдолия, да насытится земля мокроты и прорастит траву, и вся пажити, хлеб и виноград. Что же вино веселит сердце человеку, рече пророк, проразуме бо духом святым? И яко от пшеницы хлеб будет тело Христово и от лозы виня вино — кровь его, от масличных дров — масло на освящение.

Сего ради рече: «умастити лице елеом душевное, и хлеб сердце укрепит» *. Причастие истиннаго служения — хлеб, — в плоть нашу разыдется, а дух святой в душу внидет с верою приемлющим. Такожде и скверных еретик служение: хлеб в тело человеке внидет, а дух лукавый в душу темную, не хотящую разумети истинны.

Псалом: «Насытятся древа польская, кедри ливанстии, их же еси насадил. Ту птица вогнездытся, еродиево жилище обладает ими» *. Толк: Видя, виждь, боголюбезне, како то хитрец-бог землю утвердил человека ради, крины насадил и древа польская, влагою своею питает землю и кедри в Ливане, сиречь во благоуханных древах кипарисах, в них же вогнездыются птицы, ими же обладает еродий, птица большая. Пишет о нем во Алексиконе*: на многих древах гнездо свое делает и ту витает со птицами на кедрах ливанских. Преводне да разумееш: еродий — Христос, еродий и диавол, кедри — святии божии, на них же Христос селитьбу имать; ливан — благодать духа святаго, благоухает правоверную душу; птицы — беси со диаволом живучи, блазнят в тех же недрах.

Псалом: «Горы высокия — еленем, камень — прибежище заяцем» *. Толк: Елени, глаголют, пустынницы, Хри-

ста ради отходят в дебри и рассели горския, яко елени по холмам скачуще; камень, глаголет, церковь божия; зайцы — христиане православныя. Яко зайчик под камень хоронится от совы и от серагуя и от псов, наветующих ему, тако и христианин, в церковь приходя, избывает душегубителя диавола и бесов. А ныне и во церквах тех, яко под камень заец бедной не уйдет, яко совы, пастыри тово и ищут, как бы христианина погубити. И не токмо совы, но и псы тово и нюхают, сиречь своя братия, мирстии, друг друга предают. Люто время пришло. Муж жены боится, а жена мужа опасается, а все боятся бесов, не хотя, за страх мнози попускают в нечестие.

Псалом: «Сотворил еси луну во времена, солнце позна запад свой. Положи тьму и бысть ночь, в них же пройдут вси зверие дубравнии» *. Толк: Сотворил бог светила сия в четвертый день и положи я на тверди небесней, яко сияет им по земли. Солнце сотворил на востоце, и потече днем к западу, а луну сотворил на западе полно, яко пятнадцатую, и потече под землю. Солнце позна запад свой, а луна восходаше на востоце во времена. Глаголет: яко луна изменяется, света своего лишается, яко умирающе еще во времена, в леты и в годы менит, в последний день вся грамада сия рассыплется и будет вся нова, егда солнце заидет под землю, а луна ночная — владыка умирающий. Тогда бывает ночь темная, в ней же пройдут вси зверие дубравнии: медведи и волцы аравитстии, и лисы, и мыши, и всякая гадина, ищущее себе потребная. Преводне: ночь — неведения божия; без солнца праведнаго — Христа — во тьме неверия всяк, яко зверь, шатается, ища, яко волк, сожрати искренняго. А никто же безбожен, ин таков и зол, яко еретик, без милости есть, яко лис и яко псец, и единоплеменнаго, чюждь быв благодати божия осенения, яко лев, ища погубити вся зверьки церковная.

Псалом: «Скимни рыкающе восхитити и испросити от бога пищу себе. Воссия солнце, и собращася и в ложах своих лягут» *. Толк: Скимен глаголется молодой львициц *, рыкает, ища лов на снесь себе восхитити. Ему же и гласныя органы бог в естество вложи. Егда какова зверя восхощет, тем гласом и зовет к себе, яко органом возбращающе. Избытка же вчерашнего уловления не яст, яко царь, новое брашно имат по-всячески. Егда же лев обыдет остров кой, ни един зверь не смеет чрез прелести стези его — всех ту искоренит. Пишется в писании: лев — Христос, лев и антихрист. Злобы ради и умысла подобен

лев антихристу, за образ же царский и владыческий подобен лев Христу, сыну божию, и по многим тайнам сокровенным. А егда бо лев спит, то едином оком спит, а другим бдит, яко и Христос во гробе, уснув плотию, а божеством зрех во ад из гроба. Еще же: егда родится скимен, сиречь львичищ молодой, мертв рождается, и в третий день внидет дух животен в онь, и оживет, яко Христос мертв был плотию и в третий день воскресе из мертвых, сниде во ад, диавола связа и Адама свободи и нам дарова живот вечный. Воссия солнце праведное, и в ложах своих зверие — в темницах адовых дяволи — возлегли, страхом одержими, трепещуще. А и видимыя звери во дни том мало волочатся.

Псалом: «Изыдет человек на дело свое и на делание свое до вечера. Яко возвеличишася дела твоя, господи, вся премудростию сотворил еси» *. Толк: Подобае нам, христианом, весь день до вечера дела слична свету делать, егда же ношь приидет, сиречь покрывает очи наши гроб, тогда делать не имам, но токмо спать до дне восстаннаго.

Александра Григорьевна, госпоже и мати моя, не спи, не спи сном лености! Прииде вечер, приспе ношь ко дверем твоим. Тогда убо успнем на долгий сон, егда очеса не узрят животнаго света сего. Ныне время благоприятно делания, ныне дни спасения, во гробе бо никто же может делати. Им же образом желает елень на источники водныя, сице желает душею ко господу богу с верою правою. Елень бо, ядши мох, пожирает змей — гада ядовитаго. Егда же во утробе его змия учнет торгати, тогда елень зело быстро течет на воду текущую и пиюще жаждею уморяет в себе змию, гада ядовитаго. Аще укусит елень живыя воды взыскати, проедает змия чрево его и пропадает весь *. Тако и мы, пожерше грех смертоносный, ускорим на покаяние, испивше живыя воды святых словес книжнаго разума. Аще ли обленимся и не взыщем своего спасения? Горе человеку, во гресех умершему! Лучши бы ему не родитися, нежели в себе образ божий обесчестити грехи скверными.

Молю тя, христоролюбивая, не ходи к еретику попу Осипу! Ей, бога свидетеля поставляю, сосуд пагубы. Нарочито попенко богородское не пьяница, да и смирен. Али тут обновится, яко орлу, юность твоя? * Орел бо егда состареецца и естеству его изнемогшу и перьем обетшавшу, всяко старость сокрушит его, обретае же воды живы, си-

речь текущий источник, и, взявсь выспрь, взлетает на высоту ко огню небесному, еже есть выше облак, под солнцем. И обгорит от пламени того весь и, спустився низу на преждереченный источник, измывается в нем довольно и, опернатев, бывает паки на многи лета юн вместо ветха*. Тако то пророк и тебе, старийшую, понуждает, глаголя: «обновится, яко орлу, юность твоя», сиречь коснися, умом взлетев, престола огнезрачного, на нем же пребывает истневаяй горы и сокрушаяй камене. Той твою обновит ветхость и грехи возьмет, и чисту тя сотворит от греховныя скверны. Умойся естественною водою, еже имаши слезный источник, текущий паче воды живы в живот вечный.

Григорьевна, перестань-ко ты мясца кушать, господа ради, но питайся семеньми, яко трие отроцы в Вавилоне. Не уморит тебя о Христе Исусе и без мяса, яко стерчин родителя своего на старость. Есть стерх-птица, бела перьем, с жеровля ростом, егда состарееется и не возможет летать, ни пищи добывает, тогда чада, ея подъемлюще, переносят с места на место крилома своима и пищу ему приносят. Виждь, нрав имеют вскрай словесных, как быть человецы, добрые детки о родителях своих пекутся. И за тот их добрый нрав преславно о них бог промышляет. Егда стерхи прелетают и отлетают, служат им враны, злосердыя птицы. Встречают их и провожают, оберегая от иных птиц сопостатных*.

Григорьевна, стараго нашего православия чадо, и вина перестань пить, ино пей квасок и воду, так в голове ум не мутится, и очи с похмелья не кружат, и руце и нозе не упадают, чревеса и утроба здрава, паче же греха меньши. Лоту* и праведнику запят пьянство, и Ное* от того же поруган бысть. Сампсон* и смерть прият от пьянства. Али мы крепчайше такова исполина? Некогда восторже врата градская, сиречь башню, вознесе на гору высоко. И путем ему идущу, нападоша на нь иноплеменницы 1000 человек, хотяху его убить. Он же восхитив ослию щоку и всех побил костию тою, и, поймав триста лисиц, ввяза в ошиби их по свещи горящей, и пустил в нивы их. И пожже вся нивы. Чтец да чте я в бытийстей книги*. А после погиб от пьянства. Окаянно таково то пьянство: ни юность блюдет, ни седины милует, ни святого почитает, ни честна мужа хранит, но всех без ума творит и во грехи поощряет. Богатым скудость наводит, убогим — раны, женам — бесчестие, юнотам — поползнове-

ние, девам — срамота, а попам и чернцам всех злейши препретається. Яко богомольцы то есть, всегда жрут жертву пьяному Дионису*. Нас то мимо о Христе Исусе.

Подобает христианину правым путем ходити, понеже праведник, яко финикс, процветет. Есть финикс-птица*, обретається близ рая во странах восточных, она же глаголется и сирин, и неясить пустынная. Излетает бо из рая и витает в кедрах ливанских. Красна и велелепа, перием созлатна и песни поет сладки, яко не восхоцет человек ясти, слышавше ея гласы. Гнездо бо ея на 12 деревьях и вящце. Егда бо отлетает в Ливан обуюхатися арапат, птенца своего во гнезде оставя. Змей же с нею непрестанно враждуя и усмотря без нея, получа время, надхнет птенца ея ядом смертоносным, измирает. Прилетев же финикс из Ливана, добыв змия, убивает, и проклевав своя ребра, кровию мертвеца своя кропляет. И оживотворятся юныя ея детки. Тако и Христос сотвори, на кресте вися, яко неясить, от ребра своего источа кровь и воду, и оживотвори нас, умерших грехми, убив диавола крестом, и Адама свободи, и на 12 апостолах гнездо свое устрои, воссед яко на коня, послав их в поднебесную, да проповедят его, яко той есть судия живым и мертвым, и воздаст комуждо по делом его.

Возвратимся паки на первую беседу, отнюду же изыдохом.

Псалом: «Исполнися земля твари твоя»*. Толк: Колицы суть на земли, роди травы сельныя и древа дубравныя, по них же суть одушевленный живот: зверие и скоты, и птицы пернаты. Овы кормятся от земли, а инныя живот животом. Их же родов несведомое множество есть*: птицы зерноберныя есть, друзии плотоядцы суть, а инии травую и дровом питаются. Тако ж и зверие: овии мясоядцы суть, еже же и плижущей по земли, и по воздуху паряще, и мухи большыя и малые, и комарие от тины ся ражающе. Вся бо та увиди и настрой благий божия нас ради человек и нашего ради спасения.

Псалом: «Се море велико и пространно; ту гади, им же несть числа, животна малая с великими. Ту корабли преплавают»*. Толк: Елико суть живота на земли, толико и в водах и множае суть. Есть в мори, во Алантичестей стране, лежаги, сиречь киты велицыи, жируют. Егда всплуют, подобны суть горам великим или яко грады велицыи. Туды корабли не заходят. Но на удивление и на

страх нам таковой живот сотворил хитрец. По них же и инии мнози велицы животи есть в море: пси велицы, и изугени, и приони, и дельфины, селахи же, и фоки, и ин живот дробный, его же родов несть числа, токмо той весть, иже я сотворил, рыбы и гады, и вся ныряющая и плавающая. Ови ся ражают птицами, ови яйца несут, и инии своим образом. Рыбы же икру пушают, и от того бывает живот, животна малая с великими.

Есть в мори живот именован острей, а другой — каркин*. И желает каркин ясти плоть астреев и немощно ему уллучити ея, в сколку огражена. Егда же острей уразумеет каркин в заветренне месте греющесе, разверше сколца своя, бив его каркин, и ввержет камыщец в сколца его. И к тому не возможет стягнути их, тако то его и погубит. О злый, пронырливый каркин, прехитрил милого острей-живота! Тако то и никонияне добывают христиан, умышляют, на смерть предают. Егда христианин, не хотя их жертвам приобщатися, в заветренном месте греющесе или молитвует втай, или ино что служит богу, разверше сколца своя, сиречь не о[па]сется бедной горюн, уведав же, еретицы на нь и, бив его, совсем разорят, яко острей каркин, съедят совсем.

Есть в мори рыба многоножица*, пронырлива глубоце, изменяет вид своего естества. Егда прислонится к камени, бывает яко камень, а к зеленому — зелена, а белому — бела, или ко траве, или ко древу — везде ся пригодит. Мног же дробной живот, аки бы не разумив, заплывает в челюсти ея, она же поглатающе. Тацы мнози суть человецы во градех пронырливы, коварни суть, прменяются на нравы различныя, друг друга оманывая, а наипаче суть в духовном чину малии и велицыи изменяют лица своя. Кажутся, яко постницы, даже вящши чин уллучат. Егда же въздет на высоту, тогда от воздержания и раздует его девство. Где ся у святаго отца кожа возьмет! Был тоненек, а стал брюхат, яко корова-матушка, пестрая или черная.

Животна малая с великими. Ту корабли иреплавают. Корабли бо по морю иреплавают из царства в царство, строя нашу человеческую жизнь. Превозят бо вещи из земли в землю, иде же чево несть, отинуде превозят*. Море бо совокупляет воедино всех нас, да любим друг друга и хвалим чинотворца, хитреца-бога. Мы же несть тацы суть, не хошем бо обще стяжания иметь, но вся хошу мне собрать, яко несытый всеядец. Аще бы ми воз-

можно, вся бы вещи морския и земския во утробу свою вместил.

Псалом: «Змий сей, его же созда, ругатися ему»*. Толк: Древне в породе змия крылья имела и нозе. Егда же прельсти праотца, тогда отъяты быша и нозе и крыле. И повеле бог ясти землю и ползати на чреве, якоже она наругала со дьяволом в человецех образ божий, науча преступить заповедь Божию. Да тоже и сама поругание претерпе. Адама изгна из рая бог и постави у врат вертящееся оружие на стражу раю, и повеле Адаму делать землю, от нея же взят бых, жене же в печалех родить чада, а змеи на чреве ползати и ясти землю, а дьявола прокля*. Так то богопротивление зло есть, подобает внимати и нам, да не то ж правило подыдем и мы.

Псалом: «Всяк к тебе, чают дати пищу им во благо время. Давшу тебе им, соберут; отвершу тебе руку, всяческая исполнятся благости; отвращшу же тебе лице, возьмутся»*. Толк: И кая тварь может от небытия пищи себе привлеши, аще не господь земле повелит из нея умножитися пищи всему животу, человеком и скотом? Аще он, надежда, прострет пречистую руку свою и послет на землю дар свой — дождь и теплоту, тогда всяческая исполнятся благости: умножит земля хлеба и овоща человеком и скотом, и зверем, и птицам небесным, и всему животу; християне обогатеют, и бояром добро. Егда же отвратит лице свое за умножение беззакония грешных человек, тогда вся возьмутся, и самая стихия, еже есть воздух, и земля, и вода, и огонь огорчатся на противных богови и из предел своих выступают. Земля плоды своя умалит, вода иссыхает, а инде потопляет, огонь пожирает, якоже в Москве пожары видеша очи наши. Еще же и воздух изменяет: овогда студень, овогда сухо бывает и не подаст влаги на плоды земныя. Зверие отекают, и птица небесныя от беззаконных отлетают, и в водах умаляются рыбы. А сами тии человецы, грешницы, мятутся, яко пружи бьются, и дерутся, яко пьяни суть. Не явно ли то бысть в нашей Росии бедной: Разовщина* — возмущение грех ради, и прежде того в Москве коломенская пагуба*, и мор, и война*, и иная многа. Отврати лице свое владыка, отнеле же Никон нача правоверие казити, оттоле вся злая постигоша ны и доселе. Преводне же «всяк тебе, чают дати пищу им во благо время», — сиречь благое время во грядущем веце, тогда бо насытятся святии пищи некончаемыя. Ему же по достоянию даст бог, той

примет вечная благая, а от него же лице свое отвратит, той возматется вечно во пламени огненне.

А прежде се будет. Псалом: «Отъимеши духи их, и исчезнут, и в персть свою возвратятся. Послещи дух свой, и созиждутся, и обновиши лице земли»*. Толк: Виждь, кончину и воскресение и всему обновление глаголет пророк. «Отъимеши духи их» — ту смерть являет, а «исчезнут», рече, — ту раскидание плоти и в землю паки возвратит; а еже рече: «послещи дух свой, и созиждутся» — ту и востание являет. И тако то смысл, разум глубок.

О воскресении мертвых Павел апостол пишет: «вси убо не успнем, вси же изменимся во мгновении ока в после[дне]й трубе. Вострубит бо, и мертвии востанут нетлении, и мы изменимся волею божиею. Подобаает бо тлеемому сему обещися в нетление, и мертвенному сему обещися в бессмертие. И тогда убо пожерто будет мертвенное животом»*. Да слыши попросту, аще бы единою нагою душею жили, не требовали бы глагола, ниже слуха, но глагол и тутнание слуха деля, а слух глагола ради. Аще не быша уши и устне, и язык плотян, то бы от ума моего к твоему уму разумение исходило без звука и без грома, ныне же подоба глагола и слуха.

Да разумеется востание мертвых. Вся убо не успнем, вси же, глаголет Павел, сиречь не умрем, до последние трубы живущии на земли будут. Егда первая труба вострубит, в ней же повеление божие, гласом ея отверзутся гробы. Таже вторая труба вострубит, и потечет кость к кости и состав к составу своему. Третья труба вострубит, и созиждутся телеса мертвых. А живущии еще на земли есть. Егда же четвертая возгремит труба, в ней же глас божий: «востаните от гроб, мертвии, явите дела своя судии всех и богу», тогда во мгновении ока вси живущии изменятся, а мертвии оживут. Да слыши, Златоуст глаголет: «тамо узрим прах возметающ, всюду человецы вставают, дивен позор будет». И егда вси востанут, обымут их ангельския силы.

Тогда вся стихия разорят: небо, яко свиток свияется, солнце и луна, и звезды спадающе с небес, якоже смоковница отместет листвие от себе, тако то звезды полетят на землю. Тогда от престола господня река огненная потечет, поядающи тварь от востока до запада, и вся изгорит. И будет небо ново и земля нова, бела, яко хартия. То же псалмопевец рече: «и обновиши лице земли»*. Тогда же ангелы поженут вся человеки во огонь негасимый. Ох, лю-

те мне! Праведницы просветятся, а грешницы помрачатся, праведницы восхищены будут на сретение господне на облацех по воздуху, а грешницы, увы, яко огорелыя главни, валяются низу. Златоуст рече: «тогда бо плоть человека легка будет и восперенна, добрымы делы носима, яко может ездить и по воздуху». Егда бо с небесе Христос, боґ наш, приидет и сядет на престоле славы своея, и соберутся пред ним вси языцы, и разлучит их, яко овца от козлищ, понеже тьмы тьмами силы небесныя предстояху ему и тысяща тысящами служаху ему. Ристаху же ангелы собирающе и поставляху праведныя одесную его, а грешныя отрехаху ошуюю. И речет господь праведным: «приидите, благословении, наследуйте уготованное вам царствие небесное». Возрев же ярим оком на грешныя и речет: «отыдите от мене, проклятии, во огнь вечный со дьяволы». И идут сии в муку вечную, праведницы же в живот вечный*, еже есть взем судия святыя своя и приведет их к богу и отцу и речет: «се отче, приношение мое, се есть плоды моя. Приими их, да будут едино с нами, яко же и мы». Тогда возвеселится господь о делех своих*.

Псалом: «Презираяй на землю творя ю трястися, прикасяся горам — воздымятся»*. Толк: Егда на Синайстей горе с Моисеом беседоваше, тогда страшно бе видимое, понеже гора горяше огнем, и облак, и сумрак, и буря, и трубныя звуки, и гласы шумящи глаголанны. Моисей бо рече: «пристрашен и трепетен есмь, господи»*. Виждь, «прикасяся горам — и воздымятся».

Воспою господеву в животе моем, пою богу моему, дондеже есмь. До насладится ему беседа моя, аз же возвеселюся с гомеде*. А плуты те, — ну их к черту! И людьми их не зову. По писанию: «скончаются грешницы от земли и беззаконницы, яко не быти им»*. Вот ладно какво. Благослови, душе моя, гомеда*. Аминь, аминь, аминь.

ПОСЛАНИЕ ВСЕМ «ИЩУЩИМ ЖИВОТА ВЕЧНАГО»

Гомеда Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас.

Всем святыя и а[постольския] церкви от гомеда бога и спаса нашего Исуса Христа слава и честь и нетление ищущим живота вечнаго. А иже по рвеню противляющимся убо истинне, повинующим же ся неправде псам — никонияном — ярость и гнев, и скорбь, и теснота на всяку

душу человека-никониянина, творящаго злое, архиерею же прежде и рядному. Глаголют бо безумнии человецы, утесняяще свою душу: «не на нас-де възыщет бог законное дело и беру; нам-де что? Предали патриарси и митрополиты со архиепископы и епископы, мы-де и творим так».

О неразумныя души беззакония! Ни ли слышал еси апостола Павла: «сила божия есть всякому верующему, иудею же прежде и еллину от веры в веру, якоже есть писано. Праведный же от веры жив будет»*.

Зри: праведный от веры жив будет, а не от человеческого предания.

И еще чтый да разумеет того же апостола рекша: «открывается гнев божий с небесе на всяко нечестие и неправду человеческую, содержащих истинну в неправде, зане разумное божие яве есть в них, бог бо явил есть им»*.

Вот апостол глаголет: «бог бо явил есть им».

Шлюся на твою совесть, зане разумное божие яве есть в тебе, бог бо явил, есть в тебе. С тем же Павлом глаголю: «невидимая бо его от создания твореньми помышляема видима суть, и присносущная же сила его и божество, во еже быти им безответным. Зане разумеша бога не яко бога, прославиша или благодариша, но осуетишася помышленьми своими, и омрачися неразумное их сердце»*.

Читай внятно: «и омрачися неразумное их сердце, во еже быти им безответным».

И еще ли шарпаешися, неразумне омраченное сердце, глаголя: «не на тебе възыщется твоя погибель, но на великих»? А патриарси со мною, протопопом, на сонмище ратовавшеся*, рекоша: «не на нас възыщется, но на царе! Он изволил изменить старыя книги!» А царь говорит: «не я, так власти изволили!» Всю истинну омрачися неразумное их сердце, во еже быти им безответным. Осуетишася помышленьми своими друг на друга, а все на бога омраченными сердцы, зане разумное божие яве есть в них. Все знают, яко погибают, но мраковидным духом ослепоша в сопротивии всяцем, зане разумное божие яве есть в них, бог бо явил есть им. Невидимая бо его от создания мира твореньми помышляема, видима суть. Аз им говаривал: «безответны вы, никонияне, пред господем богом. Солнце, и луна, и звезды, и самое небо кругом вполсолонь вертится, а вы, свята святая церкви, около ея ходите противу солнца и всея твари*. Тако же крестят дети около купели, тако же и браки венчая, против солнца

же кружаєте, а не впосолонь ходите по преданию». И оне отвещают: «нам-де велят так». И разумеют, яко зло деют, но тьмою поккрыты, по апостолу: «измениша славу Божию в подобие образа тленна человека» *, сиречь царя паче бога убоялися, «иже премениша истинну Божию во лжу» *. Бабоблуды, блядьи дети! Да что, братия моя любезная, светы, вем, яко молвите: «батько-де неискусно глаголет». Хорошо, искусно, искусно! От дел звание приемлют. Послушай-ко апостола тово, о таких же баб[о]-бл[удах] глаголет. Зачало 81: «И якоже не искусиша бога имети в разуме, сего ради предаст их бог в неискусен ум творити неподобная, исполненных всякия неправды, блужения, лукавства, лихоимания, злобы, исполнены зависти, убийства, рвенія, лъсти, злонравія и прочая, непримирительны и нелюбовны, яко таковая творящии достойни смерти суть. И не точию сами творят, но и волю деют творящим» *.

Да так то и есть, святой апостоле Павле, не одни токмо погибают сами, но и иным простым людям волю деют. На нас-де положено, мы-де знаем! На то-де бог вещь сделал, несть греха. Какову-де бабу захотел, такову-де и вали под себя. Да что рассмехнулся! Так-де оне учат, еретицы, собаки, да так и творят. Сами блудят и иным поведлеват. По апостолу, исполнены блужения и всякия неправды. А как в них злонравие то! Ино и в собаке той лихой нет столько, и в змее той, ползющей гадине, и рысь та лютая человеколюбнее их, и аспид-от милостивее их. Кому же они подобны, знаешь ли? А то, брат, тово уж не знаешь! Дьяволу подобни. Он человекоубийца бе искони и во истинне не стоит, яко отец лжи. Исперва оболга человеку бога, а потом богу человека. Как же, аль не ведаешь? Сем я тебе возьму за руку и поведу на то место, идеже бысть се. Стани прямо востока и зри к Едему, возведи очи свои в рай и виждь глаголы лестны дьяволи ко Адаму. Рече бо: «вкусите от древа, от него же вам бог заповеда. Аще вкусите, будите яко бози, разумеюще добро и зло. Бог бо завистлив есть, сего ради заповеда. Не хочет вас быти, яков сам бе» *. Вот собака, яко Никон, блядей сын, солгал! Обманул царя Алексея, тремя персты креститися понудил: «троица-де бог наш, тремя персты и знаменимся». Он, бедной, послушав, да дьявола и посадил на лоб. Слово в слово, яко и в рай при дьяволе и при Адаме. Восхоте Адам быти бог, простре руке ко древу, и сея ради снеди изведе из рая враг Адама. Тако и Ни-

кон лишил Алексея трех ради перстов жизни сея, понеже царскую и архиерейскую власть на ся восприял, да мочью и силою вечную нашу правду, старое православие, истребил, яко бог века сего, взимаяся гордостью, но Соловецкой монастырь сломил гордую державу его. В которой день монастырь истнил, о тех днях в той день и сам исчез*. Восхотел бог быти, и не бысть. Потерял, яко Адам рай, тако и он жизнь сию. О сем до зде. Взыдем на первый глагол.

Како оболга дьявол к богу человека, чти во Иове. Егда приидоша ангели пред господем поклонитися, прииде же и дьявол, не местом, но вопрошением. И рече господь к дьяволу: «внят ли на раба моего Иова, яко несть такова в поднебесном: праведен, благочестив и непорочен. Еще же держится и незлобия». И отвеща дьявол: «не туне четет тя, обложил еси ему внутренняя и внешняя. Повели ми, да коснуся, аще не в лице благословит тя. Кожа за кожу и вся даст человек, елика име, за душу свою»*. Ох, собака, блядь, клеветник! Что и никонияня же, блядьи дети! Умыслиша Аввакума беднова и прочих повсюду мучити: «ужо-де и не хотя, волю нашу сотворят, как в землю закопаем их!» А бояроня с сестрами умерла о Христе*, а не покорила дьяволенкам и не предала благоверия. Так же и над Иовом тем и дьяволов-от умысл был. К богу рече: «не туне-де четет тя. Богатства-де и детей, и всякия благодати довольно ему даде. Дай-ко-де мне над ним поиграть. Ужжо-де и не будет хуже ево, и бранить-де станит тебя. В лице тя благословит, просто реци, прокленет». Вот как дьявол-от на человека тово лжет.

Слово в слово и никонияня таковы же. Отдал бог Иова тово во искушение дьяволу тому, да и приказал: «вся сия тебе Иовлева предаю, токмо душу ево соблюди»*. Возился над ним дьявол-от, что чорт, а душе той коснутися не смел, понеже бог с небесе сам зрех победы Иовлевы. Радуется в те поры владыка-свет, как терпением, благодаря, Иов плотной побеждает бесплотного дьявола.

Так ж то и ныне бывает, братия. Егда терпим Христа ради и завета его, так же радуется бог. А идеже бог, тамо и ангели вси, и праведнии тут же со владыкою зрят победы или побеждения. Читали ли в житии Андрея Юродиваго? * Егда с черным велиаром брався, а белоризцы позороваху. Как учал Андрея вертеть хохлата-ет чорт, так белоризцы те миленькия испужалися, жаль им Анд-

рея тово. Как справился Андрей и брякнул чернова о камень лбом, так белоризцем радость велия и веселие. Так то и ныне: победа бывает — невидимо нам радость небесная, а то много радости в той час, егда кто мучится за Христа. Простите, к слову пришло. Однако уж говорить, от своих вас не подобает скрывать.

Как стригли меня на Москве*, тому уже годов с тридцать есть, а в то время без меня всылке на Мезени Ияков Сытник был. В кой день меня ругали в соборной той церкви, а он-де на Мезени в той же день и час в клети молился. Жена ево мне сказывала, как меня сюды в Пустоозерье, везли: «бежит-де мой Ияков из клети в ызбу, а сам кричит мне: „Оринушка! Оринушка! Батька Аввакума на Москве ругают, а он с ними кричит. Я видял топере в клети. Небо отверзлося, и ангели прилетают над него и от него на небо радующеся”. А сам-де он, батюшко, изменился весь, зыблется, тужит и плачет по тебе, охая». Так, конечно, мне жена ево сказывала. Ево уж тут в то время не было.

Да что же еще с вами стану говорить? Чаю, утрудилася ваша мысль, коснящи в вышних. Ну, и мы ум наш сведем с небесе и поговорим мало о земных. Много ли вас на Я славном, избранных божиих, и церкви и попы есть ли христианския, и несть ли гонения правоверию, возвестите ми. Или восплачу или возрадуюся. Господа ради мужайтесь, утвержайтесь. Живите, поминаючи день востанный, не яко не мудрии, но яко премудрии.

ПОСЛАНИЕ «ЧАДОМ ЦЕРКОВНЫМ» О ДЬЯКОНЕ ФЁДОРЕ

Се аз, протопоп А[ввакум] всем верным повсюду православным христианом, отцем и братиям моим, чадом церковным. Пад пред всеми, поклоняюся, мир дав и благословение, целую главы ваша и руце и нозе целованием духовным о Христе Исусе и молю вы, о господе всех рабов божиих, не примешатись сему скверному сыну моему духовному, врагу божию Ф[едору]. Мерзок есть таковый святей троице и отцу и сыну и святому духу, и от меня, отца ево, положен под правила и отсечен, яко гнилый уд, от церкви божиа, понеже лет с десять целил ево и моля, увещал, еже бы престал сливати святая во единицу пожидовски, и савелиянски не мудрствовал, и прочая, в

книжице сей еже есть писано. Обо всем о сем молил многажды, чтобы престал бесноватися, он же нимало в чувство не восхоте прийти, но и книги написал блядивыя по своему уму обольщенному и в мир послал, возмущая стадо божие, яко не троица бог, но единица слиянная, и прочая многая на церковь вражда от него, врага святыя троицы, в мир поплыла.

Судите вы, божии избранныи: аще праведно мне терпеть ему? Близ мене отравя в люди раждается, а мне молчать? Как сын божий претерпит? Ни, никакоже!

И вас молю, аще кто где узрит ево письма подметныя *, предавайте огню господу ради, яко в них яд пишет мног сокровен и отсохлою своею рукою сеченою утверждает писанное: «сие-де писано рукою моею сеченою за православие, слушайте-де и сице веруйте, якоже писано». Называет себя святым, а явен враг божий. Исперва о казни нарочито говорил, а ныне онемел, при прежнем худо и говорит. Помните, писано: «и еже мнится имей, возьмется от него». А рука, отсеченой уд, исперва была цела, а ныне измозгла *. Он же со стыда ея велел в землю бросить. Видит сам, что нехорошо делает, а не хочет престать!

Да уж не о нем. Пропади он, враг проклятой, но вы господу ради блюдитесь ево учения. Лютой лис и обманщик, божится и ротится, хотя обольстити ково! Во един от дней отца Е[пифания] обольстя, и, ссоря со мною, говорит ему: «отче Епифаний, подвизайся всеми силами, как бы Аввакума преломить о образе троическом, и о прочих, и тогда-де наша будет добра».

А я, петь, коли послушаю, кроме писания о Христе? Обыкох бо я от купели троицу чести в трех образех по равенству, а не единицу жидовскую. Старец же прост человек, правду чаял шептание ево и напал на меня по ево учению всеми силами. Увы, горе часу тому, якоже пророк рече. Внимай, в конец да не растлиши. Тотчас было в погибель впал старец-от, на меня роптит, а мне с ним растатися не хочется. Вздумал я потешить ево, пошел ночью ко врагу тому божию, как бы примирить ево. Прощаюся с ним и сам не знаю в чем. Он блюет на святую троицу, а я лише помикиваю, бытто и не слышу, токмо примиряю ево. И помиряся с ним, сказал старцу. Он рад, бедной, судит внешняя, а не внутренняя.

Пришел я в хижу свою, повалился спать. Вижу ся со старцем у церквицы некия, а одадь нас Ф[едор] д[ьякон]

на холму высоком стоит со скоты и с немцами и с татарами. Старец же посла меня к нему, как на яве том было, так и тут видится, и горе и смех у беса тово блиско все. Пришел я к холму тому, к Ф[едору], он на меня почал сцать. На ноги мои мокрота та пловет. А се ноги мои стали гореть, зело больно горят, а я кричу: «господи, согреших, прости мя, окаяннаго!» Да не во сне уже, обудяся, горят. А некто, стоя, говорит мне: «то тебе за ходьбу!» Я молюся, ано не слушает, жгут ноги. Да он же, стоящей, рече: «вот еще за безумие твое в прибавку!» Да ну ж меня мучить, душить и ломать. Больно устряпал, покинул, и встать не могу. Лежа говорю: «благодарю тя, господи, — по писанию, — посылал еси ангелы лютыми путь сотворити, стезю гневу своему»*. Да сваялся с доски, кое-как лбом о землю, весь болю. Полехче мало стало, дьякона та опять проклял, да и оздоровел.

Ну же потом старца косить! Нечево о том много ковырять, и сами знаете, не до друшка стало — до своего брюшка, вправду осердился. Да после со старцем и помирился. А как бы не осердился, так бы меня самово велели до смерти забить, не подорожат, друг, тамо и не Аввакумом, много тое грязи у Христа наделано. Не тот А[ввакум], ино другой. А за ним дело не станет спасения человеческого. Колесница та таки катится, как ей надобе. А[ввакум] п[ротопоп] бодрствовать станет господа ради, себе ему во грядущий век должная своя возьмет. А еже разленится, и ему кнут на спину. Не как Пашков — ременной*, но железо разженно огнем клоксушим. Лют есть он, братие, огонь, и вне и внутрь, наши кишки перест, проходя до членов же и мозгов, и до самыя окаянная души. Потщимся будить друг друга нелицемерно, любя не токмо любовных, но и досадителсей нам подобает любити аще нас в душу не вредят. Любите враги ваша душеядцов же, еретиков, отгребайтесь. Аще спасение ваше вредят, подобает ненавидети их.

ПОСЛАНИЕ ИГУМЕНУ СЕРГИЮ С «ОТЦЫ И БРАТИЕЙ»

Новому игумну, старому моему чаду Сергию отцу²⁰ радоваться о уповании вечных благ.

²⁰ В рукописи эти слова зачеркнуты и над ними написано: Братия, отцы.

Припомяни, чадо, и о мне в день радостный. Аз есмь заматоревый во днех злых, хошу с тобою совсельник быти в пазухе Авраамове. Аще бог благоволит и пречистая богородица поспешит, негли, препоясався о Христе, переползем темнотный сей век к тихому оному и безмолвному пристанищу. И что тогда речем, Сергей мой, егда узрим нашего света лицом к лицу никониянам неприступнаго Христа, отца нашего и строителя?

Сергий! Слушай-ко, сказывай людям тем: сидит он на огнезрочном престоле одесную отца, о нас промышляет и нам приказывает: не пецйте-де ся вы ни о чем, токмо о проповеди прилежите, а то-де у меня вам всево много напасено.

Скажу вам, раби Христовы, слушайте²¹.

На что, петь, Иосиф Волоцкий* с писанием ратуется? Не ладно он о сошествии пишет во ад, бытто смерть и дьявол снесли душу Христову во ад.

А пророцы и богословцы вси не так, но глаголют, со славою во ад бысть поход. Помнишь, в слове Епифаниеве* пишет: «предшествует же ему архангели Михаил и Гавриил: и прочия силы ангельския глаголюще: „возьмите врата, князи, ваша”»* и прочая. Евсевий Самосадский* такоже: «идуше пред спасителем силы вопияху: „возьмите врата, князи, ваша”». Да и все церковны книги учат: не дьявол душу Христову во ад снес, но сам по восстании из гроба плотию боголепною с душою сниде во ад боже-ски, и расторг бог-человек чрево адово.

И много о том неколи говорить. Одно молить: святоет бы насилу сам написал ли бы так. Полно, вор некто такой жо в книгу ту ево внес, что и Федька-отступник*, в тетратках подметных чтучи. Сего дни ли воруют? Во-ся, петь, Климантовы те книги* и повыше Иосифа тово, не исказили ль? Или и Григория Низкова* правила?²² Во всех церковных книгах пишет, яко Христос плотию одушевленной во аде бысть и о сем слава ему, Христу, богу нашему. Мы так и веруем, как церковные книги учат.

А в письмяных тех всячину найдешь. Не буди нам с вами по своему смышлению спасение свое содевать, но по преданию святых и богоносных отец. Дай, господи, ум

---

²¹ Эта строка написана в рукописи по стертой киноварной строке, из которой можно разобрать только одно слово: Сергей.

²² В рукописи далее зачеркнуто: сам же мошьшь.

наш и сердце в согласии со святым писанием, так и добро, а привал-от пустой, яко нужно слово, не отмещу ли?

А что отец Исидор вопрошает мя кое о чом, мочно веть и самим вам рассудить с господем. А я кто? — умерый пес, и как могу выше вашего священнаго собору разуметь? Ты говоришь, огненный во мне ум. И я сопротив моыл (прости!): «облазнился, — реку, — ты, чернец, и в кале тинне помышляешь сокровенну быти злату и серебру. Не ведется, мол, тово, еже драгое камене полагати в говенной заход, тако и в мой греховой арган непристойно внити благодатному огненному уму. Разве по созданию данному ми разуму отчасти разумеваем и отчасти пророчествуем»*.

И ты, игуменушко, не ковырай впредь таких речей. Которая тебе прибыль? Наводишь душе моей тщету. Но всяко дыхание да хвалит господа и пречистую богородицу, а я — ничево, человек, равен роду, живущему в тинах калных, их же лягушками зовут. Погубил в себе властный сан и рассудительну силу, без рассуду земных прилежю и, яко свиния от рожец, наполняю чрево свое*. Аще не умилосердится господь, при смерти стою и во адова сокровища гляжю. Аще не господь помог бы ми, вмале вселилася бы во ад душа моя. Обо мне пророк рече: «далече от грешных спасение»*, и еще: «яко погна враг душу мою и смирил есть в земли живот мой, посадил мя есть в темных, и уны во мне дух мой»*. Еле-еле отдыхаю от похотей, задавляющих мя. Моли бога о мне и всем заповеждь. И Настасья, хотящая быти ц[арица], пускай молится о мне. Смешница она, Сергей, хочет некрещенных крестить!

Я говорю: вот, реку, какую хлопоту затевает! Их же весь мир трепещет, а девая хощет, яко Иудифь*, победу сотворить. Материн большо у нея ум-от. Я ея маленьку помню, у тетушки той в одном месте обедывали. Бог ея благословит за великова и честнова жениха!

Девушка красная, княжна Анастасьюшка Петровна, без матушки сиротинка миленькая, и Евдокеюшка, миленькие светы мои! Ох мне грешнику!

Егда ум мой похватит мать вашу и тетку, увы, не могу в горести дохнуть, — таковы оне мне! Лутче бы не дышал, как я их отпустил, а сам остался здесь! Увы, чада моя возлюбленная! *Забвенна буди десница моя, прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну вас! О дщи Вавилснѣ окаянная! Блажен, иже воздаст тебе воздаяние*

твое, еже воздала еси им! Блажен, иже имет и разбьет младенца твоя о камень!* Ну, добро много плакать, да перестать же будет.

Слушайте-тко, Евдокея и Настасьюшка, где вы ни будете, а живите так, как мать и тетка жили: две сестрицы здесь неразлучно жили и в будущий век купно пошли, без правильца не жили, канонцы всегда сами говорили на правиле и всяко...²³ Зело покойница перед смертию тою докучала мне о них, горько сокрушаючись, — и о грехах и тех кается и о них кучится. Рукою своею наморала на обе стороны столбец, а другая так же и третьяя. Да долго столпцы те были у меня: почту да поплачу, да в щелку запехаю. Да бес-собака изгубил их у меня. Ну, да добро! Не дорожи он мне тем. Я и без столпцов живу. Небось, не разлучить ему меня с ними! Христос с нами в зек века уставися.

Анисиму Фокину мир и благословение. А что ты, Онисимушко, меня о попах тех спрашиваешь, а то я им велел смиритися. Оба добрыя люди, да шалуют без пути. У Григорья в грамотке почти.

Ходи со Стефаном и с Козьмою*, бог благословит! Стефан ко мне преж сего писывал кое о чем, и я ему о Христе и прощение послал; и Козьма доброй человек, я в ево церкве и детей духовных своих причащал, со мною он говаривал. Он обедню поет в олтаре, а я на крылосе у него певал.

А для чева Исидор младенцов не причащает, которых Дмитрей* крестит? Я приказал ему крестить, сын мне он духовной.

Стефан-батько, которые младенцы те от еретиков тех крещены, и ты розыскивай: буде отрицание было от са-тоны и в три погружения крещон, и ты токмо молитвы и недокончанная над ними соверши, а буде же не было отрицания, и ты и совершенно крести.

А что Исидор-от еретик крещенных не причащает, то он правду творит. А о умерших — надобе о них бога молить и их поминать. Глупо робя было, не знало правды и кривды. Аже кто велик умрет, о таком рассудить: буде и по-новому крещон, а пред смертию каялся о неверии своем, такового принимать; аще ли так умре, и он часть волчья, нет ему до Христа дела, нашего бога.

---

²³ Далее четыре строчки зачеркнуты, можно разобрать лишь отдельные слова: он... пускай сказывает... чернец, не покидай их, отрасли моей... поливай их слезами...

Ну, Онисим, прости! Бог тебя благословит! Моли бога о мне.

А что вы²⁴ вылись из Псалтыри прислали, псалма 9: «сиру ты буди помощник»*, и прочая, и толк-от Афанасиев прав*, а на Григорья това Амиритскаго* солгал некто вор, именовем ево безделицу утверждает, яко и Федор-отступник. Статное ли дело душу Божию дьяволам обладати? Смерть и телом не обладала, нежели душею. Сам господь нас научает, рече: «никто же душу мою возьмет от мене, но сам полагаю ю о себе, область имам положить ю и паки область имам прияти ю»*. Да умирая, рече: «отче, в руке твои предаю дух мой»*, — а не ко дьяволам во ад. Во ад со славою иде, восстав от гроба телом и душею божески. Все богословцы так научают: ад, рече, огорчися, человека зря обожена, — а не нагую душу. Писывал прежде сего о том в книгах тех письменных, надобе разуметь. Иван эксарх* пишет: еретики-де и Григория Нисскаго правила развратили многия, их-де и чести не подобает. А и Климентовы книги, помнишь в Кормчей* напечатано, не велено их чести, развращены от еретик. Так то и тут, сицевой же Федор или никониян, жалеют ли оне книг тех? Что взбрело на ум, то и творят. Во Псалтырях тех толковых есть всячина, толковщиков тех много. Полно о том.

Какой то будет бог, что душу свою от разбойников отнять не смог?

ПОСЛАНИЕ БОРИСУ И «ПРОЧИМ РАБАМ БОГА ВЫШНЯГО»

Древо жизни и бессмертия, древо разума, древо трилюбезно, нетле[нно] и неизнуряемо, крест трисоставный, честное древо: троица бо носит три составныя образ²⁵.

За молитв святых отец наших, господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас.

Чадо Борисе, бог простит тя в сий век и в будущий и да неосужденна тя предстати сподобит на страшнем суде Христос, бог наш, сый благословен во веки, аминь.

Вопросил мя еси о пении церковном и о келейном правиле.

²⁴ Далее выскоблены два слова.

²⁵ Эта фраза написана под изображением старообрядческого креста.

Да веси, брате, устав во церкви от святых отец со святым духом устроен. Кто мы? — хошем быть разумнее Параклита*, прелагаем по своему чину! Как напечатано, так и творить подобает. Не прелагаем пределы, иже отцы положиша. А ты мне возвестил еси странно: среди заутрени у вас бывает самочиние, а не по преданию бывают поклоны. Правду те глаголют, которые поют рядом заутрению и до отпусту не рассекая, или церковным чином или вервицы молитвами исполняя. А поклоны между вечерни и заутрени.

Нощию правило келейное отцы узаконили, кто сколько может: или поклонов 300, или 600, или 1000, с ними ж и Иисусовы молитвы: или 6 сот и седьмое богородице, или вдвое или втрое, как кто хошет и может. А церковного правила пения отнюдь не поколебати.

Хошеши ли слушати, как у меня бывало? Внимай жо, я тебе стану вякати. Да не сам собою изволил, но от отец искусных навиче.

Егда вечерню с павечернею отпою, после ужины правило начну: павечерницу и 4 канон Иисусу и акафист с кондаки и искосы: «Воду прошед» и «Ангелу», и тропари канонов и молитвы, таж «Достойно», «Трисвятое» и «Нескверную», и еще «Трисвятое» и «Даждь нам», и рядом «Боже вечный», и все молитвы спальные и отпуст, и «Ослаби, остави» вместо прощения, и «Ненавидящих»; таж 50 поклон за живыя и за мертвыя. Благословлю да и роспущу черемош. Паки начинаю начало правилу поклонному: «боже, очисти мя» и молитвы; и проговоря «Верую» и огонь погасим; да и я, и жена, и иные охотники ну же пред Христом кланятца в потемках тех: я 300 поклон, 600 молитв Иисусовых да сто богородице, а жена 200 поклон, да 400 молитв, понеже робятка у нее пишат²⁶.

Довершим правило, прощение проговоря, да и спать взвалюсь, — один я спал. Когда обедню пою, тогда опасно сплю: сам добуду огня да книгу чту.

Егда время приспее заутрени, не спрашиваю пономаря, сам пошел благовестить. Пономарь прибежит, отдав колокол, пошед в церковь и начну полуношницу. Докамест сходятся крылошаня, а я и проговорю в те поры. Прощаются, — ино бог простит, а которой дурует, тот на чепь добро пожаловать: не роздувай уса тово у меня.

Таже завтрениа на всяк день с кажением по чину и

---

²⁶ Далее шесть с четвеотью строк зачеркнуты.

чтение 4 статьи, а в воскресной день 6 статей по данной мне благодати толкую, чтучи. В рядовые дни заутреня, 4 часа, а в полиос 5 часов, а в воскресенье всенощное 10 часов. После заутрени причастное правило час говорю сам, а церковное пение сам же, и чту и пою единогласно и на-речь пою, против печати слово в слово: крюки те в переводах тех мне не дороги и ненайки те песянные не надобе ж. И отпев обедню, час поучение чту. И после обеда 2 часа усну и, встав, книги до вечерни чту, сидя один.

А обедню, прости, плачючи служу, всякую речь в молитвах разумно говорил, а иную молитву и дважды проговорю, не спешил из церкви бежать, — после всех болокусь. И болящих маслом соборовал — единогласно же пел, и мертвых погребал — единогласно ж пел, и келейное и церковное все единогласно ж правило было у меня, и в пути едучи и пеш идучи — единогласно все. Да не собою я затеял так; виде в писании, со отцы трудились так: епископ Павел Коломенский, Данил протопоп Костромский, священномученик же Михайло, священномученик Гавриил, священномученик же архимарит Тихон Печерский, архимарит Суздальский Иосиф за Волгою, в пустыни с сим пением и скончался так, протопоп Конон Нижегородский; Логин, протопоп Муромский мученик и поборник велий, Марфа, игуменья на Везниках, на-речь и единогласно пение бысть у нея. Не по игнатьеву жила: странным и мимоходящим ноги умывала сама и со Анною леженкою добре скончашася. И Андреян, архимарит Троицкой, добро же житие проходил, а пел единогласно ж*.

Да и много бысть добрых людей, все блажиша и хвалиша пение единогласное и наречное. Многие с перевода ветхаго, по нем же аз певал, списывали, а я и без перевода, богу помогающе, по печати пою, да и крюков тех не изгублю, ненайки лише не пою. А как один молюсь, так и не говорю: един бог знает, как делаю, нельзя сказать.

Ну, Борис, полно ли ковырять тово? Али еще слушать хошь? А то как в правду ту молился, зажмурь глаза те, да ум-от сквозь воздух и твердь и ефир отпусти к надеже тому и престолу его, а сам ударься о землю, да лежи и не вставай плачючи: ужжо ум-от Христа тово притащит с неба тово, как оскорбишь гораздо сердце то. А то влагодящее сердце, — какому пришествию духа быть?

Да еще к тому: Игнатей бывшей братью-де драз[нит] нароком и по печати говорит: «преславенная денесе».

Ох! ох! Не глаголю беснуется, но помрачение ума. Кому то досадит, мещущи выпрсь камене? Себе; ему на главу оный камень с высоты падет. Добро, братие, совет и любовь, а иде же поперечина, тамо не подобает и ходить и тлить душа своя. Аще бы чья и немощь в чом, ино бы тож не так, но прощением и покорением, да всяко бы не оставил бог за молитв брацких смиренного. А то бесом сделается чернец: и играет, ругаяся страшным и неизреченным таинством. Увы! Что бысть при Евфимии Великом* Климатю? Чтый, ругайся, да разумеет сие.

Ну, Борисушко и прочие раби бога вышняго! Простите меня в слове и в деле и помышлении, а вас бог простит и благословит! Целую всех о господе бозе моем.

А поп-от, Борис, суматоха, мне кажется; да служил по-новому и, остригшися, отрекся мира и священства и паки тоже творит: все ни та, ни ся. О новослужении том бы каялся, а не стригся бы. Волен бог, да вы: буде каялся о службе той, и вы по нужде малые потребности исполняйте им, молитвы и прочая, а причащатца не подобает ему, обеден служить только. Прости и молися о мне.

Отцу Досифею мир и благословение. Спаси бог тебе за добронравие твое. Пад, подстилаю главу свою и благословения прошу: моли бога о мне, грешнем. А твою любовь да помянет господь бог во царствии своем всегда и ныне, и присно, и во веки веком.

Досифей, а Досифей! Поворчи, брате, на Олену ту старицу: за что она Ксенью ту бедную, Анисью сестру*, изгоняет? Досифей! А за что, петь, ея и с мужем тем разводит, коли оне молитвились? Апостол велит посягати младым вдовам, нежели разжижатися.

Елена-дурка! На что ты ея в приказах тех и в монастырях тех озлобляла и робеночка-де маленько не уморила?

Меланья! Слушай-ко ты, и я со духом твоим, смири бесчинницу ту, на что она над крестьяны играет? Ну как бы робенка тово уморили, так убийство стало, а убийце 7 лет епетимии.

Ну, Оленушка-сестрица, вот тебе от нас с Меланьею пирожок, кушай на здоровье: седьмь лет держи епетимию, 3 годы не сообщайся с верными, 2 лета плачь с припадающими, в притворе стоя, 2 лета в церкви да пребудеши без причащения, свечи и просвиры да не приемлет священник во олтарь от руку твоею, ею же убийство сотвори; чрез день кроме субботы и недели сухо да яж, по ты-

сяще на всяк день метания твори пред господем, на всяк день в вечер 3 поклона, к келье окормительницы Меланьи пришед, до земли, сице глаголя: «прости мя, мати моя! Се аз, окаянная, жену с мужем разлучила и убийство сотвори! Увы мне, дщери Каинове и Ламехове*!» И возвратяся в келию свою сице рцы: «боже, за молитв святыя Меланьи, матери моея, отпусти ми согрешения моя!»

Ну, чадо, тружайся да и о мне, грешнем, бога моли. И отец Епифаний молитвами помогает ти.

Слушай-ко, игумен Сергей! Иди во обитель Меланьи матери и прочти сие, писанное со духом святым, на соборе Елене при всех, да разумеют сестры, яко короста на ней, да же не ошелудивеют от нея и удаляются ея. А ты, Меланья, не яко врага ея имей, но яко искреннюю. И все сестры спомогайте ей молитвами.

Друг мой миленькой Еленушка! Поплачь-ко ты хорошенько пред богородицею-светом, так она скоренько очистит тебя. Да веть-су и я не выдам тебя: ты там плачь, а я здесь! Дружне дело, как мне покинуть тебя? Хотя умереть, а не хочю отстать.

Елена, а Елена! С сестрами теми не сообщайся, понеже оне чисты и святы. А со мною водися, понеже я сам шелудив, не боюся твоей коросты, и своей много у меня! Пришли мне малины. Я стану есть, — понеже я оглашенной, ты оглашенная, — друг на друга не дивим: оба мы равны. Видала ли ты? — земские ярышки друг друга не осужают. Тако и мы. Помни же, что говорю, — не обленись поработати господеву. Аще ли просто положишь, ббльшую беду на себя наведешь: без руки будешь, и без ноги, и без глаз, и глуха и острупленна. Яко Елисей* я ли затеваю? Да не будет. Но тако глаголет дух святой со Христом ко апостолом, яко *его же, аще свяжете на земли, будет связан на небеси, а его же разрешите, той разрешен**. Да по данней мне власти от Исус Христа се возлагаю ти бремя на плеща души твоя: *достоин бо делатель мзды своея**.

Прости. Тебе несть благословения, дондеже очистишися. Аминь.

Ксенья бедная Гавриловна! Взыщи мужа тово своего и живи с ним, коли ты молитвилася с ним, а затем — как знаешь: воля тебе о Христе. Пожалуйте, раби бога вышняго, не покидайте ея, яко Марию Магдалыню*, прибегающую ко Исусу, или оную, ея же приведоша к нему и хотящу побити камением. Исус же возбрани и рече: «аще

не имат кто греха, верзи камень на ню преже всех» *. Стали созиратися: ано шелудивы все! Тако и здесь: всяк разумей немощь свою, не созирайте чюжих грехов, но своих.

Да еще тебе, игумен Сергей, приказываю: порозыщи и нам о имени господни возвести, кто от духовных биет Евдокею Ивановну словесы нелепыми, лютейши камня. Со слезами мне говорит: «пущи-де никониян, батюшко, духовныя наветуют ми, и стражю-де от них понос и укоризну, на силу отдыхаю в бедах». На что, петь, так мучат сестру свою неправильне, забывше апостола, еже рече: «братие, аще человек впадет в некое согрешение, вы, духовнии, исправляйте таковаго духом кротости. Блюдый себе, да не и ты искушен будеши, друг другу тяготы носите» *. А еже только не согрешила сестра, а наветуют бесчинующе, и сего обычая ни во языцех обрести возможно где. Чюдно! Как та верным нам, а хуже неверных живем, взимающесея друг на друга своего!

Родион! Слышал ли ты в правилех: «разлучивый мужа и жену — проклят»? Хочешь ли я тебе сию игрушку в душу посажу? Да хотя мы и в дальнем расстоянии, да слово божие живо и действительно проходит до членов же и мозгов и до самыя души *. Да не таково мне на тебя, что на Елену.

Добро, друже, бог тебя простит. Прощайся пред Оксиньею Гавриловною и Ефремову книгу* отдай ей; тогда и от меня совершенно бог простит.

Аще ли ни, не уйдет то и впредь. Не имать власти таковыя над вами и патриарх, якож аз о Христе кровию своею помазую душа ваша и слезами помываю. Никто ж от еретик восхитит вас, православных христиан, от руки моя; хоцю неповинных представити вас в день просвещенный праведному судии. Да и бывало тако во время: Христос бдящу ми, и вселил вас всех во утробу мою: И царю Алексею говорено о том*. Простись же с нею, да не отлучайте ея от мужа тово; аще хошет, пускай с ним живет.

Сергий! Возвести впредь о сем, каково к прощению тщание будет у них. Аще и Елена поищет со усердием прощения да ослабится тогда от епитимии и от худости моя благословение получит. Жаль мне ея гораздо; воздыхая, сице творю. Полно о том.

А еже изволившу духу святому вложить во ум отцу Досифею с челобитными по жребию стужати царю о ис-

правлении веры, и кто аз силен возбранити воли божии, еже не быть тако? Да будет. да будет! Господь благословит тя и с Максимом* от высоты святых своя и от престола славы царствия своего! Тружайтесь господа ради, *ходяще в премудрости ко внешним**. И мое имя по Христе обнесите пред человеки; или кого величайте, или еретиков потяжайте — се аз с вами есмь до скончания нашего века. Якоже отец Досифей, и вы, церковная чада, дасте ударити душа ваша духу святому. Се и мы с Епифанием-старцом хотим быти причастницы части вашей, да общее воскресение улучим о Христе Иисусе. Да будет, да будет! И будет тщание ваше усердно, и господь славы посреде нас, по словеси Христову: «идеже два или трие собрани о имени моем, ту есмь посреде их»*.

ПИСЬМО АЛЕКСЕЮ КОПЫТОВСКОМУ

Во юдоль плачевную новорожденному чаду моему Алексею Копытовскому мир и милость от господа бога и спаса нашего Иисуса Христа и от меня, грешника, от протоппа, благословение и поклон.

Миленькой дитятко, где ты гулял? Не слышать было про тебя. В лесу большом ты, Алексей, бродил, или в *расселинах каменных**, или по холмам скакал? Да доброе то семя и горою не рассыплет, ниже зной еретический иссушит. Разумно ли тебе, о чем тебя спрашиваю?

А то шум никониянский, яко ветром лес, возмущает человеческия души; в расселинах книг их человецы погибают, яко холмы, никоньяня взимаются, разгордевся. Да не может Христовы части сам диявол, яко гора, подавити, ниже детей его, еже есть еретиков, учение знойное праведную душу обольстити.

Спаси бог тебе, дитятко, на утешительном послании. Хорошо так, яко дряхлуешь, грехи своя поминая.

А от Лукияна* отлучися. Бог тебя благословит, и наше благословение да есть с тобою, аще тако сотворишь изгнания с рабы Христовыми, понеже *несть сообщения свету со тьмою**, тако и целомудрому с блудным. Пишет он ко мне в грамоте [лесть]²⁷, а не покаяние своему беззаконию. *Растлил он храм божий, расPLIT его самого бог**.

²⁷ В рукописи это слово отсутствует; вставлено нами по другому списку этого письма — XVII в. ГИМ, собр. Хлудова, № 149 (доп. каталог), л. 76.

К добрым людям я ево писанием своим усвоил, чаял в нем добра, а он запсеял, окрадше душу христианску, яко древле диявол Адама. Но милостив господь кающимся, а ему горе по непокаянному и жестокому его сердцу*. Не помышляй себе того, дурак, еже от бога тебе, кроме покаяния, помиловану быти; но изволися духу святому и мне* предати тя сатане в озлобление, да дух твой спасется*. Да придет на тя месть Каинова, и Исавова, и Саулова, да пожжет тя огонь, яко содомлян*, а все не зазришь души своей треокаянной.

Кайся, треглавный змей, кайся! Еще ти даю нарок покаяния, да нечто малу отраду примешь; аще ли ни, будет так, еже выше рекох. Собака, дура! Не хощу имени твоего рещи, согрубил ты богу. Чаешь, у меня уйдешь? Не уйдешь, небось, — не наемник я, но душу свою полагаю за овцы* за страх господа моего. Силен мне господь помощі во всем. Несть ти мира и благословения; а клятвы погожу возложить, али оплачеши грех свой пребеззаконный.

Мир ти, Алексеюшко, миленькой мой, — побей его, господа ради, палкою, по моему благословению, и аще станет каятися; и ты о том мне возвести, и аз ему во исцеление души и тела епитимию пришлю; а буде взбесится, и ты и рукою махни. Не подобает приходящаго к нам отгнать, а за бешеным не нагонятца же.

Прости, Алексей! А тебя бог простит и благословит. Возьми у братьи чоточки — мое благословение себе. Дайте ему, Максим* с товарищи, и любите Алексея, яко себя. Аминь.

ПИСЬМО «ОТЦАМ СВЯТЫМ» И «ПРЕПОДОБНЫМ МАТКАМ»

Благословите, отцы святини, благословите, преподобныя матки.

Како пребываете, и все ли по-здорову? Дерзнух, нагой грешник, из земли приитти в недра ваша. Освятите мя молитвами своими, понеж пришлец есмь из сквернаго мира. Ну, творите ж о мне молитву: «благослови благословящая тя, господи, и святи уповающая на тя», и прочая.

Спаси бог, миленькие батюшки, очистники всего мира, и меня очистили, поганца. Ей, право, от грех осквернен есмь.

Ведаете ли, отцы и матки, есть ли любовь между вами? Скажите ми кратко: «скажем ти, отче Аввакум, яко

богу: „люблю брата, яко фусточку, себя ж вменяю пред ним, яко онучку”». Оле, чудо! Нашол достояния нашего образ — Христа, превечнаго бога. Ей, добро так! *Всяк бо возносяйся да смирится, а смиряяйся вознесется**. Смирение бо побеждает всяк грех, отцы святии, понеж Христос смирил себе, послушлив быв, даже до смерти, смерти же крестней; тем же и бог его превознесе, и дарова ему имя, еже паче всякаго имени*.

Простите, батьки, пошол я к маткам-старикам в кельи.

Благословите, преподобныя, небесных красот смотряющии! Како труждаетесь, со страстьми и похотьми бравшися, и молящися о благостоянии святых божних церквах, и о царе Феодоре, и иже с ним, пекущихся о исправлении православныя веры? Рцыти ми, по-здорову ли душа и телеса ваша о Христе Иисусе: «здрав буди, отец Аввакум, со всеми православными христианы! Мы живем десницею божиею покровени, *взирающе на начальника вере и совершителя Иисуса**, ходяще в заповедех божиих и оправданиих господних беспорочно».

Слава господу богу! Веселитесь о господе и радуйтесь, праведнии, хвалитесь вси правии сердцем. Простите и молитесь о мне бога.

Мир вам всем и благословение со гражданы. Повидался с вами.

ПИСЬМО «ОТЦАМ ПОМОРСКИМ»

Отцам в Поморие пишет.

Четверокопечная колесница огненнаго течения, ревнители Илиины, нравы подобящися Крестителю, правыми стопами последовасте Христу: Саватие и Евфимий, Тимофей со Авксентием, молитесь бога о нас, грешных!

Вы постигосте верси горам, а мы получихом верси бедам; вы възидосте на бестрастие, а мы погрязохом во глубине страстей; вы со ангелы беседовасте, а мы по человеку правшися, яко с бесы; вы зряще к небеси, а мы влекущися долу.

Но надеющися на ваши отеческия молитвы, дерзаем со еретики братися до смерти по матери нашей, святей божией церкви. *Аще бог по нас, кто на ны!** Со Христом и большому волку, хохлатой той собаке, глаза вырву, не жели щенятам. Молитесь только вы о нас, крепко и неослабно, господа ради, отцы святии. Мне веть неколи пла-

кать: всегда играю со человеки, таже со страстьми и похотьми бьюся, окаянный. Ведаете и сами: *беседы злы тлят обычаи благи* *. В нощи что пособию, а в день рассыплю, — волен бог, да и вы со мною. Бью челом вам не всклонно, не презирайте бедную мою, злосмрадную душу; молитесь, молитесь о грешнем Аввакуме протопопе.

Старец Епифаний, мир дав, благословения зашего отеческаго просит.

Еще же коленам вашим касаюся: поминайте в молитвах жену мою бедную и дети и о всем домишку молитесь Христа моего и содетеля всех бога, да примете от него себе *славы неувядаемый венец* *. Паки, паки миром господу помолимся, господи помилуй!

Ну, простите, полно говорить. Вы молчите, но и я с вами престану говорить. Мир вам и благословение.

Пришлите мне гостинец какой-нибудь: или лошку, или ставец, или ино что. Али у самих нечево нет, бедные батюшки мои? Ну, терпите Христа ради! Ладно так! Я веть богат: рыбы и молока много у меня Христовою благодатию и пречистыя богородицы милостию и всех святых молитвами. Аминь.

ПИСЬМО ИОНЕ И МОИСЕЮ

Краегранесие: *Горних ищите, небесная мудрствуйте* *. Ей, аминь.

Отцы святии, Иона и Моисей, небесопарнии орли, пустынное воспитание, троицы вселение, благодати сосуд! Что вас наречем? Святии херувими ли — яко на вас почил есть Христос, серафими ли — яко непрестанно прослависте его, аггелы ли — тела бо отвратистесь? Многа ваша имена, а больша дарования. Молите непрестанно о нас, отцы святии, вас бо утвердил утвержеи ни на чем же землю повелением си.

Отцы святии! Вас утвердил утвержеи гром и зиждай дух. А я что? Сосуд гнева. *Где иду и камо бегу?* * Воистинну, истинно, поистинне, ей-ей, в правду Божию о себе свидетельствую, яко нищ есмь добродетельми, богат страстьми.

Отцы святии! Ничто же преславно богатаго взыскать и славнаго посетить, но се чудно, аще сироту взыщет кто, яко же мене, осиротевша бога и человек. Ей, нет близ мене дружка, кто бы поправил кривую душу мою,

один старец и тот, яко же и аз, пес ловчий, заклепан, да не пужает поганых зверей — волков и льстивых лисиц. Аще и снидемся на мал час, не ведаем, что друг другу рещи: вопрошить или отвещать. Ведаете, мню: *Обыдоша ны пси мнози, сонм лукавых одержаша нас**.

Молю вы, грешный п[ротопоп]²⁸, исправляйте недостатки мои молитвами; ин, яко в море утопающе, — весло подай, ин — шест или д[о]ску верзи ми, изряднее же, подщася рукою, извлещи мя из глубины. Аще кто полиет слезы на нозе Иисусовы, — велика ми помощь слеза теплая пред образом царицы небесныя, а иже кто лишен дара сего, — воздохни о мне, грешнике, яко Ануфрий Великий* воздыханием горы поколеба, аще ли ни, — припомяни господи ради со оглашенными. Что же делать? И мало за велико поставит бог. Немного и Моисей при мори моляшеся, но токмо возведе горе очи сердечнии, и рече ему бог: «Моисею, Моисею, что вопиеша ко мне?»

Видите ли, избранныи божии, коль скор господь просящим у него истинною? Моисей, от фараона угнетаем, молча очи на небо возведе, а бог свидетельствова и рече: «Что кричишь, Моисей? Ударь жезлом по воде, и будет ти сух путь посреде воды и воды»*. Аще тамо един Моисей неблагодарнаго Израиля 600 000* избави от фараона руки, а здесь вас, уповаю, за Волгою, на родине моей, не един, не два, но яко звезд без числа, вопиющих ко Христу, сыну божию, день и ношь.

Всем вам мил ся дею, у всех прошу молитвы. Афонасей Зубов с Лукою Рубашешником*, обойдите со Христом вертепы и пещеры, и разсели горския, и болота, и дебри, иде же витают святии мужие и жены, и отроки, и отроковицы, и испросите мне у всех дара, любезнаго мною, дара честнейшаго, паче солнца и света, глаголю, — молитву. А я с вами²⁹, пред всеми пад, лежу невсклонно. Умилитесь, райстии житилие, богатии — о нищем, свободнии — за пленника. Весь ваш zde и во грядущем. АМИНЬ.

ПИСЬМО «СТАРИЦЕ КАПТЕЛИНЕ»

Старица Каптелина Мелентьевна, Гликерьяна дочь! Не ты ли со отцем и с матерью жила во дворе моем, девушка? Помнишь, я у вас бывал, возлюбих бо тя паче

²⁸ В рукописи только буква *п* — в кружке.

²⁹ Исправлено, в рукописи: *свечи*.

всех ваших домашних красот? Мать твоя меня подбивает, а ты, утенка маленькая в те поры была, поглядела на меня да воздухнула. Ну, вздыхай же и ныне о мне, да и всем матушкам тем обо мне бей челом: я твой, ты моя.

Миленькая моя чернушечка, как ты назову? Виноград едемский именую ты и Ноев славный ковчег, рай словесный, крин краснопеснивый, голубица нескверная, ластовица сладкоглаголивая*. А как ты подвизаешься на борителя-врага и душеядца дьявола?

Каптелина, а Каптелина! Люби бесчестие, люби укорение, досаду, понос и уничижение, люби худость ризную, пищу тонкую, неумовение, труды и молитву беспрестанную.

Каптелина, а Каптелина! Егда ты обыдут внутренние скимни рыкающе восхитити и испросити у бога пищу себе*, еже есть бесове и лукавии помыслы, в то время стани крепче лицом душевным пред господа и воззови: «Боже, за молитв святых отец наших, помилуй мя и горемыки ради, отца моего, радости моя, избави мя от обшедших мя», — да лбом о землю. «Заступнице христяном, мати царя вышних сил, заступи мя и избави от сети чюжаго», — да паки лбом о землю.

Я все так-то деруся с разбойниками теми. Да на левую ту страну и плюну, рекше: «Отступи, неприязнь, и иди тамо, иде же человек не живет, но токмо един бог призирает. Аз есмь раб грешный Исуса Христа, распятаго за нас, обещахся язвы его носить на себе, а не блудить»*. Да милость божия бывает, Каптелина, дьяволе же во мне и уснут домашние, сиречь мысли те поганые.

А как, Каптелинушка, маленько оплошись — так беда тогда случается: миршны захочю или ризами себя украсить, да старое то житие на ум побредет, как з друзьями важиванось: пито, да едено, да плясывано, да и все по тому. И ты, петь, себе внимай: каков веть ум-от мой, таков и твой, не давай ему на колесах тех ездить. Писано есть: Сьюзиме плоти смиряется сердце, ботёющу сердцу свирепеют помышления*.

Знаешь ли речь ту сию Сирахову? А то говорит, как-де плоть та изнемождает, либо помелешь, или потолчешь, или у сестры заход выпрячешь*, мотылу ту под гору вытаскаешь шолковыми теми руками, так сердце то смирится и звери все спать полягут. А как-де сердцу тому разботеющу, сиречь обленись потрудиться, а тому на умишко то кичение прападет, да и одолят ты помыслы лукавые, да и печаль наведут, да и тужить станешь о

сыне и о матери, и о миршине восплачеша, и раскаяние на аггельский мнишеский чин, и на окормителя своего вознегодуети, да и во всю пагубу поринешися со дьяволом.

Сего ради Ефрем святой рече: «чернечествуи умови, чернечествуи духови, чернечествуи взору и ступанию, и глаголанию, вопросу и ответу»*, и все по тому. А без благословения окормителя своего не твори дела никакова, всегда поучайся благим, да же злым не поучаешься. Писано: «неокормленнии падают, яко листвеи»*. И паки писано: «земля есть делание — естество наше, делатель же — воля, советницы же и учителя наши — святое писание».

Слышала ли речение се коротенько да красненько? Ори землю ту, одушевленную свою плоть, изволом добрым, прибегая ко святому писанию, и оттоле черпай живая воды, напаяюща душа с телесы. Аще кто пьет от источник сих спасенных, не вжаждетя во веки. А иже Каптелине глаголю — всем глаголю Христовы ограды словесных овец, яко вси есте равно сынове и дщери завета и пророк, о всех и за вся умре Христос. И апостол рече: «несть иудей, ни еллин, несть раб, ни свободь, несть мужеский пол, ни женский, но вси едино есть о Христе»*. И сам господь к саддукеом рече: «в день он, егда воскреснут, ни женятся, ни посягают, но равни аггелом суть»*. Вот какво хорошо! Смесимся в одно стадо с горними силами и мужики, и бабы, и пареньки, и девушки. Во славе велицей и крепцей силе летать станут иноцы яко пернатии, а бельцы, по них ходяще, последуют в том же нетлении и плоти легцей, могущей по воздуху ездити.

Бабушечки — чернушечки, вонмите глаголемая, тогда бо, тогда нынешний нрав добродетельный во аггела претворит или злый нрав непокоривый в беса претворит. Приклоните уши ваши во глаголемое: не риза спасет, но нрав, не место пустынное, но обычай благий. Слушайте же совета моего к вам, любезным моим: *повинуйтесе наставником вашим и покарятесе, и яко от уст божиих заповеданная от них храните**.

Есть во Отечнице* писано: прииде Иван Лествечник во обитель ко Ивану Великому. И рече Великий к Лествечнику: «Хощеши ли да покажу ти раба божия?» И отвеща Лествечник: «Хощу, честнейший отче». И седше им ясти за трапезою. Возва Иван Великий ветха деньми и сединами украшена диякона Лаврентия из-за стола: «Гряди семо, Лаврентий!» Он же скоро воспрянув, не ядше, предста у трапезы игуменовы, зря на игумна Иванна, яко

на Христа, не смея спросити, чего для возва. Иван же с Лествечником беседуя, ничто Лаврентию не рече во весь обед. Егда же отиде стол, посла Иван Лаврентия не ядша ко Исидору осужденному, Железному, повеле псалом 39 изглаголати. Удиви же ся Лествечник таковым седином послушания. И потом скончася Лаврентий, искипе миро из ног его в показание послушникам, и нетленно яви бог тело его трудолюбное.

Видите ли, матушки, каковы плоды растут от послушания? Воньми, прежде да же избери себе наставницу руководства небеснаго неблазнену, и егда подклониши главу свою, не моги таити от нея дел своих и помышлений. Аще заповесть ту, что и во мнящихся злых тобою, — должна есми послушати, разве ереси и блуда, и пиянства — вина неразворенаго, — сего не подобает послушати. А аще и мясо велит, искушая тя, ясти — яждь, аще и спать велит — спи, аще и биет тя — терпи, аще и не кормит — терпи, аще и злословит — молчи, послала — беги, не велела — возвратись, дала что — приими, отняла — поклонись, да и вся по тому приеми Христа ради заповеданная, без ропоту служба, яко богу, а не человеку, о Христе Иусе, господе нашем, ему же слава и ныне и присно, и во веки веком. Аминь.

Паки всем мир и благословение, чтущим ч послушающим. Простите, други мои, светы, о господе.

ПИСЬМО «ДВУМ ДЕВАМ»

Господи Иусе Христе, сыне божий, помилуй нас.

Раб и посланник Иус Христов волею божиею и юзник о господе о предании отеческом п[ротопоп] А[ввакум]³⁰ двум девам, Е[вдокее] и Е[...]³¹, радоватися и здравствовати о Христе.

Слышу я, чада Сионя, о вас, яко странствуете господа ради, вся, яко уметы, вменисте*, богатство и славу века сего, — добро и благоприятно.

Евдокея, Евдокея, почто гордаго беса не отринешь от себя? Высокие науки и[с]чешь, от нея же падают богом неокормлени, яко листвие*. Что успе Платону и Пифагору и Демостену со Аристотелем?* Коловратное течение тварное разумеюще, от ада не избывше.

³⁰ В рукописи только буквы *п* и *А* под титлами.

³¹ В рукописи только две буквы *Е* под титлами; имя одной из «дев» упоминается далее: Евдокея.

Дурька, дурька, дурищо! На что тебе, вороне, высокие хоромы? Граматику и риторику Васильев, и Златоустов, и Афанасьев * разум обдержал. К тому же и диалектик, и философию, и что потребно, — то в церковь взяли, а что непотребно, — то под гору лопатою сбросили. А ты кто, чадь немощная? И себе имени не знаешь, нежели богословия оттоле составляти. Ай, девка! Нет, полно, меня при тебе близко, я бы тебе ощипал волосье за граматику ту.

Есть, госпоже моя, Ефрем Сирин пишет, Слово 3: «может бо духовно слово добре живущих верою без граматикки и риторикки препрети»*. Вера есть мати всякому делу благу. Не прелагаю пределы, яже положиша отцы, и держи преданное неизменно*. Креститися подобает, якоже прияхом, веровати же, — яко крестихомся*.

А то возвони во уши твои, сопостат, священство упражняешь*, да и таинство, люторски и кальвински. Забрела ты, друг, во глубину зол. Воспряни! Понеже ни сам диявол упразднити может священнотаинства, нежели антихрист с чадию. Рече учеником своим владыка: «аз есмь с вами до скончания века*. Аминь». Глава наша Христос, царь и архиерей сый, коли устав упразднити попустит? Не блазися, чадо! Аще изгнано будет священство, но не до конца погибнет. Ну, простите.

„О трех исповедницах слово плачевное“

Месяца ноября во второй день сказание отчасти доблести, и мужестве, и изящном страдании, терпении свидетельство благоверных княгини Феодосии Прокофье[в]ны Морозовы и преподобномученицы, нареченныя во инокинях схимницы Феодоры.

О трех исповедницах слово плачевное.

В лето...¹ быша три исповедницы, жены — болярони: глебовская жена Ивановича Морозова Феодосья Прокопьевна, во инокинях Феодора-схимница, и сестра ей бе, нарицаемая княгиня Урусова, Евдокея Прокопьевна, с ними же дворянская жена Акинфея Ивановича Данилова Мария Герасимовна. Беша бо Феодосья и Евдокея дочери мне духовныя, иместа бо от юности житие воздержное и на всяк день пение церковное и келейное правило. Прилежаше бо Феодосья и книжному чтению и черплюще глубину разума от источника словес евангельских и апостольских. Бысть же жена веселообразная и любовная.

Многими дньми со мною беседующе и рассуждающе о душевном спасении. От уст бо ея аз, грешный протопоп, яко меда насыщашеся. Глаголаше бо благообразная ко мне словеса утешительная, ношаше бо на себе тайно под ризами власяницу белых власов вязеную, безрука-

---

¹ В рукописи далее почти две строчки выскоблены; с трудом можно прочесть во второй строке: отступника христианского.

вую, да же не познают человецы внешнии. И, таящися, глаголюще: «не люблю я, батюшко, егда кто осмотрит на мне. Уразумела-де на мне сноха моя, Анна Ильична*, борисовская жена Ивановича Морозова. И аз-де, батюшко, ту воласяницу искинула, да потаемне тое сделала. Благослови-де до смерти носить. Вдова-де я молодая после мужа своего, государя, осталася, пускай-де тело свое умучю постом, и жажду и прочим оскорблением. И в девках-де, батюшко, любила богу молитися, кольми же во вдовах подобает прилежати о души, вещи бессмертней, вся-де века сег[о] суета тленна и временна, преходит бо мир сей и слава его. Едина-де мне печаль: сын Иван Глебович молод бе, токмо лет в четырнатцеть; аще бы ево женила, тогда бы и, вся презрев, в тихое пристанище уклонила». О свет моя, чево искала, то и получила от Христа!

Бысть же в дому ея имения на двесте тысящ или на полтретьи, и христианства за нею осмь тысящей, рабов и рабыней сто не одно, близость под царицею — в четвертых боярнях. Печаше бо ся о домовном рассуждении и о христианском исправлении, мало сна принимаше и на правило упражняшеса, прилежаше бо в нощи коленному преклонению. И слезы в молитве, яко струи, искождаху изо очей ея. Пред очима человечесима ляжет почивати на перинах мяхких под покрывалы драгоценными, тайно же снидет на рогозину и, мало уснув, по обычаю исправляше правило. В банях бо тело свое не парила, токмо месячную нужду омываше водою теплою. Ризы же носаше в доми с заплатами и вшами исполненны, и пряслице прилежаше, нитки делая. Бывало, сижю с нею и книгу чту, а она прядет и слушает, или отписки девицы пред нею чтут, а она прядет и приказывает, как девице грамота в вотчину писать. И нитки — свои труды — ночью по улицам побредет, да нищим дает. А иное рубах нашьет и делит. А иное денег мешок возьмет и роздаст сама, ходя по кресцам, треть бо имения своего нищим отдая. Подробну же добродетели ея не достанет ми лето повествовати, сосуд избранный видеша очи мои.

Бысть же в Петров день пожар великий в Москве, и приближающся огонь ко двору ея; аз бо замедлив в дому Анны Петровны Милославские*, добра же ко мне покойница была. Егда бо приходх к Феодосье в дом, и двое нас, отшед, тайно молебствовали, быша бо слезы от очию ея, яко река, воздыхание бо утробы ея, яко пучина мор-

ская колебашеся, глас же тонкий изо уст ея гортанный исхождаше, яко ангельский: «увы! — глаголаше, — боже, милостив буди мне, грешнице!» И поразится о мост каменной, яко изверг некий, плакавше. Чюдно бе видимое: отвратило пламя огненное от дому ея, усрамився молитвы ея сокрушенныя. Обыде и пожже вся окрест дому ея, а за молитв ея и прочих не вредило тут. Аз же тому бысть самовидец сам, и паче слуха видения: моя молитва при ней, яко дым, ея же изо уст, яко пламя, восхождаше на небо.

Еще ж она, блаженная вдова, имела пред враты своими нища клосна и расслабленна. Устроили ему келейцу, и верная ея Анна Амосова покоила его, яко матери чадо свое, и гнойные его ризы измываху, и облачаху в понявы мяккие. Сама же по вся нощи от него благословение приемлюще, рабыня же не отлучашеся от нищаго по вся времена.

Егда же рассвирепела буря никониянская и сослали меня паки с Москвы на Мезень* во отоки акиянския, она же, Феодосья, прилежаше о благочестии и бравшеша с еретики мужественно, собираше бо други моя тайно в келью к преждереченному нищему Феодоту Стефанову и писавше выписки на ересь никониянскую, готовляше бо ожидающе собора праваго. И уразумевше бо сродники ея Ртищевы, и наустиша холопей ея воровским умыслом, и оклеветают ю ко царю. Царь же, лаская ея, присылал к ней ближних своих Иякима* архимарита, патреарха нынешняго, развращая ея от правоверия. Она же глагола мужественно: «аще-де и умру, не предам благоверия! Издетска бо обykle почитать сына божия и богородицу, и слагаю персты по преданию святых отец и книги держю старыя, нововводная же ваши вся отмещу и проклиная вся! Аще-де вера наша старая неправа суть, но яко же есть права и истинна, яко солнце на поднебесной блещашеся. Скажите ц[арю] А[лексею]: «почто-де отец твой, царь Михайло так веровал, яко же и мы? Аще я достойна озлоблению, — извергни тело отцово из гроба и передай его, проклявше, псом на снесь. Я-де и тогда не послушаю». Посланницы же возвратишася вспять и поведавше царю, яже от нея слышавше. Он же повеле ей с двора не съезжать и отнял лутчие вотчины — две тысящи христиан. А холопи в приказе клеветают на ню, яко блудит и робят родит, и со осужденным Аввакумом водится. Он-де ея научил противитися царю.

Потом приехал в дом к ней сродник ея, Феодор Ртищев, шиш антихристов, и, лаская, глаголаше: «сестрица, потешь царя тово и перекрестися тремя перстами, а втайне, как хочешь, так и твори. И тогда отдаст царь холопей и вотчины твоя». Она же смалодушничала, обещалася трема персты перекреститися. Царь же на радостях повеле ей вся отдать. Она же по приятии трех перст разболевся болезнию и дни с три бысть вне ума и расслаблена. Та же образумяся, прокляла паки ересь никониянскую и перекрестилася истинным святым сложением, и оздравела, и паки утвердилася крепче и перваго.

Та же паки меня с Мезени взяли, протопопа Аввакума. Аз же, приехав, отай с нею две нощи сидел, несытно говорили, како постражем за истинну, и аще и смерть приемем — друг друга не выдадим. Потом пришел я в церковь соборную и ста пред митрополитом Павликом, показуяся, яко самовольне на муку приидох. Феодосья же о мне моляшеся, да даст ми ся слово ко отвержению устом моим. Аз же за молитв ея пылко говорю, яко дивитися и ужасатися врагом Божиим и нашим наветникам.

И так и сяк, сослали меня в Боровеск, в Пафнутьев монастырь. Она же за мною прислала ми потребная. И, держав мя десять недель, паки возвратили в Москву. Она же со мною не видалась, но приказывала: «ведаю-де я, хотят тебя стричь и проклинать. Обличай-де их с дерзновением. На соборище том-де я буду и сама». И я таки, бедной, за молитв ея столько напел, сколько было надобе. Потом сослали на Угрешу меня за крепостию велиею. Она же и туде потребная присылалаше ми. Потом перевезли паки в Пафнутьев монастырь. Она же потребная присылалаше ми и грамотки. Потом паки мя в Москву ввезли. Она же, яко Фекла Павла ищущи, — увы мне, окаянному! — и обрете мя, притече во юзилище ко мне, и по многим временам беседовахом. И иных с собою привождаше, утвержая на подвиги. И всех их исповедал во юзилище: ея и Евдокею, и Иванушка, и Анну, и Неонилу, и Феодора, и святаго комкания сподобил их. Она же в пять недель мало не всегда жила у меня, словом Божиим укрепляяся. Иногда и обедали с Евдокеею со мною во юзилище, утешая меня, яко изверга.

Егда же я взят бысть палестинскими, и переселиша мя на горы Воробьевы с Лазарем и со старцем Епифанием; и бысть крепко там, и невозможно видеться. Она же умыслила чином, по-боярскому в коретах ездила, быт-

то смотрит пустыни Никоновы, и, назад поедучи, заехала на Воробьевы ко мне и, будучи против избы, где меня держат, из кореты кричит, едучи: «благослови, благослови!» А сама бытто смеется, а слезы текут. Потом же так и сяк, ввезли мя паки в Москву на подворье Никольское. Она же по много прихождаше ко вратом двора того и стерегушим воином моляшеся, насилу обрела такова сотника, яко пустил на двор ея. Она же, прибежав к окну моему, благодарит Христа, яко сподобил бог видетися, и денег мне на братью дала. Да паки, ко вратом приходя, плакивала. Да и только видания.

Потом меня в Пустоозерье свезли, и писанием еозвещахуся. Она же после меня бродила по юзилищам, идеже мучатся мученики. Потом тайно и постриглась, зидевше, яко зверь ища конца ея.

Егда же время приспе, женскую немощь отлежше, мужескую мудрость восприемше, и на муки пошла, Христа ради мучитися. Зверь бо, яко лукавый лис, восхитил ю из дому и предал за приставство воинству, бесчестя и влоча на чепях, яко льва оковану. И сестру ея Евдокею и княги[н]ю так же, мучиша обеих на чепях без милосердия. К ним же последи присовокупиша и Марию Герасимовну, и бысть троица святая, непорочная.

По смотрению же божию скоро преставися Феодосий сын единородный, Иван Глебович, и вся вотчины и домовная быша в разграблении. Она же вся, яко уметы, вменила ради сына божия. У Евдокеи же княгини преставися дочь во время ея мучения. И еще трое деточек осталось со отцем своим, с князь Петром Урусовым. Писала из своя темницы в темницу ко мне, зело о них печаловаше, еже бы во православии скончались. Токмо въздыхает и охает: «ох, батюшко, ох, свет мой! Помолись о детушках моих, ничтоже мя так, якоже дети, крушат. Помолись, свет! Помолись, батюшко!» Да тож, да тож одно говорит — целой столбец, и другая целой же столбец, и третья тако же. Ковыряли руками своими последнее покаяние, и рукава прислали рабам своим от чепей с ошейников железом истертые, а с Марьины шеи полотенцо железное же. Аз же, яко дар освящен, восприях и облобызах, кадилком кадя, яко драго сокровище, покропляя слезами горькими.

Егда же оне быша в Москве, тогда и на соборище водили их. Говорит мне: «в сей рубахе была, батюшко, на соборе я, и по многом прении последним запечатала: „все-

де вы еретики, власти, от первого и до последнего! Разделите между собою глаголы моя!» Тако же и Евдокея и Мария, не яко жены, но яко мужие, обличиша безбожнаго иудеянина. И быша все три на пытке пытаны, и руки ломаны, Мария же и по хрепту биена бысть немилостиво. И приступи к ним, вопрошая, верной Ларион, Иванов сын: «еще ли веруете во Христа распятого, и како персты слагаете, покажите ми!» Оне же единеми усты все трое исповедаху: «за отческое готовы умрети! Аще и умрем, не предадим благоверия! Отъята буди рука наша, да вечно ликовствует, такоже и нога, да по царствии веселится, аще же и глава, да венцы вечными увяземся, аще и все тело огню предашь, и мы хлеб сладок святей троицы испечемся». Та же свезоша их в Боровеск на мое отечество, на место мученное, иде же святии мучатся, и устроиша...²

...звезда утренняя, зело рано воссияющая! Увы, улы, чада моя прелюбезная! Увы, други моя сердечная! Кто подобен вам на сем свете, разве в будущем святии ангели! Увы, светы мои, кому уподоблю вас? Подобни есте магниту камению, влекущу к естеству своему всяко железное. Тако же и вы своим страданием влекуще всяку душу железную в древнее православие. Исуше трава, и цвет ея отпаде, глагол же господень пребывает во веки. Увы мне, улы мне, печаль и радость моя осажденная, три камня в небо церковное и на поднебесной блещашеся! Аще телеса ваша и обещена, но душа ваша в лоне Авраама, и Исаака, и Иякова.

Увы мне, осиротевшему! Оставиша мя чада зверям на снадение! Молите милостиваго бога, да и меня не лишит части избранных своих! Увы, детоньки, скончавшиися в преисподних земли! Яко Давид вопию о Сауле царе: горы Гельвульския, пролиившия кровь любимых моих, да не снидет на вас дождь, ниже изливается роса небесная, ниже воспет на вас птица воздушная, яко пожерли телеса моих возлюбленных! Увы, светы мои, зерна пшеничная, зашедшия под землю, яко в весну прозябшия, на воскресение светло усрящу вас! Кто даст главе моей воду и источник слез, да плачу друзей моих?

Увы, улы, чада моя! Никтоже смеет испросити у никониян безбожных телеса ваша блаженная, бездушна, мертва, уязвенна, поношеньми стреляема, паче же в рогожи оберченна! * Увы, улы, птенцы мои, вижду ваша уста без-

---

² Здесь, очевидно, утрачена часть текста.

гласна! Целую вы, к себе приложивши, плачущи и облобызающи! Не терплю, чада, бездушных вас видети, очи ваши угаснувши в дольних земли, их же прежде зрях, яко красны добротою сияюща, ныне же очи ваши смежны, и устне недвижимы.

Оле, чудо! о преславное! Ужаснися небо, и да подвижатся основания земли! Се убо три юницы непорочныя в мертвых вменяются, и в бесчестном худом гробе полагаются, им же весь мир не точен бысть. Соберитесь, рустии сынове, соберитесь девы и матери, рыдайте горце и плачите со мною вкупе друзей моих соборным плачем и воскликнем ко господу: «милостив буди нам, господи! Приими от нас отшедших к тебе сих души раб своих, пожерших телеса их псами колитвенными! Милостив буди нам, господи! Упокой душа их в недрах Авраама, и Исаака, и Иякова! И учини духи их, иде же присещает свет лица твоего! Видя виждь, владыко, смерти их нужныя и напрасныя и безгодныя! Воздаждь врагом нашим по делом их и по лукавству начинания их! С пророком вопию: воздаждь воздаяние их им, разориши их, и не созиждещи их! Благословен буди, господи, во веки, аминь».

ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Отмечая историческое значение деятельности Аввакума Петрова, Алексей Толстой писал: «...в омертвелую словесность, как буря, ворвался живой, мужицкий, полнокровный голос. Это были гениальные «Житие» и «Послания» бунтаря, неистового протопопа Аввакума»¹. Хотя мы не согласимся с определением русской литературы XVII века как «омертвелой словесности», но характеристика А. Толстого в немногих словах схватывает самую суть «бунтарского» творчества Аввакума. Хорошо известны увлечение Максима Горького Аввакумом и принадлежащая ему оценка языка и стиля произведений этого писателя как «непревзойденного образца пламенной и страстной речи бойца»².

«Житие» было одной из самых любимых книг многих деятелей русской культуры. Личность Аввакума и его сочинения привлекали внимание и вызывали восхищение русских писателей нового времени — Л. Толстого, И. Тургенева, Ф. Достоевского, Н. Лескова, И. Гончарова, Н. Чернышевского, В. Гаршина, Д. Мамина-Сибиряка, И. Бунина. Литературное наследие Аввакума оказало и оказывает воздействие на творчество ряда советских писателей, среди которых в первую очередь следует назвать Леонида Леонова, о чем свидетельствует и его собственное признание: «По своему языку, по своему эпическому темпераменту для меня имело большое значение

---

¹ Толстой А. Н. Полн. собр. соч. Т. XIII. М., 1949, стр. 362.

² Горький М. Собр. соч. в тридцати томах. Т. 27. М., 1953, стр. 160.

«Житие» протопопа Аввакума — замечательный памятник XVII века»³.

Деятельность Аввакума стала предметом специальных литературоведческих исследований как советских (В. В. Виноградов, Н. К. Гудзий, В. Л. Комарович, Д. С. Лихачев, В. И. Малышев, А. Н. Робинсон, Н. С. Сарафанова-Демкова и др.), так и зарубежных (П. Паскаль, Р. Ягодич, Б. Илек, С. Зеньковский, В. Якубовский, П. Гауптман и др.) ученых. Их усилиями смысл и значение творчества Аввакума раскрыты достаточно глубоко, хотя новые материалы и неослабевающее внимание специалистов к произведениям писателя, несомненно, позволят дать еще более полное представление о его деятельности.

Аввакум Петров был самым крупным идеологом того религиозно-общественного движения, которое вошло в историю под неточным названием «раскола», или «старообрядчества». Советской исторической наукой неопровержимо доказано, что раскол XVII века был массовым, демократическим в своей основе, антифеодальным движением. В силу объективных социальных условий он оказался закономерной, но исторически ограниченной формой выражения протеста масс против усиливающегося церковно-феодального гнета. Незрелость общественных отношений в ту эпоху, незрелость классового сознания патриархального крестьянства, неоднородный социальный состав участников раскола, а также мистические настроения некоторых его руководителей — все это определило идеологически противоречивый характер движения. Исторически неизбежная и единственно возможная тогда религиозная оболочка политического протеста демократических слоев феодального общества затушевывала, а иногда и совсем скрывала от участников раскола его подлинную социальную сущность.

Методологической основой для советских исследователей раскола послужил труд Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии», где содержится важный вывод о разнообразии форм классовой борьбы в феодальном обществе: «Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженной борьбы»⁴. Обобщая и осмысливая другие исторические факты, В. И. Ленин открыл одну важную общую закономерность, которую необходимо учитывать и при изучении раскола: «...выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития...»⁵ Только марксистский, конкретно-ис-

---

³ Подборку высказываний деятелей русской и советской культуры об Аввакуме см. в заметках В. И. Малышева: Труды Отдела древней русской литературы (в дальнейшем ТОДРЛ), 1951, т. VIII, стр. 388—391; 1953, т. IX, стр. 403—404; 1954, т. X, стр. 435—446. См. также: Робинсон А. Н. Творчество Аввакума и Епифания, русских писателей XVII века. — В кн.: Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты. М., 1963, стр. 3—10.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 7, стр. 361.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4, стр. 228.

торический анализ раскола позволил раскрыть под религиозной оболочкой его реальное содержание и понять объективный смысл деятельности его идеологов⁶.

1

Противоречивая сущность раскола определила и противоречивый характер деятельности Аввакума. Будучи священником, он вместе с тем был плотью от плоти простого народа, «по рождению и по миросозерцанию истинным сыном крестьянской среды»⁷. И хотя Аввакум вряд ли ясно сознавал действительное социальное содержание происходящих событий, но, связанный бесчисленными духовными нитями с представителями различных слоев русского общества, он объективно был выразителем народных настроений, воплотил во всей своей деятельности, в том числе и литературной, дух антифеодального движения — страстную непримиримость, гнев, волю к борьбе, бескомпромиссную готовность стоять насмерть за свои идеалы, — все те чувства, которые клочкотали в душе народа, пока еще поработанного и темного, опутанного цепями феодального гнета и религиозных предрассудков.

Аввакум Петров родился в 1620 или в 1621 году в селе Григорове, Нижегородского края, в семье священника⁸. О его детстве известно очень немного. Надо думать, оно мало чем отличалось от детства его сверстников — крестьянских детей. От забот и тягост, столь характерных для быта сельского духовенства, отец Аввакума находил утешение в «питии хмельном»; воспитанием детей, видимо, больше занималась мать — «постница и молитвеница», которая и внушила сыну глубокое религиозное чувство. В ранней молодости Аввакум осиротел — отец умер, мать ушла в монастырь. Семнадцати лет Аввакум женился на четырнадцатилетней дочери кузнеца. По неизвестным причинам через некоторое время он был изгнан из родного села в Лопатищи, Нижегородского края, и здесь в 1642 году был рукоположен в дьяконы, а через два года — в священники. В 1647 году Аввакум был вынужден с женой Анастасией Марковной и новорожденным сыном бежать в Москву от преследований местных властей. В столице он заручился поддержкой влиятельного

---

⁶ Из работ последнего времени укажем на статью А. И. Клибанова «Протопоп Аввакум как культурно-историческое явление» (История СССР, 1973, № 1, стр. 76—98). См. также первый раздел нашей статьи «Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века» (в кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Под общей редакцией Н. К. Гудзия. М., 1960, стр. 5—16), переработанным вариантом которой является статья в настоящем издании. Автор сократил части, непосредственно не относящиеся к литературному творчеству Аввакума, уточнил и конкретизировал некоторые положения с учетом новых исследований, а также расширил и дополнил сведения, связанные с темой «Аввакум и Сибирь».

⁷ Никольский Н. М. История русской церкви. М.—Л., 1931, стр. 119.

⁸ Точная дата рождения Аввакума не установлена. См.: Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания, стр. 217.

церковного деятеля царского духовника Стефана Вонифатьева и возвратился в Лопатищи, где нашел свой дом разоренным. Связанный с образовавшимся в Москве в конце 1640-х годов кружком «ревнителей благочестия», Аввакум добросовестно осуществлял в своей деятельности его программу исправления нравов, чем снова навлек на себя гнев «начальников»⁹. В конце концов он вынужден был совсем покинуть Лопатищи и переехал в Юрьевец-Повольский, где стал протопопом, но и там продержался недолго, причем здесь восстановил против себя уже и духовенство и прихожан суровой проповедью нравственности. Оставив семью в Юрьевце, он снова появился в Москве в 1652 году и стал служить в Казанском соборе, настоятелем которого был его покровитель Иван Неронов. Аввакум начал играть видную роль в деятельности кружка «ревнителей благочестия» в переломный период его истории — в момент избрания Никона патриархом и подготовки церковной реформы. После заключения Неронова в Спасов-Каменный монастырь борьбу против нововведений патриарха возглавил Аввакум. Отказавшись служить в Казанском соборе по новому обряду, он демонстративно перенес службу во двор дома опального Неронова, приспособив для этой цели «сушило» (сеновал), где во время всеобщей схвачен и заключен в подземелье Андроникоза монастыря (в Москве). Здесь по распоряжению Никона его жестоко били и морили голодом, требуя признания нововведений, но Аввакум держался стойко.

17 сентября 1653 года Аввакум «за его многое бесчинство» был сослан с семьей сначала в Тобольск, где прожил с конца декабря 1653 по конец июня 1655 года, откуда в сопровождении красноярского «боярского сына» М. Кольцова, четырех енисейских казаков и илимского казака — в Енисейск к воеводе И. Анкифьеву с тем, чтобы тот переправил его дальше — в Якутский острог. Но новым указом Аввакуму было предписано из Енисейска отправиться под началом воеводы А. Пашкова в Забайкалье. На 40 дощаниках с 420 стрельцами и казаками Пашков отплыл из Енисейска 18 июля 1656 года и, поднявшись по Ангаре, достиг Братска 1 октября. Перезимовав в Братске, в мае 1657 года поплыл далее, через Байкал, по Селенге и Хилку до Иргень-озера (октябрь 1657 года), а оттуда волоком до р. Ингоды, затем по Ингоде и Шилке, достигнув в начале июля 1658 года устья Нерчи. В обратный путь из Нерчинского острога Аввакум с семьей и еще несколькими людьми отправился весной 1661 года; отстав от Пашкова, он отплыл с Иргеня в конце июля 1662 года, снова пересек Байкал, зимовал в Енисейске в 1662—1663 годах, а в Тобольске жил с конца июня 1663 года до середины февраля 1664 года и возвратился в Москву весной (не позднее мая) этого же года. Таким образом, Аввакум провёл в ссылке десять лет и восемь месяцев¹⁰. Он был одним из пер-

⁹ Кружок «ревнителей благочестия» возник в связи с необходимостью церковной реформы; наряду со служителями столичных церквей он включал и некоторых провинциальных священников. В деятельности кружка проявились различные тенденции. Оппозиционную часть возглавлял Иван Неронов; Аввакум был его единомышленником и преемником.

¹⁰ См.: Никольский В. К. Сибирская ссылка протопопа Аввакума. — Ученые записки, т. II. М., 1927. (Институт истории.)

вых ссыльных в Сибири. По возвращении сам Аввакум с горькой иронией отмечал: «Первые мы в тех странах с женою и детьми учились от патриарха в такой пагубной, паче же хорошей, ссылке».

За вычетом того небольшого срока, когда Аввакуму было еще разрешено служить в церкви в Тобольске, почти все эти годы он разделял условия походного быта казаков-землепроходцев, тянул в холодной воде дощаник, волок сани, валил и гнал по рекам строевой лес, ставил срубы, охотился на зверя, промышлял рыбьей...

Оказавшись в течение своей долгой ссылки в полной зависимости от жестокого воеводы Пашкова, Аввакум с семьей испытывали острую нужду и голод, выносили побои и издевательства. Двое его сыновей умерли. Несмотря на все это, он не пал духом и даже решился выступить против самого Пашкова. В Сибири, в сущности, и родилась слава Аввакума как героя и мученика за правду. Молва о его подвиге и стойкости распространилась по Руси, дошла до Москвы. Теперь Аввакум не ограничивался одной религиозной проповедью, но и обличал социальную несправедливость и даже, по словам Пашкова, пытался «учинить смуту» среди казаков. В представлении воеводы мятежный протопоп был таким же «вором», как и восставшие казаки на Байкале и в Верхотенске¹¹. Он превратился в опасного врага всего дела царя Алексея Михайловича. К этому времени Никон был уже отстранен от руководства церковью, и царь, фактически возглавивший реформу, предполагая склонить Аввакума милостью на свою сторону, весной 1662 года вызвал его из ссылки. Около двух лет длился обратный путь Аввакума в Москву, причем он «по всем городам и селам, во церквях и на торгах кричал», обличая новые церковные порядки. Принятый все же благосклонно в Москве, Аввакум и здесь проявил нетерпимое отношение к врагам. Царь и бояре старались переубедить его, прибегали к помощи его старых друзей, льстили ему, даже подкупали, но добились очень немногого — лишь на несколько месяцев хватило терпения мятежного протопопа. Он не только не менял своих убеждений, но в конце концов разразился гневной челобитной, самовольно стал восстанавливать старые обряды и открыто проповедовать свои взгляды, вследствие чего «запустошил церкви» в Москве. Царь и власти в августе 1664 года приняли решение снова сослать его — на этот раз на далекий север, в Пустозерск. По-видимому, Алексей Михайлович, в душе уважая независимость Аввакума, желал несколько смягчить приговор, но, не решаясь это сделать по своему почину, посоветовал Неронову (к тому времени примирившемуся с официальной церковью) написать челобитную с просьбой о милосердии к Аввакуму¹². Получив от Неронова челобитную, написанную очень искренне и убедительно, которую и сейчас нельзя читать без волнения, царь заменил место ссылки на Мезень¹³. Спустя полтора года, в марте 1666 года, Аввакум был привезен в Москву, где с февраля заседал церковный собор с участием представителей восточ-

---

¹¹ Малышев В. И. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме. — ТОДРЛ, 1953, т. IX, стр. 396, 398.

¹² См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. М., 1875, стр. 314—315.

¹³ Челобитную Неронова царю от 6 декабря 1664 г. см. в кн.: Материалы для истории раскола..., т. 1, стр. 198 — 201.

ных церквей. После бурной полемики во время «деяний» собора в мае 1666 года Аввакум был расстрижен и посажен на цепь в Никольском монастыре на Угреше. С середины мая его перевозили из монастыря в монастырь, а архимандриты, архиепископы и патриархи продолжали уговаривать его покаяться и примириться с церковью, но вынуждены были признать, что «тщетен труд и ждания бяше»¹⁴. 17 июля 1667 года был вынесен окончательный приговор собора о «расколу учителях», и Аввакум и его соратники были преданы «градскому суду», а в августе того же года сосланы в Пустозерск, «место тундряное, студеное и безлесное». Последовало пятнадцатилетнее «сидение» его в срубе и в земляной тюрьме.

Однако и «осыпанный» мерзлой землей, лишенный самого необходимого, без книг¹⁵, Аввакум продолжал свою деятельность, но уже в другой форме. Не имея возможности проповедовать в церквях и на торгах, он взялся за перо, а не случилось пера под рукой — писал «в темнице лучинкою». Из пустозерского «рва», с берега Печоры, из-за Полярного круга, через «верных людей» передавались пламенные послания Аввакума на Мезень, а оттуда в Москву и, переписанные «добрым письмом», распространялись по всей России. Никогда, может быть, раньше слава Аввакума не была так велика, а его деятельность так опасна для феодального государства, как теперь, когда власти сделали все возможное, чтобы заставить его замолчать. Огненные слова Аввакума, как искры, западали в души его многочисленных «духовных детей», воспламеняли тысячи и тысячи людей. Не без прямого воздействия пустозерских писаний началось и ширилось Соловецкое восстание (1668 — 1676 годы). Теперь Аввакум, обращаясь к царям, не столько уговаривал их, сколько угрожал. Так, в челобитной царю Федору Алексеевичу сказано, что отец его — царь Алексей Михайлович — угодил в ад. Это напоминание было тем более многозначительным, что Алексей Михайлович умер сразу же после подавления Соловецкого восстания, проклятый его участниками. В Послании всем «ищущим живота вечного» Аввакум писал, что «Соловецкий монастырь сломил гордую державу его» (царя. — В. Г.). В довершение всего церковному собору 1681 года стали известны факты распространения и даже открытой продажи сочинений Аввакума в самой столице. Вскоре последовал царский указ, и 14 апреля 1682 года Аввакум вместе с «союзниками» — попом Лазарем, иноком Епифанием и дьяконом Федором — были сожжены¹⁶.

Вся жизнь Аввакума была героическим служением идее, и умирал он, конечно, не за «единый аз», а за нечто гораздо для него более важное и дорогое. Мироззрение Аввакума было весьма

---

¹⁴ См.: Материалы для истории раскола... Т. II. М., 1876, стр. 82.

¹⁵ «Союзник» Аввакума Лазарь писал в челобитной царю Алексею Михайловичу: «Книг, государь, нам не дают лет больши десяти» (Материалы для истории раскола... Т. IV. М., 1878, стр. 224).

¹⁶ Решение царя Федора в известной мере было вызвано и тем, что сын Аввакума Афанасий, разделявший убеждения отца, мазал дегтем гробницу царя Алексея Михайловича. См.: Малышев В. И. Новые материалы о протопопе Аввакуме. — В кн.: Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы (ТОДРЛ, 1965, т. XXI, стр. 337).

противоречиво. Определить его как христианское — значило бы сказать очень мало и не вполне точно. В самой религиозности его было нечто противоречившее догмам христианского учения. В некоторых случаях он был настолько неканоничен, что повергал в смущение даже своих ближайших, ортодоксально настроенных друзей. Примечательным в этом отношении является его спор с дьяконом Федором по некоторым богословским вопросам, спор, в котором Аввакум, толкуя важнейшие догматы христианской веры, в сущности, сам впадал в ересь; не случайно впоследствии старообрядцы даже пытались отрицать принадлежность соответствующих сочинений Аввакуму, а признававшие их истинность подвергались особым гонениям в своей же среде¹⁷. Аввакуму было чуждо отвлеченно-схоластическое мышление. Христианские понятия и символы приобретали у него материализованное выражение. Он отступает от признания нераздельности троицы, в своих сочинениях воскрешает старую апокрифическую легенду о сходе Христа в ад, выражавшую социально-утопические надежды угнетенного народа. Рай, в представлении Аввакума, наполнен материальными благами: «жилища и полаты стоят», а в палате «стоят столы, а на них настлано бело. И блюда с брашнями стоят...» В рай — в его «узкую щель» — не пролезут «толстобрюхие». Это — рай угнетенных, изможденных не только постом и молитвой, но и трудом и голодом. Страшный суд он рисует как расправу преследуемых над теми, кто сейчас у власти: последние попадут «под начал» первым. «Надеюсь на Христа, яко будете у меня в руках, — угрожает Аввакум, — выдавлю из вас сок-от!» Так в самом религиозном учении Аввакума своеобразно проявились настроения угнетенных масс.

Важной стороной мировоззрения Аввакума было его убеждение в том, что все в мире «наделано для человеков». Жизнь человека должна быть деятельной, ее следует наполнять добрыми делами для других людей: «Когда от века слышать, еже бы мертвый что доброе сотворил? Токмо видим воню от гроба злосмрадну исходящу и червьми тело растлсваемо, понявою повиваемо и землю покрывасмо». Своеобразный гуманизм Аввакума проявляется и в утверждении им права всех людей в одинаковой мере пользоваться благами жизни, в отрицании им какого-либо исключительного права, доставляемого привилегированным положением в обществе: «Али ты нас тем лутчи, — обращается он к Ф. П. Морозовой, — что боярыня? Да одинако нам бог распростре небо, еще же луна и солнце всем сияет равно, такожде земля, и воды, и вся прозябающая по повелению владычню служит тебе не больши, и мне не меньши». Можно найти немало других подобных примеров, которые позволяют говорить о присущей ему демократической в своей основе идее равенства людей, лишь приобретшей религиозную оболочку, но вполне отвечающей социальным чаяниям народных масс¹⁸. С большой теплотой и участием Аввакум относился к простому, трудящемуся человеку, понимая тяжесть его жизни: «Он, мой бедной, мается шесть-ту дней на трудах».

¹⁷ См.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898, стр. 235—237. Приложения, стр. 091—092.

¹⁸ См.: Сарафанова [Демкова] Н. С. Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума. — ТОДРА, 1958, т. XIV, стр. 385—390.

Но, с другой стороны, в мировоззрении Аввакума было немало и крайне реакционного. Это проявлялось в мистических элементах его учения, в его отношении к науке и просвещению, в признании им нерушимости всех старых обычаев и порядков, в его традиционном для средневековья отношении к женщине.

Характер Аввакума был также сложным, противоречивым. К своим врагам он относился беспощадно, даже жестоко, угрожал им такими казнями, которые сам в других случаях осуждал; но в то же время он искренне жалел «заблудших» никониан, готов был им все простить и молиться за них. Столь же крутые переходы от нетерпимости к состраданию появлялись у Аввакума в отношениях с близкими ему людьми. Весьма показательным, например, его обращение с «дочерью духовной» Еленой: подвергнув ее тяжелому наказанию, он тут же с трогательной заботливостью утешает ее и предлагает свою дружбу: «...оба мы равны. Видала ли ты? — земские ярышки друг друга не осужают. Тако и мы». С другой стороны, даже единомышленников, разделивших его участь, но в чем-то несогласных с ним, Аввакум не щадил, прибегая подчас к недостойным приемам, как это было, например, в полемике с дьяконом Федором, у которого по навету Аввакума стрельцы похитили рукопись, а самого его избили. Аввакуму было присуще критическое отношение к себе, сочетавшееся в то же время с гордым сознанием своего избранничества, своего чуть ли не апостольского дара чудотворения и пророчества. Шепетильный в вопросах морали, требуя от себя и от других строгого соблюдения «правил» христианского благочестия, он, однако, простодушно допускал и обман, и хитрость, и внешнюю покорность нововведениям, и лишь тайное исповедание «истинной» веры¹⁹.

Все обстоятельства жизни Аввакума, все противоречия его сложного мировоззрения и особенности его незаурядной, в высшей степени одаренной природы полно и ярко проявились в его литературном творчестве.

2

Перу Аввакума принадлежит свыше восьмидесяти сочинений, причем подавляющая их часть приходится на последние два десятилетия его жизни, преимущественно на годы пустозерской ссылки.

Первое из дошедших до нас сочинений Аввакума определенно датируется 1653 годом («Грамотка» к Ивану Неронову от 14 сентября). Ему предшествовали упоминаемые самим Аввакумом сочинения, написанные им в соавторстве с костромским протопопом Даниилом, — полемическое богословское произведение (весна 1653 года) и челобитная царю о Неронове (август этого же года). Следовательно, литературная деятельность Аввакума началась не позднее весны 1653 года, когда ему было немногим более тридцати лет. Однако ссылка в Сибирь как будто надолго прервала его писатель-

---

¹⁹ О противоречивых свойствах характера Аввакума подробнее см.: Гудзий Н. К. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление. — В кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Редакция, вступительная статья и комментарии Н. К. Гудзия. [М.—Л.], «Academia», 1934, стр. 45—53.

ский труд: во всяком случае его «первая» челобитная Алексею Михайловичу относится уже к 1664 году, то есть хронологически отделена от первого дошедшего до нас произведения одиннадцатью годами. Разумеется, условия жизни в сибирской ссылке не благоприятствовали литературной деятельности, а в течение нескольких лет и просто исключали ее.

Однако существуют данные, свидетельствующие, что даже и в эти годы Аввакум брался за перо. Во-первых, к 1654 году относится его «Отписка», посланная из Тобольска. Во-вторых, в «Житии» он упоминает и цитирует «малое писанейце», отправленное им Пашкову во время плавания по Ангаре, возле Долгого порога (и тут же добавляет, что было «там многонько писано»), — факт, датируемый 15 сентября 1656 года. Следовательно, даже в пути, после несчастного случая в начале плавания по Тунгуске, когда буря чуть не потопила дощаник Аввакума («налился среди реки полон воды»), у него сохранились бумага и чернила, и он использовал непродолжительную остановку на берегу, чтобы сочинить обличительное «писанейце» Пашкову. В-третьих, сам Пашков позже сообщал царю, что Аввакум составил некое анонимное воззвание к «служилым людям», — «писал своею рукою воровскую составную память глухую безымянно», — в котором утверждал, «буттось... везде в начальных людех во всех чнех нет никакия правды»²⁰. В-четвертых, есть основание думать, что Аввакум посылал письма своему защитнику — архиепископу Сибирскому и Тобольскому Симеону. В связи с этим внимание привлекает челобитная Симеона от 11 января 1658 года, отправленная царю Алексею Михайловичу, в которой Симеон обличает жестокое обращение Пашкова с духовенством в Енисейске (до отплытия в Забайкалье), а затем добавляет: «Да ведомо мне учинилось <...> как он, Афонасей Пашков поехал из Енисейского острогу в Дауры, и протопоп Аввакума бил чеканом сам своими руками, и после того ево, Аввакума протопоп, тот Афонасей велел бить кнутом, на козле, а было ему протопопу на козле ударов с шездесят, да в тож время бил его чеканом по голове, и голову у него всю испроломал, а Аввакум протопоп от того убийства на многое время омертвел, а после того велел его вкинуть в студеную тюрьму, и сидел он, протопоп Аввакум, в тюрьме с Покрова Пречистыя богородицы всю зиму по ево поезд, как он, Афонасей, и поехал из Брацкого острогу в Дауры...»²¹ Как Симеону, находившемуся в Тобольске, «ведомо учинилось», что произошло с Аввакумом на Ангаре и в Братском остроге? Можно, разумеется, предположить, что до него дошел слух, но не менее вероятно, что ему стало обо всем известно из письма, посланного Аввакумом перед отъездом из Братска. В пользу последнего предположения говорят многие детали челобитной Симеона, почти текстуально совпадающие с рассказом самого Аввакума в челобитной царю Алексею Михайловичу 1664 года (см. стр. 133) и в «Житии» (см. стр. 32 — 33).

---

²⁰ Паскаль Пьер. По следам протопопа Аввакума в СССР. — Русские записки, Париж, 1939, XVIII, стр. 131. Малышев В. И. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме, стр. 398. Ср. стр. 396.

²¹ Бороздин А. К. Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. СПб., 1900. Приложения, стр. 117.

Таким образом, воссоздается цепочка прямых и косвенных свидетельств о не дошедших до нас сибирских писаниях Аввакума; судьба их, естественно, оказалась особенно несчастливой.

Впрочем, сибирский период для литературной деятельности Аввакума имел не столько непосредственное значение, сколько предоставил ему неисчерпаемый запас наблюдений и впечатлений, которые впоследствии неоднократно отразились в его творчестве.

Возвратившись в Москву, он сразу же со всей присущей ему страстью отдался литературной деятельности и вскоре приобрел известность и даже популярность как писатель. Характерно, что еще до церковного собора 1666—1667 годов сочинения Аввакума переписывались и ходили по рукам. Так, при обыске у вятского игумена Феоктиста 15 февраля 1666 года было изъято много рукописных книг, среди которых оказалось десять (!) сочинений Аввакума²², — уже одно это свидетельствует о творческой продуктивности возвратившегося из Сибири писателя. Примечательно также, что и на соборе 1666—1667 годов Аввакуму вменялись в вину не только устные проповеди, но и то, что он «не преста своего зломыслия» «писанием разсевати»²³. В «Выписке» 1667 года подробно излагается содержание «злокозненных писем» Аввакума и отмечается, что «в тех своих злокозненных писмах» «покаяния и повинования он, Аввакум, не принес, а во всем упорствовал»²⁴.

Любопытно, что даже при допросе Аввакум не ограничился устным заявлением (как это сделали его единомышленники Лазарь и Епифаний), но и «подал письмо своей руки»²⁵. Все это, думается, служит достаточным свидетельством того, что Аввакум как писатель-публицист сформировался в промежутке между ссылками и его писательскую деятельность отнюдь нельзя связывать лишь с Пустозерском²⁶.

И в течение немногих лет свободы и позднее, в пустозерской ссылке, Аввакум неоднократно в сочинениях возвращался к сибирскому периоду своей жизни, вспоминая то один, то другой эпизод. Без преувеличения можно сказать, что сибирские впечатления постоянно владели сознанием Аввакума и даже, как будет показано далее, определили некоторые особенности его художественного мышления в период зрелого его творчества. Знаменательно также, что едва ли не последним его произведением оказалось «Послание сибирской братии» (лето 1681 года) — своеобразное духовное завещание.

Произведения Аввакума — не плод досужих размышлений или созерцания жизни из земляной тюрьмы, а страстный отклик на текущие события. Это — те же проповедь, беседа, поучение, обличение. Он по-прежнему «кричит», и его письменная речь — взволно-

²² Материалы для истории раскола..., т. I, стр. 323—334.

²³ Там же, т. II, стр. 81.

²⁴ Там же, стр. 8; ср. стр. 27.

²⁵ Там же, стр. 22.

²⁶ Советскими исследователями найдено несколько неизвестных ранее материалов, относящихся к допустозерскому периоду деятельности Аввакума. См. его полемическое письмо к Ф. Ртищеву (ГОДРА, 1974, т. XXVIII, публикация Н. С. Демковой), его многочисленные выписки в полемических целях (Записки Отдела рукописей ГБЛ, 1973, вып. 33, публикация И. М. Кудрявцева).

ванный монолог, передающий все оттенки живой речи. Этим определяются и содержание и форма его сочинений — «Книги бесед» (1669—1675), «Книги толкований» (1673—1676), «Книги обличений» (1679), различных «Записок» об особенно драматических событиях из своей жизни и жизни главных деятелей раскола, наконец, его замечательных челобитных, писем, посланий и прославленного «Жития».

Челобитные и письма Аввакума переписывались и ходили по рукам наравне с другими его сочинениями и, подобно письмам Ивана IV, стали значительным фактом древней русской художественной литературы. Сохраняя до наших дней самостоятельное значение, они вместе с тем для самого автора были своего рода школой мастерства, творческой лабораторией, в которой вырабатывалась его своеобразная писательская манера, с такой смелостью и уверенностью проявившаяся в «Житии». Например, «первая» челобитная царю Алексею Михайловичу может рассматриваться как первый набросок автобиографии писателя. Элементы автобиографического повествования встречаются и в других сочинениях Аввакума, предшествовавших «Житию», в особенности в «Записках»²⁷.

Письма, послания и челобитные Аввакума затрагивают самые разнообразные темы и отражают различные состояния его души: здесь и рассказ о своем заточении, и воспоминания о прошлых испытаниях, и пересказ сновидений, и пространное поучение, и толкование отдельных мест из книг священного писания, гневное обличение врагов и мольба пощадить жену и детей, трогательная забота о «духовных детях» и суровое осуждение их ошибок и слабостей, проповедь отречения от всех земных благ и тут же просьбы прислать «гостинец какой-нибудь». Эти произведения Аввакума поражают искренностью, темпераментом, силой духа, пафосом обличения, бесстрашием, независимостью суждений. «Никого не боюсь, — с гордостью заявляет он в Послании «верным» (редакция 1678 года), — ни царя, ни князя, ни богата, ни сильна, ни дьявола самого...» Многие письма Аввакума согреты любовью к людям, желанием прийти им на помощь, поддержать их в трудную минуту: «Мне веть неколи плакать: всегда играю со человеки...» О чем бы Аввакум ни писал, он пишет страстно, не сдерживаясь в гневе, щедро изливая свою нежность. Вот его обращение к другу-женщине: «Маремьяна Феодоровна, свет моя, еще ль ты жива, голубка? <...> изрядное и избранное дитячко церковное и мое, грешнаго». К сыну: «Афанасьюшко Аввакумович, голубчик мой! Утешил ты меня». К «духовной дочери»: «Друг мой миленькой, Еленушка!». К скрывающемуся от преследований единомышленнику: «Миленькой дитячко, где ты гулял?» Но ласковая интонация и сердечность обращения сменяются резким тоном, криком, бранью и угрозами, когда Аввакум пишет врагу или провинившемуся перед ним близкому человеку: «Собака, дура! Не хошу имени твоего рещи <...> Чаяшь, у меня уйдешь? Не уйдешь, небось!» Однако это было не злословие, а крик наболевшей души: «ворчю от болезни сердца своего», — признавался сам Аввакум.

В письмах и посланиях Аввакума можно встретить образцы древнерусского красноречия, напоминающие витийственную манеру древнерусских проповедников и книжников — мастеров «плетения

---

²⁷ Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума (творческая история произведения). Л., 1974, стр. 136—138.

словес», как определил этот стиль один из его создателей — писатель Епифаний Премудрый (конец XIV — начало XV века). Будучи человеком начитанным в области предшествующей и современной ему литературы, Аввакум не мог не усвоить господствовавшей в ней стилистической манеры. Необходимо учесть и то обстоятельство, что некоторые книги, написанные в традициях «плетения словес», пользовались особым авторитетом в старообрядческой среде. Например, очень популярны были среди приверженцев старой веры сочинения видного писателя XVI века митрополита Даниила²³.

Аввакум хорошо владел искусством высокого, торжественного стиля. Так, о заслугах боярыни Морозовой он писал: «Феодора — огненный ум Афанасия Александрскаго, православия насаждь учения, злославия терние иссекла еси, умножила семя веры одождением духа...» В письме к Морозовой и Урусовой воспроизведен торжественный стиль акафиста: «Увы, Феодосья! Увы, Евдокея! Два супруга нераспряженная, две ластовицы сладкоглаголивья, две маслицы и два свещника, пред богом на земли стояще». Дальше похвала достигает как будто риторического апогея: «О, светила великия, солнца и луна руския земли, Феодосия и Евдокея, и чада ваша, яко звезды сияющыя пред господем богом. О, две зари, освещающыя весь мир на поднебесней!» Но и этот панегирик кажется Аввакуму все-таки недостаточным, и он уже совершенно в тоне Епифания Премудрого продолжает: «Как вас нареку? Вертоград едемский именую и Ноев славный ковчег, спасший мир от потопления! <...> киот священия, скрижали завета, жезл Ааронов прозябший, два херувима одушевленная!»

Однако следует иметь в виду, что в литературном наследии Аввакума подобные образцы «украшенного» стиля занимают весьма незначительное место. Там, где иной древнерусский книжник дал бы волю своему велеречию, впадая в явную напыщенность, Аввакум умел соблюсти чувство меры. Так, излюбленной темой средневековых писателей была тема смерти. Отдал ей дань и Аввакум. В традиционных выражениях, прибегая к риторическим вопросам, размышляет он о судьбе человека: «Где благолепие лица, где светлейши очи, где юность и зрак наш? Все ише яко цвет, яко трава подсечена бысть!» У митрополита Даниила подобные рассуждения, являющиеся подражанием Екклесиасту, переходят из «Слова» в «Слово», развиваются весьма пространно, назойливо повторяются тавтологические образы, определяющие тщету земной жизни: «Все пепел, вся персть, вся прах, вся сень», «яко дым, яко сон или яко цвет увядает»²⁹. Достаточно сопоставить самый отбор образов, чтобы увидеть разницу между Аввакумом и Даниилом: у первого сравнение умершего человека со скошенной травой оставалось в сфере обыденных житейских наблюдений (оно встречается и в народной поэзии), у Даниила преобладают отвлеченные, бесплодные образы: сень, сон, прах...

Для стиля «плетения словес» характерно было нагромождение однородных членов, синонимов или близких определений при описании какого-либо явления. Писатель как бы подыскивал нужное, точное выражение и потому перечислял приблизительно совпадающие по смыслу слова. Например, у Даниила: «Таже клеветещи,

²³ См.: Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 761.

²⁹ Там же, приложения, стр. 48 — 49.

осуждаеши, облыгаеши, несмежаеши, укоряеши, досажаети...», «оклеветанием, и осужением, и оболганием, и роптанием, и укорением...»³⁰ Такое изобилие стилистических рядов-аналогий приводило к замедленному и нарочито торжественному повествованию. У Аввакума же, по меткому наблюдению исследователя, «каждая формула не поясняет предшествующую, а подвигает изложение вперед»³¹. Очень редко даже в самых торжественных случаях он употребляет сложные, двусоставные слова («сладкоглаголивые», «мимошедшие»), которые так характерны для Даниила и вообще для всех писателей, усвоивших манеру риторического велеречия³².

Яркой особенностью стиля Аввакума являются внезапные переходы от торжественной к разговорной интонации и простонародной фразеологии. Например, в письме к Морозовой он вспоминает о смерти ее сына в таких традиционных выражениях: «Яко трава посечена бысть, яко лоза виноградная с плодом, к земле приклонил ся и отъиде в вечная блаженства со ангелы ликовствовати и с лики праведных предстоит святей троицы. Уже к тому не печется о суетной многострастной плоти...» И тотчас, без всякой паузы, продолжает: «...и тебе уже неково чотками стегать и не на ково поглядеть, как на лошадки поедет, и по головки неково погладить — помнишь ли, как бывало?» Символика, книжная приподнятость сменяются конкретными бытовыми деталями, живым выражением сочувствия и скорби, разговорной интонацией. Подобные резкие переключения из одной стилевой манеры, из одной тональности в другую встречаются у Аввакума довольно часто. Эти стилистические стыки — следствие соприкосновения двух разных сфер мышления писателя — религиозно-отвлеченной и бытовой, житейской. Отсюда и частые переходы от «пророческой» речи к брани: «Горе вам смеющимся яко восплачете и възрыдаете! Дайте только срок, собаки, не уйдете у меня...»

Поразительна порою смелость образов у Аввакума. Даже о самых, казалось бы, возвышенных вещах он говорит грубовато-просто: «молитву Исусову грызи»; «само царство небесное валится в рот»; боярыня Морозова, пострадавшая за веру, «ездила, ездил в коретах, да и в свинарник попала». Дьякон Федор, с которым Аввакум спорил по богословским вопросам, «блует на святую троицу». Обращаясь к ненавистным ему врагам — никонианам, Аввакум прибегает к издевательским, почти кощунственным выражениям: троеперстное знамение называет «кукишем», а крестное знамение, положенное рукой никонианского попа на лоб верующим, — «каракулей».

В письмах и посланиях Аввакума немало живых сцен, быт врывается даже в религиозную фантастику: бесы, посещающие его ночью, играют на домрах и на гудках; святой, ратоборствующий с дьяволом, «брякнул чернова о камень лбом». Особенно замечательно как образец «бытописательства» то место из Послания «горемыкам миленьким», где он преподает своеобразный «урок в лицах»,

³⁰ Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения, приложения, стр. 25 — 26.

³¹ Виноградов В. О задачах стилистики.—В кн.: Русская речь. Под ред. Л. В. Щербы. Пг., 1923, стр. 269.

³² Ср.: у Епифания: маловременное, скороминующее, мимоходящее и др.; у Даниила: мимотекущее; скоропогибающий, злодейский, чрезпотребственный, суетрудный, скотноростный, златопрядный и т. п.

как вести себя мирянину с никонианским попом, пришедшим освящать дом (см. стр. 182). Эта новеллистическая сценка характеризует умение писателя живо, с чувством юмора, воссоздать картины жизни.

Незаурядным писательским дарованием отмечены и богословские сочинения Аввакума «Книга бесед», «Книга толкований», статьи на различные темы, в которых привлекают не их религиозное содержание и дидактическая направленность, а интерес к действительности, к русскому быту, их просторечие. Больше чем в других сочинениях зависимый от канонической литературы — библейских книг и писаний «отцов церкви», Аввакум и здесь крепко связан с жизнью. Отказываясь от традиционного сравнения писателя и проповедника с пчелой, собирающей нектар с цветов, он находит другой образ, столь характерный для русского быта: «Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам града и по окошкям милостыню просящу». Библейских персонажей Аввакум смело распределяет по иерархической лестнице, означающей, в сущности, социальную дифференциацию русского общества: «У богатога человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатога гостя, из полатей его хлеба крому выпрошу; у Златоуста, у торговога человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаи пророков, у посадцких людей, по четвертине хлеба выпросил». Это тем более примечательно, что одновременно по тому же принципу, хотя и с другой целью и в других образах, социальная иерархия представлена в народной поэзии и в демократической сатире XVII века («Повесть о Ерше Ершовиче»).

В связи с уже отмеченной особенностью религиозного мышления Аввакума — своеобразной материализацией христианских понятий — находится и часто встречающееся в его богословских сочинениях «снижение» и своего рода «приземление» библейских персонажей, характерное для него осмысление их поступков и действий по аналогии с обыденными явлениями, часто свойственными русскому быту. Победу бога над дьяволом писатель изображает так: «Обманул его, яко рыболов рыбу удицею подцепил». Святой Никола «Ария, собаку, по зубам брызнул». Адам и Ева в толковании Аввакума — простые мужик и баба, мало чем отличающиеся от обличаемых им современников: «Каков муж, такова жена; оба бражники, а у детей и давно добра нечева спрашивать, волочатся ни сыты, ни голодны». Изгнание Адама и Евы из рая после их грехопадения рисуется в полном соответствии с хорошо знакомыми русскому человеку картинами жизни: «О, миленькие! одеть стало некому; ввел дьявол в беду, а сам и в сторону. Лукавой хозяин накормил и напоил, да и с двора спехнул. Пьяной валяется на улице, ограблен, а никто не помилует». Отсюда — прямой переход в современность, к злобе дня, к волнующим Аввакума проблемам неустройства русской жизни. Те же Адам и Ева необходимы писателю лишь для того, чтобы обличить безнравственность своих врагов — служителей церкви: «потчивают друг друга зелием нерастворенным, сиречь зеленым вином процеженным и прочими питии и сладкими брашны, а опосле и посмегают друг друга, упившеся допьяна — слово в слово что в раю было при дьяволе и при Адаме». Так богословское сочинение незаметно и естественно переходит в сатиру.

В сочинениях Аввакума нередко встречаются обличения таких сторон жизни и быта церковников, которые обычно скрыты от

глаз мирян-прихожан: «все говорите, как продавать, как покупать, как есть, как пить, как баб блудить...»

В связи с этим обращает на себя внимание обилие сатирических элементов с характерными для них грубовато-натуралистическими образами. Царь Алексей Михайлович, не оправдавший надежд Аввакума, характеризуется весьма нелестно: «Накудесил много, горюн, в жизни сей, яко козел скача по холмам, ветер гоня...» Патриарх Никон называется «носатым и брюхатым», «борзым кобелем». Выразителен портрет архиепископа Рязанского Илариона: «В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу, по площади, чтобы черницы-ворухи унеятки любили».

Изнеженность, склонность к роскоши, чревоугодие — пороки высших слоев духовенства и феодальной знати — постоянный предмет сатирического изображения у Аввакума. Не раз он негодуяще издевается над теми, кто «любил вино и мед пить» и «после причастия в олгаре птицы рафленые засадать на золотых блюдах с похмелья». Аввакуму противны поэтому «толстобрюхие» и милы изображения святых, изможденных «от поста и труда» (см. в настоящем издании беседу четвертую в «Книге бесед»). В нетерпимом отношении Аввакума к новому, натуралистическому стилю в иконописании, входившему на Руси в моду во второй половине XVII века, прорывалась, в сущности, социальная неприязнь голодных и «тонких» к сытым и «толстым»: «А вы ныне подобие их (святых. — В. Г.) переменили, пишете таковых же, якоже вы сами: толстобрюхих, толсторожих, и ноги и руки яко стульцы. И у кажного святого — спаси бог-су вас — выправили вы у них морщины те, у бедных...» В неприятии Аввакумом нового иконописания наряду с соображениями догматического порядка не последнюю роль играли его эстетические симпатии и антипатии, обусловленные конкретной русской действительностью. Так и в данном случае в религиозной оболочке выступило социальное содержание его критики³³. И хотя, разумеется, эта критика была продиктована прежде всего полемическими соображениями и велась с позиций «истинного благочестия», однако жизненная правда, объективно содержащаяся в сатирических описаниях Аввакума, сохраняет свое значение.

В учительных сочинениях внимание Аввакума меньше всего направлено на отвлеченно-религиозные темы. Интерес к быту, к людям, к их житейским нуждам побуждает писателя вносить и в эти произведения целые бытовые сценки и очерки. Характерно, например, в этом отношении окончание главы «Что есть тайна христианская и как жити в вере Христове» из «Книги толкований» (см. стр. 122).

Наряду с сильной бытовой и сатирико-обличительной струей в творчестве Аввакума, в первую очередь в различных «Записках», постоянно присутствует и героическая тема подвига, образы страдальцев за «правду», за «истинную веру». Особенно Примеча-

---

³³ Н. К. Гудзий справедливо отмечал, что критика Аввакумом нового иконописания вызывалась также и тем, что оно было по своему происхождению западным (католическим). См.: Гудзий Н. К. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление, стр. 45.

тельно в этом отношении «О трех исповедницах слово плачевное», посвященное боярыне Ф. П. Морозовсой, княгине Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой. Написанное под непосредственным впечатлением от известия об их мучительной кончине, это сочинение принадлежит к лучшим созданиям Аввакума. С потрясающей искренностью изливает он свою скорбь и свой гнев, с восхищением вспоминает о «доблести, и мужестве, и изящном страдании» своих «духовных дочерей», создает групповой портрет, в центре которого находится идеализированный и в то же время очень правдивый образ боярыни Морозовой. Аввакум искусно использует приемы житийной литературы в описании своей героини, но и здесь сквозь сияние условного, иконописного лика проступают правда жизни, черты русского быта и сильный характер русской женщины.

Самоотверженность характера Морозовой подчеркнута упоминанием о том, что она, вступив в борьбу, пожертвовала не только своими боярскими привилегиями и богатством, но и жизнью сына. Потеряв его, Морозова не замыкается в своем горе, а продолжает проповедовать свои убеждения. Обличения «властей» она «запечатала» смелым обобщением: «Все-де вы еретики, власти, от первого и до последняго! Разделите между собой глаголы моя!» Аввакум образно характеризует силу и превосходство Морозовой над врагами даже тогда, когда она была ими уже «обещена»: «Зверь бо, яко лукавый лис, восхитил ю из дому и продал за приставство воинству, бесчестя и волоча на чепях, яко льва оковану». Произведение завершается лирическим плачем, напоминающим народно-поэтические причеты. Здесь Аввакум уподобляет погибших героинь «магниту каменю, влекущу к естеству своему всяко железное». В конце плач переходит в страстное обращение ко всем русским людям, призыв к возмездию врагам. Это придает произведению еще большую силу эмоционального воздействия.

«Слово плачевное» является прекрасным образцом сочетания в одном произведении драматического повествования и лиризма; в историко-литературном отношении это слияние весьма знаменательно, что станет ясным особенно при обращении к самому значительному сочинению Аввакума — «Житию».

3

Инициатива создания «Жития», возможно, принадлежала «духовному отцу» и «соузнику» Аввакума — Епифанию, как об этом свидетельствует собственноручная запись последнего в автографе «Жития»: «Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием...» О том же говорит и сам Аввакум, обращаясь к Епифанию и некоему «рабу Христову»: «Вы мя понудисте сие говорить». Однако это «понуждение» совпадало с потребностью Аввакума придать законченную форму рассказам и размышлениям о собственной жизни, которые в немалом количестве были разбросаны уже по его «Запискам», челобитным и письмам и которыми он, очевидно, в устных беседах не раз делился с друзьями в Москве и «соузниками» в Пустозерске.

Наше предположение подтверждает упоминавшаяся выше челобитная Ивана Неронова царю Алексею Михайловичу, где Неронов обнаруживает прекрасную осведомленность о тех фактах из сибирской ссылки Аввакума, которые впоследствии будут изложены в «Житии». С другой стороны, «понуждая» и Епифания написать автобио-

графию, Аввакум перечисляет уже известные ему эпизоды из жизни сотоварища. Естественно, что оба они коротали время в заключении, рассказывая друг другу замечательные случаи из своей жизни³⁴.

«Житие» явилось как бы систематизированным сводом всех этих бесед, рассказов и поучений; возможно, что оно пополнилось и новыми эпизодами, фактами и рассуждениями. Но так или иначе все эти отдельные и разрозненные элементы были подчинены единому замыслу, заново переосмыслены и приобрели качественно новую жанровую, литературную форму.

Известны три авторские редакции «Жития». Как установила Н. С. Демкова, первая редакция (в прежних исследованиях считавшаяся промежуточной и получившая название редакция Б) была создана в первой половине 1672 года. Вторая редакция (считавшаяся основной и известная как редакция А) написана в середине 1673 года. Третья редакция, или редакция В, создавалась, по предположению Н. С. Демковой, в конце 1674—начале 1675 года³⁵; во всяком случае, завершена она не позднее начала 1676 года, когда могло быть написано вступление к ней (обращение к читателям — «питомникам церковным»). Первая редакция дошла до нас не в авторской рукописи, а в позднейших списках. Редакция А долгое время оставалась единственной, сохранившейся в автографе. И лишь недавно исследователям стал известен, а теперь доступен и читателям автограф редакции В³⁶. Обе эти редакции также распространялись в списках³⁷. Особое место среди списков «Жития» занимает так называемый Прянишниковский список, являющийся, вероятно, отредактированным кем-то текстом не дошедшей до нас самой ранней редакции произведения Аввакума, предшествовавшей редакции Б³⁸. Наконец, известны также немногочисленные переработки «Жития»³⁹. Сравне-

---

³⁴ См.: Робинсон А. Жизнеописания Аввакума и Епифания, стр. 47—49, 54—56.

³⁵ См.: Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума, стр. 106, 140.

³⁶ Автограф редакции В опубликован в кн.: Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Издание подготовили Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л., 1975. (Рукопись хранится в Дрвнелхранилище ИРЛИ, оп. 24, № 43.)

³⁷ В настоящее время, кроме автографов, известны двадцать полных списков «Жития» в редакции А и четыре списка с отрывками ее текста, шесть списков редакции В, пятнадцать списков редакции Б и шесть списков с отрывками ее текста. Археографический обзор всех списков «Жития», а также библиографию работ об истории их находок см. в кн.: Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума, стр. 13—17, 25—27, 41—45, 49—50, 57.

³⁸ Текст Прянишниковского списка найден В. И. Малышевым и опубликован им в кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения, стр. 305—343. О нем см.: Малышев В. И. Заметка о рукописных списках «Жития протопопа Аввакума». — ТОДРЛ, 1951, т. VIII, стр. 381, 382, 385; Демкова Н. С. Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, 1965, т. XXI, стр. 211—219; Она же, Житие протопопа Аввакума, стр. 107—132.

³⁹ Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума, стр. 58—64.

ние авторских редакций «Жития» и различных его списков позволяет исследователям воссоздать творческую историю этого великого произведения древней русской литературы, определить его структуру, выделить его художественное ядро, постичь творческий метод писателя.

Рукопись, именуемая «Житием», в сущности, не является единым по жанру произведением, а представляет собою сборник разнородных, хотя и более или менее связанных друг с другом произведений, состав и композиция которого в различных редакциях и списках менялись.

Так, в редакции А вслед за собственно «Житием» идет первая часть «Жития» Епифания, а затем уже статьи Аввакума: «О божестве и о твари», «О сложении перст», «О жертве никонианской». В третьей редакции (В) две последние статьи хотя и оказались перед заключением к сборнику в целом, но помещены Аввакумом за традиционной концовкой собственно «Жития» («Посем у всякаго правоверного прощения прошу...»), то есть за его пределами. С другой стороны, статья «О причастии», включенная в редакции А в текст собственно «Жития», в третьей редакции перенесена за его пределы и присоединена к статье «О жертве никонианской», а поглядывая, в свою очередь, отделена от статьи «О сложении перст». Появившаяся в третьей редакции новая статья «Поучение <...> авеы Дорофея о любви» помещена перед вступлением к «Житию». Перечисленные статьи, входившие в сборник, создавались в разное время и независимо от «Жития», существовали в виде самостоятельных автографов Аввакума и распространялись в списках как вполне самостоятельные произведения. Известны списки «Жития» (сборника), в которых отсутствуют те или иные статьи, находящиеся в составе соответствующих его редакций. Особый интерес в этом отношении представляет один список XIX века, в котором вслед за несколько переработанной припиской Епифания идут слова «Аз протопоп Аввакум сице живу и умираю» (обычно заключающие группу поучительных статей), а затем и само «Житие»: «Рождение же мое в нижегородских пределах...» (см.: Рукописное собрание ИРЛИ, Печорское собрание, поступления 1956 г., № 21). С другой стороны, в некоторых случаях те переписчики, которых интересовали богословские трактаты Аввакума, ограничивались перепиской из сборника лишь статей, дополняя их другими его поучениями, но по традиции оставляя вступительную приписку Епифания, что Аввакум «понужен» свое «Житие» написать, хотя самого «Жития» в таком сборнике и не оказывалось! (См.: Рукописное собрание ИРЛИ, текущие поступления 1953 г., № 23.)

Таким образом, самим Аввакумом и его читателями осознавались сложный состав «Жития» и относительная самостоятельность его частей. Вот почему рукопись «Жития» следует рассматривать не как единое произведение, а по отдельным частям, выделив прежде всего его центральную, вполне законченную и самостоятельную часть — собственно «Житие». Недифференцированный подход к рукописи в целом долгое время мешал правильно определить границы, жанр и самый смысл основного произведения, входящего в состав памятника.

Сравнительный анализ редакций «Жития» позволяет сделать вывод, что оно расширялось и перерабатывалось автором, причем общая тенденция может быть представлена как постепенное разви-

тие и углубление идеологической направленности произведения⁴⁰. Однако процесс переработки не был однолинейным. Хотя рукопись сборника в целом разрасталась, но его художественное ядро, или собственно «Житие», сжималось, совершенствовалось, приобретало все большее композиционное, стилистическое, жанровое единство. Поэтому особенно важно при анализе «Жития» различать весь цикл произведений Аввакума, включающий дидактические и полемические статьи, а также дополнительные рассказы о чудесах, и собственно «Житие», то есть сюжетное повествование, композиционно организованное в самостоятельное целое внутри сборника и давшее название всему сборнику. Вот почему в дальнейшем мы будем характеризовать не весь сборник, а лишь художественное «Житие» в собственном смысле.

Последняя редакция «Жития», по наблюдению Н. С. Демковой, «все время обрастает (по сравнению с редакциями Б и А) новыми подробностями, эпизодами, припоминаниями», что позволяет исследователю определить ее как «распространенную редакцию»⁴¹. Как же отразились все эти изменения и дополнения на содержании и характере произведения? Если говорить о «Житии» в широком смысле (о сборнике), где, как уже сказано, появилось несколько новых полемических статей, а также несколько новых рассказов о «чудесах», то можно принять характеристику, какую дают произведению в целом П. Паскаль и А. Н. Робинсон, определяя эту редакцию как дидактическую⁴². Однако, коль скоро речь идет о «Житии» в собственном смысле, то характерно, что, обогащаясь новым фактическим материалом (особенно это заметно в той части, где описываются «сибирские беды» Аввакума), оно в последней редакции освобождалось от некоторых авторских рассуждений по поводу излагаемых событий, от полемических выпадов и риторических сентенций, то есть от тех дидактических элементов, которые в редакции А иногда нарушали последовательность сюжетного повествования. Диалектика творческого процесса в работе Аввакума над произведением состояла как раз в том, что одновременно с усилением общей дидактической направленности сборника собственно «Житие» не становилось дидактичнее, а, напротив, в большей мере беллетризовалось. Поэтому более основательны наблюдения Н. С. Демковой, позволившие ей утверждать, что в последней редакции заметно «стремление к агнографической стилизации» произведения, то есть к усилению черт, сближающих его с традиционными житиями святых. Вместе с тем такой вывод нельзя принять безоговорочно, поскольку тенденция к агнографической стилизации своеобразно уравновешивается усилением в той же редакции «Жития» обличительного пафоса и расширением чисто житейской (отнюдь не житийной!), бытовой стихии: именно в этой редакции в пределах сюжетного повествования «Жития» появляются такие характерные эпизоды, как рассказ о хитрости жены тобольского воеводы княгини Хилковой, предлагавшей Аввакуму спрятаться в сундуке, или замечательный

⁴⁰ Обстоятельный сравнительный анализ всех редакций «Жития» заново произведен Н. С. Демковой в ее книге «Житие протопопа Аввакума», стр. 80—102.

⁴¹ Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума, стр. 93.

⁴² Pascal P. Avvakum et les débuts du raskol. Paris, 1963, p. 487; Robinson A. Avvakum et Dorothee. — «Revue des études slaves», Paris, 1961, t. 38, p. 167.

рассказ о волоке у Иргень-озера, выразительное описание бедственного положения казаков на реке Ингоде, рассказ о разрыве с царем после возвращения из ссылки, насыщенное бытовыми деталями описание московских мытарств и т. п. Следовательно, указание лишь на «агиографическую стилизацию» было бы односторонним представлением о жанровой эволюции «Жития». Точнее было бы говорить об усилении стилистического «контрапункта», или о внутрижанровой контрастности, как общеэстетическом принципе повествования (ср. отмеченный Н. С. Демковой композиционный принцип «контрастного изображения»).

Не противопоставляя последнюю редакцию (В) предшествующей (А), следует признать, что в художественном отношении пространенная редакция собственно «Жития» во всяком случае не уступает основной и обе они, хотя и различаются между собою, равноценны и каждая по-своему свидетельствует о писательском мастерстве Аввакума в разные периоды его творческой работы над произведением. Не случайно знаменитая похвала «природному русскому языку» появилась именно в последней редакции — этим писатель как бы подытоживал свой многолетний труд стилистического совершенствования своего произведения.

К какому жанру следует отнести «Житие»? В качестве образца Аввакум мог взять и различные жития святых (среди них в первую очередь автобиографическое житие писателя конца VI—начала VII века аввы Дорофея), и евангельские «Деяния», и «Послания» апостолов, но использовал он лишь некоторые жанровые признаки этих произведений. Исследователи, выделяя какой-либо из элементов «Жития» в качестве основного, расходились в мнениях относительно его жанровой природы. Они то соотносили его с агиографической традицией в целом, то выделяли ее автобиографическую ветвь (С. А. Зеньковский), то возводили его к «учительной литературе» (В. П. Арианова-Перетц), то рассматривали в связи с общим тяготением литературы XVII века к автобиографизму (Д. С. Лихачев); находили сходные черты то с жанром «слов» (проповедей), то с «простодушно-деловым сказом» или с «народно-драматическим сказом» (В. В. Виноградов) или народным рассказом (Р. Ягодич), то с «поучениями», то с летописанием, то с мемуарно-документальной прозой, то с жанром «хождения» (Б. Илек); определяли его жанр то как «автобиографию» (Н. К. Гудзий), то как «беседу-исповедь» или «исповедь-проповедь» (А. Н. Робинсон). Однако, справедливо указывая на какой-нибудь один жанровый признак, каждое из этих определений, в сущности, абсолютизировало его. Ни агиографическая стилизация, ни автобиографизм, никакая другая традиция сами по себе не могут привести к адекватному определению и объяснению жанровой принадлежности «Жития». Его художественное своеобразие состоит как раз в «сплаве» разнородных элементов, в смелом сочетании и преобразовании различных традиций древнерусской письменности⁴³. В результате Аввакум создал произведение новаторское, оригинальное по своему жанру — жанру, для которого трудно найти точное, однозначное терминологическое наименование. Вероятно, можно было бы определить жанр «Жития» как *синтетический*.

---

⁴³ См. подробнее об этом в нашей статье «Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века», стр. 43—49.

«Житие» представляет собой широкое художественное обобщение характерных явлений русской жизни середины XVII века. Отражая важные по историческому значению события, Аввакум отбирал из пестрого жизненного материала самое существенное, характерное, довольно четко сформулировав принцип отбора: «Стану сказывать верхи своим бедам». Не литературные традиции, а прежде всего реальное содержание жизни самого Аввакума, как одного из предводителей социально-религиозной оппозиции, подсказывало Аввакуму-писателю и соответствующую форму отражения событий — сложное развернутое повествование с широким социальным фоном, большим количеством действующих лиц, с главным героем в центре.

Задуманное как произведение полемическое и поучительное, «Житие» в процессе творческого воплощения замысла приобретало совсем иной характер, идейный смысл его перерастал задачи, первоначально поставленные Аввакумом. Увлечшись повествованием, он допускал отступления бытового и интимного содержания, хотя и понимал, что они не имеют отношения к заданной цели: «Простите меня... А однако уже розвякался — еще вам повесть скажу». И этими извинениями или оправданиями, следующими за отступлениями («к слову мѡлылось»), пестрит все произведение. Многочисленные картины реальной жизни наполнили «Житие» богатым и обильным материалом, который вышел далеко за пределы первоначально намеченных рамок поучительной и полемической притчи, и в результате создано произведение, значительно отличающееся от задуманного. Фактически «Житие» является многофигурной бытовой автобиографической повестью, тяготеющей в значительной мере к синтетической форме романа, нарождавшегося тогда на Руси⁴⁴.

Идейное содержание «Жития» оказалось весьма противоречивым. Это объясняется и противоречивостью мировоззрения Аввакума, и противоречиями самой действительности, отраженной в «Житии». В нем причудливо переплелись идеи религиозного фанатизма и мученичества, с одной стороны, а с другой — ненависть к различным церковным и светским «начальникам», страстная жажда правды и справедливости на земле, боль за неурядицы на Руси и за страдания народа, идея борьбы. Этот сложный идейный комплекс явился отражением реально существовавших противоречий в социальной практике и в сознании оппозиционно настроенных к феодализму слоев русского общества. Особенная форма выражения этих противоречий — религиозная оболочка социального протеста — также неизбежно отразилась и на самом «Житии», определила его специфическую жанровую природу — *религиозно-дидактическую окрашенность бытового повествования*.

4

Ярким новаторством отмечено изображение человека в «Житии», особенно изображение главного героя. В сущности, это первый опыт

---

⁴⁴ Об этом см. подробнее: Гусев В. Е. О жанре «Жития» протопопа Аввакума. — ТОДРА, 1958, т. XV, стр. 192—202. См. также: Кожин В. Происхождение романа. М., 1963, стр. 252—260. Однако, в отличие от В. Кожина, мы рассматривали «Житие» не как оформившийся ранний роман, а как одно из звеньев в эволюции повествовательной прозы в направлении к роману.

законченного психологического автопортрета в древней русской литературе.

Писателю удалось создать этот образ во всей его противоречивой сложности и в то же время героической цельности. Мы видим героя «Жития» в самые различные моменты его жизни — среди толпы и в кругу семьи, с единомышленниками и врагами, в царском дворце в Москве и у байкальских рыбаков, проповедующего в церкви и тянущего сани по льду Иргень-озера, вступающего в рукопашную с медведями и умиленно созерцающего природу. Он то непреклонен и требователен, то отзывчив и уступчив; то суров и жесток, то нежен и снисходителен; то гневается и обличает, то шутит и балагурит; чувство юмора не изменяет ему в самые тяжелые минуты, но он осознает трагизм своего положения; без ложной скромности понимает величие своего подвига, а собственные ошибки и слабости вызывают в нем жгучее чувство неудовлетворенности собою. В нем слиты воедино, казалось бы, несовместимые качества. Он — нетерпимый фанатик, мученик, проповедник «божьего дела», убежденный в своем апостольском призвании и даре чудотворца, гонитель просвещения и народных увеселений, ригерист и начетчик. Но одновременно он и «бунтарь» (А. Н. Толстой), и «боец» (М. Горький), вступающий в острые и открытые конфликты с представителями правящей партии, с главой русской церкви; он — человек, не отрешенный от жизни и ее практических интересов и даже ее суеты, повседневно связанный с самыми различными слоями современного ему общества — посадскими людьми, крестьянами, казаками, духовенством, боярством и разделяющий в ссылке образ жизни подневольных «мужиков», умирающих на работе. Аввакум — чадолюбивый отец и заботливый супруг; в кратких, полных неутраченной боли словах он вспоминает о страданиях «милого сына Ивана» и дочери «бедной горемыки Огрофены»; особенно чутко и трогательно его отношение к жене; семья занимает такое большое место в его сердце, что он колеблется даже, следует ли ему проповедовать «слово божье». Ему не свойственно стремление к умерщвлению плоти; он радуется, когда ему перепадает «хлебца немношко» или удается «штец похлебать»; он, не в пример святым, мучится жаждой и голодом, когда приходится «перебиваться травой и корнем», — потому он с такой растроганностью поминает «курочку черненьку», кормилицу его детей. Снесший столько побоев и готовый вновь пойти на пытку, он в то же время проявляет и известную осторожность в отношениях с Пашковым: он приемлет физические страдания, когда они могут принести ему моральную победу над противником, но старается избежать их, когда они не необходимы: «А во иную-су пору и боялись, человецы бо есмы...» — признавался Аввакум. Это совершенно не похоже на то болезненное влечение к страданию, которое испытывали многие герои житийной литературы, находя в физической боли даже своего рода наслаждение.

В образе Аввакума достигнута та степень индивидуализации и многосторонности, какой не знала не только житийная литература с ее идеальным героем, но, пожалуй, и другие предшествовавшие «Житию» литературные памятники. Резко индивидуальные черты, проявляющиеся в характере Аввакума, не лишают его автопортрета типичности. Напротив, типичность как раз и обнаруживается в противоречивости персонажа, его побуждений, чувств и настроений, столь характерной для той социальной среды, которую представлял Аввакум, — среды, мятущейся в поисках правды

и ежечасно заблуждающейся, стремящейся примирить религию и свое недовольство церковью и освящаемыми ею феодальными порядками, предписания христианского учения и естественные стремления, церковный обряд и повседневный быт.

Как ни сосредоточено внимание читателя на центральной фигуре «Жития», однако она лишена, в сущности, исключительности, не подавляет остальных персонажей своим превосходством. Мы все время ощущаем связь героя с определенной средой, его «нормальное» в известном смысле положение: в постигшем несчастье он не оказывается одиноким. Среди бегло и не всегда выразительно очерченных образов его единомышленников и соратников — протопопа Неронова, Даниила, Логгина, дьякона Федора, священника Лазаря, юродивых Федора и Афанасьюшки, сына воеводы Пашкова Еремея — заметно выделяется героическая, под стать Аввакуму, фигура его жены — Анастасии Марковны. Этот образ — один из лучших женских образов нашей древней письменности. «Сиротина», живущая «в скудости», она по любви выходит замуж за Аввакума и навсегда остается для него верной женой, другом и союзником в борьбе, принимая на себя все удары его судьбы. Анастасия Марковна бежит от преследований «начальника» с младенцем на руках; после расправы над Аввакумом остается в Юрьевце, подвергаясь опасности быть убитой; больная, с новорожденным, трясется в телеге до Тобольска. Она спасает детей на тонущем дощанике, совершает тяжелый путь по Иргень-озеру, подбадривая изнемогающих сыновей. Лишь однажды непосильные страдания вырывают у нее упрек, но тотчас же берет она себя в руки. «Я пришел, — вспоминает Аввакум, — на меня, бедная, пеняет, говоря: „долго ли муки сея, протопоп, будет?“ И я говорю: „Марковна, до самых до смерти!“ Она же, вздохня, отвечала: „добро, Петрович, ино еще побредем“». Активность и страстность ее волевой природы проявляются в другом случае, когда в «русских градах» пришлось ей даже ободрять мужа: «Господи помилуй! что ты, Петрович, говоришь? <...> Азтя с детьми благославляю: дерзай проповедати слово божие попрежнему, а о нас не тужи. <...> Поди, поди в церковь, Петрович, — обличай блудню еретическую!»

Тема супружеской любви как духовной близости и дружбы, выдерживающей труднейшие испытания, является одной из самых волнующих в «Житии». Образ Анастасии Марковны воплощает в себе лучшие национальные черты русского женского характера в их конкретно-историческом выражении. М. Горький в статье «Разрушение личности», говоря о «спокойной готовности» русской женщины «жертвовать собою ради торжества своей мечты», приводит как один из наиболее ярких примеров образ Анастасии Марковны⁴⁵.

С большой теплотой воссоздаются Аввакумом в «Житии» обобщенные, групповые образы простых людей. Казаки выполняют жестокие приказы Пашкова не по своей воле; они изображаются людьми добрыми, сочувствующими Аввакуму: «...глядя, плачут на меня, жалеют по мне». Производя обыск у Аввакума, они проявляют такт и деликатность, не тревожат Анастасию Марковну, выражая ей явное сострадание: «Матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя натерпелась!»

---

⁴⁵ Горький М. Собр. соч. в тридцати томах. Т. 24. М., 1953, стр. 72.

В характеристике своих врагов Аввакум, в отличие от других его сочинений, избегает гротеска и натуралистических приемов — их образы даются в более сдержанной манере. Характерно, что в «Житии» исчезает описание внешнего облика ненавистных Аввакуму людей с излюбленным в других случаях подчеркиванием какой-нибудь детали — «толстого брюха», «красной рожи», «длинного носа» и т. п. Внимание сосредоточено на действиях, поступках, высказываниях персонажей, в их образы привносятся элементы психологической характеристики. Так, Никон живо обрисован в двух контрастных сценах, в которых обнаруживаются разные стороны его характера: в одном случае, перед избранием в патриархи, он заискивает и «лицемерится»; в другом, добившись расправы над противниками, он с циничной насмешливостью отзывается о чудесном «видении» одному из заключенных: «знаю-су я пустосвятов тех!» Воевода Пашков не выглядит условным злодеем, фигура его достаточно жизненна и даже не лишена известной человечности; ему, оказывается, знакомо чувство благодарности и даже раскаяния: «Сел Пашков на стул, шпагою подперся, задумався и плакать стал, а сам говорит: „согрешил, окаянной, пролил кровь неповинну, напрасно протопопа бил...”»

В многофигурном полотне, каким является «Житие», Аввакум сохранил единство принципов изображения людей, избежал схематического противопоставления персонажей и резкого выделения идеального, безупречного героя, что было столь характерно для средневековой литературы. Это не значит, что Аввакум вовсе отказывается от оценки событий и людей — она выражена достаточно определенно, но эта тенденциозность достигается художественными, а не публицистическими средствами.

Особенности содержания «Жития» определили его своеобразную, новаторскую форму. Стремление Аввакума дать широкую картину жизни, рассказать о своей борьбе, передать свои страсти, искания, раздумья, свести счеты с врагами — все это обусловило особенности композиции произведения, внешне свободной, как будто разорванной, с перемежающимися картинами и лирическими отступлениями, с нарушениями хронологической последовательности и непрерывности повествования, допускающей постоянное перевоплощение рассказчика в героя, героя — в рассказчика. Такая композиция позволила вместить и организовать столь разнообразный материал, избежать плавной, спокойной эпичности, которая противоречила бы бурному течению жизни Аввакума, и, следовательно, оказалась единственно художественно закономерной⁴⁶.

Стилевое единство «Жития» в значительной степени достигается некоторыми образами — «лейтмотивами», появляющимися время от времени на протяжении всего повествования. Исследователи (В. В. Виноградов, Д. С. Лихачев, Н. С. Демкова и др.) обратили внимание на роль одного из таких образов — «пестротами» укра-

⁴⁶ На органическое единство формы и содержания в «Житии» и художественную закономерность всех элементов стиля, в том числе и композиции, мы впервые обратили внимание в статье «Заметки о стиле Жития протопопа Аввакума». — ТОДРЛ, 1957, т. XIII, стр. 273—281. обстоятельно и тонко сюжет и композицию «Жития» анализировала Н. С. Демкова (см. ее работу «Житие протопопа Аввакума», стр. 142—160).

шенного корабля, символически обозначающего «пестроту» жизни Аввакума. С этим образом связан другой «лейтмотив» «Жития» — «плавание», появляющийся и независимо от образа корабля. Именно на эту красную нить, проходящую через все повествование, нанизываются эпизоды и целые части «Жития». Аллегорический «корабль» и мотив плавания хотя и возникли в вешем сне Аввакума на Волге («и что будет плавание?»), но приобрели реальное, полное драматического смысла, героическое содержание только в Сибири. Это было плавание в самом точном смысле слова — по Енисею, Ангаре, Байкалу, Селенге, Хилку, Иргеню, Ингоде, Шилке... Более того, еще, кажется, никем из писавших об Аввакуме не было замечено, что им изображалось преимущественно плавание «против воды» — вверх по течению, против течения, а подчас и по порогам — и благодаря этому мотив «плавания» наполняется глубоким героико-драматическим подтекстом, выражая как бы основной смысл деятельности Аввакума, направленной против потока событий общественно-церковной жизни его времени. Характерно, что этот мотив поддерживался контрастным и вместе с тем рядоположенным лейтмотивом не менее мучительного «волока», или «волокиты», по земле в промежутках между плаванием или по замерзшему льду зимой. Именно эта взаимосвязанная пара лейтмотивов определила весь динамический строй образного мышления Аввакума и, следовательно, стиля его произведения. Поэтому он опускал в «Житии» целые месяцы, зимы и даже годы «сидения» на месте, делая, разумеется, исключение для «сидений» в заключении (например, о том, чем была заполнена его жизнь в Енисейске в течение двух лет или на Мезени в течение полутора лет, он не обмолвился ни словом!)⁴⁷, зато с нарочитой обстоятельностью описывал наиболее драматические эпизоды своего «плавания» или «волокиты» (характерно, что «волокитой» Аввакум называл и его перевозки по тюрьмам). С этими лейтмотивами связан образ «бури» (в природе и в жизни), реальной и символической, а также антитеза «потопление» — спасение, «буря» — покой. В «первой» челобитной Аввакума царю, где автор впервые рассказывал о своих «сибирских бедах», упоминание о «плавании» и «потоплении» имело еще характер обобщенной информации: «...в десять лет много того было: беды в реках и в мори, и потопление ми многое было». В «Житии» из этого реального факта, как из ростка, вырастает целое метафорическое «древо».

Стилевое новаторство Аввакума, восходящее в конечном счете к его своеобразному бунтарству, характеризуется органическим единством разнообразных, на первый взгляд даже несовместимых, средств художественной изобразительности. Никто еще в древней русской письменности, включая и Ивана Грозного, не достигал такого решительного и последовательного сближения двух языковых и стилистических стихий — церковно-книжной и простонародно-речевой, народно-поэтической. Это был первый смелый опыт, который долгое время не решится повторить ни один русский пи-

---

⁴⁷ О том, что это — сознательный авторский прием, свидетельствует наличие в Прянишниковском списке (а следовательно, в первоначальной редакции «Жития») подробностей жизни Аввакума на Мезени, от чего он отказался в процессе творческой переработки последующих редакций.

сатель. Очень хорошо оценил эту особенность «Жития» Р. Ягодич: «При помощи такого соединения <...> Аввакум <...> создал <...> один из стилистических феноменов мировой литературы»⁴⁸. И действительно, автору «Жития» присущ особый, неповторимый метафорический строй повествования, в котором сливаются библейская и народно-бытовая образность, торжественность и обыденность, символика и жизненная достоверность. Демократическое — в конкретно-исторических условиях — содержание «Жития» обусловило демократизацию его стиля, его «просторечие», установку на устный рассказ, точнее — на народный сказ, непритязательное «вяканье». Это воспроизведение устного рассказа в эстетическом плане следует рассматривать как ориентацию на народную поэзию, на народное красноречие в противовес письменной литературе духовной и светской аристократии, недоступной народу. Отсюда — насыщенность речи Аввакума пословицами, поговорками, присловьями («из моря напился, а крошкой подавился»; «стану опять про свое горе говорить, как вы меня жалуете-потчиваете»; «...присланы к нам гостинцы: повесили на Мезени в доме моем двух человек...»); отсюда — нарочитая грубоватость и свобода выражений (о борьбе с бесом: «ночь всю зимнюю с ним простряпал»; о молящемся юродивом Федоре: «тысячу поклонов отбрасает»); отсюда — обилие вульгаризмов и бранных слов. Вместе с тем, если это было Аввакуму необходимо, он легко и естественно переходил на торжественный, высокий стиль проповеди. Но и в том и в другом случае его произведение было рассчитано на чтение вслух. Аввакум хотел быть понятным каждому «слышателю», каждому простому, неграмотному человеку. «Ну, старец, моево вяканья много веть слышал», — такими характерными словами заключает свои «повести» Аввакум.

Аввакум добился соединения в своей манере повествования эпического, подчас хроникального тона с лирической взволнованностью; в связи с этим необычайно важное значение приобретает разговорная, живая, гибкая интонация рассказчика-героя. Быстрый темп повествования, создаваемый лаконичной, простой фразой, богатой глаголами, непрерывная смена картин перебиваются короткими, эмоционально насыщенными восклицаниями: «О горе мне!», «Увы мне!», «Ох, времени тому!», «И смех, и горе!», «Чудно!», «Да што делать!» и т. п. Эти особенности интонации «Жития» хорошо передают постоянно сдерживаемое, но как бы невольное прорывающееся и потому особенно действующее на читателя волнение, придают стилю «Жития» необычайную эмоциональность и драматичность.

Большое значение для раскрытия внутренней борьбы героя и драматизма его жизненных конфликтов и столкновений приобрели в «Житии» средства драматической характеристики — внутренний монолог, многочисленные реплики и диалоги. Речь персонажей является у автора «Жития» одним из основных приемов обрисовки характера (см. в приведенных выше примерах, раскрывающих образ Анастасии Марковны). Иногда в «Житии» возникают целые драматические миниатюры: избиение Аввакума Пашковым; переход

⁴⁸ Das Leben des Protopopen Awwakum von ihm selbst niedergeschrieben. Übersetzung aus dem Altrussischen nebst Einleitung und Kommentar von Rudolf Jagoditsch. Berlin, 1930, S. 65—66.

по льду Иргень-озера и разговор протопопицы, мужика и Аввакума; покушение Пашкова на своего сына; препирательство Аввакума со вселенскими патриархами на соборе и другие.

Важную функцию в «Житии» выполняет пейзаж. В одном случае (описание берегов Ангары в районе Долгого порога) он имеет служебное значение, оттеняет невыносимо тяжелые условия существования Аввакума: «Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! <...> На те горы выбивал меня Пашков, со зверьми, и со змиями, и со птицами витать» (см. стр. 32), в другом (описание «Байкалова моря») приобретает более самостоятельное значение: «Погода окинула на море, и мы гребми перегреблись: не больно о том месте широко, — или со сто, или с осьмьдесят верст. Егда к берегу пристали, востала буря ветренная, и на берегу насилу место обрели от волн. Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки, — дватцеть тысящ верст и больши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы, — все богоделанно. Лук на них растет и чеснок, — больши романозскаго луковицы, и слаток зело. Там же растут и конопля богорасленныя, а во дворах травы красныя — и цветны, и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей, — по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем — осетры и таймени, стерледи, и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем...»⁴⁹

Этим эпизодом заканчивается даурская ссылка Аввакума — один из самых страшных эпизодов его житейского «плаванья», поэтому пейзаж проникнут светлым настроением, приобретает символический смысл. Люди спаслись от бури и на надежной земле спокойно наблюдают природу. Пейзаж передает умиротворенное душевное состояние героя. Обилие инверсий придает рассказу своеобразную покойно-неторопливую интонацию, резко выделяющую это место из всего драматического повествования. Очень важна композиционная роль пейзажа «Байкалова моря» — он как будто предвещает мирный исход борьбы, конец испытаниям; в философских рассуждениях созерцающего природу Аввакума, заключающих этот пейзаж, прорывается желание покойной, мирной жизни, радостей бытия (см. стр. 46). Но сразу же за этим следует сильная драматическая сцена, раскрывающая внутренние колебания героя, — разговор Аввакума с женой, побуждающей его продолжать борьбу, — и он идет навстречу новым, еще более тяжелым испытаниям⁵⁰.

---

⁴⁹ Этот пейзаж позволяет уточнить место переправы Аввакума через Байкал. Принято считать (П. Н. Савицкий, А. Н. Робинсон), что Аввакум переплыл озеро «наискось», от устья Селенги к устью Ангары. Однако запечатленный им пейзаж свидетельствует, что он пересек Байкал в направлении к бухте Песчаной или бухте Бабушка.

⁵⁰ Пейзажи Аввакума представляют большой интерес не только в композиционном отношении, но и как первые художественные описания природы Сибири и Забайкалья. Этим они принципиально отличаются от географических сведений, содержащихся в других сочинениях XVII века о Сибири — в различного рода «Чертежах», «Росписях», «Описаниях» и т. п., включая и «Историю о Сибири» Ю. Крижанича (см.: Титов А. Сибирь в XVII веке. М., 1890) и даже описания «Сибирской страны» в Есиповской летописи (1636 г.), с которой Аввакум мог ознакомиться, будучи в Тоболь-

Все средства художественной изобразительности в «Житии» служат одной цели — они выявляют пронизывающий произведение драматизм, пафос борьбы. Секрет воздействия «Жития» на читателя и неумирающей красоты этого произведения — в счастливо найденном Аввакумом единстве содержания и формы, подсказанном его талантом. Вот почему, отдаленное от нас на три столетия, «Житие» остается одним из шедевров русской и мировой литературы.

Сочинения Аввакума и особенно его гениальное «Житие» занимают весьма заметное место во всей древней русской литературе. Однако, как ни оригинально содержание лучших его произведений, как ни значительно их художественное своеобразие, творчество Аввакума не может быть противопоставлено предшествующей ему письменности, оно неотделимо и от всего историко-литературного процесса второй половины XVII века. Будучи смелым новатором, Аввакум вместе с тем как бы подытоживал развитие многих направлений русской средневековой письменности и одновременно по-своему выражал общую для современной ему литературы тенденцию к художественному обновлению. Ярко знаменуя собою один из моментов переходного этапа в истории русской культуры, предвосхищая своей художественной интуицией некоторые открытия новой русской литературы, Аввакум не случайно, по мере укрепления демократических и реалистических тенденций в искусстве XIX—XX веков, привлекает к себе внимание все расширяющегося круга читателей, мыслителей и художников. По-новому осмысленное, литературное наследие великого писателя древней Руси стало достоянием современной культуры.

В. Гусев

ске (см.: Пустозерский сборник. Л., 1975, комментарий Н. С. Демковой, стр. 237). В названных источниках — лишь сухая, деловая информация о реках, озерах, фауне и флоре. Ср.: Савицкий П. Н. «Житие» протопопа Аввакума как географический первоисточник. — Научные труды русского народного университета в Праге. Прага, 1929, т. II, стр. 220—229.

КОММЕНТАРИЙ

Эта книга знакомит читателей с литературным наследством выдающегося русского писателя второй половины XVII в. — протопопа Аввакума. Кроме знаменитого автобиографического «Жития» в настоящем издании печатаются важнейшие его сочинения различных жанров: челобитные, послания, письма, беседы, толкования, в том числе сочинения, найденные в результате многолетних разысканий советских ученых и прежде всего В. И. Малышева. Книга подготовлена к печати на основе издания «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения» (под общей редакцией Н. К. Гудзия. М., ГИХЛ, 1960), ставшего библиографической редкостью. Однако в отличие от этого издания в книге несколько изменен состав публикуемых произведений: не переиздается Приложение — Прянишниковский список «Жития», дополнен раздел писем за счет вновь найденных текстов, публиковавшихся только в специальных научных изданиях. Кроме того, в книге частично переработан и заново выверен комментарий к сочинениям Аввакума, уточнен словарь, переработана вступительная статья, заново составлена библиография. Сочинения Аввакума, сохранившиеся в автографах, вновь выверены по рукописям.

В настоящем научно-популярном издании сохранены правила публикации текстов издания 1960 г. Буквы славянского (кирилловского) алфавита, вышедшие из употребления, заменены современными, титла раскрываются и не воспроизводятся, выносные буквы вносятся в строку, причем выносное *т* в окончаниях инфинитивов и выносное *с* в окончаниях возвратных глаголов и деепричастий передаются как *-ть* и *-сь* (*женить*, *сбесясь*), при выносном *с* в глаголах 2-го лица настоящего времени также используется *ь* (*боисья*), выносные частицы *ж* и *б* вносятся в строку без дополнения их

(того ж). Особенности орфографии оригинала сохраняются за следующими исключениями: ъ, ь и й употребляются в соответствии с правилами современной орфографии (вместо *болше, Петровичь* — *больше, Петрович* и т. п.); в целях облегчения восприятия текста современным читателем не сохраняются фонетические написания в предлогах и приставках, а также обозначение начальной йотированной гласной (вместо *х Казанской, зделал, не-идет* — *Казанской, сделал, не идет*). Явные описки исправляются. Под строкой оговариваются исправления, меняющие смысл того или иного слова. Все интерполяции издателей, предположительные чтения дефектных мест взяты в квадратные скобки, слова Елифания — в угловые. Заглавия текстов (или их разделов), имеющиеся в рукописях, а также «надписания» писцов («Список с грамотки» и т. п.) заключены в кавычки и отделены от основного текста. Цитаты, приводимые Аввакумом, печатаются в кавычках, скрытые цитаты — курсивом. В комментарии цитаты поясняются указаниями на их источники для учета круга чтения Аввакума.

Принципы комментирования материала определяются необходимостью реального объяснения упоминаемых Аввакумом исторических фактов, событий, лиц, географических названий, а также некоторых его высказываний. Такие объяснения, как правило, даются при первом упоминании того или иного факта или имени.

В конце книги помещены библиография основных изданий и исследований сочинений Аввакума и словарь трудных для понимания слов.

Текст «Жития» подготовлен к печати В. Е. Гусевым. Комментарий к тексту памятника воспроизводит комментарий Н. К. Гудзия в издании 1960 г. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения»; он дополнен и отредактирован Н. С. Демковой (ее дополнения отмечены предваряющей их звездочкой, а в случае необходимости звездочкой отмечается и конец дополнения).

Статьи из «Книги бесед», «Книги толкований», «Книги обличений», а также «Списание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека» подготовлены к печати и прокомментированы А. С. Елеонской. «Совет святым отцем преподобным», послание «чадом церковным» о дьяконе Федоре, «О трех исповедницах слово плачевное» подготовлены к печати А. И. Мазуниным (последний памятник прокомментирован им же). Тексты челобитных, посланий и писем подготовлены к печати и прокомментированы Н. С. Демковой. Ею же осуществлена общая редактура комментариев к остальным сочинениям Аввакума. Словарь составлен В. И. Кодуховым, библиография — Н. С. Демковой.

ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Текст «Жития» печатается по автографу (Рукописный отдел БАН, собр. Дружинина, № 746). Кроме основного текста (так называемой редакции А) в подстрочных сносках даются некоторые варианты и дополнения по двум другим редакциям «Жития»: автографу редакции В, опубликованному в «Пустозерском сборнике», и одному из дошедших до нас позднейших списков редакции Б, опубликованному в книге «Русская историческая библиотека», т. 39 (Памятники истории старообрядчества XVII в.), Л., 1927. Приводятся не все варианты, а лишь представляющие литературный интерес.

Основной текст «Жития» заново сверен с автографом, при этом учтены некоторые новейшие прочтения памятника (А. Н. Робинсон, Н. С. Демкова). Сохраняющиеся различия в публикациях текста объясняются, во-первых, тем, что в некоторых случаях нами предлагаются иные прочтения спорных мест, и, во-вторых, тем, что исправляются ошибки и опечатки в издании автографа в книге «Жизнеописания Аввакума и Епифания» (М., 1963).

При чтении текста следует иметь в виду, что ударения в словах, проставленные в автографе, не всегда совпадают с современными. Не отмечая многочисленные, закономерно повторяющиеся несовпадения (в именах, например Аввакум, Пашков, Струна; в деепричастиях, например бегаючи, едучи и т. п.; в творительном падеже множественного числа существительных, например бесами, и др.), являющиеся, как правило, отражением норм древнерусского языка, мы воспроизводим ударения лишь в тех случаях, когда они имеют смысловое значение (например, воздух) или важны для правильного восприятия особенностей речи Аввакума.

Исправления Епифания в тексте «Жития» Аввакума оговариваются под строкой, но не вводятся в основной текст. Там, где это необходимо, аутентичность и неслучайность аввакумовского написания, исправленного Епифанием, подтверждается ссылкой на автограф редакции В.

В некоторых случаях мы отступаем от пунктуации, предложенной в названных изданиях «Жития», и сохраняем пунктуацию, принятую в издании «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения».

При подготовке текста с благодарностью принималась текстологическая консультация Н. С. Демковой.

В. Гусев.

Стр. 17. *Епифаний — инок Соловецкого монастыря, один из видных деятелей и писателей раннего старообрядчества, духовный отец Аввакума в пустозерской ссылке, так же заключенный в земляную тюрьму и сожженный вместе с Аввакумом 14 апреля 1682 г. Епифаний ушел из Соловецкого монастыря в 1657 г., не приняв никоновской реформы, и долгое время жил отшельником в разных скитах в Поморье, где написал большую «книгу» (по-видимому, в 1665—1666 гг.), не дошедшую до нас, обличающую никоновскую реформу и ее сторонников. В 1666 г. Епифаний принес «книгу» в Москву с целью публичного обличения «никониан», был арестован и осужден церковным собором 1666—1667 гг., казнен «урезанием языка» и сослан вместе с Аввакумом в Пустозерск. Автобиографическое «Житие» Епифания, написанное им в пустозерской земляной тюрьме, в рукописях непосредственно продолжает «Житие» Аввакума. О Епифании и его отношениях с Аввакумом см.: Робинсон, стр. 47—86; издание текста «Жития» Епифания — там же, стр. 179—202.

* *Всесвятая троице... возлагаюлю...*—Аввакум начинает «Житие» словами молитвы, хорошо известной его современникам, несколько сокращая и видоизменяя ее текст для более осмысленной связи с дальнейшим (см.: Псалтирь. М., 1648, л. 17—17 об., и другие издания).

...Дионисия Ареопагита «О божественных именах»... — Именем Дионисия Ареопагита, по преданию — ученика апостола Павла и первого афинского епископа (*краткие известия о нем имеются в Деяниях апостолов, XXVII, 34, и в его апокрифическом

«Житии»*), обозначался автор четырех трактатов и десяти писем, пользовавшихся огромным авторитетом в богословской практике средневековой церкви, как западной, так и восточной. В новое время доказана мифичность личности Дионисия Ареопагита, и сочинения с его именем, носящие явные следы влияния неоплатонизма, с этих пор приписываются автору, жившему в конце V или в начале VI в. Они известны в нескольких старинных славянских и русских переводах с греческого начиная с XIV в. Здесь и далее Аввакум имеет в виду трактат Псевдо-Дионисия Ареопагита «Об именах божиих», представляющий собой извлечение из сочинения неоплатоника V в. Прокла, *распространявшийся на Руси как в отдельных рукописях, так и в составе монументального теологического и литературного свода XVI в. — в Великих Минеях Четых митрополита Макария (см. приводимые далее Аввакумом цитаты: ВМЧ, октябрь, дни 1—3. Издание Археографической комиссии. СПб., 1870, стб. 399—400, 557, 562, 564).

Стр. 18. *Мы же... исповедаем... истиннаго и животворящаго...* — Здесь Аввакум протестует против исключения в новоисправленных при Никоне книгах слова «истиннаго» в символе веры.

*О патриархе Никоне, Павле Крутицком, Иларионе Рязанском, Макарии Антиохийском, Паисии Александрийском см. прим. к стр. 20, 51, 59, 69.

*Алексей — личность этого последователя и «доброхота» Аввакума, которому был отправлен автограф «Жития», не установлена; из послания Аввакума к нему явствует, что Алексей — глава большой семьи и, по-видимому, наставник в общине. Известно, что в Пустозерске был дом «брата Алексия», где пустозерские узники (до заключения в земляную тюрьму в апреле 1670 г.) могли иногда встречаться и переписывать свои сочинения, однако нет никаких данных, которые позволили бы отождествить Алексея-пустозерца и адресата «Жития Аввакума» (см.: Демкова, стр. 32).

*...книга живота вечнаго. — Так Аввакум называет свое «Житие».

Стр. 19. *...ищитати бегу небесныя...* — То есть следить за движением небесных светил, *заниматься астрономией или астрологией.

*...вся сия вмених быти яко уметы. — Ср.: Послание ап. Павла к филиппийцам, III, 8.

К Тимофею пишет в книге своей... да разумеет. — Все сочинения, приписываемые Дионисию Ареопагиту, адресованы Иоанну Богослову, а также апостольским ученикам — Титу, Тимофею, Поликарпу и др. *Этот текст не найден в сочинениях Псевдо-Дионисия — ни в славянских, ни в греческих списках.

Чти Апостол, 275. — Аввакум здесь отсылает ко второму Посланию ап. Павла к фессалоникийцам, II, 10—12.

...в Солнечном граде... — *В Гелиополе. «Солнечный град» — славянский перевод греческого названия древнеегипетского города Гелиополя (31 км к северу от Каира), где, по преданию, Дионисий Ареопагит со своим учеником находился во время распятия Христа (см.: Робинсон, стр. 211—212).

*...солнце во тьму преложися... черным видом. — Ср.: Книга Иова, II, 10, 31.

*Еще же да будет... свыше... — Ср.: Книга Бытия, XXVII, 28, 29, 39.

*...да ясте ветхая... изринете... — Ср.: Левит, XXVI, 10.

*...житие свое... пятьдесят пяти годов. — Обращение Аввакума к читателям «Жития» датируется 1675 г.

... *Авва Дарофей... лист 49...—Авва (древнееврейск. «отец») — обычное в византийской традиции почтительное добавление к имени инока и настоятеля монастыря. Дарофей (ум. 620) — сирийский монах, аскет, настоятель созданного им монастыря и автор многочисленных поучений, обращенных к монашеской братии, популярных в восточном христианстве. В 1652 г. книга «Поучения аввы Дарофея» издана в Москве и была хорошо известна Аввакуму. Однако точность отсылки Аввакума кажущаяся: на указанном месте нет «поуждения» Дарофея, на которое ссылается Аввакум.

Стр. 19—20. *Той же Дионисий... закрывает солнце.—Источник фрагмента не найден. Возможно, это оригинальное осмысление Аввакумом текста послания Псевдо-Дионисия Поликарпу, в котором объяснялась необычность затмения, случившегося, по евангельской легенде, в день распятия Христа (см.: ВМЧ, стб. 746, 749).

Стр. 20. ...солнце затмилось в 162 году, пред мором за месяц или меньше.— Речь идет о солнечном затмении 2 августа 1654 г. во время эпидемии чумы (цифра 162 сокращенно обозначает 7162 г. по летосчислению от «сотворения мира»; для перевода старого летосчисления на современное нужно вычитать из даты от «сотворения мира» цифру 5508). Ниже Аввакум так же ошибочно приурочивает это затмение ко времени «недели за две до Петрова дня» (29 июня), то есть к середине июня. *По-видимому, это не ошибки памяти Аввакума, а нарочитое «стяжение» времени, так как он ставит оба события в непосредственную связь с реформами патриарха Никона, вызвавшими, по мнению Аввакума, эти бедствия.

*...Симеон Сибирской... — Архиепископ Сибирский и Тобольский (с 1651 г.), сочувствовавший старообрядцам, земляк Аввакума, неоднократно помогавший ему во время сибирской ссылки (см. прим. к стр. 30).

...в то время Никон... zelo мор велик был... — Начало реформаторской деятельности патриарха Никона (1605—1681), положившей основание расколу, относится к весне 1653 г. Опустошительная моровая язва (чума) свирепствовала в Москве и во многих других местах России во вторую половину 1654 г. 25 августа этого года, в связи с мором, произошло в Москве народное возмущение, направленное против Никона как реформатора. *...бог излиял фиал гнева... на Рускую землю... — Ср.: Апокалипсис, XVI, 1.

Потом... тьма бысть... проклинав, бросили.— Второе солнечное затмение, упоминаемое Аввакумом, было не через четырнадцать, а через двенадцать лет, 22 июня 1666 г. За месяц с небольшим до этого, 13 мая 1666 г., Аввакум был расстрижен и вместе с попом Никитой и дьяконом Федором увезен в Никольский монастырь на Угрешу, близ Москвы (см. прим. к стр. 52).

Той же Дионисий пишет... там пространно уразумеешь.— О солнечном знамении у палестинского города Гаваона при Иисусе Навине см. в Книге Иисуса Навина, X, 12—13; о «знамении» при царе Езекии — *в Четвертой книге Царств, XX, 8—11. В комментариях к книге Псевдо-Дионисия эти же сюжеты излагаются кратко (см.: ВМЧ, стб. 744, ср. 746).

Он же Дионисий пишет о небесных силах... — В трактате «О небесной иерархии» (*см.: ВМЧ, стб. 315—342).

*...благословенна... господня! — Ср.: Книга пророка Иезекииля, III, 12.

Стр. 20—21. ...сия троюза... тричислено и сие воспевание.— Аввакум защищает дониконовскую формулу славословия: «аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже!» — протестуя против нововведенного на

соборе 1666—1667 гг.: «аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже!» — на том основании, что «ангельская речь» «аллилуйя» на «человеческой речи» именно и значит «слава тебе, боже» и иконовое прибавление лишнего «аллилуйя», таким образом, учетверяет славословие, должствующее по традиции быть тройным. *Алфавит (или Азбуковник) — особый тип толкового словаря, распространенный в греческой и славянской средневековой письменности, содержащий наряду со сведениями о значении слов краткую характеристику различных понятий, предметов, явлений. Григорий Нисский (335—394) и его старший брат Василий Великий (329—378) — популярные в восточном христианстве «отцы церкви». *«свят, свят... славы его!» — Из книги пророка Исаии, VI, 3.

Стр. 21. *Пространно пречистая богородица... и от сына исхождение являют...* — Аввакум имеет здесь в виду житие Ефросина Псковского (ум. 1481), написанное в 1547 г. его учеником Василием. По словам Василия, тайна «аллилуйя» была открыта богородицей, явившейся к нему во сне и повелевшей «двоить» «аллилуйя» (*см.: Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 4. СПб., 1862, стр. 104—106). На основании этого сообщения Василия сугубая «аллилуйя» утверждена была Стоглавым собором 1551 г., который «трегубую» «аллилуйя» постановил считать «латынской ересью». В «латинстве» Аввакум обвиняет никониан и далее: католический символ веры утверждает «исхождение духа» не только от «отца», как утверждает православный символ веры, но и от «сына».

Стр. 21—22. *Афанасий Великий рече... по вышереченному Афанасию. — Излагая в начале «Жития» свое исповедание веры, Аввакум цитирует и пересказывает авторитетнейшие для православной церкви тексты «отцов церкви» III—V вв., интерпретаторов основ христианской догматики, хорошо известные его современникам: «Исповедание веры» Афанасия Александрийского, «Изложение вкратце о вере» Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского, «Маргарит» («Жемчужины») Иоанна Златоуста (см.: Собрание краткия науки о артикулах веры. М., 1649, л. 2—5 об.; Маргарит. М., 1641, л. 476—476 об.).

Стр. 22. *Сице аз... умираю. — Слова Аввакума, заключающие вступление к «Житию», напоминают заключение его письма церковным властям, которое Аввакум подал 5 августа 1667 г. (см.: Материалы, II, стр. 23; Робинсон, стр. 216); по-видимому, текст вероисповедного и полемического вступления к «Житию» является отражением основных положений речи Аввакума на соборе 1667 г., когда он, по его словам, «посрамил» «римские» заблуждения властей Дионисием Ареопагитом (см. стр. 60).

Рождение же мое... Григорове. — Григорово — ныне село Больше-Мурашкинского района, Горьковской области. Кудма — правый приток Волги. *Год рождения Аввакума — 1620 или 1621.

Стр. 23. *Анастасия — жена Аввакума Анастасия Марковна (1624—1710). Особая редакция «Жития» (Прянишниковский список) сообщает дополнительные данные о женитьбе Аввакума: «Мати же изволила меня женить семнатцати лет, жену мне привела четырнатцати лет» (см.: Житие, 1960, стр. 310).

Аз же от изгнания преселихся во ино место. — Из Григорова, где Аввакум не поладил со своими односельчанами (причины неладов неизвестны), он переселился в село Лопатищи, Нижегородского края, где и начал свое священнослужение.

Рукоположен во дьяконы... имею священство. — Следовательно,

в дьяконы Аввакум был рукоположен в 1642 г., в священники — в 1644 г., поставлен в протопопы — в 1652 г. *С 1642 по 1652 г. Аввакум прожил в Лопатищах. Протопопом он был назначен в Юрьево-Тобольский, ныне город Ивановской области.

А егда в попах был... с полтретьяцеть. — Аввакум определяет количество лет своей проповеднической и учительной деятельности приблизительной цифрой — двадцать пять («с полтретьяцеть») начиная отсчет ее примерно с 1647 г.

Стр. 24. «объяша мя болезни... и болезнь обретох» — из Псалтири, СХIV, 3—4.

В то же время... в земле закопан. — Речь идет о втором сыне Аввакума, которому в 1653 г. было пять лет (см. прим. к стр. 29). Следовательно, он родился в 1648 г. О том, что жена Аввакума и двое его сыновей, Иван и Прокопий, посажены в земляную тюрьму на Мезени, подробно речь идет в «Житии» (см. стр. 36). *По другим данным, Прокопий родился в 1647 г.: именно в 1647 г., уже после возвращения Аввакума из Москвы в Лопатищи, произошла его встреча с В. П. Шереметевым (см. прим. к стр. 25).

Стр. 24 — 25. *...яко же Филипп каженика древле.* — Аввакум имеет здесь в виду эпизод крещения в пути, у воды, апостолом Филиппом евнуха-эфиопа, рассказанный в Деяниях апостолов, VIII, 27 — 38.

Стр. 25. *...к духовнику... Стефану и к Неронову... Ивану...* — Стефан Вонифатьев (ум. 1656) — с 1645 или 1646 г. протопоп московского Благовещенского собора, царский духовник, глава кружка «ревнителей благочестия», влиятельнейшее лицо в церковных делах того времени; Иван Неронов (1591—1670) — с 1646 или 1647 г. протопоп московского Казанского собора, затем инок с именем Григорий; в пору, о которой идет речь, после Вонифатьева — второй по степени влиятельности член кружка «ревнителей благочестия».

Придоша в село мос... о[г]пустил в поле. — Борьба церкви и государства со скomorошьими потехами и «бесовскими играми», проходящая через всю историю старой Руси, особенно усилилась в середине XVII в. по почину кружка «ревнителей благочестия». В 1648 г. было издано специальное распоряжение царя, разосланное по городам воеводам и запрещающее, под угрозой батога и даже ссылки в окраинные города, всякие затеи скomorохов с домрами, гусями, волынками, медвежьими плясками. К этому добавлялось: «а где объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие чудесные бесовские сосуды, и те бы вынимать и, изломав, жечь».

...Басилей Петрович Шереметев, плывуци Волгою в Казань... — Боярин В. П. Шереметев (ум. 1659) отправился из Москвы на воеводство в Казань в конце июля или в начале августа 1648 г. Таким образом, Аввакум, впервые бежавший в Москву в первой половине 1648 г., летом уже был снова в Лопатищах, где и произошла его встреча с Шереметевым. *По новым данным, поездка В. П. Шереметева была в 1647 г., в сентябре он проезжал мимо Лопатищ, тогда и произошла описанная Аввакумом встреча (см.: Робинсон, стр. 223).

...благословить сына... блудолюбный образ. — Мода брить бороду пришла на Русь с Запада в XVI в. Тогдашние церковные деятели, особенно митрополит Даниил, энергично боролись в своих проповедях с этим новшеством, по мотивам главным образом нравственного характера: бритье бороды тогда имело эротический привкус

и стояло в связи с довольно распространенным пороком мужеложества. Ревнители старины, в частности Аввакум, говоря о «блудолюбном образе» молодого Щереметева, исходили из тех же оснований, что и проповедники XVI в.

...у царя на сеньях со мною прощались... — То есть просили прощения. В Московской Руси было в обычае приближенным царя собираться почти ежедневно в царских сеньях.

...брату моему меньшому... дочь духовная была. — Речь идет о брате Аввакума, попе Евфимии Петрове.

*...господи, изведый мя из чрева матери моея... устроил! — Ср.: Псалтирь, XXI, 10.

Аще меня задушат... с Филиппом, митрополитом Московским... — Филипп, митрополит Московский (1507—1560), по распоряжению Ивана Грозного был задушен Малютой Скураговым,

...аще зарежут... с Захариею пророком... — Захария — один из двенадцати так называемых «малых» пророков, автор названной по его имени предпоследней пророческой книги Ветхого завета, по преданию убитый около 520 г. до н. э. за свою резкую обличительную проповедь.

...а буде в воду посадят... свободишь мя! — В Житии Стефана Пермского (ум. 1396), написанном Епифанием Премудрым в начале XV в., рассказывается о победе Стефана над язычником-волхвом и спасении его от испытания водой (ср.: Житие Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897, стр. 51—53).

Стр. 26. *«прости, государь... тобою!» — Евфимей Стефанович обращается к Аввакуму словами «блудного сына» (Евангелие от Луки, XV, 18).

господь... дает благодать — из Послания ап. Иакова, IV, 6; *см. также: Притчи Соломона, III, 34. Это библейское изречение вошло в речевой обиход XVII в.: оно дословно повторяется в сборниках пословиц этого века.

Аз же сволокся к Москве... — Второе бегство Аввакума в Москву относится к 1652 г., не позднее начала мая, так как после этого он около двух месяцев прожил в Юрьевце-Повольском и вновь вернулся в Москву до перенесения Никоном мощей митрополита Филиппа (9 июля 1652 г.).

...к патриархову приказу... били батожем и топтали... — Дворцовый Патриарший приказ ведал административными, финансовыми и судебными делами патриарших вотчин. Избиение толпой Аввакума, помимо желания расправиться с ним как со строгим блюстителем нравов, было вызвано, нужно думать, и тем, что Аввакум, видимо, строго взыскивал с населения налоги в патриаршую казну. Об этом избиении в Юрьевце, как и о некоторых дальнейших своих мытарствах, Аввакум говорит и в «первой» своей челобитной Алексею Михайловичу.

На Кострому прибежал... изгнали. — В 1652 г. костромской протопоп Даниил вызвал против себя мятеж, очевидно, за строгость, с которой он относился к своей пастве.

Стр. 26 — 27. Посем Никоном... Филиппа митрополита. — Перенесение Никоном мощей митрополита Филиппа из Соловков в столицу предпринято было с целью поднятия авторитета церковной власти, приниженной при Иване Грозном самим фактом расправы с Филиппом.

Стр. 27. А прежде его приезде... чтоб ему быть в патриархах. — Челобитная эта, о которой Аввакум упоминает и в «Книге

бесед», до нас не дошла. *За руками* — с собственноручной подписью. ...и пишет к нему послание навстречу... — Послание Алексея Михайловича с извещением о смерти патриарха Иосифа (15 апреля 1652 г.) было отправлено Никону, митрополиту Новгородскому, в мае 1652 г. (см.: *Акты Археологической экспедиции*. Т. IV. СПб., 1836, № 57/II, стр. 76—77).

Егда поставили патриархом... — Никон был поставлен в патриархи 25 июля 1652 г.

...не стал и в Крестовую пускать. — Крестовая — зала для приемов и заседаний в Патриаршем дворе.

...в пост великой прислал... пишет: «...трема персты бы есте крестились». — В «памяти», посланной Никоном накануне великого поста в 1653 г. сначала протопопу Казанского собора Неронову, а затем и в другие места, речь шла об уменьшении числа земных поклонов (с семнадцати до четырех) во время покаянной молитвы Ефрема Сирина и о замене двуперстия троеперстием. Аввакум вспоминает, что его прочили протопопом в собор Спаса-на-Бору в Кремле на место, освободившееся после смерти протопопа Силы, *однако неясно, насколько эти сведения достоверны.

...в Чудов... — В Чудов монастырь в Кремле.

...от образа глас бысть... — Об этом «гласе» от образа Спаса Неронов писал Стефану Вонифатьеву из Вологды 13 июля 1654 г. (см.: *Материалы*, I, стр. 99—100).

...коломенскому епископу Павлу... в новгородских пределах... — Епископ Коломенский Павел (ум. 1656), друг Неронова, сразу же стал во враждебные отношения к реформам Никона. Это был единственный архиерей, до смерти остававшийся в лагере старообрядцев. После собора 1654 г. он был лишен епископской кафедры и отправлен в заточение. По одним сведениям, был убит по приказу Никона в Хутынском монастыре, в Новгородском уезде, по другим — сожжен в срубе в Новгороде.

Мы же с Данилом... Никоноу отдал. — Эти выписки до нас не дошли.

Царь ево на патриаршество зовет, а он бытто не хочет... — Желая склонить Никона, занявшего позицию упорного отказа от патриаршества, царь упрашивал его на коленях о согласии, после чего Никон уступил, выговорив, однако, себе беспрекословное послушание со стороны царя и бояр.

...а со Анною по ночам укладывают... — Речь идет об Анне Михайловне Ртищевой, по мужу Вельяминовой (ум. 1675), сестре Федора Большого Михайловича Ртищева, *жившей в его доме в Москве после смерти мужа в 1642 г., *, «второй верховой боярыне» царицы Марии, горячей стороннице реформы Никона и его приятельнице (*см. о ней специальную статью: Робинсон А. Н. Два русских женских характера (XVII век). — В кн.: *Искусство слова*. М., 1973, стр. 31—39).

Стр. 28. *...в монастыре за Тверскими вороты...* — То есть в Страстном монастыре, на бывшей Страстной (ныне Пушкинской) площади в Москве.

...темниковскаго Данила... у Спаса на Новом. — Темников — ныне город в Мордовской АССР. Спас-на-Новом — бывший Новоспасский монастырь в Москве.

Таже протопопа Неронова... в Кольской острог. — Первое столкновение Неронова с Никоном произошло, как об этом пишет сам Неронов, из-за заступничества Неронова за муромского протопопа Логгина. В июле 1653 г. Неронов был сослан в Спасов-Каменный

монастырь на Кубенском озере (ныне в Вологодской области), а затем — в *Кандалакшский Рождественский монастырь на Кольском полуострове (см. «Записку о жизни протопопа Ивана Неронова с 1653 по 1659 г.» — Материалы, I, стр. 136).

А напоследок... да так и умер. — Обессиленный в борьбе с противниками, Неронов в 1667 г. обратился к царю, патриархам и всему собору (1666—1667) с посланием, в котором он, «яко блудный сын», уподобившийся «скотам несмысленным», каялся в своем непокорстве, просил прощения и впредь обещал новопечатным исправленным книгам не прекословить ни словом, ни делом, ни помышлением (см.: Материалы, I, стр. 240—243). Умер Неронов в сане архимандрита, с именем Григорий, 2 января 1670 г. и похоронен в паперти соборной церкви московского Данилова монастыря. Сочувственное отношение Аввакума к Неронову, несмотря на отречение последнего от старой веры, объясняется, видимо, дружескими чувствами, которые всегда питал Неронов к Аввакуму.

всяк мняйся... не падет — из первого Послания ап. Павла к коринфянам, X, 12.

еще возможно... избранныя — из Евангелия от Матфея, XXIV, 24.

Таж меня взяли... до Андроньева монастыря... — Краткое сообщение Аввакума об этом факте дополняется и проясняется из письма священника Казанского собора Ивана Данилова к Ивану Неронову от 29 сентября 1653 г. Как только состоялось постановление Никона о ссылке покровителя Аввакума, Неронова, с Аввакумом перестали церемониться. У него, замещавшего Неронова в Казанском соборе во время его отлучек, в тот же день, когда Неронов был приговорен к ссылке, 13 августа 1653 г., на всеобщую было отнято «первенство». Аввакум не уступил, отказался служить и ушел из церкви. Проводив затем отправлявшегося в ссылку Неронова, Аввакум, вернувшись в Москву, не стал служить в Казанском соборе, а служил полунощницу в церкви Аверкия в Замоскворечье. Но и там не поладив, он служил всеобщую во дворе Неронова, на сеновале («в сушиле»), переманив туда и прихожан из Казанского собора, причем иные из приверженцев Аввакума прямо говорили: «В некоторое время и конюшня-де иные церкви лучше». Казанский причт, особенно Данилов, «не стерпев», донес об этом Никону. В результате — арест Аввакума и богомольцев, бывших в сушиле (см.: Материалы, I, стр. 28—31). О том же сообщает и сам Аввакум в письме к Неронову от 14 сентября 1653 г. (там же, стр. 21—22). Очень показательно, что в своем «Житии» Аввакум о сушиле не упоминает, ограничиваясь лишь указанием, что он взят «от всеобщего»: с точки зрения церковно-канонической, демонстративная служба на сеновале, сопровождавшаяся отвлечением молящихся от храмов, была своего рода знаком отделения от церкви. Суровая расправа с провинившимся протопопом и его единомышленниками объяснялась, помимо указанного поступка, еще и тем, что он вместе с костромским протопопом Даниилом был автором челобитной, которую подал от имени «братии» Алексею Михайловичу по поводу ареста и ссылки Неронова. В этой челобитной, до нас не дошедшей, были допущены по адресу Никона, судя по письму Аввакума к Неронову, резкие выражения (ср.: Материалы, I, стр. 23—24, 31). *...день недельный... — То есть воскресенье («неделя» — старое русское (славянское) наименование последнего дня «седмицы» — воскресенья). ...до Андроньева монастыря... — Спасо-Андроников монастырь в Москве.

...не знаю — на восток, не знаю — на запад. — По старорусскому обычаю молиться нужно было на восток.

*Бысть же я в третий день приалчен... — В Деяниях апостолов (X, 10—13) сходным образом описывается чувство голода у ап. Петра.

Стр. 29. ...в соборной церкви... остриг в обедню. — Никон лишил Логгина сана (расстриг) в Успенском соборе во время обедни.

Бо время переноса... пуши жидовскаго действа! — Возмущение Аввакума вызвано было, очевидно, тем, что звиду возбуждения, царившего в храме, архимандрит с чашей у алтаря во время так называемого «великого входа» задержался дольше обычного. Называя находившиеся на дискосе части просфоры «телом Христовым», Аввакум утверждает тем самым факт «пресуществления даров» во время так называемой проскомидии, что ему и ставилось в вину как ересь.

Таже в Никитин день ход со кресты... — Никитин день — 15 сентября. В этот день совершался крестный ход из Успенского собора в Никитский монастырь.

...отдали дьяку Третьяку Башмаку... мне делал добро. — Младший дьяк Сибирского приказа Третьяк Васильев Башмаков вскоре выступил с челобитной против справщиков церковных книг и ушел в монахи, приняв имя Савватий.

...послали меня в Сибирь... до Тобольска... — Дело Аввакума велось очень быстро, и он был отправлен из Москвы в Сибирь, видимо, числа 17 сентября 1653 г. или близко к этому. У Аввакума, как он показал на допросе в Сибирском приказе 15 сентября, было четверо детей: три сына — Иван (девяти лет), Прокопий (пяти лет) и Корнилий (восьми дней) — и одна дочь — Агриппина (восьми лет). Младшего сына, Корнилия, протопопица Анастасия родила, следовательно, в Москве около 7 сентября. В черновом отпуске указной грамоты Симеону, архиепископу Тобольскому, в числе отправляемых с Аввакумом указывалась и его племянница Марина (ср.: Никольский, стр. 159—160).

...три тысящи верст... половину пути. — В то время существовали две дороги в Сибирь: одна — южная, через Казань, большей частью водой, пригодная в летнее время, и другая — северная, через Вологду, зимняя, преимущественно сухопутная. Аввакум с семьей шел второй дорогой. В черновом отпуске проезжей грамоты намечены следующие пункты, через которые должен был следовать Аввакум из Москвы в Тобольск: Переяславль-Залесский, Ярославль, Вологда, Тотьма, Устюг Великий, Соль-Вычегодская, Кайгород, Соль-Камская, Верхотурье, Туринский острог, Тюмень (ср.: Никольский, стр. 143).

Стр. 30. Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня. — Речь идет об архиепископе Тобольском и Сибирском Симеоне (см. прим. к стр. 20), который принял Аввакума, определив его протопопом тобольской Вознесенской церкви. Прибыл Аввакум в Тобольск, если полагаться на его указание, что он был в пути тринадцать недель, в конце декабря 1653 г.

...пять слов государевых сказывали на меня... — «Слово и дело государево» — формула, сопровождавшая донос на кого-либо с обвинением в государственном преступлении, отмененная в 1762 г. Екатериною II при вступлении ее на престол.

...архиепископля двора дьяк Иван Струна... побегоша вспять. — Вскоре после 24 января 1654 г. архиепископ Симеон уехал почти на целый год в Москву, будучи вызван туда на собор, соз-

ванный Никоном против старообрядцев. На время своего отсутствия дела епархии он поручил приказному Григорию Черткову и дьяку Ивану Струне. Заместители архиепископа, особенно Струна, сильно злоупотребляли своим положением, и Симеон по своем возвращении в Тобольск в декабре 1654 г. нашел, что в казенной, житейной и других службах епархиального Софийского дома «воровства и кражи объявилось много». В духовных судных делах Струна «правых винил, а виновных оправливал для своей бездельной корысти». За месяц до возвращения Симеона у Аввакума произошло столкновение со Струной, о котором он рассказывает здесь, из-за дьячка Антона, преследовавшегося Струной, видимо, по какому-то судному церковному делу (ср.: Никольский, стр. 144—145, 165—166).

...к воеводе... — «Большим» воеводой в Тобольске с 31 мая 1652 г. по 17 февраля 1656 г. был князь Василий Иванович Хилков (1614—1677).

...меня стриг. — Аввакум был расстрижен 13 мая 1666 г.

Потом приехал архиепископ... и мое дело тут же помянул. — Во второй своей челобитной, поданной в Сибирский приказ в 1659 г., архиепископ Симеон сообщал, что Ивану Струне «подали челобитную жена на мужа, а дочь на отца, что тот мужик дочь свою насильствовал. И он, вор, сделал по неправде. Мужика оправдал, а жену ево и дочь велел бить без пощады и отдал ему, мужику, головою без всякия крепости». По приезде Симеона (14 декабря 1654 г.) дочь была ему челом на отца. Мужик с дочерью был на очной ставке и дал на себя повинную. За это «пребеззаконное» дело Струна посажен был архиепископом в хлебню и взят на цепь. В челобитной, поданной царю в 1656 г., Струна жаловался на то, что Симеон его «в чеши и железах мучил многое время» и притом «по челобитной ссыльного протопопа Аввакума» (ср.: Никольский, стр. 146, 162, 166). Упоминание Струной челобитья Аввакума объясняет слова последнего: «и мое дело тут же помянул».

Он же, Струна... «слово и дело государево» на меня. — В своей челобитной царю Струна, со слов «памяти» из Патриаршего приказа в Сибирский, «не претерпя ево, архиепископли муки, в чеши и в железах пришел в съезжую избу и бил челом государю, а стольнику и воеводам, князю Василию Ивановичу Хилкову с товарищи, про тово протопоповы Аввакумовы неистовы слова извещал» (ср.: Никольский, стр. 162). Эти «неистовы слова», о которых мы ничего не знаем, видимо, и послужили Струне материалом для того «слова и дела государева» на Аввакума, о которых упоминает последний. Но, кроме того, судя по отписке тобольских воевод в Сибирский приказ, относящейся ко времени между 1 сентября и 31 декабря 1655 г., Струна «на того протопопа Аввакума извещал, что он, Аввакум, ходит с посохом, а посох-де с яблоки вызолочен, а на рогах оправлено серебром...», то есть завел посох не по сану.

Воеводы отдали ево... за пристав. — Иван Струна, как явствует из челобитных архиепископа Симеона, сказал «слово и дело государево и патриаршее» не только на Аввакума, но и на него, архиепископа. А так как политический доносчик в Московском государстве пользовался особым покровительством во время производства следствия по его доносу и отдавался под охрану властей, то и Струна отдан был под начало, «за пристав», Петру Бекетову, энергичному «землепроходцу», открывателю новых земель в Сибири, присоединявшихся к Московскому царству (ср.: Никольский, стр. 148, 165—166).

Стр. 31. Посем указ пришел... и укоряю ересь Никонovu. —

Как видно из отписки тобольских воевод в Сибирский приказ, ими получен был за подписью царя Алексея Михайловича указ о ссылке Аввакума на Лену, в Якутский острог. В Тобольске Аввакум, таким образом, пробыл с лишком полтора года.

* *Два брата жили у царицы в Верху...* — Известно, что во время мора (чумы) 1652 г. умер брат Аввакума Евфимий (см.: *Материалы*, I, стр. 359—369; *Робинсон*, стр. 241). *Верх* — царский дворец в Кремле.

* *Изялял бог... фиял гнева своего!* — Ср.: Апокалипсис, XVI, 1.

Говорил тогда... меч, разделение... — Аввакум имеет в виду, очевидно, первое послание Неронова к царю Алексею Михайловичу из Спасов-Каменного монастыря от 6 ноября 1653 г., в котором, однако, Неронов, разумея предстоящую войну с Польшей, писал лишь следующее: «аще бо сия брань не уставлена будет и церквам мир не предан будет, крепости не будет имети быти хотящая брань, но за премногое прогневание владыки нашего бога велия погибель и тщета будет» (см.: *Материалы*, I, стр. 38).

Таже сел... поехал на Лену. — Аввакум отправился из Тобольска по направлению на Лену в петров день, 29 июня 1655 г., как об этом он сам говорит в «Житии».

...в Енисейской... — То есть в Енисейский острог.

...велено в Дауры вести — дватцеть тысяч и больши будет от Москвы. — Даурия — старинное название местности, находящейся на восток от озера Байкал и составлявшей часть Забайкальской области. Аввакум сильно преувеличил расстояние Даурии от Москвы; на самом деле оно не превышает пяти с половиной тысяч верст.

И отдали меня Афонасью Пашкову... и мучит, и бьет. — Афанасий Филиппович Пашков (ум. 1664), во время прибытия в Енисейск Аввакума бывший енисейским воеводой, в августе 1655 г. получил приказание отправиться во главе отряда в несколько сот человек стрельцов и казаков в Даурию. Задачей экспедиции Пашкова было освоение земель, лежащих на Амуре, и установление там правильной администрации. Человек предприимчивый, смелый и энергичный, опытный администратор, Пашков вместе с тем отличался жестокостью в обращении с подначальными людьми, довольно, впрочем, обычной у сибирских администраторов, особенно во время походов, когда приходилось усиленными карательными мерами удерживать в повиновении, в обстановке всяческих лишений, плохо дисциплинированное войско. О жестокостях Пашкова по отношению к духовенству доносил, между прочим, архиепископ Симеон, называвший его «великим озорником» (подробнее об этом см.: *Бороздин*, стр. 69—71, и там же приложение, стр. 117).

Егда поехали из Енисейска... — Пашков во главе своего отряда выступил из Енисейска весной 1656 г.

...в Большой Тунгуске-реке... — Большая, или Верхняя, Тунгуска — так называлось раньше нижнее течение реки Ангары, притока реки Енисея, вытекающей из озера Байкал.

...простоволоса ходя. — По старорусским религиозным представлениям, считалось грехом появление женщины при посторонних с непокрытой головой.

Стр. 31—32. *Шаманский, Долгий* — пороги на реке Ангаре.

Стр. 32. * *...лоры... витать.* — Перефразировка Псалтири, X, 1.

И аз ему малое писанейце написал... и послал к нему. — Текст письма Аввакума к Пашкову до нас не дошел. * Начало «писанейца», процитированное Аввакумом, — хорошо известные его современникам слова заклятья дьявола, произносимые священником во

время «запретительных» молитв (отсюда параллель «Пашков—дьявол»).

Стр. 33. *Аще Иев и говорил так...* — Аввакум имеет в виду ропот Иова на бога за обрушившиеся на него бедствия, о чем идет речь в библейской Книге Иова.

яко многими скорбьми... царство небесное — из Деяний апостолов, XIV, 22.

...Падуну... в щепы изломает... — Ангара «шириною с версту» несколько ниже Падунского порога, в районе которого ширина реки доходит до двух-трех верст.

«сыне, не пренемай... а не сынове есте» — из Послания ап. Павла к евреям, XII, 5—8.

...Брацкой острог... — Братский острог основан в 1631 г. на реке Ангаре у порога Падун; в 1654 г. перенесен к месту впадения реки Оки в Ангару. От острога сохранились две башни; одна из них, в которой, по преданию, был заключен Аввакум, в настоящее время перевезена в с. Коломенское под Москвой.

...сидел до Филипова поста... — Так называемый филиппов пост начинается за сорок дней до праздника рождества, то есть 14 ноября.

Стр. 34. *Хилок—приток реки Селенги, впадающей в Байкал.*

...яко Лазаря во гною у вратех богатаго, пси облизуху гною его... — Сравнение взято из евангельской притчи (Евангелие от Луки, XVI, 19—31) о богатом и Лазаре.

Стр. 35. *Иргень* — озеро к востоку от Байкала.

Ингода — река в системе Амура, вместе с рекой Ононом составляющая Шилку.

У протопопицы моей однарятка... рублей в полтретьяцеть... — Упоминание об однарятке протопопицы, которая стоила двадцать пять рублей, указывает на то, что в Москве Аввакум жил в немалом достатке (лошадь стоила полтора рубля; годовая плата — на хозяйском содержании — работника-мужчины была пять рублей, а женщины — два с половиной; см.: Никольский, стр. 138).

Нерча — приток реки Шилки.

...что Авраам у дуба Мамврийска. — В Книге Бытия, XIII, 18, говорится о том, что Авраам, расставшись с Лотом, поселился «у дуба Мамврийскаго».

Стр. 36. *И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех...* — При отправке Аввакума в Сибирь у него было, как сказано выше, три сына — Иван, Прокопий и только что родившийся Корнилий. Иван и Прокопий далее упоминаются как живые, — следовательно, умер Корнилий и еще один, очевидно родившийся уже в Сибири.

Кто даст... источник слез — из Книги пророка Иеремии, IX, 1; *следующая часть фразы — *да же оплачу... житейскими сладьми?* — перефразировка текста молитвы (см.: Робинсон, стр. 250).

* *...а иногда у кúров корму из корыта нагребет.* — Первоначальный набросок описания сибирских испытаний Аввакума и его семьи находится в его «первой» челобитной царю Алексею Михайловичу и «Записке» о жестокостях воеводы Афанасия Пашкова (см. стр. 133—134, 136—137). Некоторые стилистические параллели к описаниям Аввакума обнаруживаются в челобитных служилых людей и крестьян XVII в. (см., например: Оглоблин Н. «Женский вопрос» в Сибири в XVII в. — Исторический вестник, 1890, № 7, стр. 199—200).

Дочь моя... Огрофена... на Мезени... закопаны сидят. — *Огрофена (Агриппина) — старшая дочь Аввакума, родилась в 1645 г., по-видимому, 16 июня (память св. Агриппины — 23 июня); две дру-

гие дочери Аввакума («меньшие сестры») — Акилина и Ксения. Анастасия Марковна и два старших сына Аввакума, Иван и Прокопий, были заключены в земляную тюрьму на Мезени в марте 1670 г.

«не начный блажен, но скончавый» — перифразировка слов Евангелия от Матфея, XXIV, 13.

яко ничто же успевае, но паче молва бывает — из Евангелия от Матфея, XXVII, 24. *Аввакум характеризует А. Пашкова словами Евангелия, относящимися к Пилату.

Стр. 37. Древле благодать действоваше ослом при Валааме... человеком гласом. — В Книге Чисел (XXII) говорится о том, что прорицатель Валаам отправился на ослице к моавитянам. По дороге ослица, которой трижды ангел преграждал путь, трижды сворачивала с дороги, за что Валаам бил ее, пока она человеческим голосом не стала жаловаться Валааму на побои и пока ангел сам своими укорами не остановил Валаама. Сообщаемое Аввакумом о греческих святых Юлиане и Сисинии не находит себе соответствия в известных нам памятниках, связанных с именами этих лиц.

Бог идеже хошет, побеждается естества чин. — Из третьей стихир на благовещение.

Чти житие Феодора Едесского... мертвого воскресила. — В Житии Феодора Едесского рассказывается о том, *как блудница воскресила умершего младенца; см.: Житие Феодора Едесского. СПб., 1880 (Памятники древней письменности, LXI), стр. 143—147.

Кормчая — собрание законоположений, относящихся к церковному праву, действовавшему в практике русской православной церкви.

Стр. 38. На Москве с бояронею в Вознесенском монастыре вселились. — То есть поселились с *вдовой воеводы Пашкова (ум. 1664), боярыней Феклой Симеоновной, в женском Вознесенском монастыре (в Кремле). Ф. С. Пашкова с июня 1673 г. и до смерти в 1685 г. была игуменьей Вознесенского монастыря, заметной фигурой в лагере никониян (см.: Румянцев в В. С. О датировке краткой редакции Жития протопопа Аввакума. — Вестник МГУ. Серия истории, 1969, № 6, стр. 64). Там же погребена и сноха Пашкова Евдокия Кирилловна.

Таже с Нерчи-реки паки назад возвратилися к Русе. — Построив на Нерче острог, Пашков 25 мая 1662 г. выехал на Иргень-озеро, а оттуда направился в Москву.

Стр. 39. У боярони... — То есть у снохи Пашкова, Евдокии Кирилловны.

Стр. 40. ...в Мунгальское царство... — В Монголию.

Стр. 41. «господи, хоцещи ли... во ину весь» — из Евангелия от Луки, IX, 54—56.

* приложи им зла... приложи — из Книги пророка Исаии, XXVI, 15.

Стр. 42. *«согрешил... пролил кровь неповинну...» — Слова Пашкова напоминают речь Иуды, предавшего Христа (Евангелие от Матфея, XXVII, 4).

*...яко косен бог во гнев, а скор на послушание... — Ср.: Послание ап. Иакова, I, 19.

«...Аще живем... господеви умираем» — из Послания ап. Павла к римлянам, XIV, 8.

Стр. 43. Десеть лет он меня мучил... — Если считать со времени прибытия Аввакума в Енисейск (1655), где в то время воеводой был Пашков, и до отъезда Пашкова в Москву (1662), Аввакум был в его власти не десять, а семь лет. Очевидно, здесь Аввакум круглой цифрой определяет время своей сибирской ссылки, длившейся в

общей сложности одиннадцать лет. О гонениях Пашкова Аввакум рассказывает также в специальной «Записке», приложенной к «первой» челобитной царю Алексею Михайловичу. О том же речь идет и в челобитной архиепископа Симеона (см.: Бороzdин, стр. 74).

А я, месяцу спустя... поехали... — Так как Пашков выехал из Нерчинского острога 25 мая 1662 г., то, следовательно, Аввакум начал путешествие из Сибири в Москву приблизительно в последних числах июня того же года или на несколько недель позже, если здесь имеется в виду отъезд не из Нерчинского острога, а с Иргеня. *В Прянишниковском списке (см.: Житие, 1960, стр. 325) указывается иной срок: «спустя недель с десятков».

«внутри убо страх, а вне убо боязнь»... «ужс бо де не надеяхомся... и избавляет» — из второго Послания ап. Павла к коринфянам, VII, 5, и I, 8, 10.

«яко аще не бы господь... пожерли быша нас» — из Псалтири, СХХIII, 2.

Стр. 44. *...яко Раав блудная... спрятал ево...* — В главе II Книги Иисуса Навина рассказывается о том, как блудница Раав на кровле своего дома скрыла от преследования иерихонского царя двух юношей, посланных Иисусом Навином в Иерихон на разведку.

«любите враги ваша и благотворите» — из Евангелия от Матфея, V, 44.

Стр. 45. *...запрещение то отступническое...* — Аввакум так называет постановление собора 1667 г., запрещавшее священнику самому крестить, исповедовать и причащать своих детей.

Петр (ум. 1326), Алексей (1300—1373), Иона (ум. 1461), Филипп (1507—1569) — митрополиты московские, признанные церковью святыми.

Погода окинула на море, и мы гребми перегреблись... — То есть на море приключилась непогода и мы гребли изю всех сил.

Стр. 46. *...больши романовскаго...* — Речь идет, вероятно, о сорте лука и чеснока, разводившегося в городе Романове-Борисоглебском (ныне город Тутаев, Ярославской области).

* *Там же растут и конопли... и зайцы великия в нем...* — Возможно, в описании Сибири (в этом фрагменте и в предшествующих) отразились не только непосредственные впечатления Аввакума, но и знакомство с литературным источником — описанием «Сибирской страны» в Есиповской летописи, где есть весьма похожий по типу текст, перечисляющий природные богатства Сибири (см.: Сибирские летописи. СПб., 1907, стр. 109—110). Есиповская летопись, написанная в Тобольске по заказу тобольской архиепископии в 1636 г., была широко распространена в Сибири в XVII в. Аввакум мог познакомиться с летописью во время пребывания в Тобольске в 1653—1655 гг. (архиепископ Симеон покровительствовал Аввакуму) или на обратном пути из ссылки, когда зимовал в Тобольске зиму 1663—1664 гг. Сохранился список Есиповской летописи, переписанной в Тобольске в ноябре 1663 г. при тобольском воеводе князе И. А. Хилкове, к которому Аввакум иногда ходил «обедать».

Тесная связь Аввакума с лицами, в распоряжении которых была Есиповская летопись, его любознательность и любовь к книгам, сходный тип описания-перечня дают основание предположить знакомство Аввакума с этим начальным памятником сибирской литературы (подробнее см.: Демкова Н. С. Комментарий в кн. «Пустозерский сборник», стр. 237—238).

А человек... яко сень, преходяг... — Ср.: Псалтирь, СХLIII, 4.

* Это изречение встречается и в сборниках пословиц XVII в. *...скачет, яко козел... яко бес... — Аввакум использует здесь образы одного из «слов» Иоанна Златоуста (см.: Робинсон, стр. 258—259).

...яко ничто ж успевае, но паче молва бывае.—См. прим. к стр. 36.
«привязался еси... не ищи жемы» — из первого Послания ап. Павла к коринфянам, VII, 27.

Стр. 47. *Таже приехал к Москве. Три годы ехал из Даур...* — Аввакум приехал в Москву весной 1664 г., так что в действительности путешествие продолжалось около двух лет.

Иван Богданович Камынин (ум. 1682) — с 22 января 1659 по 16 сентября 1662 г. воевода в Верхотурье (город Пермской области). Об участливом отношении к нему Камынина вспоминает Аввакум в другой редакции «Жития» (редакция В) в связи со своим заключением в Пафнутьевом монастыре.

К Федору Ртищеву зашел... — Ртищев Федор Большой Михайлович (1626—1673) — государственный и общественный деятель * (во время приезда Аввакума в Москву ведал Приказом Большого дворца)*, приближенный царя Алексея Михайловича, образованнейший человек своего времени, основавший школу, в которой ученые монахи, вызванные из Киева, обучали языкам славянскому и греческому, наукам словесным «даже до риторики и философии». Принадлежал к кружку «ревнителей благочестия» и будучи близок на первых порах с Никоном, Ртищев в то же время, отличаясь терпимостью, добротой характера и широтой воззрений, был чужд враждебности к старообрядцам, в частности к Аввакуму. В своем доме он устраивал диспуты, на которых давал возможность свободно высказываться представителям двух враждебных лагерей, не выказывая лично явного предпочтения ни одной из спорящих сторон. *О Ф. М. Ртищеве см.: Робинсон, стр. 260—261, и в его же монографии «Борьба идей в русской литературе XVII века». М., 1974.

Стр. 48. *...вся сия яко уметы... приобретаю...—См. прим. к стр. 19.

А се мне в Тобольске... благодеяния забыть? — Рассказанное здесь относится ко времени пребывания Аввакума в Тобольске зимой 1663—1664 гг. Царевнины именины, видимо, именины царевны Татьяны Алексеевны (*или Михайловны?*), 12 января. *«...да не полма рассеку тя!» — стилистическое подражание Евангелию от Матфея, XXIV, 51.

Стр. 49. *...господи, источивый... днешь ты еси!—Ср.: Книга Исход, XVII, 2—7.

...на обычном месте... — То есть на положенном для молитвы месте.

*...не глад хлеба, ни жажда воды... жити.—Ср.: Книга пророка Амоса, VIII, 11.

Стр. 50. *...и сколько друзей первых на Руси заедем...* — То есть: и сколько прежних друзей на Руси встретим.

...приказал государь... чтоб я молчал. — Родион Матвеевич Стрешнев (ум. 1667) — в то время окольный, ведающий Сибирским приказом. На него, так как он пользовался общим уважением и обладал репутацией беспристрастного и справедливого человека, царь Алексей Михайлович возлагал роль посредника в своих распрях и столкновениях как с Никоном, так и с Аввакумом. Как видно из дальнейшего, Стрешнев наряду с другими лицами, принимавшими участие в судьбе Аввакума, оказал последнему материальную помощь.

А се посудили мне... книги править... — Симонов день — 1 сентября. Вряд ли перспективы Аввакума на получение места книжного справщика были реальны ввиду явно враждебного его отношения к тогдашней практике исправления богослужебных книг.

Стр. 51. *...Лукьян духовник...* — Протопоп Лукьян Кириллов, царский духовник с 1657 по 1666 г.

У света моей... в дому был. — Боярыня Феодосья Прокопьевна Морозова, в то время вдова одного из первых бояр при царе Алексее Михайловиче — Глеба Ивановича Морозова, и княгиня Евдокия Прокопьевна Урусова, жена также приближенного к царю — кравчего князя Петра Семеновича Урусова, — родные сестры, урожденные Соковнины, родственницы Ф. М. Ртищева и свойственницы царя и царицы, ярые приверженницы раскола и последовательницы Аввакума. Ни убеждения, ни преследования и мучения, ни тягчайший тюремный режим не сломили волю сестер. Они умерли, заключенные в боровской (ныне Калужская область) земляной тюрьме (Урусова — 11 сентября 1675 г., Морозова — 2 ноября того же года). Боярыня Анна Петровна Милославская, урожденная княжна Пожарская (ум. 1669), — родственница царицы Марии Ильиничны, урожденной Милославской.

*...ничто же успеваает, но паче молва бывает... — См. прим. к стр. 36.

...паки заворчал... злодея и еретика. — Имеется в виду «первая» челобитная Аввакума царю Алексею Михайловичу, написанная вскоре после возвращения Аввакума из Сибири в Москву (см. стр. 131—135).

...с Феодором юродивым... повеся на виселицу. — Федор юродивый, с которым Аввакум впервые встретился, как он далее об этом говорит в «Житии» (см. стр. 56—57), в Великом Устюге, на пути из Сибири в Москву, и который стал после этого его «духовным сыном» вместе с другим приверженцем Аввакума, Лукой Лаврентьевичем, был удушен на Мезени в марте 1670 г.

...Павел архимарит... — Архимандрит Чудовского монастыря Павел (ум. 1675), один из главных противников старообрядчества, с 22 августа 1664 г. — митрополит Крутицкий. Упомянутое Аввакумом событие происходило, таким образом, до этой даты (*подробнее о нем см.: Робинсон, стр. 266—267).

Стр. 52. *...понеже раби Христовы... службе ходить.* — Аввакум служил в эту пору в Софийской церкви в Замоскворечье.

Сказывал... Салтыков. — Боярин Петр Михайлович Салтыков (ум. 1690), крупный административный деятель, в ту пору начальник Малороссийского приказа, принимавший деятельное участие в церковных делах, глава следственной комиссии по делу патриарха Никона.

Да и повезли на Мезень. — Аввакум сослан был в новую ссылку 29 августа 1664 г. Его сослали в Пустозерск, но с дороги, из Холмогор, Аввакум послал царю челобитную (см. стр. 137—138), полученную 21 ноября 1664 г. В ней он просил, ввиду трудности дальнейшего пути, оставить его в Холмогорах или где-нибудь в другом месте. *Однако Аввакума повезли дальше, и 29 декабря 1664 г. он вместе с семьей (двенадцать человек) был привезен на Мезень (слобода близ устья реки Мезени, впадающей в Северный Ледовитый океан), где произошла вынужденная задержка из-за бунта крестьян, отказавшихся дать подводы. «Остановкой Аввакума на Мезени воспользовались его московские «доброхоты» и добились разре-

шения «...оставаться на месте» (см.: Малышев, стр. 258). Здесь на Мезени (ныне город Архангельской области), в Окладниковой слободке, Аввакум прожил больше года (по февраль 1666 г.). Отсюда он написал новую челобитную царю, прося о «корме» для семьи («...не вели нас... поморить безгодною смертию с голоду и без одежды...»; см.: Малышев, стр. 261).

...и детьми...—У Аввакума в ту пору было шестеро детей: три сына — Иван, Прокопий и Афанасий — и три дочери — Агриппина, Акилина и Ксения.

Полтара года... к Москве взяли...— Аввакум был привезен в Москву 1 марта 1666 г.

Пафнутьев монастырь — близ города Боровска, бывшей Калужской губернии, в 90 верстах от Москвы.

Скаску им тут... написал... — «Сказка» эта (то есть письмо) до нас не дошла.

Козьма та... уговаривает... — Дьякон Козьма уговаривал Аввакума в первый раз 12 сентября 1666 г., во второй раз — 30 января 1667 г., то есть уже после того, как Аввакум, просидев семнадцать недель в Никольском монастыре на Угреше, вторично был отправлен в Пафнутьев монастырь.

...стяжався власти со мною... — С Аввакумом состязались церковные власти на соборе, заседания которого начались в феврале 1666 г.

...и стригли по переносе меня и дьякона Феодора... — Расстрижение Аввакума и дьякона Федора в Успенском соборе после так называемого «великого входа», то есть перенесения даров, происходило 13 мая 1666 г. Дьякон Благовещенского собора в Москве Федор Иванов — один из виднейших деятелей раннего старообрядчества. От него дошел до нас ряд посланий и полемических сочинений. На соборе 1666 г. он держался очень агрессивно, результатом чего и были его расстрижение и отлучение от церкви. Далее следовали заключение Федора в Никольский монастырь на Угреше, его временное, видимо неискреннее, раскаяние, новый допрос, перевод в Покровский монастырь, «что на убогих», новые увещания, бегство из монастыря, заключение, вероятно, в Троице-Сергиеву лавру, затем в московский Богоявленский монастырь, опять увещания и оставление собором 1667 г. в силе приговора над ним собора предыдущего, с преданием его «градскому суду». 25 февраля 1668 г. Федору урезали язык и отправили в заключение в Пустозерск, куда он прибыл 20 апреля и где встретился с Аввакумом, с которым у него впоследствии начались раздоры на почве несогласий в догматических вопросах.

Стр. 53. *...повезли нас ночью на Угрешу к Николе в монастырь.*— Аввакума, Федора и суздальского попа Никиту отправили в Никольский монастырь на Угреше (в 15 верстах от Москвы) 15 мая 1666 г., Никиту арестовали после Федора, и 10 мая 1666 г. он был «сана обнажен и проклят». По словам дьякона Федора, узников везли «мимо Коломенскова, не веси куды, странным путем, по берегу реки Москвы да по болотам, чтобы никто не видал знакомой, куды посадят» (см.: Материалы, V, стр. 422; см. также стр. 149—150).

Не им было, а быть же было иным... — То есть если бы не они это сделали, то сделали бы другие.

«нужда соблазнам приити»—из Евангелия от Матфея, XVIII, 7.

«невозможно соблазнам... приходит соблазн» — из Евангелия от Луки, XVII, 1.

Держали меня у Николы... семнатцеть недель. — Аввакум сидел в Никольском монастыре на Угреше до 5 сентября, после чего был переведен в Пафнутьев монастырь.

Тут мне... тамо обрящеши. — См. «пятую» челобитную царю Алексею Михайловичу, посланную в 1669 г. из Пустозерска (см. стр. 142—143).

...велико нестросние... отпросила меня. — Царица Мария Ильинична (1625—1669), первая жена Алексея Михайловича, была из рода бояр Милославских. Милославские были горячими приверженцами Аввакума; их родственники Морозовы покровительствовали ему. *...в Верху...—См. прим. к стр. 31.

И Воротынской... приезжал... — Князь Иван Алексеевич Воротынский (ум. 1679) — с 1664 г. боярин и дворецкий царя Алексея Михайловича.

Стр. 54. *Князь Ивана... батожьем били...* — Речь идет о князе Иване Ивановиче Хованском (ум. 1701), приверженце старообрядчества. В 1664 г. он был стольником.

...как Исаию сожгли. — Исаия, дворовый человек боярина Петра Салтыкова, *был сожжен на Москве до февраля 1670 г. (о казни его писал инок Авраамий в феврале 1670 г.).

А боярню ту... и ея мучат... — Единственный сын Морозовой, стольник Иван Глебович Морозов, умер в конце 1671 или в 1672 г. Разлученный с матерью, он с горя заболел. Царь прислал к нему лекарей, но, по словам составителя Жития боярыни Морозовой, «они так его улечили, что в малых днях к гробу предаша». Со смертью молодого Морозова дом Морозовых был разорен: почти все движимое и недвижимое имущество их было разделено боярами или распродано. Мучили Морозову сначала в московском Печерском монастыре, а затем, после смерти патриарха Питирима (19 апреля 1673 г.), — в Боровске.

Спальное крыльцо — крыльцо перед царским теремом, около которого находилась команда царской стражи.

Тайнишные водяные ворота — потайные ворота из Кремля к Москве-реке.

Дементий Минич Башмаков *(1618—1705)* — дьяк приказа Тайных дел, *доверенное лицо царя Алексея и его секретарь*; позднее при царе Федоре — печатник (*глава Печатного приказа, хранитель государственной печати).

«не надейтесь... несть спасения» — из Псалтири, CXLV, 3.

...а оне, бедные... в Москву взяли опять... — Федора и Никиту перевезли с Угреси в Москву 26 августа 1666 г.

Стр. 54—55. *Посем свезли... без мала.* — Аввакум на этот раз пробыл в Пафнутьевом монастыре с 5 сентября 1666 г. до 30 апреля 1667 г. Говоря о своем пребывании здесь в течение «года без мала», Аввакум ведет счет, очевидно, со времени первоначального заточения своего в Пафнутьев монастырь — 9 марта 1666 г. На этот раз отсылка его в Пафнутьев монастырь сопровождалась данным игумену монастыря Парфению строгим наказом: «посадить Аввакума в тюрьму и... ево беречь накрепко с великим опасением, чтоб он с тюрьмы не ушел и дурна никакова б над собою не учинил, и чернил и бумаги ему не давать, и никого к нему пускати не велеть, а корму давать как и прочим колодником» (см.: М а т е р и а л ы, I, стр. 372).

Стр. 55. *...табаку испил... творят.* — Митрополит Газский Паисий Лигарид, приехавший в Москву 12 февраля 1662 г., сразу же сумевший завоевать себе выдающееся положение в церковных делах и внушить

к себе доверие царя, был человек от природы умный и образованный; он был типичным авантюристом, жадным до денег и почестей, не пренебрегавшим самыми неблагоприятными средствами для достижения всяческих жизненных благ. Для своего обогащения он занимался торговлей, спекуляцией и даже не брезговал присвоением чужой собственности. «Операции» Лигарида с таким запретным на Москве зельем, как табак, весьма для него показательны.

**своему владыке... падает.* — Переделка из Послания ап. Павла к римлянам, XIV, 4.

...на велик день... — То есть на пасху.

*«блаженна обитель... и юзы!» — Аввакум использует здесь стилистические формулы житийной литературы (см.: Робинсон; стр. 274).

*...в цареве послании... обрящеши. — В «пятой» челобитной Аввакума царю Алексею Михайловичу (см. стр. 144—145).

Стр. 56. «горе... вси человецы» — из Евангелия от Луки, VI, 26.

Тут же приезжал... удувленной мой... — Тайное посещение Аввакума в заключении его сыновьями, Иваном и Прокопием (на этот раз вместе с юродивым Федором, позже, в марте 1670 г., повешенным в Мезени), было вторичным. В первый раз сыновья Аввакума вместе с его племянником Макаром Козьминим тайно навещали его в Никольском-на-Угреше монастыре 7 июля 1666 г., за что все трое подверглись аресту и допросам (см.: Материалы, I, стр. 359—370).

...у архиепископа на дворе... антихристову таинству. — Об Иларионе, епископе Рязанском, см. прим. к стр. 69.

Стр. 57. *Хорош был и Афонасьюшко...* — Афанасий, в иночестве Авраамий, был преданным учеником Аввакума и одним из видных деятелей раннего старообрядчества. Ему принадлежат полемические и исторические сочинения, важнейшие из которых «Христианоопасный щит веры», «Челобитная» царю Алексею Михайловичу, «Вопрос и ответ». В 1670 г. за хранение и распространение противониконианских писаний и за переписку с Аввакумом он был арестован, расстрижен и, видимо, весной 1672 г. сожжен в Москве на Болоте (*см. письмо Аввакума Афанасию, стр. 174—175). Об Авраамии как о представителе школы приказного стихотворства XVII в. см. в новейшем исследовании А. М. Панченко «Русская стихотворная культура XVII в.» (Л., 1973, стр. 82—102).

Стр. 58. **Павел Крутицкой...* — См. прим. к стр. 51. Подробное описание заключения и допросов инока Авраамия Павлом, митрополитом Крутицким, см. в сочинении Авраамия «Вопрос и ответ старца Авраамия» (см.: Материалы, VII, стр. 386—416).

Стр. 59. ...и, волоча многажды... вселенских патриархов... — Аввакума приводили в Чудов монастырь 3 и 11 мая 1667 г. Там его уговаривали архимандриты — Чудовский Иоаким и Спасский (из Ярославля) Сергей. 17 июня его «поставили» перед патриархами, заседавшими на церковном соборе, — Макарием Антиохийским, Паисием Александрийским и Иосафом Вторым Московским. *Макарий, «патриарх божия града великая Антиохии и всего Востока», и Паисий, «папа и патриарх великого божия града Александрии и всей вселенной судия», прибыли в Москву (2 ноября 1666 г.) по приглашению русских властей для участия в церковном соборе 1666—1667 гг., созванном для рассмотрения положения дел в русской церкви — для лишения Никона патриаршего сана, избрания нового патриарха и анафематствования старообрядцев. Было широко

известно, что «сребролюбные» вселенские патриархи приехали за милостынею к русскому царю и рассчитывают на богатые подарки в обмен на свое участие в церковном соборе.

*бог отверз... уста — из Псалтири, Л, 16 (Аввакум уподобляет здесь свою речь речи пророка Давида).

Последнее слово... рекли: «...так-де не подобает!» — Вряд ли патриархи в защиту троеперстия могли подкреплять его ссылкой на католиков-римлян, к благочестию которых одинаково недоверчиво относились и никониане и старообрядцы. Тут, очевидно, мы имеем дело с передержкой со стороны Аввакума. Здесь и ниже о крестном знамении старообрядцев говорится как о пятиперстии, что, однако, не расходилось с двуперстием, так как при двуперстном знамении крест возлагался молящимся всеми пятью пальцами, тогда как у никониан лишь тремя — большим, указательным и средним, в то время как безымянный и мизинец оставались прижатыми к руке.

Рим давно упал... и церковь немятежна. — В этих строках отразилось чувство национально-религиозного превосходства, свойственное деятелям русской церкви, которое с начала XVI в. нашло свое выражение в представлении о Москве как о третьем Риме, наиболее определенно впервые сформулированном старцем Филофеем в его послании к Василию III в 1516 г. *...от насилия турского Магмета* — со времени завоевания турецким султаном Магометом Константинополя в 1453 г.

...по преданию святых отец... Максима Грека. — Мелетий, епископ Антиохийский (ум. 381), приобрел себе большой авторитет у старообрядцев тем, что при вступлении на антиохийскую кафедру, как говорится об этом в сказании о нем, вошедшем в русские Прологи с XIV в., он при произнесении речи якобы сначала показал три перста, а потом, два согнув, оставил один. (Видимо, этот жест, если он и был сделан Мелетием, означал единство божества при троичности лиц). *Феодорит Кириныйский* (Киррский; 386—457), крупнейший церковный писатель V в., известен главным образом как борец с ересью монофизитов. В середине XV в., когда рядом с обычным двуперстием на Руси стало распространяться и троеперстие, возникло на русской почве подложное так называемое «Феодоритово слово», в котором от лица Феодорита защищалось двуперстие. *Петр Дамаскин* — ученый монах, живший во второй половине XII в. в Дамаске. В его сочинениях старообрядцы находили подтверждение правильности двуперстия. *Максим Грек (1480—1556)* — ученый монах, прибывший на Русь в 1518 г. для перевода на славянский язык греческих богослужебных книг и для исправления книг славянских и поплатившийся заточением за критическое отношение к текстам исправлявшихся им книг и за обличение отрицательных явлений в русской церковной и общественной жизни. В своем слове «Како подобает знаменоватися крестным знамением» Максим Грек действительно признавал двуперстие, но, видимо, как разъясняет академик Е. Голубинский, считал его равноправным с троеперстием.

Еще же и московский поместный... собор... и прочие научиша. — Московский поместный собор 1551 г., так называемый Стоглавый, в главе 31, трактующей о крестном знамении, постановил считать единственно правильным двуперстие.

«...при царе Иване... от святых русских». — *Гурий* (ок. 1500—1563) — во время Стоглавого собора епископ Смоленский и Брянский, впоследствии архиепископ Казанский. *Варсонофий (1495—1576)* — во время Стоглавого собора архимандрит казанского Спасопреображенского монастыря, впоследствии епископ Тверской,

умерший на покое в Казани. Оба канонизованы в 1595 г. Филипп — во время Стоглавого собора игумен Соловецкого монастыря, впоследствии известный митрополит Московский. Все трое названы «знаменосцами» потому, что у них, как у схимников, на мантии и на клобуке были вышиты знаки (знамения) креста.

*«чист есмь аз... отрясою» — слова ап. Павла (Деяния апостолов, XVIII, 6).

«лучше един... тьмы беззаконных!» — из Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова, XVI, 3.

*«вовыми, вовыми его!» — Аввакум использует здесь слова из евангельской сцены суда над Христом (Евангелие от Луки, XXIII, 18).

Стр. 60. ...человек их с сорок, чаю, было... — Сорок было, конечно, не патриархов, а членов собора.

Ухватил... Уаров... — Дьяк Иван Уарович Калитин был доверенным человеком и другом Никона.

...то имачю-архимариту... — переводчику, состоявшему при греческих патриархах, архимандриту Дионисию. Грек Дионисий, архимандрит афонского Иверского монастыря, прибыл в Москву в качестве настоятеля московского Никольского греческого монастыря в 1655 г. в затем принимал участие в исправлении богослужебных книг. Как человек, хорошо знавший русский язык и хорошо осведомленный в тогдашних русских церковных делах, он был советником патриархов в вопросах, касавшихся старообрядчества.

«таков нам... нелюбив» — из Послания ап. Павла к евреям, VII, 26.

«мы уроды... мы же немощны!» — из первого Послания ап. Павла к коринфянам, IV, 10.

...повели меня на Воробьевы горы... — Аввакум вместе с попом Лазарем и иноком Епифанием отвезен был на Воробьевы горы (в окрестностях Москвы) 17 июня 1667 г., непосредственно после его соизволения с патриархами. На Воробьевых горах находился тогда построенный Ф. М. Ртищевым в 1648 г. Андреевский монастырь, в котором были поселены киевские ученые, прибывшие в Москву для исправления книг. Сюда присланы были 26 июня для увещания нежнокорных расколоучителей дьяк Конюшенного приказа Т. С. Марков и старец Григорий Неронов, тогда уже покаявшийся и примирившийся с никонианами.

...тут же священника Лазаря и инока Епифания старца... — Священник г. Романова-Борисоглебска (ныне г. Тутаев, Ярославской области) Лазарь, принадлежавший в свое время к кружку «ревнителей благочестия», был одним из видных деятелей раннего старообрядчества. За оппозицию к Никону он одновременно с Аввакумом в 1653 г. был сослан в Тобольск, откуда затем его велено было перевести «за неистовое прекословие» в Пустозерск. Из Пустозерска Лазарь в 1666 г. был затребован в Москву на церковный собор для суда над ним и 31 августа того же года выехал из Пустозерска. В ноябре 1666 г. он был допрошен на соборе, а 17 июля 1667 г. предан анафеме. Сожжен в Пустозерске 14 апреля 1682 г. О Епифании см. прим. к стр. 17.

Анна и Каиафа — иудейские первосвященники, по Евангелию, судившие Христа.

Стр. 60—61. Потом с Воробьевых гор... «...в молитвах своих!» — События, кратко и иногда с нарушением хронологической последовательности рассказанные Аввакумом в этих двух абзацах, развертывались следующим образом. 30 июня Аввакум, Лазарь и Епифаний были отвезены на Андреевское подворье (в Москве), куда приез-

жал к Аввакуму Д. М. Башмаков. Отсюда узников перевезли в Саввину слободку близ Москвы, а затем в Никольский-на-Угреше монастырь. В ночь с 4 на 5 июля Аввакум был отправлен назад в Москву, на Никольское подворье, где его уговаривали три архимандрита — владимирского Рождественского монастыря Филарет, новгородского Хутынского — Иосиф и ярославского Спасского — Сергей. 8 июля к Аввакуму «по цареву велению» для новых уговоров приезжал Д. М. Башмаков. 10 июля с той же целью приезжали друг и приближенный Алексея Михайловича Артамон Сергеевич Матвеев (1625—1682), в то время состоявший при восточных патриархах, заседавших на церковном соборе, и архимандрит Чудовский Иоаким, и в тот же день Аввакума брали в Чудов монастырь для уговоров митрополит Павел Крутицкий и архиепископ Иларион Рязанский. 11 июля Аввакума вновь уговаривал архимандрит Иоаким. 17 июля состоялся над «расколоучителями» приговор церковного собора, осудившего их и предавшего анафеме. 20 июля Аввакум, Лазарь, Епифаний, дьякон Федор и симбирский протопоп Никифор отпразднены были в Никольский монастырь на Угрешу; 22 июля к Аввакуму приезжал стрелецкий голова Юрий Петрович Лутохин. После этого в июле же Аввакума, Лазаря и Епифания вновь перевезли в Москву на Никольское подворье. Здесь 5 августа всех тронх вторично допрашивали архимандриты Филарет, Иосиф и Сергей и взяли у них «сказки о правоверии». (Вопросы, предложенные архимандритами Аввакуму, и ответы на них Аввакума см. в Материалах, II, стр. 21—23.) 22 и 24 августа к Аввакуму приходили Артамон Матвеев и доверенное лицо царя, придворный учитель и стихотворец Симеон Полоцкий, «и зело было стязание много: разошлись яко пьяни» (см.: Материалы, II, стр. 21—26, 32—34; V, стр. 115, 117, 118).

Стр. 61. *...клубуки те рогатые... носят.* — Позднейший монашеский клубук, верхняя часть которого, камилавка, представляет собой род высокого ставца — расширенного кверху цилиндра с обрешеченными полями, вошел в употребление со времени Никона. Дони-кониановская камилавка, сохраненная старообрядческим духовенством и теперь, — круглая маленькая шапочка, скуфейка. Никоновский клубук Аввакум называет «рогатым», очевидно, потому, что, значительно возвышаясь над головой, он напоминал собой рога.

Я после ево написал послание и... к царю послал... — Это послание Аввакума до нас не дошло.

Стр. 62. *Таже, братию казня, а меня не казня, сослали...* — Указ о ссылке в Пустозерск Аввакума, Никифора, Лазаря и Епифания был подписан 26 августа 1667 г. На следующий день Лазаря и Епифания «казнили» на Болоте (в Замоскворечье), урезав им языки. Сосланные прибыли в Пустозерск 12 декабря 1667 г.

И я из Пустозерья послал к царю... чтый да разумеет. — Аввакум имеет здесь в виду «четвертую» и «пятую» свои челобитные Алексею Михайловичу (см. стр. 138—145).

Еще же от меня... о догматах церковных. — Речь идет о сочинении дьякона Федора «Сказание о церковных догматах» (напечатано в Материалах, VI, стр. 269—298 и 315—334), посланном около 1 сентября 1669 г. через некоего мезенца Поликарпа.

Еще же и от Лазаря... царю и патриарху. — Лазарь написал «сказки» царю и патриарху и подал о них челобитную 20 февраля 1668 г. (см.: Материалы, IV, стр. 223—284; Барсков, стр. 53—67).

...вопросил его Пилат... — Пилатом Аввакум называет стрелецкого полуголова Ивана Елагина, упоминаемого ниже под своим собственным именем. Присвоение Елагину ставшего нарицательным имени «Пилат» объясняется тем, что своей жестокостью Елагин ассоциировался у Аввакума с Пилатом, предавшим Христа на казнь.

...а двоих сынов моих... на Мезень к матери прибрели... — «Порушная запись» с сыновей Аввакума Ивана и Прокопия была взята 20 сентября 1666 г. «Прибрели» они из Москвы на Мезень летом 1669 г., *а весной 1670 г. (в марте) вместе с матерью были заключены в земляную тюрьму.

Стр. 63. *Некогда и друг... прощен бысть.* — Речь идет об отречении от Христа апостола Петра, рассказанном в Евангелии (Евангелие от Матфея, XXVI, 75).

Посем той же полуголова... — Стрелецкий полуголова Иван Елагин приехал в Пустозерск весной 1670 г. после казней на Мезени в марте. 14 апреля того же года состоялась «казнь» Лазаря, Епифания и Федора, *после которой все, включая и Аввакума, были помещены в земляную тюрьму.

...с доброю дружиною... — То есть с Федором юродивым и Лукой Лаврентьевичем.

Стр. 65. *стражие же пре[д] дверьми стражаху темницы* — из Деяний апостолов, XII, 6.

...поем... *Песни Песням...* «се еси... в силе своей»... — Здесь Аввакум перефразирует первые два стиха IV главы Песни Песней Соломона, в которой, однако, Соломон воспеваает не мать свою Вирсавию, а возлюбленную Суламифь.

«шедше в мир... осужден будет» — из Евангелия от Марка, XVI, 15—16.

«не может древо... плод добр творити» — из Евангелия от Матфея, VII, 18.

*...не по што ходить в Персиду, а то дома Вавилон. — Образы «Персиды» и «Вавилона», восходящие к популярной в средние века библейской легенде о преследовании трех отроков царем Навуходоносором (Книга пророка Даниила, III), обычно используются Аввакумом в связи с воспоминанием о заключении в боровскую земляную тюрьму «тричисленной единицы» — Морозовой, Урусовой и Даниловой (после 19 апреля 1673 г.). Ср. в четвертой беседе: «Не по што в Персы итти пещи огненные искать, но бог дал дома Вавилон: в Боровске пещь халдейская...» (см. стр. 91); тот же образ — в послании Морозовой, Урусовой, Даниловой (см. стр. 159), в письме Симеону (см. стр. 164).

Стр. 66. *не прелагаю предел... положено — перефразировка библейской формулы (Притчи Соломона, XXII, 28).

...крест... переменить... — Здесь имеется в виду замена восьмиконечного креста четырехконечным.

...и около купели... против солнца ж водят... — Во всех этих случаях до никоновской реформы в русской церкви практиковался обычай ходить «посолонь», то есть по течению солнца.

...«печатай, Арсен...» — Арсений Грек, справщик церковных книг при Никоне, приехал в Москву в 1649 г. вместе с иерусалимским патриархом Паисием. В глазах консервативно настроенных москвичей он был человеком весьма подозрительным, так как, будучи выучеником иезуитской коллегии в Риме, приняв, хотя и вынужденно, на время магометанство, затем став униатом, не внушал к себе доверия прежде всего по своим моральным качествам. Вскоре же

по прибытии в Москву он за «еретичество» был сослан в Соловки, но в 1652 г. освобожден и сделан Никоном справщиком и переводчиком богослужебных и канонических книг. В 1662 г. Арсений вновь сослан был в Соловки, пробив там на этот раз четыре года. Участие Арсения в книжных исправлениях само по себе было достаточным поводом для того, чтобы в глазах противников Никона скомпрометировать его реформаторскую деятельность.

*...не нам, богу нашему слава. — Ср.: Псалтирь, СХІІІ, 9.

«аще и невежда словом, но не разумом» — из второго Послания ап. Павла к коринфянам, ХІ, 6.

Стр. 67. ...книгою святого Ефрема Сирина...—Ефрем Сирин—один из виднейших «отцов церкви» IV в. «Слова» и поучения его, особенно собранные в книге «Паренесис», известны были на Руси с XIII—XIV вв. Мрачная философия Ефрема Сирина, проникнутая мыслями о тщете жизни и торжестве смерти, пришлась особенно ко времени в пору гонений на приверженцев старой веры, а его «Слово об антихристе» оказалось злободневным в связи с толками о пришествии антихриста как раз в это время.

«призри на мя и помилуй мя!» — из Псалтири, СХVІІІ, 132.

Стр. 68. «аз ти о имени господни... бог призывает» — выдержка из молитвы Василия Великого над «обуреваемыми нечистым духом» и над «крещающимися».

Сундовик — правый приток Волги.

Стр. 69. ...к другу своему Илариону... мучитель стал христианской. — Земляк Аввакума Иларион с 1649 по 1656 г. был игуменом макарьевского Желтоводского монастыря. Пробыв затем недолго архимандритом нижегородского Печерского монастыря, он в 1657 г. стал архиепископом Рязанским, а с 13 июня 1669 г. митрополитом. Был суровым противником и гонителем старообрядцев. Умер 6 июня 1673 г. Судя по тому, что Аввакум говорит здесь о нем как еще о живом, можно полагать, что «Житие» написано было до середины 1673 г. О том, что Иларион за четыре года до смерти был возведен в сан митрополита, Аввакум мог не знать.

Стр. 70. И как рыбою покормлю ...говорит: «...меня ослабил!» — Рыба считалась символом Христа.

Стр. 71. «...да не имать со мною части во царствии небеснем!» — перефразировка слов Христа, сказанных апостолу Петру во время омовения ног перед «тайной вечерей» (Евангелие от Иоанна, XIII, 8).

Стр. 72. ...во время переноса и досадил мне. — По старорусским демонологическим представлениям, дьявол делал обычно последнюю попытку овладеть своими жертвами во время одного из центральных моментов литургии — переноса «даров» с жертвенника на престол.

Стр. 73. «О всепетую» — заключительный «икос» акафиста богородице.

Стр. 76. ...пять тысяч пятьсот лет во аде был осужден. — Аввакум исчисляет время от библейской даты сотворения мира до рождества Христова в 5500 лет. Эту цифру старообрядцы отставили против цифры 5508, принятой никонианами (ср.: Материалы, IV, стр. 194).

Стр. 77. ...старец... повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову... — Старец Епифаний «повеление» Аввакума исполнил и написал свое «Житие» (*текст см.: Робинсон, стр. 179—202).

«лика сотвори... дела своя — из Деяний апостолов, XV, 4; XIX, 17—18.

*Терпение... до конца. — Из Псалтири, IX, 19.

Шакша—пресноводное озеро в Забайкалье, вблизи озера Иргень.
Стр. 78. *Царевна Ирина Михайлова* (1627—1679) — старшая дочь царя Михаила Федоровича, сестра царя Алексея Михайловича (*см. письмо Аввакума к ней, стр. 147—149).

*«*аще языки человеческими... есмь*» — из первого Послания ап. Павла к коринфянам, XIII, 1—2. *См. очень близкую параллель к этому рассуждению Аввакума о русском языке в его «Книге толкований» (см. стр. 109—110).

ИЗ «КНИГИ БЕСЕД»

«Книга бесед» создавалась Аввакумом в период пустоозерской ссылки, с 1669 по 1675 г. Она включает самые различные произведения (наряду с беседами здесь находятся письма и послания Аввакума к разным лицам) и поэтому лишь формально может рассматриваться как единое произведение, как это было предложено П. С. Смирновым в предисловии к изданию произведений Аввакума 1927 г. (см.: Памятники, стр. XIX—XXXII).

Основное содержание сборника составляют десять бесед: 1. О первых противниках церковных преобразований; 2. Об образе креста Христова; 3. Об иноческом чине; 4. Об иконном писании; 5. О внешней мудрости; 6. О днях поста и мясоястия; 7. О старолюбцах и новолубцах; 8. Об Аврааме; 9. Толкование на 87—88 зачало Послания ап. Павла к римлянам и 23 зачало Евангелия от Иоанна; 10. Беседа о наятых делателях.

Эти беседы, по мере их написания, Аввакум отправлял вместе с сопроводительными письмами своим единомышленникам — «всем горемыкам миленьким на всем лице земном», «старице Мелании с сестрами и подначальной Анисьей», «тричисленной единице» — Морозовой, Урусовой и Даниловой. Автографов «Книги бесед» не сохранилось, но списков много, что свидетельствует о большой популярности бесед в старообрядческой среде — некоторые из списков относятся к XIX в. Количество бесед в различных рукописных сборниках неодинаково, имеются расхождения и в последовательности бесед и небольшие разночтения в тексте. В полном объеме «Книга бесед» ни в одной рукописи не представлена.

«Книга бесед» печатается по списку XVIII в. (ГПБ, собр. Богданова, Q. I. 1059). Названия бесед предложены Н. Субботиным (см.: Материалы, V) и П. С. Смирновым.

[ВВЕДЕНИЕ]

Печатается с сокращениями.

Стр. 79. *Книгу святую собрал от святого писания... на крестоборную ересь...* — По обычаю публицистов того времени, например митрополита Даниила, Максима Грека, Аввакум указывает на несамостоятельный характер своего творчества и на цели, которыми было вызвано появление произведения. Свое сочинение Аввакум называет «книгой на крестоборную ересь», так как в одной из бесед обвиняет никониан в отвержении истинной формы креста.

...человека грешна... и бесславна... — Традиционное самоуничижение, которым обычно сопровождал автор свою характеристику.

...пасяхся со свиньями... — Имеется в виду евангельская притча о блудном сыне, который во время скитаний, обнищав, ел вместе со свиньями (Евангелие от Луки, XV, 11—32).

Человек бысть Иов... — В библейской Книге Иова (X—XLII) рассказывается: чтобы испытать веру Иова, бог подвергает его всевозможным несчастьям; сначала Иов ропщет на бога, но затем смиряется. Вскоре он был снова возвышен и награжден.

Моисей — древнееврейский пророк; по библейскому преданию, основатель иудейской религии; как человек особенно благочестивый, был предназначен богом вывести евреев из египетского рабства и отвести их в землю Ханаанскую, «кипящую млеком и медом» (Исход, XII—XVI).

...молитвою постави на небе текущее солнце... — Иисус Навин, ученик Моисея, после смерти его приводит евреев в Ханаанскую землю. В Книге Иисуса Навина (X, 12—14) рассказывается, что во время битвы израильтян с ратью аморрейского царя около города Гаваона Иисус обратился к богу с молитвой остановить солнце и луну, чтобы закончить битву в течение дня, и молитва его сбылась (ср. стр. 20).

«обретох Давыда, сына Иессеева, мужа по сердцу моему» — слова ап. Павла, обращенные к израильтянам (Деяния апостолов, XIII, 22).

...устыдешася лютые звери... — Пророк Даниил, которому приписывался дар прорицания и угадывания снов, был советчиком царей Навуходоносора, Валтасара, Дария и Кира. По Библии, оклеветанный языческими жрецами, он по приказу Кира был брошен в ров к семи некормленным львам, которые не тронули его (Книга пророка Даниила, XIV, 28—32).

...его же принесе ангел... к Даниилу. — В Библии рассказывается, что бог приказал пророку Аввакуму отнести брошенному в ров Даниилу обед. Так как Аввакум находился далеко от Вавилона, места заключения Даниила, ангел поднял Аввакума за волосы и перенес его в ров (Книга пророка Даниила, XIV, 33—39).

Стр. 80. *...я и сам сижу в рове... сам пят...* — «Рвом» Аввакум называет пустозерскую земляную тюрьму, в которой он вместе с соузниками попом Лазарем, иноком Епифанием, дьяконом Федором и юродивым Киприяном (о нем см. прим. к стр. 81) находился с апреля 1670 г. Об условиях жизни Аввакума в земляной тюрьме очень образно рассказано в Прянишниковском списке «Жития» (см.: Ж и т и е, 1960, стр. 341) и в некоторых письмах.

...в настоящее время. — Судя по дальнейшим словам Аввакума: «А Соловецкой монастырь в осаде 7 лет от никониян сидит», — первая беседа Аввакума, которая является непосредственным продолжением введения, была написана в 1675 г. (осада Соловецкого монастыря началась осенью 1668 г.), до 7 июля — дня казни Киприяна, который упоминается здесь как живой.

Увы, увy, мне!.. из чрева матере моея. — Неточная цитата из Книги Иова, III, 1—3.

Понеже антихрист прииде ко вратом двора... — По предсказаниям Кирилловой книги, пришествие антихриста на Русь должно было произойти в 1666 г., поэтому многие старообрядцы вначале склонны были считать антихристом Никона. Но церковный собор 1666 г., судивший раскольников, сместил с патриаршего престола и Никона, и его стали рассматривать лишь как «предтечу» антихриста, царство которого должно наступить в недалеком будущем. Этой точки зрения придерживался и Аввакум.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

«Повесть о страдавших в России
ва древлецерковная благочестная предания»

Заглавие взято из другого списка «Книги бесед» XVIII в.
(БАН, собр. Дружинина, № 39, л. 181).

Печатается с небольшими сокращениями.

Стр. 80. В лета^х 7160-го году... в чернецах Никон... — Никон наречен был в патриархи 25 июля 7160 (1652) г.

...на Иосифово место. — Предшественник Никона, патриарх Иосиф, умер 15 апреля 1652 г.

И я, окаянной... приписал свою руку. — Выставляя кандидатуру Никона как своего единомышленника, «ревнители благочестия» рассчитывали играть при нем видную роль в делах церкви.

...повелеваяй трема персты креститися... почали обличать еретика... — Открытое столкновение между кружком «ревнителей благочестия» и Никоном произошло сразу же после его распоряжения о поклонах и троеперстии, которое он разослал по всем московским церквам весной 1653 г. Это распоряжение казалось Аввакуму и его единомышленникам тем более кощунственным, что двуперстие было закреплено Стоглавым собором (1551).

И рассеяны быша... при Стефане апостоли. — Из Деяний апостолов, XI, 19. Своих соратников Аввакум сравнивает с апостолами, которые после смерти «первомученика» Стефана, обвиненного в «глаголах хульных» на Моисея и бога и избитого за это камнями, разошлись по разным странам и там проповедовали «слово божие».

Стр. 81. ...Даниила... в земляной тюрьме заморил... — Даниил был расстрижен и сослан в Астрахань в августе 1653 г., вскоре после того, как он вместе с Аввакумом подал царю челобитную, в которой просил за Неронова.

...Логина... сослал, тут и скончался в мор... — О расстрижении Логгина очень образно рассказал Аввакум в своем письме Ивану Неронову от 14 сентября 1653 г. (см.: Материалы, I, стр. 23—24).

...со мною 60 человек и всеощнова взял... — В более ранних произведениях Аввакум указывает меньшую цифру. В том же письме к Ивану Неронову, например, он говорит, что «человек с сорок» с ним взяли; Иван Данилов, священник Казанского собора, где служил и Аввакум, в письме к тому же Неронову называет и более точное число — тридцать три. Возможно, Аввакум забыл подробности дела, происходившего двадцать лет назад, но не исключено также, что он умышленно указал большее число своих слушателей, чтобы подчеркнуть как свою популярность, так и жестокость Никона.

...в Даурскую землю сослал... яко непогребеново мертвеца. — Аввакум был сослан в Сибирь в сентябре 1653 г., вернулся в Москву весной 1664 г., то есть был в ссылке около одиннадцати лет.

Егда же выехал на Русь, на старые цепи и беды попал. — В связи с возвращением из ссылки у Аввакума появились надежды на то, что старая вера снова восторжествует. Однако, приехав в Москву, он сразу понял, что эти ожидания напрасны, так как исправле-

ние богослужебных порядков в это время распространилось на весь чин церковной службы и было утверждено церковными определениями 1654 и 1656 гг.

Жена моя... в земли же сидит.—Жена и малолетние дети Аввакума, прибывшие в ссылку на Мезень 29 декабря 1664 г., прожили там около тридцати лет, пока не были освобождены по просьбе князя Василия Голицына и не переехали в Москву, где, как показал на допросе в 1720 г. сын Аввакума Иван, они жили сначала в Елохове, а потом купили свой двор в Троицком приходе. *Старшие сыновья, Иван и Прокопий, вновь «прибтели» на Мезень летом 1669 г. и с марта 1670 г. были заключены вместе с матерью Анастасиею Марковной в земляную тюрьму (см. стр. 62).

И старец Соловецкия пустыни... говорит также.—Как видно из «Жития» Аввакума, в Москве языки были «резаны легко», так что «осталось немного», и подвергнутые казни Епифаний и Лазарь могли говорить. Это обстоятельство явилось причиной возникновения легенды о «чудесном исцелении» обоих, причем, очевидно, дело не обошлось без заимствования чудес из житий византийских богословов и философов Иоанна Дамаскина (конец VII в.—ок. 754) и Максима Исповедника (582—662). Вторичное «урезание языков» было произведено 14 апреля 1670 г.; кроме того, тогда же Епифанию отсекали на руке четыре пальца, а Федору отсекали руку «поперег ладони».

Киприян — московский юродивый, через которого Аввакум подал Алексею Михайловичу 21 ноября 1664 г. «третью» челобитную (см. комм. к этой челобитной, стр. 314). Был казнен в Пустозерске 7 июля 1675 г.

А Соловецкой монастырь в осаде 7 лет от никониян сидит.—Еще в 1657 г. монахи Соловецкого монастыря отказались принять новые богослужебные книги и обряды, объявив их «латинской прелестью», а через несколько лет, в 1668 г., заявили о своем открытом неподчинении правительству. Начавшись движением в защиту «старой церкви», Соловецкое восстание вылилось в активное выступление против государственной власти. Его основной движущей силой были монастырские трудники — крестьяне и посадские люди, жившие на Соловецких островах, так как монастырь имел соляные варницы, кожевенные избы, слюдяные разработки, поташные заводы, рыбные ловли. Среди монахов находилось много опальных людей, для которых отдаленный монастырь, расположенный на островах Белого моря, был местом ссылки. Окрестное население активно поддерживало восставших, стекаясь под защиту крепких стен монастыря и помогая его обитателям припасами. Упорное сопротивление восставших было сломлено через восемь лет, 27 января 1676 г., в результате предательства монаха-перебежчика, открывшего потайной ход в монастырь.

На Мезени... двух человек удавили...—В марте 1670 г. были повешены два преданнейших ученика Аввакума — юродивый Федор и двадцатипятилетний Лука Лаврентьевич.

В Нижнем человека сожгли... тысяща тысящами положено под мсч...—В этом перечне никоновых мучительств, очевидно, много преувеличений. Кажется странным, что были казнены второстепенные представители раскола, люди совсем неизвестные, а главные его деятели только отправлены в ссылку.

А иные ревнители... сожигаются огнем своею волею.—Первые случаи самосожжения относятся к 1665 и 1666 гг. Но особенно распространилась практика «огненного крещения» после разгрома кре-

стьянской войны под предводительством С. Т. Разина, когда крестьяне, не имея возможности активно сопротивляться притеснениям со стороны помещиков и правительства, бежали на восток, юг и юго-восток государства, уходили в леса и пустыни, морили себя голодом и, наконец, сжигали себя в срубах. Массовые самосожжения имели, например, место около Нижнего Новгорода в 1671 и 1672 гг. после карательной экспедиции князя Ю. А. Долгорукова (ум. 1682), отряды которого пролили море крестьянской крови. Об этом самосожжении Аввакум неоднократно вспоминает (например, в письме к Симеону, см. стр. 172) и одобряет его.

Стр. 82. *Мы же еще в море, плаваем пучиною* — образ, идущий от Евангелия (Евангелие от Марка, VI, 45—48, 51).

Душе моя, душе моя, восстани... вся исполняй — молитва, читаемая на пятой неделе великого поста.

...Феодосья Прокопьевна Морозова... в землю живы закопаны... — Морозова, Урусова и жена стрелецкого полковника Данилова были посланы в Боровск в 1673 г. Когда Аввакум писал о них в беседе первой, они доживали последние месяцы: Урусова умерла 11 сентября 1675 г., Морозова — 2 ноября, Мария Данилова — 1 декабря того же года. В Житии боярыни Морозовой утверждается, очевидно, не без оснований, как показывают близкие даты смерти узниц, что их уморили голодом: питание вначале было самое скудное, а с петрова дня (то есть с 29 июня) им вообще под страхом смертной казни запрещено было передавать какую-либо еду.

Осьмь тысящ хрестиян имела... — Утверждение Аввакума не преувеличение, так как и Соковнины, из рода которых происходила боярыня Морозова, были очень состоятельны, Морозовы же принадлежали к числу самых богатых людей русского государства.

...дети малы... разориться не хочется... — Говоря о суетности мирских интересов, Аввакум явно отталкивается от евангельской притчи о званых на брак, которая толкуется так: за мирскими делами люди забывают о своем долге перед богом (Евангелие от Луки, XIV, 16—21).

ИЗ БЕСЕДЫ ВТОРОЙ

[Об образе креста Христова]

В рукописях эта беседа является непосредственным продолжением первой и, очевидно, была написана в то же время — в 1675 г., хотя и не содержит точных указаний на время создания.

Стр. 83. *«придет к тебе слава Ливанова... ногу мою прослаблю»* — из Книги пророка Исая, LX, 13.

...крест трисоставный... четвероконечный римский крещ почитают... — В числе разногласий между старообрядцами и никонианами были разногласия и о форме креста. Опираясь на церковное предание, старообрядцы отдавали предпочтение восьмиконечному кресту, на котором якобы был распят Христос. Они не соглашались с никонианами, которые признавали четырехконечный крест равным с восьмиконечным, и объявили первый «латинским крещом» (крещ — крест, польск.).

...Василий Великий рече: «не прелатай пределы, яже положи-

ша отцы!» — Василий Кесарийский, или Великий (329—379), — епископ Кесарии Каппадокийской, один из так называемых «отцов церкви», сыгравший крупную роль в процессе оформления христианства в религию господствующего класса и создании института монашества. Его требование не изменять правил, введенных «отцами», чрезвычайно импонирует Аввакуму, который неоднократно повторяет его в своих сочинениях.

Стр. 83—84. ...научением сатаны,—говорят: Соломону-де царю бес... в лежащих и не свидетельствованных. — Для того чтобы обличить никониан и доказать превосходство восьмиконечного креста над четырехконечным, Аввакум вспоминает события ветхозаветной истории, используя в качестве источника наряду с канонической Библией апокрифические сказания о крестном древе. К рассказу Аввакума можно провести параллели из следующих апокрифов: «О винограде и како растяше»; «Севирияна епископа Авасильского о древе спасенного креста, где обретесе и како бысть»; «Сказания Григория Богослова о кресте честном и о двух крестах разбойничьих»; «Исповедания Еввы»; «Слова о Адаме и Еве от зачала и свершения»; «Слова о древе крестном» (см.: Ложные и отреченные книги). И при царе... обоготвориша... чудотворная была... — Царь Езекия, по Библии (Четвертая книга Царств, XVIII, 4), — добродетельный царь, разрушивший всех идолов, в том числе и медного змея Моисея, почитавшегося евреями. В Книге Исход рассказывается, что, когда Моисей вел своих соплеменников через Синайскую пустыню, они возроптали на трудности и за это были наказаны появлением множества ядовитых змей. Спастись от них можно было лишь посмотрев на изваяние большого медного змея, который был сделан Моисеем по повелению свыше.

Стр. 84. ...повеле Пилат титла положить. — На кресте над головой Христа была сделана издевательская надпись на греческом, еврейском и латинском языках: «Это царь иудейский» (Евангелие от Матфея, XXVII, 37, и в других Евангелиях).

Пространно о том Епифаний Кипрский благовестит... — Епифаний Кипрский (род. первая треть IV в. — 403) — финикиец, епископ на острове Кипр, автор многочисленных богословских произведений, из которых трактат «О двадцати двух пророках Ветхого завета и трех Нового завета и о двенадцати апостолах и семидесяти учениках Христовых» интересен множеством устных легенд.

Стр. 84 — 85. А без возглавия — тот не Христов крест... верхней конец креста, по прошению его. — Эти сведения Аввакум заимствует из апокрифических «Деяний апостолов Петра и Павла». Когда по приказу Нерона распинали Петра, он сказал: «Господь мой Иисус Христос с небес на землю пришел и просто на кресте пригвоздился, меня же зовет с земли на небо, поэтому распните главу мою к земли, а к небу направьте ноги мои, так как не достоин быть на кресте, как был господь мой» (см.: Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым. М., 1889, стр. 18).

Стр. 85. ...мудрование... киевских уният... — Говоря о киевских униатах, Аввакум имеет в виду Брестскую унию 1596 г., которая должна была поивести украинскую и белорусскую православную церковь в подчинение римскому папе. На Руси к Брестской униии относились резко отрицательно.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

[Об иноческом чине]

А. К. Бороздин (см.: Бороздин, стр. 198) датирует сочинение 1672 г.

Печатается с небольшими сокращениями.

Стр. 85. *...клобуки рогатыя...* — Некоторые современники Аввакума были склонны объяснять введение на Руси высоких клобуков, принятых у остальных вселенских патриархов, тем, что этот фасон очень нравился Никону (см.: Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Адепским. Перевод с арабского Г. Муркоса. М., 1898; Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Троице-Сергиевская лавра, 1909, стр. 200—202). «Клобуцы рогатые» были тем более скомпрометированы в глазах Аввакума, что они обличаются в некоторых полемических сочинениях против латинян (например, в рассказе о Петре гугнивом; рассказ этот встречается в Толковой Палее, в Кирилловой книге и в Четых Минеях Макария, то есть в источниках, хорошо известных Аввакуму).

Бысть в Риме... на престоле в папах баба еретица. — Подробности о напессе Иоанне также заимствованы из распространенных издавна обличительных рассказов о латинянах.

Стр. 86. *Евгений* — Евгений IV, папа римский в 1431—1447 гг., инициатор созыва Флорентийского собора.

Фелик — Феликс V, папа в 1439—1449 гг., ведший борьбу за папский престол с Евгением IV.

...во Флоренце граде собор... — На Ферраро-Флорентийском соборе в июле 1439 г. была заключена уния между католической и православной церквями при условии главенства папского престола. В конце XIV — начале XV в. Византийское государство переживало глубокий упадок, вызванный феодальными междоусобицами и борьбой за престол. С востока Византии постоянно грозила опасность со стороны турок — уже в XIV в. Византия потеряла значительную часть своих территорий. Чтобы получить помощь от Запада, византийское правительство согласилось на церковную унию. Флорентийская уния никакой реальной пользы Византийской империи не принесла, она нужна была лишь папству для укрепления его положения.

Марко Ефесский — Марк, митрополит Ефесский (ум. 1450), защитник православия на Флорентийском соборе, отказавшийся подписать акт о соединении церквей.

Тому времени 282 года, как бысть Фларенский собор. — А. К. Бороздин считает, что при переписке сочинений Аввакума была сделана ошибка от смешения славянских цифр 30 и 80 и следует читать: 232 года (см.: Бороздин, стр. 198).

Стр. 87. *Иван Калуян* — византийский император Иоанн VI Палеолог (1425 — 1448).

Цареградский Иосиф — Иосиф II, патриарх Константинопольский, умер в Италии в 1439 г.

А митрополит наш московский... Его же князь... предал под начал... — В заседаниях Ферраро-Флорентийского собора участвовал московский митрополит Исидор, грек по национальности,

который принял унию и был возведен в сан кардинала. Однако после первой же службы, совершенной в Успенском соборе в Москве, он был объявлен «латинским прелестником и еретиком», заключен, по распоряжению великого князя Василия Васильевича, в Чудов монастырь и затем осужден собором епископов. Сведения, сообщаемые Аввакумом, очень близки по содержанию к «Инока Симеона суждальца повести, како римский папа Евгений состави осмый собор со своими единомышленниками», известной по списку Хронографа русской редакции XVII в. (на «летописцы латынские» и «летописцы русские» ссылается и Аввакум).

И наш старец... преподобный Сергей Радонежский... — В сказании «О презвитере и о мужех, бывших в латынских странах», записанном в Троице-Сергиевом монастыре около 1441—1443 гг. со слов Симеона Суздальца, рассказывается, как Симеон бежал от Исидора из Венеции; убедившись в его еретичестве, сбился с пути и был выведен на правильную дорогу святым Сергием Радонежским. Этот рассказ вошел в Хронограф. «Инока Симеона суждальца повесть» и сказание «О презвитере и о мужех, бывших в латынских странах» см. в кн.: Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, стр. 344—359.

...Константина царя, предал бог... царство греческое с ним. — С завоеванием турками Константинополя в 1453 г. Византийская империя прекратила свое существование.

А на Русь было напярк в мимошедшем году. — Трудно сказать, какое именно столкновение русских с турками имел в виду Аввакум.

Стр. 88. «*Безумне, в сию ночь... будет?*» — из Евангелия от Луки, XII, 20.

Почти себе пророка Софония 3 главу... — Аввакум, вероятно, имел в виду слово св. Ефрема (Пролог, от 8 марта) — «Яко не подобает черноризцу много риз имети».

Василий Великий иноку повелевает... — В «Поучении святого Василия како подобает человеку быти» рекомендуется: «мало глаголати, а более разумевати, не дерзу быти словом, ни пререкати в речех, не скоро в смех впадати, очи долу имети, а душе горе...» (см. в кн.: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 3. СПб., 1897, стр. 20).

Иван Предтеча — Иоанн Креститель, или Предтеча (предшественник), крестил Иисуса Христа (Евангелие от Матфея, III, 13—16).

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

[Об иконном писании]

Создана не раньше 1673 и не позже 1675 г., так как здесь говорится о сосланных в Боровск Морозовой, Урусовой и Даниловой, умерших в 1675 г., как о живых.

Печатается с небольшими сокращениями.

Стр. 89. *...письма неподобнаго изуграфы.* — В живописи с середины XVII в. возникает новое направление, которое связано с именем мастера Оружейной палаты, крупнейшего художника того времени Симона Федоровича Ушакова (1626—1686). Ушаков и его единомышленники требовали от искусства красоты и верности при-

роде. В «Слове к люботщателем иконного писания» Ушаков говорит, что живопись, как зеркало, должна отражать жизнь. Реалистическое направление в искусстве защищает и «изуграф» Иосиф Владимиров в «Послании» к Симону Ушакову: «Где таково указание изобрели несмысленные любопрители, которые одною формою, смугло и темновидно, святых лица писать повелевают? Весь ли род человеческий во едино обличье создан? Все ли святые смуглы и тощи были? Кто из благомыслящих не посмеется такому юродству, будто бы темноту и мрак паче света предпочитать следует?» (см.: *Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. АН СССР, 1955, стр. 637*).

Аввакум в своих эстетических понятиях целиком следовал за постановлением Стоглавого собора (1551), предлагавшим «писати живописцем иконы с древних образов, как греческие живописцы писали и как писал Андрей Рублев и прочии пресловущии живописцы... а от своего замышления ничтоже претворяти» (Стоглав. Казань, 1862, стр. 165). Этот спор о живописи имеет значение для Аввакума и в моральном плане: истинный христианин должен отличаться «бледностью» и «сухостью плоти», изображение же «толстоты телесной» на иконах «фряжского письма» свидетельствует о еретичестве их авторов и оскорбляет чувства истинно верующих (*подробно о взглядах Аввакума на живопись и об идеологических основах полемики см.: Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974, стр. 278—309).

Пишут от чина меньшаго, а велиции власти соблаговоляют им... — Отношение правительства к деятельности Симона Ушакова и его последователей было двойственным. С одной стороны, оно действительно им покровительствовало, — так, под руководством Ушакова расписывался дворец в селе Коломенском, причем тематика росписей была в основном светской. Но за иконописью был установлен надзор, и в царской грамоте от 1669 г. предписывалось писать иконы в соответствии с прежними традициями.

...пишут Спасов образ Емануила... — Изображение Христа особенно привлекало Симона Ушакова. Известна его икона «Нерукотворный Спас», где лицо Христа под кистью художника приобрело «плотский», человеческий характер.

А все то... Никон, враг... — Аввакум был неправ, когда приписывал Никону введение «фряжской» манеры письма. К новому направлению в русской иконописи патриарх тоже относился резко отрицательно, как к нарушению греческого стиля изображения святых.

...в Жезле книге... — Имеется в виду «Жезл правления» — полемический трактат Симеона Полоцкого против раскольников, напечатанный в 1667 г. и посвященный автором царю Алексею Михайловичу.

Стр. 90. *А Николе Чюдотворцу имя немецкое...* — Николай Чудотворец — христианский святой, культ которого сложился в V в. на основе культа Посейдона-Нептуна. По агнографической литературе, являлся архиепископом Мирликийским, одним из 318 отцов 1-го Вселенского (Никейского) собора (в 325 г.); на этом соборе он вел борьбу с арианской ересью. Этот святой был чрезвычайно популярен как в Западной Европе, так и в России. У моряков он почитался как покровитель мореплавания, у крестьян — как покровитель земледелия.

В немцах немчин был Николай... — Николай Немчин, или Николай Булев, «профессор медицины и астрономии», как называли его современники; приехав на Русь из Рима в 1490 или 1492 г., он на-

чал вести активную пропаганду за соединение православной церкви с католической.

...при апостолах еретик был Николай... — Еретик первых времен христианства, упоминаемый в VI главе Деяний апостолов, основатель ереси «николаитов».

«яко господь... под мраком соблюде» — из Соборного послания ап. Иуды, I, 5—6.

Златоуст Иван и лутче нас был... так спрятали... — В Житии Иоанна Златоуста рассказывается, что жена царя Аркадия Евдокия отняла виноградник у вдовы некоего Феогноста. С бесстрашными обличениями против царицы выступил Иоанн Златоуст. Разгневанная Евдокия приказала созвать собор епископов для суда над Иоанном, а затем отправила его в заточенье в «Куксы арменския» (см. прим. к стр. 172).

И Филипп митрополит на Москве. — Имеется в виду митрополит Филипп, живший при Иване IV и принявший участие в заговоре бояр против царя (сам Филипп происходил из знатного боярского рода Колычевых). В 1568 г. митрополит Филипп был низложен и сослан в Тверской Отрочь монастырь, а затем удушен (см. прим. к стр. 25).

Стр. 91. Не по што в Персы итти... бог дал дома Вавилон... — Аввакум вспоминает библейский эпизод, рассказанный в Книге пророка Даниила (III, 12—25), как вавилонский царь Навуходоносор приказал своим подданным поклоняться золотому тельцу. Приказа царя послушались три еврейских отрока-пленника — Анания, Азария и Мисаил — и были за это брошены в печь, но остались невредимыми благодаря молитве, с которой они обратились к богу (ср. стр. 65).

...в Боровске печь халдейская, идеже мучатся святии отроцы... — То есть земляная тюрьма, в которой заключены Морозова, Урусова и Данилова. Халдеи — название одного из народов, живших в Вавилонском царстве.

...претвори Навуходоносора сопреди тельцом, а создаи львом... — Навуходоносор за гордость был превращен в вола с львиной гривой и птичьими когтями (Книга пророка Даниила, IV, 30—31).

господь гордым противится, смиренным же дает благодать — из Соборного послания ап. Иакова, IV, 6.

...сложение перстов — малакса... то антихристова печать. — То есть троеперстное знамение, названное здесь так по имени навплийского протопопа греча Николая Малаксы, жившего в XVI в. Его учение о крестном знамении вошло в «Скрижаль», одобренную церковным собором 1656 г.

БЕСЕДА ПЯТАЯ

[О внешней мудрости]

Написана не позднее первой половины 1673 г., так как здесь упоминается как здравствующий рязанский архиепископ Иларион, умерший 6 июня 1673 г.

Печатается с небольшими сокращениями.

Стр. 92. Неврод (Нимрод) — по библейскому преданию, основатель Вавилона, виновник вавилонского столпотворения, основоположник идолопоклонства (Книга Бытия, X, 9—10).

Ермис — Гермес, один из древнейших богов Греции, покровитель путешественников и бог торговли.

...*Артемида любодееца*... — Артемида — греческая богиня — покровительница животных и охоты, покровительница женского целомудрия и охранительница матери во время рождения ребенка. Аввакум, как это явствует из его сочинения «Списание и собрание о божестве и о твари...» (см. стр. 127), имеет в виду не Артемиду, а Афродиту, богиню любви и красоты.

...о них же *Гронограф* и вси кронники свидетельствуют... — Все эти сведения взяты Аввакумом из русского Хронографа, который возник в XV в. и пополнялся вплоть до первых десятилетий XVII в., а также из переводных византийских хроник типа «Еллинского и Римского летописца».

Платон (428—343 до н. э.), *Пифагор* (ок. 571—497 до н. э.), *Аристотель* (384—344 до н. э.) — древнегреческие философы.

Диоген (ок. 404—323 до н. э.) — древнегреческий философ, представитель кинической школы, считавшей высшей нравственной задачей подавление страстей, сведение к минимуму всех потребностей.

Иппократ — Гиппократ (ок. 460—377 до н. э.), врач древней Греции, один из основоположников античной медицины.

Галин — Гален Клавдий (ок. 130 — ок. 200) — римский врач, один из теоретиков античной медицины.

«поставлю престол мой... подобен вышнему» — неточная цитата из Книги пророка Исаии, XIV, 13—14.

Стр. 93. *Помните... пред патриархами теми вселенскими...* — заседание церковного собора, на котором вселенские патриархи судили Аввакума, состоялось 17 июля 1667 г.

Иларион и Павел — Иларион — архиепископ Рязанский, Павел — митрополит Крутицкий, главные деятели церковной реформы.

ИЗ БЕСЕДЫ ВОСЬМОЙ

[Об Аврааме]

Написана до 6 июня 1673 г. — даты смерти митрополита Илариона, который упоминается здесь как здравствующий.

Стр. 94. *Сей Мелхиседек сын царев... вместо пития росу лизаше...* — В основу рассказа Аввакума о Мелхиседеке положено апокрифическое «Слово Афанасия, архиепископа Александрьского о Мелхоседеце» (см.: Ложные и отреченные книги, стр. 22; Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. СПб., 1877, стр. 133). По Библии, Мелхиседек, царь Салимский, увидев Авраама, вынес хлеб и вино и благословил его «как священник бога вышнего», хотя и не был поставлен священником (Книга Бытия, XIV, 18—20). Личность Мелхиседека была популярна у старообрядцев в связи с их учением о возможности приобщаться у лиц, не имевших официального духовного сана.

Друг мой Иларион... — С Иларионом Аввакум познакомился еще в молодости, когда тот был игуменом Макарьевского монастыря, в Нижегородском крае. Во время церковных преобразований Иларион принял деятельное участие в борьбе с расколом.

Стр. 95. *На Павла митрополита что глядишь? Тот не живал*

духовно... — У Аввакума были основания ненавидеть Павла Крутицкого: по прибытии с Мезени опальный протопосп был отдан Павлу «на уговоры» и пробыл пять суток на его дворе в Крутицах, подвергаясь истязаниям. По наущению Павла Крутицкого «мучал» затем Аввакума, «переменяя чеши», и игумен Пафнутьева монастыря.

...Исаию пророка пилою претерли... — Исаия — первый из так называемых больших пророков. Происходил, по преданию, из царского рода, проповедовал в течение шестидесяти лет при библейских царях Озии, Езекии и Манассии и по приказанию последнего был замучен.

Иеремия — пророк, по приказу царя Седекии был брошен в зловонную яму (Книга пророка Иеремии, XXXVIII, 6).

...Науфея камением побили... — Навуфей — израильтянин, который отказался продать или променять свой виноградник царю Ахаву, за что по приказанию Иезавели, жены царя, был побит камнями (Третья книга Царств, XXI, 1—13).

...Захарии главу отрезали в церкви... — Пророк Захария был убит «между церковью и алтарем» за свою обличительную проповедь (Евангелие от Матфея, XXIII, 35).

...и вы меня, стригше... браду отрезали... — См. прим. к стр. 52.

*архидякона Стефана камением побили — из Деяний апостолов, VII, 58—60.

...Иякова, брата Иванова, мечем скончали. — По Евангелию, брат Иоанна Богослова Иаков Зеведеев был казнен по приказанию Ирода (Деяния апостолов, XII, 1—2).

Стр. 96. «блажени плачущии, яко тии утешатся» — из Евангелия от Матфея, V, 4.

«многими скорбьми подобает нам внити в царство небесное» — из Деяний апостолов, XIV, 22.

«претерпевый до конца, той спасен будет» — из Евангелия от Марка, XIII, 13.

Стр. 96—97. Некогда мне печальну бывшу... Я плюнул на него, да и очутился... — Сон Аввакума об антихристе навеян апокалипсическими представлениями.

ИЗ БЕСЕДЫ ДЕВЯТОЙ

[Толкование на 87—88 зачало Послания ап. Павла к римлянам и 23 зачало Евангелия от Иоанна]

Беседа написана в 1675 г., что можно видеть из слов Аввакума: «в скорбях от никониян двадесять два лета плаваю» (гонения на старообрядцев начались в 1653 г.).

Стр. 97. «Не точию же, но и хвалимся... данным нам» — из Послания ап. Павла к римлянам, V, 3—5.

...иногда наг, иногда гладен... и разлучений жены и детей. — Вольный пересказ отрывка из второго Послания ап. Павла к коринфянам, XI, 23—30.

«Кто изнемогает, и аз не изнемогаю... не разжизаюся?» — из второго Послания ап. Павла к коринфянам, XI, 29.

Саул... — О Сауле как сильном царе, победителе многих иноплеменников, рассказывается в Первой книге Царств, IX, 13, 14.

Егда Доик оклеветал... леввит со архиереи тысящи с две и больши убить. — Имеется в виду эпизод из Первой книги Царств

(XXI, 6—7; XXII, 9—19). Когда Давид бежал от ненависти царя Саула, священник города Номвы Авимелех дал ему хлеб и оружие. Об этом донес Саулу Доик, старший пастух царских стад, и Саул приказал избить всех священников, которых считал сочувствующими Давиду.

Стр. 98. ...аз-от которой передвинули... положен был.—«Аз»—союз «а», опущенный никонианами в словах из символа веры — «рожденна, а не сотворенна», относящихся к Христу. (Один из пунктов разногласий между старообрядцами и представителями официальной церкви.)

Григорий Синаит — один из «отцов церкви», родившийся в Малой Азии в последней четверти XIII в. На горе Синае принял монашество, вел аскетический образ жизни, принадлежа к так называемой школе «безмолвников». Аввакум приводит здесь один из канонов Григория Синаита.

Стр. 99. Повесть писана в Духовном Цветнике. — «Цветник» — название рукописных и старопечатных сборников, состоящих из мелких выписок, изречений, примеров, извлеченных из разных статей. Со второй половины XVII в. в старообрядческой среде появляются «цветники» полемического характера.

Спиридон Потемкин — архимандрит Покровского монастыря, один из наиболее видных противников церковной реформы. Ему принадлежит сборник из девяти «слов», называемый «Книгою о правой вере» и излагающий учение об антихристе.

...опреснок... — Пресный хлеб, употребляемый иудеями во время их пасхи (Книга Исход, XXIII, 15). Пресный хлеб употребляют во время церковной службы и католики.

ИЗ БЕСЕДЫ ДЕСЯТОЙ

[Беседа о наятых делателях]

«Беседа о наятых (то есть нанятых) делателях» написана не позднее 1676 г., так как здесь упоминается как здравствующий царь Алексей Михайлович. С этим названием встречается в рукописях.

Стр. 99 — 100. «нищ же бе некто... не имут веры» — из Евангелия от Луки, XVI, 20—31. Притча о богатом и Лазаре пользовалась большой популярностью в поучительной литературе древней Руси.

ИЗ «КНИГИ ТОЛКОВАНИЙ»

«Книга толкований» является второй книгой по времени написания. Озаглавлена так одним из первых ее публикаторов П. С. Смирновым в соответствии с ее содержанием: она включает толкования Аввакума на псалмы, притчи и премудрости Соломона, книгу пророка Исаии и поучение самого Аввакума «Что есть тайна христианская и как жити в вере Христове». «Книга» сопровождается обращением к Симеону и приветствием «всем чтущим и слушающим». Адресат «Книги» — Семен Иванович Крашенинников (Симеон), в иночестве Сергей, земляк и один из любимых учеников Аввакума.

«Книга» была начата, вероятно, в 1673 г.: в первой ее части го-

ворится как о живых о боровских узницах и о царе Алексее Михайловиче (умер в ночь с 29 на 30 января 1676 г.), окснчена же (судя по словам Аввакума, что со времени ссылки в Дауры прошло «двадцать три лета и пол-лета и месяц») — в 1676 г.

«Книга толкований» печатается по полному списку конца XVII—начала XVIII в. (ГПБ, собр. Богданова, О.1.339).

[ИЗ ТОЛКОВАНИЙ ПСАЛМОВ]

Стр. 101. «Обновится, яко орлу, юность твоя» — из Псалтири, СII, 5.

Егда состарееся орел... терние наших грехов. — Это толкование очень близко к тексту Физиолога — средневекового сборника сочинений, большей частью фантастических, о животных, камнях и деревьях (см.: Карнеев, стр. 196—197).

«бог наш огонь паядаяй есть» — из Послания ап. Павла к евреям, XII, 29.

«...И измойся чистою водою естественною» — неточная цитата из Послания ап. Павла к евреям, X, 22.

«Господь на небеси уготова... всеми обладает» — из Псалтири, СII, 19.

Стр. 102. *...упился еси от жены любодеецы... из золотой чаши подливает.* — Аввакум использует апокалипсический образ, где в виде жены, сидящей на «звере червленом» и держащей в руке золотую чашу, «полну мерзости и скверн любодееяния ее», изображается символически греховный город Вавилон (Апокалипсис, XVII, 3—6).

Упоила римское царство и польское... да и в Русь нашу приехала... — Аввакум здесь явно исходит из учения так называемой Кирилловой книги, согласно которому через 1000 лет после рождения Христова совершилось отпадение римской церкви в «латинство», через 600 лет Западная Русь отпала в унию, а через 60 лет той же судьбы должна была остерегаться Русь.

...во 160 году... — То есть в 7160 г., или по нашему счету в 1652 г., когда Никон сделался патриархом.

«Слово законопреступно... не приложит воскреснути» — из Псалтири, XL, 9.

...Иды лаху... да распнет его... — По евангельскому преданию, понтийский игемон Пилат предложил народу отпустить на свободу, в соответствии с обычаем, одного из двух осужденных — Иисуса или разбойника Варраву. Архиереи, ненавидевшие Иисуса, подговорили жителей города кричать об освобождении Варравы, и Пилат приказал распять Иисуса, хотя сам был уверен в его невиновности (Евангелие от Матфея, XXVII, 15—24).

...ругающиеся глаголаху: «аще снидет со креста... веру имем ему!» — По Евангелию, когда Христос был пригвожден к кресту, проходившие мимо него говорили, издеваясь: если ты сын божий, то спаси себя (Евангелие от Матфея, XXVII, 39—42).

...на кресте Христа... стрелец рогатиною пырнул. — Имеется в виду эпизод, рассказанный в Евангелии от Иоанна, XIX, 34—35.

«Ибо человек мира моего... возвеличи на мя пяту» — из Псалтири, XL, 10.

...Сие реченно о Июде предатели... вметаема ношаше. — Иуда — один из двенадцати апостолов Христа, предавший его за 30 серебряников. В Евангелии от Иоанна (XII, 6) говорится, что он имел «ковчежец», куда складывал деньги, ибо «яко тать бе».

«Им же образом желает елень... душа моя к тебе, боже» — из Псалтири, XL, 1, 2.

Стр. 102 — 103. ...Елень... на вечную смерть устрояюща. — Ср. с Физиологом, где описание оленя, как и у Аввакума, отнесено к 41 псалму (см.: Карнеев, стр. V—VI). Слова о том, что олень «питается мохом, и зиму и лето щиплет подле земли пищу свою», в Физиологе отсутствуют. Эта подробность — результат личных наблюдений писателя над северным оленем.

Стр. 103. ...живыя воды... к ней: «...текущи в живот вечный». — Живая вода, которой поит окружающих Христос, — его учение. О встрече Христа с самарянкой, напоившей его, рассказано в Евангелии от Иоанна, IV, 7—14.

«Красотою твоею... десница твоя» — из Псалтири, XLIV, 5.

Евсевий Самосадукий — епископ Самосатский (IV в.).

«Помяну имя твое во всяком роде... в век века» — из Псалтири, XLIV, 18.

Богородицу согнали со престола... — Имеется в виду икона богородицы, снятая с престола Никоном.

Стр. 104. ...перерезал... что Илья пророк... у тряпезы Иезавелины... — Илья-пророк уничтожает 850 языческих жрецов, поклонявшихся Ваалу, в ответ на убийство по приказанию царицы Иезавели пророков «бога единого» Саваофа (Третья книга Царств, XVIII, 1—40). Образ грозного и жестокого пророка Ильи, решительного в средствах борьбы с врагами, чрезвычайно импонирует Аввакуму, который неоднократно уподобляет себя пророкам, в том числе и пророку Илье (см. челобитную царю Федору Алексеевичу, стр. 146).

держаше учение Валаамово... любви творити — из Апокалипсиса, II, 14. О прорицателе Валааме и моавитском царе Валаке рассказывается также в Книге Чисел, XVIII—XXIII.

...новой Валаам... — Аввакум имеет в виду Никона, лишённого церковным собором 1666 г. патриаршего сана и сосланного в бело-зерский Ферапонтов монастырь.

...повесил бы его на высокое древо... род Израилев искоренити. — Советник царя Артаксеркса Аман, злоствуя на израильтянина Мардохея, которого отличал царь, решил клеветой погубить весь израильский род, якобы сопротивляющийся распоряжениям царя и в первую очередь Мардохея. Но на дереве, которое Аман приготовил для Мардохея, царь приказал повесить самого клеветника (Книга Есфири, I—VII).

...царь Иван Васильевич... — Иван IV (Грозный).

...антихрист, зачнетя от блуда... летает к женам... — Рассказ Аввакума о приходе антихриста представляет собой соединение апокалипсического предсказания (Апокалипсис, XX, 7) с народными легендами и сказками о происхождении змеевичей. Этот мотив отражен в известной повести XV в. о Петре и Февронии.

Стр. 104 — 105. ...слово в слово как Никон... что прилично блуду. — Трудно сказать, насколько факты, приведенные Аввакумом, соответствовали действительности, — в других материалах они не находят подтверждения. Изображение патриарха здесь имеет явно полемический оттенок. Оно положило начало обличительным раскольничьим рассказам о Никоне конца XVII — начала XVIII в., например, таким, как «Житие инока Корнилия», где Никон представлен как «большой брат» и «друг» бесов, которому они поклоняются; как «Сказание о Никоне патриархе» и повесть «О Никоне волхве, бывшем патриархе московском», где Никон теряет человеческие черты

и превращается в какое-то сверхъестественное существо, «пестрого и страшного змия».

Стр. 105. *И веков тех... ересь содержит.* — До исправления церковных книг была принята неверная грамматически, возникшая в результате искажений при переписывании форма — во веки веком, — ее и защищает Аввакум. «Кириллова книга» была составлена в 1644 г. протопопом Черниговского московского собора Михаилом Роговым из полемических сочинений южнорусских писателей: Стефана Зизания (XVI в.), Захария Копыстенского (ум. 1627), Василия, священника Острожского. Была направлена против «латинства» и содержала «учение» о приходе антихриста.

«херувим из среды огня... неправда в нем» — неточная цитата из Книги пророка Иезекииля, XXVIII, 16.

Стр. 106. *А во Отечниках написано...* — Отечники, или патерики, — сборники рассказов о разных случаях из жизни христианских подвижников, были не лишены занимательности и пользовались популярностью у читателей.

Во Апокалипсисе писано: «аще кто в пленение ведет... убиенну быти». — Ср.: Апокалипсис, XIII, 10.

Манасии пятьдесят лет терпел, да дождался. — По рассказу Четвертой книги Царств (XXI, 2—7) и Второй книги Паралипоменон (XXXIII, 2—13), Манассия «сотворил лукавое перед господом», поклонялся идолам и пролил много неповинной крови. В наказание за грехи попал в плен к ассирийскому царю, после чего покаялся. Из Хронографа Аввакум заимствовал подробности о том, что «персы» хотели изжарить Манассию в медном котле, но ангел спас его.

...Ионе Ростовскому... с палестинскими сидит... — Ростовский митрополит Иона (1607—1690) принимал участие в церковном соборе 1666—1667 гг., на котором присутствовали вселенские патриархи.

А о Павле... мерско и говорить... — О жестокости Павла Крутицкого по отношению к старообрядцам говорит и современник Аввакума, инок Авраамий, в «Книге, глаголемой челобитной» (см.: Материалы, VII, стр. 267).

Стр. 107. *Вот пророк Давид не солгал, рекше: «бродами и уздою... неприближающихся к тебе».* — Из Псалтири, XXXI, 9.

Не гляди на Озию... дерзнувшего святая покадити... — Царь Озия, в результате многочисленных побед над врагами, возгордился и решил сам покадить в храме, то есть присвоить себе права священников. В наказание за это бог наслал на него проказу (Вторая книга Паралипоменон, XXVI, 16—20).

Стр. 107—108. *...зри на богоотца... и пророка Давида... престати от пагубы людской.* — Царь Давид разгневал бога намерением сосчитать население Израиля и Иудеи. Бог наказывает его тем, что в его земле «от утра до часа обеденного» царит смерть. Видя гибель людей, Давид просит покарать его самого (Вторая книга Царств, XXIV, 7).

Стр. 108. *...прибегни, яко блудница...* — Некая грешная жена, каясь в своих проступках, омыла ноги Христа своими слезами, и он отпустил ей грехи, так как она «возлюбила много» (Евангелие от Луки, VII, 38).

...возопи, яко хананея... — Хананейская жена обратилась с просьбой к Христу исцелить ее бесноватую дочь, что он и сделал (Евангелие от Матфея, XV, 22—28).

...припади, яко мытарь... — Аввакум имеет в виду евангельскую притчу: два человека, фарисей и мытарь, вошли в церковь. Фари-

сей молился, гордясь своими заслугами перед богом, мытарь же сокрушался о своей греховности, бия себя в грудь. По словам Христа, второй был более угоден богу, чем первый (Евангелие от Луки, XVIII, 10—14).

...яко разбойник, возопи... — Один из двух разбойников, распятых вместе с Христом, обратился к нему со словами: «Помяни меня, господи, когда будешь в царствии своем», — на что услышал ответ: «Завтра же со мной будешь в раю» (Евангелие от Луки, XXIII, 42—44).

зана яко трава... скоро отпадут — из Псалтири, XXXVI, 2.

...яко о Феофиле иконоборце Мефодий. — Инок Мефодий, впоследствии константинопольский патриарх (842—846), был противником византийского императора Феофила-иконоборца (829—842); усердно молясь о спасении души еретика Феофила, вымолил ему прощение.

Пострижена ты... Феодора... — Боярыня Феодосья Прокопьевна Морозова тайно постриглась в монахини в декабре 1671 г., вскоре после того как овдовела.

Стр. 109. *Воззри на царя Давыда... отвеча: «...смертному осуждению».* — Аввакум близко пересказывает главы XI—XII Второй книги Царств.

И глагола ему Нафан... за беззаконие посети. — Этого эпизода нет ни в Библии, ни в Хронографе. Вполне возможно, что авторство его принадлежит самому Аввакуму, который очень вольно обращался с текстом священного писания.

Стр. 109 — 110. *...предал нам и грамоту... и братом его.* — Константин (в монашестве Кирилл) и брат его Мефодий — греческие миссионеры, проповедовавшие в IX в. христианство в Моравии. Изобрели славянскую азбуку и перевели на славянский язык ряд богослужебных книг.

Стр. 110. *«Да аще бы и ангельски говорили... барабаны ваши!»* — из первого Послания ап. Павла к коринфянам, XIII, 1.

«Любы не превозносится... вся любит» — из первого Послания ап. Павла к коринфянам, XIII, 4—7.

На шестом соборе бысть... отца своего еретика... — Константин IV Погонат (Бородатый) — византийский император (668—685), при котором на VI Вселенском соборе (680—681) было осуждено так называемое монофелитство, признававшееся отцом Константина IV — Константином II. (Монофелитство — учение о том, что Христос имеет две природы — божественную и человеческую, но единую волю.)

почеже суд бывает без милости несотворшим милости — из Послания ап. Иакова, XI, 13.

Стр. 110—111. *Взри на невитян... господь: «...притекоша ко мне».* — Аввакум очень близко к тексту пересказывает содержание Книги пророка Ионы (I, 1—16; II, 1; III, 4—5; IV, 5—11), пересказывает своими словами и с собственными комментариями, внося детали из русского быта.

Стр. 112. *И в лето, в неже умре Озия царь... И нача паки пророчествовати.* — Пересказ VI главы Книги пророка Исаии.

[ИЗ ТОЛКОВАНИЙ НА КНИГИ ПРИТЧЕЙ И ПРЕМУДРОСТИ СОЛОМОНА]

Стр. 113. *Иудейская вся возлюбили... казни неблагодарнии прияша...* — В Синайской пустыне, куда Моисей привел евреев

из Египта по пути в обетованную землю, они возроптали на трудности и говорили, что лучше бы им оставаться в рабстве, но досыта есть. За это они были наказаны нашествием змей (Книга Чисел, XXI, 5—7).

...Исус Навин, чад их обрезав... — Об обрезании, которое совершал в пустыне Исус Навин, рассказано в Книге Исуса Навина, V, 4—5.

Стр. 113—114. «Падут грады... потекут жесточас» — из Книги Премудрости Соломона, V, 22.

Стр. 114. «Седина же есть мудрость... нескверное» — из Книги Премудрости Соломона, IV, 9.

«Рачение бо злое губит добрая... ум незлобив» — из Книги Премудрости Соломона, IV, 12.

[ИЗ ТОЛКОВАНИЯ НА КНИГУ ПРОРОКА ИСАИИ]

Стр. 115. «И ту будет вселение птицам... стеблие» — вольный пересказ слов пророка Исаии (Книга пророка Исаии, XXXV, 7).

Сирия бо есть птица краснопеснивая... красно и сладко пение... — Описание птицы Сирия взято из Физиолога (см.: Карнеев, стр. 244 и 13). ...писано во Алфавите... — См. прим. к стр. 20—21. Сведения естественнонаучного характера, приводимые Аввакумом, попали в Алфавит (Азбуковник), на который он ссылается, из Физиолога.

...егда-хождаше в пустыни Исус... и рыбою их накормил... — В Евангелии (от Матфея, XIV, 19—21, от Марка, VI, 41—44, от Иоанна, VI, 11—14) рассказывается, что Исус в пустыне, где он учил народ, сотворил чудо и накормил великое множество людей пятью хлебами и двумя рыбами.

Претерпевый до конца, той спасен будет — из Евангелия от Марка, XIII, 13.

«И тамо будет путь чист... и не заблудят» — неточная цитата из Книги пророка Исаии, XXXV, 8.

Стр. 116. «Почто цените сребро не в хлебы... во благах душа ваша» — из Книги пророка Исаии, LV, 2.

Развратився Израиль тогда... и кольца серебряные. — Вся эта выдержка представляет собой вольный пересказ слов пророка Исаии (Книга пророка Исаии, II, 7).

«Горы бо и холмы изменятся... не оскудеет» — неточная цитата из Книги пророка Исаии, LV, 12—13.

Стр. 117. ...не прах ли был Илинарх-от... — Имеется в виду открытие мощей соловецкого угодника, игумена Иринарха.

...пение в Соловках церковное... в осаде сидят семь годов... — См. прим. к стр. 81.

«ЧТО ЕСТЬ ТАИНА ХРИСТИАНСКАЯ И КАК ЖИТИ В ВЕРЕ ХРИСТОВЕ»

Отрывки из поучения Аввакума, входящего в его «Книгу толкований». Название взято из рукописи (ГПБ, О.1.339), по которой печатается настоящий текст.

Стр. 118. ...яко Иосиф Прекрасный... Египта, державы своея. — Иосиф, проданный своими братьями-завистниками в рабство в Еги-

пет, стал первым человеком при дворе фараона и оплатил братьям добром за зло, наградив их богатством. В главе XLVI, 29, Книги Бытия рассказывается о трогательной встрече Иосифа и его отца Иакова, когда Иосиф публично плакал на шее своего отца.

...яко Соломан царь Вирсавию... — Когда Вирсавия пришла с просьбой к своему сыну, царю Соломону, он почтительно встал ей навстречу, поклонился и поставил справа от своего престола престол для нее (Третья книга Царств, II, 19).

Стр. 118 — 119. ...о вдовице и о сиром попекись... обидимаго вступи... — Ср. Книгу пророка Исая, I, 17. Эти слова многократно повторяются в различных древнерусских «словах» и поучениях, в частности в «Поучении чадом» Владимира Мономаха. Аввакум тут следует общей традиции.

Стр. 119. Скрыся под древо со Еввою Адам... — Этот эпизод взят из Книги Бытия (III, 8).

Стр. 120. ...кудри бедной расчесывает... сапоги сафьянныя. — Обличая модников и модниц, Аввакум обращался к традиционной теме публицистической литературы. Отталкиваясь в какой-то мере от Книги пророка Исая (III, 16, 19), где обличаются «дщери Сиона», красующиеся «помизанием очным», «ступанием ног», нарядными «ризами», он следовал главным образом за такими публицистами, как митрополит Даниил и Иоанн Вишенский, давшими яркие сатирические портреты щеголей своего времени.

...египтяныня, Петерфийна жена... — Жена царедворца фараона Пентефрия, соблазняявшая Иосифа (Книга Бытия, XXXIX, 7).

Диалида (Далила) — блудница. Узнав, что сила полюбившего ее библейского богатыря Самсона заключается в волосах, она остригла его и выдала филистимлянам, которые его ослепили (Книга Судей израилевых, XVI, 17—21).

Стр. 121. Не подобает скривати данного нам таланта... во огни негасимом. — Аввакум имеет в виду евангельскую притчу о рабе, который получил от своего господина один талант (талант — денежная единица) и, вместо того чтобы пустить его в оборот, закопал в землю, не принеся, таким образом, прибыли своему хозяину (Евангелие от Матфея, XXV, 14—30).

Стр. 122. Я, окаянный, в Сибири... — Аввакум вспоминает о событиях 1654—1655 гг., когда он жил в Тобольске и служил в Вознесенской церкви протопопом.

...«хочешь ли вина и пива?» — Наказание, которому подвергает Аввакум «любодецу», очень напоминает меры, предпринятые героиней «Повести о целомудренной вдове»; убедив искателя ее руки несколько дней не есть, она потом предложила ему на выбор «трапезу или одр», на что он отвечал: «ниже помысла имам, что есть жена, от одержащего мя глада».

ИЗ «КНИГИ ОБЛИЧЕНИЙ, ИЛИ ЕВАНГЕЛИЯ ВЕЧНОГО»

«Книга» эта — полемическое произведение Аввакума, созданное в период пустозерской ссылки и направленное против дьякона Федора, одного из «соузников» автора.

Споры, которые начались вскоре после «казни» 14 апреля 1670 г., велись по догматическим вопросам (о святой троице, о сошествии Христа в ад, о непорочном зачатии и т. д.) и носили чрезвычайно острый характер, причем Аввакум в этом споре особой

принципиальностью не отличался: с помощью стрельцов он выкрал у дьякона Федора сочинение, посвященное этим вопросам, и уничтожил его, оставив лишь несколько листков, которые послал в Москву.

Федор писал: «Что се, господи, будет? Тамо на Москве клятвы вси власти налагают на мя за старую веру и на прочих верных, и zde у нас между собою клятвы, и свои друзи мене проклинают за несогласие с ними в вере же, во многих догматах, больши и никониянских».

«Книга обличений» была написана, очевидно, в 1679 г. — на это указывают слова Аввакума: «а с тобою уж десять лет мучуся, а не могу бесов тех отогнать». Адресована непосредственно Федору и отличается чрезвычайно ругательным тоном.

«Книга» сохранилась в единственном списке XVIII в., по которому и печатается (ГПБ, собр. Михайловского, Q. 173).

Сочинение в рукописи заглавия не имеет. Печатается с названием, которое присвоено произведению первым его публикатором П. С. Смирновым.

Стр. 123. *...нелепо мудрствуешь о образе святыя троицы.* — Аввакум отрицал единосущность троицы и, с точки зрения православия, впадал в ересь. Он утверждал, что в троице три существа, «три царя небесные», каждому «особое седение»; вместе с тем он отделял Иисуса Христа от третьего члена троицы, или «четверил» троицу, как говорил дьякон Федор. Аввакум и Лазарь обвиняли Федора в «единобожии», говорили, что он прячет «существа в существо».

Стр. 124. *...Подобно Федьке бешенному...* — Имеется в виду юродивый Федор, с которым Аввакум познакомился в Устюге во время возвращения из сибирской ссылки в Москву. Федор вместе с Аввакумом отправился в Москву и стал одним из ревностнейших его приверженцев.

...по благовещению радишася Сиф... царица небесная... — Все названные библейские герои рождались при необычных обстоятельствах: по горячей мольбе бесплодных родителей или по «благовещению» свыше: Сиф, например, рождается на свет по просьбе Адама дать ему сына вместо Авеля, убитого Каином (Книга Бытия, IV, 25); престарелым Аврааму и Сарре ангел сообщает о том, что у них родится сын Исаак (Книга Бытия, XVIII, 10—14); «божественным промыслом» определено и рождение Иоанна Предтечи и богородицы (Евангелие от Луки, I, 5—25, 57).

Егда родила бога-человека... — Характеристика Христа-младенца близка к изображению его в апокрифическом «Сказании Афродитиана» (см.: Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. Т. II. СПб., 1863, стр. 4).

...Ария, собаку... — Арий — священник, «еретик» конца III — начала IV в., учение которого, так называемое «арианство», было осуждено на Никейском соборе (325 г.). Отрицал «извечное существование Христа», рассматривая его лишь как «первое творение бога-отца». Сведения об Арии, против которого якобы выступал Никола Чудотворец, Аввакум почерпнул из сказаний о жизни Николая, где рассказывается, как «святой» «заушил» еретика.

Стр. 125. *...не знаешь... вопросы бабы поселянки...* — Ср. с высказываниями Савонаролы, что всякая старуха больше знает о вере, чем Платон. Взгляды Савонаролы излагает Максим Грек в «Повести страшной и достопамятной о совершенном иноческом житии».

ИЗ СТАТЬИ «СПИСАНИЕ И СОБРАНИЕ О БОЖЕСТВЕ И О ТВАРИ И КАКО СОЗДА БОГ ЧЕЛОВЕКА»

Статья известна в двух автографах, которые находятся в подлинных рукописях Аввакума вместе с автографами «Жития» и в ряде списков (*подробнее об этом сочинении Аввакума и его автографах см.: Демкова Н. С. Снискание и собрание о божестве и о твари. — В кн.: Пустозерский сборник, стр. 179—185). В автографах заглавия нет, но оно имеется во всех известных списках произведения. Как показывает полный текст этого заголовка, первый список сочинения был, очевидно, сделан в Пустозерске старцем Елифанием и им же озаглавлен с согласия самого автора: «Списание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека. Труды грешнаго протопопа Аввакума от бытия и пророк и святаго Евангелия. Надписал инск грешный Елифаній по его благословению на славу Христу богу. Аминь».

Статья была написана в Пустозерске в 1672 г.: Аввакум говорит, что «от Христа до сих мест» протекло 1680 лет, а так как по раскольниковому счету от «сотворения мира» до «рождества Христова» прошло 5500 лет, то дата Аввакума соответствует 1672 году.

Печатается по автографу (БАН, собр. Дружинина, № 746, л. 309—320).

Стр. 126. *«искони сотвори бог небо и землю»* — этими словами начинается Библия (Книга Бытия, I, 1).

Гранограф толкует... — При толковании Книги Бытия Аввакум в качестве главных источников использует Хронограф и Толковую Палею (Палея — книга, в которой, как и в Библии, излагается священная история, но с добавлением легендарных подробностей. Официальной церковью включалась в число запретных книг).

Землю взял от воды... пена — легкое дело... — Аввакум опровергает здесь апокрифический памятник — «Беседу трех святителей», где сказано, что солнце сотворено от ризы господней, месяц — от духа господня, земля — от пены морской.

«яко небеса убо исперва... божиим словом» — из второго Послания ап. Петра, III, 5.

«земля же бе невидима и неукрашена» — из Книги Бытия, I, 2.

«и разлучи бог между водою... и бысть» — из Книги Бытия, I, 7—8.

«пропиная небо... превыспренняя своя» — из Псалтири, CIII, 2—3.

Стр. 127. *«и тьма верху безны... верху воды»* — из Книги Бытия, I, 1, 2.

«да будет свет... день един» — из Книги Бытия, I, 3—5.

«седмижды днем... правды твоя» — из Псалтири, CXVIII, 164.

...звезду сотворил, ей же имя Аррис... — Названия звезд взяты Аввакумом из апокрифа. Ср., например, с апокрифическим произведением под названием «Громник дванадесяти месяцам собрано Ираклием царем от звездозакония»: «О небеси. Седьмь небес имеют великих семь звезд: Крон, Зевс, Арис, Солнце, Афродит, Ермис, Луна» (см.: Ложные и отреченные книги, стр. 156). Непосредственным источником Аввакума были в данном случае также Хронограф или Толковая Палея.

И положил солнце... во область ноши — из Книги Бытия, I, 16.

И повеле господь... творящая плод — из Книги Бытия, I, 11.

И израстиша былия прекрасная, травы цветныя разными процветении... — Ср. с изображением природы в Толковой Палее (см.: Палея толковая, по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892, стр. 9).

Стр. 128. *...всю тварь... сотворил словом, а человека боголепными руками.* — Этих сведений в Библии нет. По мнению А. К. Бороздина, они заимствованы Аввакумом из «Слова о вочеловечении» Иоанна Златоуста (см.: Бороздин, стр. 206). Но возможно, что и здесь источником был апокриф, например «От книг Еноха праведного, преже потопа» (см.: Ложные и отреченные книги, стр. 15).

...по Филону... — Филон (ок. 20 до н. э. — 50 н. э.) — греческий богослов и философ.

...инии глаголют три годы... — В апокрифическом памятнике «Беседа трех святителей» сообщается, что Адам пробыл в раю три часа, с шестого часа до девятого. Правда, к этому произведению Аввакум относится без доверия и даже опровергает его, как сказано выше.

...инии шесть часов... — Об этом говорится в одном из списков апокрифического сказания «Како сотвори бог Адама» (см.: Мочульский В. Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности. Одесса, 1893, стр. 80).

Вниде во змию, лучшего зверя... — Характеристика змия и сам рассказ об искушении Евы созданы под влиянием апокрифического произведения «Исповедание Еввы». Подробность о том, что у змия «крылья были», возникла под влиянием живописных изображений змиев и народных поэтических представлений.

Стр. 129. *«и вкусиста Адам и Ева...»* и дальше — вольный пересказ библейской легенды (Книга Бытия, III, 6).

ЧЕЛОБИТНЫЕ, ПИСЬМА, ПОСЛАНИЯ

Письма и послания Аввакума разделены на несколько тематических групп: выделены и объединены вместе письма Аввакума к одним и тем же адресатам; внутри каждой группы письма расположены по возможности в хронологической последовательности.

ЧЕЛОБИТНЫЕ ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ

Из сочинений Аввакума и других старообрядцев известно о десяти челобитных протопопа к царю Алексею Михайловичу, из которых до нас дошло только шесть. Не сохранились две ранние челобитные Аввакума (1653), написанные им совместно с костромским протопопом Даниилом: одна написана после присылки патриархом Никоном «памяти» Ивану Неронову — «Из книг выписки о сложении перст и о поклонех» (см. прим. к стр. 27); другая — по поводу ссылки Ивана Неронова (см. письмо протопопа Аввакума к Ивану Неронову в Спасов-Каменный монастырь — Материалы, I, стр. 23—24). Не сохранилась и челобитная, послужившая непосредственным поводом для нэвой ссылки Аввакума в 1664 г., — «моление» «о духовных властях», как он сам ее называет (см.: Памятник, стб. 751), или «роспись о том, хто в какие владыки годит-

ца», как значится в описи бумаг, отобранных у игумена Феоктиста при аресте (см.: М а т е р и а л ы, I, стр. 335, 336, 189). Не дошло до нас послание Аввакума, которое он написал царю в июне 1667 г., находясь в Андреевском монастыре на Воробьевых горах в Москве (см. стр. 61).

До 1951 г. были известны лишь пять челобитных Аввакума царю Алексею (см.: Памятники, стб. 723—766), в 1951 г. В. И. Малышев опубликовал еще одну, написанную Аввакумом в мезенской ссылке в январе 1665 г. (см.: Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ, 1951, вып. 3, стр. 261).

Публикуются четыре челобитные Аввакума Алексею Михайловичу: «первая», «третья», «четвертая» и «пятая»; их обозначение дается по Памятникам (кавычки в заглавии введены издателем для обозначения условности такой нумерации).

«ПЕРВАЯ» ЧЕЛОБИТНАЯ

«Первая» челобитная была написана Аввакумом в Москве вскоре после возвращения из сибирской ссылки весной 1664 г. (приехал в Москву не позднее середины мая 1664 г.¹) и представляет собой не документ, не жалобу («Не челобитьем тебе, государю... глаголю...»), а литературно-публицистическое сочинение, в котором автобиографический рассказ Аввакума о собственной судьбе и сибирских испытаниях становится аргументом и материалом для обсуждения проблем современности: Аввакум хочет «возвещать» царю, «како строится в его державе»; кроме того, цель обращения Аввакума — просьба об аудиенции: Аввакум надеется на откровенное и тщательное обсуждение церковной реформы (подробнее см.: Демин А. С. Для чего Аввакум написал первую челобитную? — ТОДРА, 1969, т. XXIV, стр. 233—236; Демкова Н. С. К вопросу об истоках автобиографического повествования в Житии Аввакума. — Там же, стр. 228—232).

Челобитная известна в трех редакциях; печатается первая редакция, сохранившаяся в автографе (ГИМ, Синодальное собр. свитков, № 1121 б).

Стр. 131. *Златоустый пишет на Послание к ефесеом...* — Иоанн Златоуст (ок. 345—407) — один из учителей христианской церкви. Сборники поучений с его «словами» были очень распространены в

¹ Аввакум, рассказывая в «Житии» о своем пребывании в Тобольске на обратном пути в Москву зимой 1663—1664 гг., упоминает о боярине Иване Андреевиче Хилкове. Иван Андреевич Хилков Большой был воеводой в Тобольске с 3 февраля 1659 г. по 19 февраля 1664 г. (см.: Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902, стр. 239, 585). Следовательно, Аввакум выехал из Тобольска до 19 февраля. Путь Аввакума от Тобольска до Москвы мог продолжаться около тринадцати недель: это же расстояние из Москвы до Тобольска в 1653 г. он ехал «недель с тринадцать» по зимним и осенним дорогам. Таким образом, Аввакум должен был приехать в Москву не позднее середины мая (если он выехал из Тобольска незадолго перед 19 февраля).

древней Руси. Здесь Аввакум имеет в виду одну из бесед Иоанна Златоуста, посвященную толкованию Послания ап. Павла к ефесянам.

Летом, в Преображениев день... — Праздник преображения — 6 августа. Во второй и третьей редакциях челобитной указан год, в который совершилось «чудо», — 171-й (1663 г. по современному летоисчислению).

Стр. 132. ...звезда на дискосе... преступала... — То есть на дискосе сдвинулась «звезда» — особое приспособление, состоящее из двух изогнутых пластинок, предназначенное для поддержания покрова над «святыми дарами».

...по приказу архиепископлю. — В 1663 г. архиепископом в Тобольске был Симеон (см. прим. к стр. 20, 30).

...яко неистинна глаголют... во исповедании своя веры. — Одно из никоновских исправлений богослужебных книг заключалось в опущении слова «истинный» в символе веры и замене фразы «его же царствию несть конца» фразой «его же царствию не будет конца». Аввакум обвиняет здесь никониан в «бесчестии» бога и отказе признать Христа «царем небесным».

...моровое поветрие... — Эпидемия чумы 1654 — 1655 гг.

...агарянской меч стоит десять лет беспрестани... — Россия вела войны начиная с 1654 г.: 1654—1667 гг. — война с Польшей, союзниками которой выступали крымские татары, 1654—1656 гг. — война со Швецией.

...при протопопе Стефане... — См. прим. к стр. 25.

...Христа... невоскресша. — В новых служебниках не упоминалось о воскресении Христа.

яко уметы, да Христа моего приобрящу — из Послания ап. Павла к филиппийцам, III, 8.

А Никон меня... мучил недели с три по вся дни... — Другие редакции челобитной сообщают, что Аввакум был бит «на правеже». В. К. Никольский полагал, что это наказание постигло Аввакума в 1652 г. за недоимку налогов в патриаршую казну (см.: Никольский, стр. 137). В автографах «Жития» этот эпизод отсутствует, однако в Прянишниковском списке (см.: Житие, 1960, стр. 315) избивание Аввакума по приказу Никона было приурочено к августу-сентябрю 1653 г., когда начались преследования Аввакума за его противодействие никоновской реформе (Аввакум был взят под стражу в ночь на 21 августа 1653 г.). Увеличен здесь и срок мучений Аввакума: «...меня бил по ногам четыре недели» (в «первой» челобитной — «недели с три»).

Стр. 133. не буду... реку — из второго Послания ап. Павла к коринфянам, XII, 6.

Стр. 134. ...яко древняя серафтяныни. — В Библии рассказывается о том, как вдова из Сарепты во время сильного голода поделилась с Ильей-пророком последним запасом пищи (Третья книга Царств, XVII, 10—15).

...чашею вина неразтворенна. — Ср.: Псалтирь, LXXIV, 9.

...отступника Иулияна... — Римский император Юлиан (331—363) восстановил в Риме язычество; рассказ о нем содержится в Хронографе.

Феофил — александрийский патриарх (ум. 414), противник Иоанна Златоуста.

...смерть мужу покой есть... — Ср.: Книга Иова, III, 23.

...яко Арий древнему Константину... — Арий — см. прим. к стр. 124. Константин Великий, римский император (285—337), утвер-

дид христианство как государственную религию; на Никейском соборе (325 г.) добился осуждения Ария, но затем выступал за смягчение постановлений, направленных против ариан. О том, как Арий «пленить хотя царя», сообщает Хронограф, русская историческая компиляция XV—XVII вв., содержащая историю Византии и Руси и начинающаяся от сотворения мира.

Стр. 135. *Христа он, Никон, не исповедует... «духу лукавому поклонимся».* — Аввакум перечисляет все «ереси», внесенные Никоном в символ веры, богослужебные книги и обряды.

Фармос (Формоз) — римский папа (891—896); после смерти был обвинен в узурпации папского престола, предан духовному суду и проклят. Источником сведений для Аввакума служили Хронограф, «Повесть о белом клобуке» и «Книга о вере».

ЗАПИСКА О ЖЕСТОКОСТЯХ ВОЕВОДЫ ПАШКОВА, ПРИЛОЖЕННАЯ К «ПЕРВОЙ» ЧЕЛОБИТНОЙ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ

«Записка» дошла до нас в автографе в том же столбце, что и «первая» челобитная (ГИМ, Синодальное собр. свитков, № 1121 б), и является ее непосредственным продолжением. Записка писалась в одно время с челобитной и вместе с ней была подана царю.

Печатается по автографу.

Стр. 136. *В 169...* — в 1661 г. по современному летосчислению. *Пашков* — см. прим. к стр. 31.

Стр. 137. *...не достанет ми повествовати лето.* — Ср.: Послание ап. Павла к евреям, XI, 32.

Софья Алексеевна — дочь царя Алексея Михайловича, родилась в 1657 г.

«ТРЕТЬЯ» ЧЕЛОБИТНАЯ

Сосланный 29 августа 1664 г. в Пустозерск, Аввакум «с великою нуждею доволокася до Колмогор» и отсюда послал челобитную царю, прося оставить его в Холмогорах.

В Памятниках (стб. 754) воспроизведена приписка к челобитной, в настоящее время в оригинале не поддающаяся прочтению: «Сию челобитную подал великому государю Киприан, Христа ради уродивый, во 173 году, ноября в 21 день».

Написана она незадолго до этой даты — в конце октября — ноябре 1664 г.

Печатается по автографу (ГИМ, Синодальное собр. свитков, № 1120).

«ЧЕТВЕРТАЯ» ЧЕЛОБИТНАЯ

Челобитная написана Аввакумом в «темнице пустозерской» в 1668 — начале 1669 г., не позднее марта—апреля, так как царица Мария Ильинична, которой Аввакум посылает благословение в этой челобитной, умерла 3 марта 1669 г.

Судя по тому, что Аввакум в челобитной отвечает Алексею Михайловичу на приказ «памятовати» о нем, переданный через Дементия Башмакова еще до отъезда Аввакума из Москвы в июле—августе 1667 г., можно думать, что эта первая челобитная из Пус-

тозерска была послана вскоре по приезде (Аввакум приехал в Пустозерск 12 декабря 1667 г.).

Челобитная сохранилась в единственном списке XVII в. (ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, № 589), по которому и печатается.

Стр. 139. *рабу господню... ко всем* — из второго Послания ап. Павла к Тимофею, II, 24.

...синбирской претопоп... отъиде... — Симбирский протопоп Никифор был сослан в Пустозерск вместе с Аввакумом, Лазарем и Епифанием; умер около 1668 г.

...с Москвы отпустить двух сынов моих... — Взрослые сыновья Аввакума, Иван и Прокопий, вместе с ним были привезены в Москву 1 марта 1666 г. с Мезени и затем, когда Аввакум был сослан в Пустозерск, оставались в Москве «на поруках» («мучились годы с три») до весны — лета 1669 г.

«ПЯТАЯ» ЧЕЛОБИТНАЯ

Эта челобитная, точнее послание, Аввакума Алексею Михайловичу с его «последним благословением» царю — последняя попытка контакта с ним и одновременно публицистический текст, рассчитанный на широкий круг читателей; она была написана в апреле—августе 1669 г., что явствует из указания самого Аввакума: «...нынешня 177 году», до 1 сентября. Фраза «Жаль нам твоея царския души и всего дому твоего, zelo болезнуем о тебе...» может быть истолкована как выражение сочувствия Аввакума овдовевшему царю: 3 марта 1669 г. умерла царица Мария Ильинична. По свидетельству дьякона Федора, список с челобитной был послан к семье протопопа на Мезень незадолго до 1 сентября 1669 г., еще до того, как челобитная была отправлена к царю (см.: Барсков, стр. 68, 70). По наблюдению Н. В. Понырко, в написании первой части челобитной принимал участие дьякон Федор (см.: Понырко Н. В. Дьякон Феодор — соавтор протопопа Аввакума. — ТОДРА, 1976, т. XXXI, стр. 362—365).

Печатается по автографу (ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, № 601).

Стр. 140. «Честь царева суд любит» — из Псалтири, ХСVIII, 4. «Жезл» — см. прим. к стр. 89.

...глаголы сия потопныя... — То есть неразумные слова, подобные тем, которые произносили люди накануне потопа, когда, согласно Библии, вся земля «исполнися... неправды» (Книга Бытия, VI, 11—13).

Стр. 141. «егда придет... на земли?» — Ср.: Евангелие от Луки, XVIII, 8.

Арсений Суханов (ум. 1668) — келарь Троице-Сергиева монастыря. По поручению Алексея Михайловича ездил на Афон, в Грецию, Египет, Иерусалим, чтобы изучить вопрос о различии между русским и греческим богослужением.

...во Истории о белом клобуке... — «Повесть о Новгородском белом клобуке» — публицистический памятник XV в., пользовался большой популярностью у старообрядцев; основная идея его — идея величия и духовного преимущества Руси перед Римом и Византией. Император Константин Великий (285—337), его современник епископ римский Сильвестр и царьградский патриарх Филофей (1355—1377) — герои «Повести о белом клобуке».

Стр. 142. *И увидех на брюхе твоём язву зело велику...*—Видение Аввакума, возможно, имеет своим источником «Повесть о Новгородском белом клобуке», где также рассказывается о язвах, поразивших царя Константина за его неверие в Христа.

Стр. 143. *...присылал ко мне Юрья Лутохина...*—См. стр. 60—61.

Нынешня 177 году... на первой неделе...—Первая неделя великого поста в 1669 г. была с 22 по 28 февраля.

...прежде часов...—Часы—краткие богослужения, соответствующие первому, третьему, шестому и девятому часу дня.

Стр. 144. *...ангел... восхитил Авраама выпрь...*—В апокрифическом «Откровении Авраама», вошедшем в Толковую Палею, рассказывается о том, как ангел Альтез «восхитил» Авраама на небо и показал ему всю вселенную.

Стр. 144—145. *И в полунощи... Бысть же ми радость неизреченна...*—Первоначальный набросок этого описания см. в письме семье (стр. 150).

ЧЕЛОБИТНАЯ ЦАРЮ ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Челобитная написана, очевидно, в начале 1676 г., вскоре после вступления на престол Федора Алексеевича (30 января 1676 г.), выражает надежды на изменение отношения нового царя к старообрядцам. Челобитная беспрецедентна по тону обращения к царю, поражает смелостью Аввакума и пренебрежением к требованиям придворного и литературного этикета. По-видимому, именно она была причиной резкого ужесточения режима в пустозерской тюрьме в 1676 г. (см.: Малышев В. И. Новые материалы о протопопе Аввакуме. — ТОДРЛ, 1965, т. XXI, стр. 329).

Печатается по списку конца XVIII в. (ГБЛ, собр. Егорова, № 1885, л. 201—204 об.).

Стр. 145. *Не смею нарецися богомолцу твой...*—Ср.: Евангелие от Луки, XV, 21.

...яко некий изверг...—Ср.: первое Послание ап. Павла к коринфянам, XV, 8.

...милостив буди ми, господи...—Ср.: Евангелие от Луки, XVIII, 13.

...серафинисса, жена еллинска...—В Евангелии от Марка (VII, 26) рассказывается о том, как «жена еллинска», «сирофиникисса родом» (язычница сирофиникиянка), просила Христа об исцелении ее дочери.

пси... господий своих—из Евангелия от Матфея, XV, 27; ср.: Евангелие от Марка, VII, 28.

...помазан елеом радости...—Ср.: Послание ап. Павла к евреям, I, 9.

Проклят день... буди тьма...—Ср.: Книга Иова, III, 3—4.

Стр. 146. *Помилуй мя, сыне Давыдов*—из Евангелия от Матфея, XV, 22.

Услыши моление мое... льстивых!—Ср.: Псалтирь, XVI, 1.

...что Илия пророк, всех перепластал во един час.—См. прим. к стр. 104.

Князь Юрий Алексеевич Долгорукий (ум. 1682)—опекун царя Федора Алексеевича, известен своими победами в войне с Польшей; участвовал в подавлении восстания С. Т. Разина. С 1676 г.—начальник Стрелецкого приказа.

Бог судит между мною и царем Алексеем... за свою правду. — Признание царя грешником, достойным адских мук, — одно из самых смелых мест челобитных Аввакума.

Иноземцы... предали турку... — Аввакум имеет здесь в виду широко распространенную в древнерусской литературе историю разгрома Византии турками в 1453 г., ее гибели за «безверие». Константин XII (по другому счету XI) Палеолог, брат Иоанна VI, — последний византийский император (1449—1453), погибший при падении Константинополя.

Иоаким (1620—1690) — русский патриарх с 1674 г., до этого архимандрит Чудовского монастыря в Москве, активный участник церковного собора 1666—1667 гг., ярый противник старообрядцев (см. о нем прим. к стр. 60—61).

...с Павлом и Ларионом. — См. прим. к стр. 51, 69, 95, 106.

Стр. 147. *яко чаша... не искидашася* — из Псалтири, LXXIV, 9.

«...испуют... грешнии земля». — Ср.: Псалтирь, LXXIV, 9.

«имейи уши слышати, да слышит!» — из Евангелия от Матфея, XIII, 9.

ПОСЛАНИЕ ЦАРЕВНЕ ИРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ РОМАНОВОЙ

Царевна Ирина Михайловна (1627—1679), старшая из сестер царя Алексея Михайловича, пользовавшаяся большим влиянием в царской семье, весьма сочувственно относилась к протопопу Аввакуму. О ее помощи Аввакум вспоминает в «Житии» (см. стр. 78): «Царевна Ирина Михайлова ризы мне с Москвы и всю службу в Тоболеск прислала» (подробнее см.: Малышев В. И. Два неизвестных письма протопопа Аввакума. — ТОДРА, 1958, т. XIV, стр. 413—415).

Это письмо написано Аввакумом, вероятно, уже после собора 1667 г. и до февраля 1679 г. (дата смерти Ирины Михайловны). Из текста его можно понять, что патриотические намерения Аввакума бороться с «Салтаном-царем» вызваны были тем, что «та же собака («варвар... турецкой») заглядывает и в нашу бедную Россию». Несомненно, что эти мотивы письма Аввакума были вызваны слухами о предстоящей войне с Турцией, но трудно определить, какой именно исторический момент он имел в виду: слухи усилились и после 30 сентября 1672 г. — после захвата турками пограничного Каменца-Подольского, когда Россия начала деятельно готовиться к обороне, слухи были и накануне самой войны с Турцией 1676—1681 гг. Царь в письме не назван по имени, и это затрудняет более точную датировку письма. Не исключено, что оно написано уже после смерти царя Алексея, когда наряду с устойчивыми представлениями о «конце света» у Аввакума возникали новые надежды на «праведный суд» «с никонияны». Отсюда, возможно, именование Ирины Михайловны «игуменьей» русского царства (вряд ли это было бы приятно адресату при жизни царя Алексея), отсюда же — апелляция к памяти ее отца и деда (минуя упоминания о брате).

Письмо печатается по списку конца XVII — начала XVIII в. (Ярославский областной музей, № 862 (1295), л. 63—69), с исправлением по списку XVIII в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Усть-Цилемское собр., № 37, л. 2—5 об.).

Стр. 147. ...иссек римскою властью... род еврейский... — Аввакум имеет в виду уничтожение римлянами Иудеи как самостоятельного государства (падение Иерусалима — 70 г.) — факт, хорошо известный на Руси по рассказам Хронографа и по «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия (ок. 37 — ок. 95).

Флоренский собор — Флорентийский собор 1439 г., провозгласивший унию римской и греко-восточной церквей. Ортодоксальное русское православие, не принявшее унию, считало греков (ее участников) «отступниками».

Мануилович — Иоанн VI Палеолог, византийский император (1425—1448), сын императора Эммануила II, принимал деятельное участие во Флорентийском соборе.

Тому лет с двести семьдесят с лишком... взял Царьград... — Аввакум приводит эту цифру ошибочно: со времени взятия турками Царьграда (Константинополя), столицы Византийской империи, (в 1453 г.) до времени написания этого письма прошло около 230 лет. Вахмет турецкой — турецкий султан Магомет II (1430—1481), взявший Константинополь.

Константин Мануилович — см. прим. к стр. 146.

...дед и отец твои... — Дед царевны Ирины Михайловны (и царя Алексея Михайловича) — московский патриарх Филарет (ум. 1633), отец — царь Михаил Федорович (1596—1645).

Стр. 148. *се жених грядет... стретение его* — из Евангелия от Матфея, XXV, 6.

«зрех... служаху ему». — Ср.: Книга пророка Даниила, VII, 9—10.

«не на лук... не спасет мене» — из Псалтири, XLIII, 7.

«несть наша брань... поднебесным» — из Послания ап. Павла к ефессянам, VI, 12.

«сею ради... стати» — из Послания ап. Павла к ефессянам, VI, 13.

«станете... угасите» — из Послания ап. Павла к ефессянам, VI, 14—16.

Стр. 149. *«коня и всадники... в Чермном мори»* — см.: Книга Исход, XV, 1—4.

Ияков Никейский — Иаков Низибийский (ум. 350), святой христианской церкви, епископ римского города Низибии (на границе с Персией). Источником сведений Аввакума был Пролог (память 13 января).

В молитвах их напечатано: «...лукавый». — См. прим. к стр. 190—191.

Партесное пение — хоровое пение, разделенное на голоса, партии. Аввакум был сторонником единогласия в церковной службе.

...яко Давид на Голияда... — Аввакум имеет в виду библейский рассказ о победе царя Давида над великаном Голиафом (Первая книга Царств, XVII).

...яко Мадиям... яко иной земный. — Ср.: Псалтирь, LXXXII, 10—11.

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ СЕМЬЕ

До нас дошли четыре письма Аввакума своей семье на Мезень.

1

Письмо послано 30 мая 1666 г. из темницы Николо-Угрешского

монастыря, куда Аввакум был заключен после расстрижения и предания проклятию на церковном соборе 13 мая 1666 г. В конце письма ошибочно указана дата — «Мая в 1 день» (Аввакум только 15 мая прибыл в монастырь). Как предполагает В. И. Малышев, нашедший это письмо, переписчик спутал букву л, обозначающую в древнерусском языке цифру 30 (30 мая), с буквой а, обозначающей единицу (см.: Малышев, стр. 260). Это предположение подтверждается и другими данными, позволяющими приурочивать письмо к концу мая: праздник вознесения, упоминаемый Аввакумом, в 1666 г. был 24 мая. Сыновья Аввакума Иван и Прокопий были еще на свободе (схвачены 7 июля 1666 г. за попытку проникнуть под окно тюрьмы).

Печатается по списку конца XVIII в. (ГИМ, собр. Вострякова, № 1009, л. 112 об. — 114).

Стр. 149. *В Пафнотьеве монастыре...* — См. прим. к стр. 52.

Стр. 150. *У Николы на Угреше...* — См. прим. к стр. 53.

...мизинцу моему... — То есть младшему сыну Аввакума Афанасию.

Молитва бо Петра из темницы избави... — См.: Деяния апостолов, XII, 4—9.

...молитва Иону из чрева китова изведе... — См.: Книга пророка Ионы, II.

...молитва... отроков от огня свободы... — См.: Книга пророка Даниила, III, 20—50.

...Анна Самойла породил... — См.: Первая книга Царств, I, 10—20.

В Вознесенъев день... радости многия исполнен бых. — Об этом же видении Аввакум писал в «пятой» челобитной Алексею Михайловичу (см. стр. 144).

2

Иван и Прокопий «прибредли» на Мезень летом 1669 г. и там жили на свободе до марта 1670 г. Письмо написано не раньше лета 1669 и до марта 1670 г.

Печатается по автографу (ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, № 596).

Стр. 150. *...с братом и сестрами, с женою и дочерью...* — Брат Ивана и Прокопия — Афанасий; сестры — Агриппина, Акилина и Ксения; жена Ивана — Неонила, дочь — Мария.

...старец... — Инок Епифаний.

Стр. 151. *...боярня...* — Ф. П. Морозова.

3

Письмо написано между 6 января и мартом 1670 г. (до казней на Мезени).

Печатается по автографу (ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, № 600).

Стр. 151. *Пришли с Машинным ваши все посылки.* — Стрелец М. Машингин был отправлен в Москву с отпиской пустозерского воеводы И. Неелсва осенью 1669 г. Вероятно, предыдущее письмо Аввакума семье (см. выше) было отправлено именно с ним, а на об-

ратном пути в Пустозерск Машигин захватил «посылки» протопопу от семьи.

Огрофена — дочь Аввакума (Агриппина).

Послал ныне богоявленской воды боченку, а летом — августовы... — Праздник богоявления — 6 января, следовательно, письмо Аввакума написано после 6 января; *августова вода* — вода, освященная в день водосвятия 1 августа.

Маремьяна — см. стр. 175—177 и прим. к ним.

«святит... о жене верней» — из первого Послания ап. Павла к коринфянам, VII, 14.

В Соловки те... хотя бы подъехал... — Проникнуть в Соловецкий монастырь в это время было уже трудно, так как с 1668 г. он был в осаде (см. прим. к стр. 81).

Тимофей, Иван Архипов, Стефан, Орина — личности их не установлены.

Стр. 152. *Федосья* — Ф. П. Морозова.

4

Письмо, вероятно, написано в конце 1672 — в первые месяцы 1673 г., как это определяется на основании следующей фразы Аввакума: «...и рубашку с себя скинул... уже три года будет». Известно, что он «рубашку скинул», попав в земляную тюрьму, то есть вскоре после 14 апреля 1670 г.

Печатается по списку начала XIX в. (ГПБ АН УССР, собр. митр. Макария, № 58, л. 162—166 об.).

Стр. 152. *Возлюбленнии... душу нашу.* — Из первого Соборного послания ап. Петра, II, 11.

вся суета... суетие — из Книги Екклесиаста, I, 2.

Увы, красный уныл... суета человеческая. — Ср.: стихиры Иоанна Дамаскина на погребение.

Имеющую пищу... довольни будем — из первого Послания ап. Павла к Тимофею, VI, 8.

«Аще и забудет мати... но аз не забуду» — из Книги пророка Исаии, XLIX, 15.

«Не пять ли птиц... есте вы». — Из Евангелия от Матфея, X, 29—31; от Луки, XII, 6—7.

«небо и земля... прейти» — из Евангелия от Луки, XXI, 33.

«внуши, боже... моления моего» — из Псалтири, LIV, 1.

«умякнуща словеса... суть стрелы» — из Псалтири, LIV, 22.

Стр. 153. *«ты же, боже... студенец истления»* — из Псалтири, LIV, 24.

...зверь даурский... — Воевода Афанасий Пашков.

...и в Енисейске Ржевскому... — Иван Иванович Ржевский (ум. 1678) — воевода в Енисейске с 1658 по 1663 г.

«и умертвят от вас... душа ваша» — из Евангелия от Луки, XXI, 16—19.

Стр. 154. *Григорий* — личность его не установлена.

Марья — дочь сына Аввакума — Ивана, Окулина (Акилина) — дочь Аввакума.

...на виселицу... не пошли... — См. стр. 62—63.

И Петр апостол... так сделал... — Аввакум имеет в виду отречение ап. Петра от Иисуса Христа (Евангелие от Иоанна, XIII, 37—38, и от Матфея, XXVI, 69—75).

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ

Феодосья Прокопьевна Морозова (см. прим. к стр. 51) поддерживала постоянную связь с Аввакумом, своим «духовным отцом». обращалась к нему за нравственной поддержкой и практическими советами. Письма ее Аввакуму и его семье см. в кн.: Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, и в кн.: Аввакум. Житие. Челобитные к царю. Переписка с боярыней Морозовой. Париж, 1951.

Публикуются два письма Аввакума, написанные им Ф. П. Морозовой из Пустозерска в то время, когда она находилась еще на свободе.

1

Письмо сохранилось в автографе (ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, № 598), на обороте письма Морозовой Аввакуму, в котором она просила его помолиться, чтобы бог «подал» ее сыну «супружницу на спасение». Письмо Аввакума является ответом и на предыдущие письма Морозовой, где она жаловалась на Федора юродивого (см. прим. к стр. 51) и сыновей Аввакума, которые «у него перенели высокоумья великое на себя», и просила «запретить», «чтобы им с ним не знатца» (см.: Барсков, стр. 38—39). Известно, что сыновья Аввакума были в Москве до начала лета 1669 г. Датируется письмо 1669 г.

Печатается по автографу.

Стр. 154. *Прежде сих грамоток...* — Речь идет о письмах Морозовой, полученных Аввакумом.

Стр. 155. *Писал тебе преж сего...* — Сохранилось еще два отрывка из писем Аввакума Морозовой по этому же поводу (см.: Барсков стр. 33—35, 39—40).

...яко и Елифания Евдоксия. — Аввакум напоминает эпизод из истории византийской церкви: императрице Евдоксии (ум. 404) и ее борьбе против Иоанна Златоуста удалось привлечь на свою сторону Елифания Кипрского.

...поганую вашу любовь разорвала... — Неясно, чьи и какие взаимоотношения имеет в виду Аввакум.

...выколи глазища... что и Матридия. — Аввакум имеет в виду Житие «преподобной» Матридии (Пролог, память 24 ноября), выколовшей себе глаза, чтобы избавиться от любовных соблазнов.

Не кручинься на Марковну... — Жена Аввакума Анастасия Марковна, очевидно, не вникала в ссору Морозовой и Федора.

2

Написано после 14 апреля 1670 г. (в конце письма Аввакум называет себя «живым мертвецом», а это могло быть после 14 апреля 1670 г., когда он был посажен в Пустозерске в земляную тюрьму) и до 16 ноября 1671 г. (до взятия Морозовой под стражу).

Печатается по списку начала XIX в. (ГПБ АН УССР, собр. митр. Макария, № 58, л. 67 об.—70).

Стр. 155. *Господь грядет... спасти.* — Ср. 9 песнь канона в «неделю мясопустную».

Стр. 156. *«егда поносят вам... на небесех»* — из Евангелия от Матфея, V, 11—12.

егда молишися... двери своя — из Евангелия от Матфея, VI, 6.
«господи, согрешила... Несъмь достойна... наемниц твоих!» — Ср.: Евангелие от Луки, XV, 18—19.

ПИСЬМО БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ И КНЯГИНЕ Е. П. УРУСОВОЙ

Письмо обычно датировалось концом 1674 г. на основании указания самого Аввакума: «...20 лет и единое лето мучат мя», когда Морозова и Урусова находились уже в боровской тюрьме (отсчет лет ведется с 1653 г. — с начала преследований Аввакума никонианами), и соответственно рассматривалось как письмо, отправленное в Боровск: в 1674 г. Морозова и Урусова находились уже в боровской тюрьме (см.: Смирнов П. С. — В кн.: Памятники, стр. LXVIII; эта датировка была принята нами в издании «Жития» 1960 г.; см. стр. 421). Однако анализ содержания письма (напоминание о недавней переписке с Федором юродивым, казненным в марте 1670 г., благодарность за деньги, посланные Морозовой жене Аввакума, видимо, еще до заключения Морозовой под стражу 16 ноября 1671 г., беспокойство Аввакума за судьбу своих «духовных дочерей», жизнь которых только что так круто изменилась) позволяет датировать его более ранним временем: это, по-видимому, одно из первых писем Аввакума, отправленных Морозовой в 1672—начале 1673 г., сразу после получения им известий о злоключениях Морозовой и Урусовой в московских тюрьмах («Свет моя, еще ли ты дышишь?.. или сожгли или удавили тебя?»). Подробнее см.: Демкова, стр. 75—80. Вопрос о том, почему Аввакум указал на 21 год своих мучений, остается открытым (возможно, он вел счет с 1652 г. — с эпизода своего стояния на «правеже» на патриаршем дворе за недоимку; см. прим. к стр. 132).

Печатается по списку конца XVIII в. (ГБЛ, собр. Егорова, № 1885, л. 174—178).

Стр. 157. *Скоро да предварят ны... спасителю наш!* — Из Псалтири, LXXVIII, 8—9.

Енох, Илия — библейский патриарх Енох и пророк Илия прославились своей святостью (см. прим. к стр. 175).

Стр. 158. *...жезл Ааронов прозябший...* — В подтверждение прав Аарона (старшего брата пророка Моисея) на священство оrehовый жезл его расцвел и принес плоды (Книга Чисел, XVII, 8).

Борис Иванович Морозов (ок. 1590—1662) — брат мужа Ф. П. Морозовой, воспитатель царя Алексея Михайловича, один из богатейших людей того времени.

С Феодором... ликовствуют... — О смерти Федора юродивого см. прим. к стр. 51.

ПОСЛАНИЕ БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ, КНЯГИНЕ Е. П. УРУСОВОЙ И М. Г. ДАНИЛОВОЙ

«Боярыня с сестрами», которым было отправлено это послание, — Феодосья Прокопьевна Морозова, постригшаяся в монахини под именем Феодора, родная ее сестра Евдокия Прокопьевна Уру-

сова (см. прим. к стр. 51) и находившаяся вместе с ними в заключении в Боровске жена стрелецкого полковника Акинфия Ивановича Данилова — Мария Герасимовна Данилова.

Морозова, Урусова и Данилова находились уже, по-видимому, не в Москве, как считал П. С. Смирнов (Памятники, стр. XXX), а в боровской тюрьме, куда они были сосланы после 19 апреля 1673 г., так как Аввакум посылает благословение «Устине-старце с побратимом», которые, как известно из Жития боярыни Морозовой, находились в боровской тюрьме в заключении вместе с Морозовой (Материалы. VIII, стр. 190). Отметим также, что уподобление Морозовой, Урусовой и Даниловой в этом послании (см. стр. 159 — 160) трем библейским отрокам, ввергнутым в печь царем Навуходоносором (Книга пророка Даниила, III), подтверждает факт отправки этого послания Аввакума в Боровск: именно Боровск как место заключения Морозовой, Урусовой и Даниловой Аввакум называл «пещью халдейской» (см. прим. к стр. 65). Таким образом, время написания послания — вторая половина 1673 г. — 1675 г. Послание сопровождало «Книгу бесед» Аввакума, отправленную боровским узникам.

Печатается по списку конца XVIII в. (ГИМ, Музейское собр., № 2582, л. 123—129).

Стр. 159. «благословен еси... во веки вся». — Ср.: Книга пророка Даниила, III, 26, 28, 51—52.

Стр. 160. Василий Великий (329 — 378), его друг и сподвижник Григорий Богослов (328—390), Иоанн Златоуст (ок. 347—407) — так называемые «отцы» и учителя восточнохристианской церкви.

Афанасий Александрийский (293 — 373) — епископ Александрии, прославившийся в истории церкви борьбой с арианством.

...Федор дьякон... — См. прим. к стр. 52, 123.

В книге моей написано и послано к вам... — Аввакум имеет здесь в виду свою восьмую беседу из «Книги бесед», где он, не называя противника по имени, полемизировал с «некоторыми гадами» (очевидно, с тем же дьяконом Федором) по ряду догматических вопросов.

Стр. 161. ...да послет беса и умучит его... с мачехою. — См.: первое Послание ап. Павла к коринфянам, V, 1—5.

Евдокея да Марья оханье прислали ко мне... — Речь идет о письмах Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой Аввакуму. До нас дошло несколько писем Урусовой из заключения, адресованных детям и представляющих немалый историко-литературный интерес: письма Евдокии Урусовой — это «плач» и «поучение» одновременно, книжная фиксация устной импровизационной причеты и материнского наказа-завещания (издание писем: Высоцкий Н. Г. Переписка княгини Е. П. Урусовой со своими детьми. — Старина и новизна. Исторический сборник. Т. XX. М., 1916, стр. 14 — 48).

...что... о Иване том больно сокрушаешься? — Аввакум утешает Морозову, горющую о смерти сына и о том, что никониане лишили Ивана Глебовича «божьей благодати» — перед смертью причастили «по-новому».

Стр. 162. Григорей о Трояне... помолился, ино отдали. — Житие Григория Двоеслова рассказывает о том, как он вымолил у Христа прощение императору Трояну, преследовавшему христиан.

«Преподобномученица» Фесдосия Церераградская (VIII в.) — свя-

тая христианской церкви, монахиня знатного происхождения, пострадала за свое бесстрашное сопротивление иконоборцам (Пролог, память 29 мая).

...батюшко... — Князь П. С. Урусов, с которым Е. П. Урусову развели после заключения ее в тюрьму.

Стр. 163. Меланья (она же Александра Григорьевна) — инокиня-старообрядка, возглавляла в доме Морозовой своеобразный женский монастырь. После своего пострижения в монахини Морозова была у нее «под началом». После ареста Морозовой Меланье удалось скрыться и организовать в Москве новую обитель.

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ СИМЕОНУ

Любимый ученик Аввакума Симеон — Семен Иванович Крашениников, нижегородец, посадский человек; в 1675 г. был пострижен в монахи и принял имя Сергей. Инок Сергей известен как сподвижник Никиты Добрынина, так называемого Пустосвята (казнен в 1682 г.), бывшего одним из руководителей Стрелецкого восстания 1682 г., которое выдвинуло ряд старообрядческих лозунгов; им написана челобитная от имени всех стрелецких полков и чернослободцев.

Известны три письма Аввакума Симеону, два из них (2-е и 3-е) были посланы вместе с «Книгой толкований».

1

Письмо производит впечатление фрагмента, отделенного от большего текста, и датируется второй половиной 1673 г., так как в письме упоминается Морозова, которая «мучится с сестрами». Речь, по-видимому, идет уже о боровской ссылке (с лета — осени 1673 г.), где Морозова, Урусова и Данилова находились в совместном заключении (см. выше). Строки письма «да в лоб палкой, да на огонь жарить» вызваны дошедшим до Аввакума известием о пытках Морозовой, Урусовой и Даниловой, которым их подвергли в Москве до ссылки в Боровск (до 19 апреля 1673 г.), «свинарник» — по-видимому, боровская земляная тюрьма.

Печатается по списку конца XVIII в. (ГБЛ, собр. Егорова, № 1885, л. 228—230 об.).

Стр. 164. *Покой большой у меня... воевода тут триходит...* — Аввакум был заключен в земляную тюрьму в апреле 1670 г. До нас дошли сведения только об одном пустозерском воеводе — Иване Савиновиче Неелове, бывшем воеводой в Пустозерске с 14 ноября 1666 по январь 1672 г.

...три отроки... с богом. — См.: Книга пророка Даниила, III; об аналогии «три отрока» — боровские узницы см. прим. к стр. 65.

его же положи... наследства имя — из Послания ап. Павла к евреям, I, 2—4.

благословен еси... во веки — из Книги пророка Даниила, III, 26.

2

Письмо написано после получения в Пустозерске известий о судьбе вселенских патриархов, участвовавших в церковном соборе 1667 г. (Макарий Антиохийский уехал из Москвы 6 июня 1668 г.,

Пансий Александрийский — 4 июля 1669 г.), и до начала войны с Турцией в 1676 г. Фразы «Чаю, подвигнет бог того же турка на отмщение кровей мученических», «А мучитель ревет...» указывают, что письмо писалось после смерти царя Алексея в то время, когда ожидалась война с Турцией в 1676 г.

Печатается по списку конца XVII — начала XVIII в. (ГНБ, собр. Богданова, О. I. 339, л. 309 об.—328).

Стр. 165. *Чадо богоприимче!* — Обращение к Симеону (в некоторых списках — «Чадо богоприимче Симеоне»). «Богоприимцем» назывался евангельский праведник Симеон, принявший Христа в иерусалимском храме (Евангелие от Луки, II, 25—28).

Распял-де... сво Измаил на кресте... — Сведения о распятии Пансия Александрийского неверны, но этот слух был весьма распространен в 70-х гг. XVII в. Дьякон Федор в письме сыну Максиму также писал о том, что султан приказал повесить вселенских патриархов (см.: Материалы, VI, стр. 248—249).

«еще кто в пленнице... убиснну быти» — из Апокалипсиса, XIII, 10.

Яко Тевсрий древле Пилата и Каиафу... — Сведения о смерти Понтия Пилата и первосвященника Каиафы, осудивших Христа на смерть, Аввакум не совсем точно почерпнул из апокрифического «Послания Пилата к Тиверию Кесарю».

Еще надеюся... Неглинна течет. — Гит — сын Веспасиана (41—81), римский полководец и император, разрушивший Иерусалим. «Новым Иерусалимом» назывался Воскресенский монастырь на р. Истре, построенный патриархом Никоном с большой пышностью; главный монастырский храм был точным подобием иерусалимского храма. «Пригородок» — Кремль.

...любодеицу... — См. прим. к стр. 102; здесь — никонианская церковь.

имуци чашу злату... любодаяния ея — из Апокалипсиса, XVII, 4.

...малакса на чело поп наложит... — То есть помажет маслом по учению Николая Малаксы (см. прим. к стр. 91).

Стр. 166. *Достоин... своя* — из Евангелия от Матфея, X, 10.

Стр. 167. *«изведи из темницы... воздаси мне»* — из Псалтири, CXXI, 8.

Егда посла бог-отец душу в телеси... — Аввакум утверждал, что Христос сходил в ад не только душою, но и телом. Это положение было признано еретическим не только господствующей церковью, но и старообрядцами (см. прим. к стр. 211).

к тому уже не умрет... не обладает — из Послания ап. Павла к римлянам, VI, 9.

Стр. 167—168. *...огнь... коегождо дела искусит... якоже огнем.* — Ср.: первое Послание ап. Павла к коринфянам, III, 13—15.

Стр. 168. *Никола Чюдотворец... от Максимиана-мучителя.* — Об этом рассказывается в Житии Николая Чудотворца (Пролог, память 6 декабря); Максимиан — римский император Максимилиан (285—310), преследовавший христиан.

Стр. 168—169. *А мучитель ревет... матица огня!* — Рассказ о наказании «Максимиана» воспринимается как иносказание о загробной судьбе царя Алексея Михайловича, весьма прозрачное в силу определенных параллелей: «Где строение сел любимых?... Где все затей и заводы?..» Алексей Михайлович увлекался строительством

дворцовых палат, охотой, различными светскими забавами, театром; ср. развитие этой темы в челобитной царю Федору, стр. 146.

Стр. 169. «славно бо прославися» — из Книги Исход, XV, 1.

...Макар Антиохийский забегал в Грузию... — Из Москвы патриарх возвращался в Антиохию через Грузию.

...сею книгою — Имеется в виду «Книга толкований» Аввакума, посланная им Симеону.

3

Письмо датируется февралем 1677 г., так как Аввакум указывает в нем, что со времени его ссылки в Сибирь (сентябрь 1653 г.) прошло «двадесяте три лета и пол-лета и месяц».

Печатается по списку конца XVII—начала XVIII в. (ГПБ, собр. Богданова, О. I. 339, л. 296 об. — 309 об.).

Стр. 170. *Отрадние, чадо.. житие бысть...* — Лог — библейский патриарх, жил в «нечестивых» городах Содоме и Гоморре (см.: Книга Бытия, XVIII—XIX).

Беспрестанно ратуяся с попами пьяными... — Аввакум не преувеличивал, говоря о гех бесчинствах, которые происходили во время церковной службы. В одной из «записок» патриарха Иосафа в 1636 г., например, читаем: «...дети во время святых службы в олтари бесчинствуют, и во время же святого пения ходят по церквам шпыни, с бестрашием, человек по десятку и больши, и от них в церквах великая смута и мятеж, и в церквах овогда бранятся, овогда и дерутся». О попах и дьяконах, упивающихся вином и дерзающих «не истрезвився служить божественную литургию», говорится в соборном ответе 1681 г. на вопросы царя Федора Алексеевича. Подтверждаются эти факты и многими другими документами (см.: Шапов А. П. Сочинения. Т. 1. СПб., 1906, стр. 383—386).

Стр. 171. *Беседы апостольские* — то есть Беседы Иоанна Златоуста на Деяния апостолов.

Стр. 171 — 172. *Честнаго отца сын... вся приобрете.* — Ср.: Житие Иоанна Златоуста. Мелетий (ум. 381) — антиохийский епископ, учитель Златоуста; Флавиан (ум. 404) — антиохийский епископ, учитель Златоуста; Аркадий (347—408) — византийский император; Евдоксия (ум. 404) — императрица.

Стр. 172. *...рыкнул Ирккан в царице...* — Иркканом Аввакум называет, очевидно, александрийского патриарха Феофила (ум. 414), союзника императрицы в борьбе против Иоанна Златоуста; Ирккан—Гиркан II (79—40 гг. до н. э.) — первосвященник Иудеи; был известен Аввакуму по «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия.

...собор на извержение Иваново! — То есть собор для лишения Иоанна Златоуста сана патриарха.

...Алексеюшко-то с Марьюшкой... — Царь Алексей Михайлович и царица Мария Ильинична.

...Куксы арменския, потом в Каманы... — город Кукуз в Армении, куда в 404 г. был сослан Златоуст; в Команах (на побережье Черного моря) Златоуст умер в 407 г.

...греки... патриархи кушают... — Греческая церковь находилась в полной зависимости от власти турецкого султана; это было для Аввакума лишним доводом неприемлемости обрядов, введенных Никонем по греческому образцу.

В Казани никонияня тридесять человек сожгли... сами во огнь

державше... — См. прим. к стр. 81. Одобрение Аввакума относится к самосожжению как средству спасения из рук никониан (см.: Б о р о з д и н, стр. 311—314).

ПИСЬМО ИГУМЕНУ ФЕОКТИСТУ

Феоктист — игумен Златоустовского монастыря, деятель раннего старообрядчества. В 1666 г. был арестован в Вятке, где он скрывался от преследований никониан. Умер до собора 1666 г.

Письмо было послано Аввакумом с Мезени, где он находился в ссылке с 29 декабря 1664 по февраль 1666 г. Судя по тому, что год приезда в Москву из сибирской ссылки (весна 1664 г.) Аввакум называет «прошлым годом», письмо написано в 1665 г., зимой (Аввакум просит прислать ответ «до весны»).

Печатается по единственному списку XVII в. (ГИМ, Синодальное собр. свитков, № 1119).

Стр. 173. (*аще согрешают... прощайте их*). — Ср.: Евангелие от Матфея, XVIII, 21—22.

...имушаго ревность божию не по разуму. — Ср.: Послание ап. Павла к римлянам, X, 2.

Аще бог по нас... проповедует о нас. — Из Послания ап. Павла к римлянам, VIII, 31, 33—34.

наша брань... плоти — из Послания ап. Павла к ефессянам, VI, 12.

«ходяй во тьме... грядет» — из Евангелия от Иоанна, XII, 35.

...в горькой Сион! — Сион — один из холмов, на которых был построен Иерусалим, Сионом назывался и сам иерусалимский храм. В иносказательном смысле означает церковь вообще; «горькой Сион» — никонианская, «неистинная» церковь.

Около Воскресенкова... — Около Воскресенского монастыря (см. прим. к стр. 165).

дщи Вавилоня, окаянная! — Из Псалтири, СXXXVI, 8.

Родион, Иван — московские священники, принявшие реформу Никона; начальник их Иларион — архиепископ Рязанский, один из главных деятелей церковной реформы (о нем см. прим. к стр. 69).

Стр. 174. *А аще бы нам умолчать, камень возопиет*. — Из Евангелия от Луки, XIX, 40.

«не бойся... дати царство» — из Евангелия от Луки, XII, 32.

А Ондрей Самойлов у меня на Колмогорах недели с четыре жил... — Андрей Самойлов — сторож московского Благовещенского собора, один из учеников и последователей Аввакума. При отъезде Аввакума из Москвы в ссылку на Мезень 29 августа 1664 г. А. Самойлов проводил его до Холмогор.

...Афонасья заставь. — Юродивый Афанасий, впоследствии известный расколоучитель инок Авраамий (см. прим. к стр. 57 и стр. 174—175 и прим. к ним).

...про старцово житье мне не пиши... — Речь идет о бывшем протопопе собора Казанской божьей матери — Иване Неронове, в монашестве — старце Григории, наставнике и друге Аввакума, принявшем реформу (см. прим. к стр. 28).

...в рогах ходят... — «Рогами» Аввакум называет новую форму клобука, введенную Никоном (см. прим. к стр. 85).

Фетинья, Григорей — домочадцы Аввакума.

ПИСЬМО АФАНАСИЮ

Афанасий — мирское имя известного расколоучителя и писателя инока Авраамия (см. прим. к стр. 57). Написано письмо в пустоозерский период жизни Аввакума — очевидно, до февраля 1670 г., так как уже в феврале 1670 г. инок Авраамий находился в заключении. Некоторые исследователи полагают, что адресат этого послания не инок Авраамий, а его тезка — другой Афанасий, москвич (см.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898, стр. LIX—LX; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973, стр. 92, сноска 95).

Письмо печатается по единственному списку XVII в. (ГПБ, О. XVII. 37. л. 33—35 об.)

Стр. 174. *А Борис Афонасьевич еще ли троцу ту страха ради не принял?* — Личность боярина Бориса Афонасьевича не установлена; *троца* — здесь означает гроеперстие.

А Хованской князь Иван Большой... — Князь Иван Иванович Хованский (см. прим. к стр. 54).

Стр. 174 — 175. *Антиох Египетский* — Антиох IV Епифан (176—164 до н. э.). «нечестивый» царь Сирии, во время правления Иудеей ввел поклонение идолам и вакханалии (см.: Первая книга Маккавейская, I, 10; XVI, 20; Вторая книга Маккавейская, I, V, IX).

Стр. 175. *...Илия и Енох не вкусили смерти плоти...* *постраждут...* — Библейский патриарх Енох и пророк Илья были взяты на небо живыми (Книга Бытия, V, 18—24; Четвертая книга Царств, II, 11). По предсказанию Апокалипсиса, перед концом света они вернутся на землю свидетельствовать против антихриста и будут им убиты (Апокалипсис, XI, 3—12).

ПИСЬМО МАРЕМЬЯНЕ ФЕОДОРОВНЕ

Маремьяна Феодоровна, часто упоминаемая в письмах Аввакума, — одна из его любимых «духовных дочерей». По-видимому, она была женой московского священника Дмитрия, который служил «у крестов» у кн. Анны Милославской. Дмитрий уклонился на некоторое время от старообрядчества, стал служить по новым книгам, и Маремьяна отказалась жить с ним (см. стр. 151). Очевидно, Дмитрий и прислал Аввакуму просфору, о которой идет речь в письме.

Письмо написано после марта 1670 г., так как «протопопица» была «посажена... в землю... с Иваном и Прокопием» в марте 1670 г.

Печатается по списку начала XIX в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 257. л. 135—139 об.).

Стр. 175. *Козьма Стефан* — московские священники; *Максим* — очевидно, сын дьякона Федора, одного из пустоозерских узников.

Стр. 176. *Без веры... угодити богу* — из Послания ап. Павла к евреям, XI, 6.

«Лучше бы не родился человек той» — из Евангелия от Марка, XIV, 21.

Стр. 177. *«и печаль мою... господи!»* — Ср.: Псалтирь, CXLI, 3. *...что Исакия Печерского затомили.* — Рассказ о борьбе Исакия Печерского с бесами находится в Киево-Печерском патерике, древнейшем сборнике оригинальных русских житий монахов Киево-Печерского монастыря.

Анна Амосовна — одна из «ближних» женщин боярыни Морозовой.

ПОСЛАНИЕ «ВЕРНЫМ»

Послание сохранилось в двух редакциях — сокращенной (1673) и распространенной (1678). Печатаем первую редакцию (датировка ее устанавливается на основании фразы послания: «...ныне и Соловки в осаде моряг, пять лет не етчи»; Соловецкий монастырь был осажден в 1668 г.).

Печатается по списку XVIII в. (БАН, собр. Дружинина, № 166 (202), л. 207—210 об.).

Стр. 177. *их же аз люблю воистинну* — из второго Соборного послания Иоанна Богослова, I, 1.

влающихся и скитающихся... в коварстве льщения — из Послания ап. Павла к ефесянам, IV, 14.

«не бойся... царство небесное» — из Евангелия от Луки, XII, 32.

Стр. 178. *Зде есть терпение святых* — из Апокалипсиса, XIII, 10.

Лествичник Иоанн, или Иоанн Синан; (ум. ок. 606) — игумен Синайской обители, автор «Лествицы райской» — руководства к иноческой жизни (издана в Москве в 1647 г.).

Не убоимся... убити — из Евангелия от Матфея, X, 28.

...убоимся втория смерти... — Ср.: Апокалипсис, XX, 6.

Братия моя... руки секли... — Первая «казнь» Лазаря и Елифании с «урезанием языков» состоялась 27 августа 1667 г. в Москве, вторая — 14 апреля 1670 г.; Лазарю, Елифанию и дьякону Федору «языки резали и руки секли».

Горе им... предашася! — Ср.: Соборное послание Иуды, I, 11.

Стр. 179. *...видя видь озлобление людей сих...* — Ср.: Книга Исход, III, 7.

Спаситесь... строптиваго сею — из Деяний апостолов, II, 40.

И в моем дому двоих повесили... — В марте 1670 г. были повешены юродивый Федор и Лука Лаврентьевич, жившие с семьей протопла на Мезени.

не имам зде града... взыскуем — из Послания ап. Павла к евреям, XIII, 14.

ПОСЛАНИЕ «ГОРЕМЫКАМ МИЛЕНЬКИМ»

Послание было отправлено в московскую старообрядческую общину, содержит ответы на многочисленные вопросы старообрядцев о «неизвестных вещех»: как исповедаться и причаститься без священника, как «почитати» сожженных за принадлежность к расколу и ряд других. Послание датируется концом лета 1675 г.: в нем как о трагической новости сообщается о казни в Пустозерске Кириана 7 июля 1675 г.: оно сопровождало, по-видимому, «Книгу бесед» Аввакума.

Оно известно в четырех редакциях; в настоящем издании печатается редакция А (по обозначению их в Памятниках) по списку конца XVIII в. (ГБЛ, собр. Егорова, № 1898, л. 115—122).

Стр. 179. *«житие наше... есть»* — из Послания ап. Павла к филиппийцам, III, 20.

Стр. 180. *...Исаии сожженного...* — См. прим. к стр. 54.

оболкшася... приемше — из Послания ап. Павла к ефесянам, VI, 14 и 17.

взирающе на начальника... Иисуса — из Послания ап. Павла к евреям, XII, 2.

да уклонится от зла... земля — из первого Соборного послания ап. Петра, III, 11—12.

Стр. 181. *...истинным запасом...* — То есть святыми дарами, освященными старопоставленными священниками.

Стр. 182. *«Исповедайте... да исцелете».* — Из Соборного послания ап. Иакова, V, 16.

...Лев... в огонь посадил же такова вора. — Лев (ум. ок. 780), епископ Катанский. В Житии его (память 20 февраля) рассказывается о сожжении им неуловимого для светских властей волхва Илиторда.

Стр. 183. *отец Авраамий* — инок Авраамий (см. прим. к стр. 57, стр. 174 — 175 и прим. к ним).

...83. июля в 7 день, в среду. — То есть 7 июля 1675 г.

Посылайте деньги мои к жене моей и детям... — Семья Аввакума в это время находилась на Мезени.

Стр. 184. *Инок Елифаний* — один из пустозерских «союзников» протопопа (см. прим. к стр. 17).

«СОВЕТ СВЯТЫМ ОТЦЕМ ПРЕПОДОБНЫМ»

Это послание, возможно, не имеет в виду определенных адресатов, а обращено ко всем старообрядцам, живущим замкнутыми общинами, в скитах, и содержит указания и советы Аввакума своей пастве относительно внутриобщинного уклада жизни (подобно письму «отцам святым» и «преподобным маткам»). Послание написано после смерти царя Алексея Михайловича (в ночь с 29 на 30 января 1676 г.): в нем рассказывается о страшной кончине царя, по старообрядческой легенде постигшей его за разрушение Соловецкого монастыря (монастырь был взят царскими войсками 27 января 1676 г.), — и, по-видимому, после московского пожара 9 июня 1676 г., который Аввакум рассматривает в ряду апокалиптических знамений, предвещающих «конец света».

Печатается по списку конца XVII — первой четверти XVIII в. (ГИМ, Музейское собр., № 3003, л. 175—186 об.).

Стр. 184. *Лида, Ассарон* — в Деяниях апостолов (IX, 32, 35, 38) упоминаются иудейские города Лидда и Ассарон, все жители которых приняли учение Христа.

...в горнем Сионе. — То есть на небе (см. прим. к стр. 173).

...корабли фарсийского исполнены влата... — См.: Вторая книга Паралипоменон, IX, 21.

Стр. 185. *Гаваон* — библейский город в Палестине, жители которого (гаваониты) хитростью добились пощады от Иисуса Навина и союза с ним во время войны Израиля с Ханааном (см.: Книга Иисуса Навина, IX).

велиар — одно из наименований дьявола, встречающееся в Библии (см.: второе Послание ап. Павла к коринфянам, VI, 15).

фараониты — слуги библейского египетского фараона, преследовавшего евреев (см.: Книга Исход, I—XV); здесь — преследователи старообрядцев.

Стр. 186. *Вавилон*, как символ нечестия и развращенности, означает здесь «никонианский мир».

Прогневася брат на брата, на Авеля Каин... — См.: Книга Бытия, IV, 1—15.

Стр. 187. *«глаголи ты... да оправдишишь»*. — Ср.: Книга пророка Исая, XLIII, 9.

Стр. 188 — 189. **Видите... уж посечены быша*. — Очень близкое описание смерти царя Алексея Михайловича имеется в сочинениях дьякона Федора (см.: Материалы, VI, стр. 313—314) и во вновь найденном сочинении 1676 г. «Вопрошание от сына духовного ко отцу...» (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 65, л. 392—399 об.; в печати), в основе которого лежит текст послания из Москвы в Пустозерск неизвестного автора, подробно описывающего важнейшие для пустозерских узников московские новости первых месяцев 1676 г.: падение Соловков, смерть царя, поведение придворных и т. п. Соловецкий монастырь был взят царскими войсками 27 января 1676 г. (см. прим. к стр. 207). *...играя ...детину годоуса Богословом...* — Речь идет о театральных представлениях при дворе царя Алексея на тему «Страстей Христовых».

Стр. 189. *...пречистая богородица... не привелоша их*. — В упоминавшемся выше «Вопрошании» подробно описано как действительно бывшее явление царю Федору богородицы и боровских узниц (л. 395 — 396 об.), требовавших отмены церковной реформы.

ПОСЛАНИЕ СИМЕОНУ [?], КСЕНИИ ИВАНОВНЕ И АЛЕКСАНДРЕ ГРИГОРЬЕВНЕ

Это послание дефектно: отсутствует его начало, и поэтому имя первого адресата не названо. Однако известно, что он занимает видное положение в старообрядческой общине Москвы, хорошо осведомлен о жизни Аввакума, деятельности Ф. М. Ртищева и А. С. Матвеева в защиту никоновской реформы, находится в постоянном общении с двумя другими адресатами — Ксенией Ивановной, бывшей казначеей в доме Ф. П. Морозовой, и Александрой Григорьевной — инокиней Меланьей (см. прим. к стр. 163); можно предположить, что это Симеон, в иночестве игумен Сергей.

Послание, помимо рассказа о «бедах» «нынешнего времени» и «дживых» учителях, содержит толкование 103 псалма «о мирстем бытии». Датируется 1678—1679 гг. (подробнее см.: Сарафанова Н. С. Неизданное сочинение протопопа Аввакума. — ТОДРА, 1960, т. XVI, стр. 257—269).

Послание сохранилось в единственном списке начала XVIII в. (ГПБ, собр. Михайловского, Q. 173, л. 1—21 об.).

Стр. 190. *...царица Марья...* — Мария Ильинична (1625 — 1669), первая жена царя Алексея Михайловича.

...фигуру. — Возможно, здесь порча текста, смысл ясен только приблизительный: речь идет о послании Аввакума властям из Пустозерска.

Анна Веньяминовна — см. прим. к стр. 27. О Ф. М. Ртищеве см. прим. к стр. 47.

Артамон — Артамон Сергеевич Матвеев (1625—1682), ближний боярин царя Алексея Михайловича, государственный деятель, был в ссылке в Пустозерске с 1678 по 1680 г.

Стр. 190 — 191. *Во крещении напечатано: «...дух лукавый... помыслом наводяй»*. — Старообрядцы обвиняли никониан в том, что, изменив расстановку слов в крещенской молитве, никониане молятся теперь «духу лукавому», то есть сатане, называя его «господом».

Стр. 191. *Иоанн Дамаскин* (конец VII в. — ок. 754) — визан-

тийский богослов и философ, автор многих богословских сочинений и церковных песнопений.

«и прият Иосиф жену.. первенца» — из Евангелия от Матфея, 1, 25.

...всех бы еретиков.. яко Илия, ножем переколол.. при Ахаве. — См. прим. к стр. 104.

...Ариева ересь... — См. прим. к стр. 124.

Стр. 192. «Благослови, душе моя, господа» — из Псалтири, СIII, 1.

Стр. 192—193. *Да гряди убо, чадо... не хотящу.. видети? — Ср.: Шестоднев Иоанна, экзарха Болгарского, изд. О. М. Бодянским. — Чтения в обществе истории и древностей российских, 1879, кн. 3, л. 134. Начиная истолкование 103 псалма, Аввакум здесь и далее обращается к тексту сочинения популярного славянского философа и богослова Иоанна, экзарха Болгарского (X в.), — к «Шестодневу», своеобразной энциклопедии раннесредневековых знаний о мире (подробнее см.: Сарафанова-Демкова Н. С. Иоанн, экзарх Болгарский, в сочинениях Аввакума. — ТОДРА, 1963, т. XIX, стр. 367—372).

Стр. 193. Давид—полулегендарный древнееврейский царь (конец XI — начало X в. до н. э.), автор псалмов.

«господи... еси зело» — из Псалтири, СIII, 1.

«Исповедание... яко ризою» — из Псалтири, СIII, 1—2.

якоже жених от чертога — из Псалтири, XVIII, 6.

Стр. 194. «Пропиная небо... на крилу ветреню» — из Псалтири, СIII, 2—3.

«полагай облаки... огонь палящ» — из Псалтири, СIII, 3—4.

«и се сын человек... царство его не престанет» — из Книги пророка Даниила, VII, 13—14.

«Основаяй землю... одеяние ея» — из Псалтири, СIII, 5—6.

Патрикий, епископ Прусский (ок. 100) — святой восточнохристианской церкви.

Стр. 195. «На горах станут воды... устрашатся» — из Псалтири, СIII, 6—7.

«восходят горы... покрыти землю» — из Псалтири, СIII, 8—9.

«Посылая источники... дадут глас» — из Псалтири, СIII, 10—12.

Алфавит — см. прим. к стр. 20 — 21.

Стр. 196. «Напоая горы... сердце человеку» — из Псалтири, СIII, 13—15.

«умастити лице... укрепит» — из Псалтири, СIII, 15.

«Насытятся древа... обладает ими» — из Псалтири, СIII, 16—17.

Рассказы об еродии (ангсте) читаются в Азбуковнике и Физиологе.

Алексикон — иначе Азбуковник; см. прим. к стр. 20 — 21.

«Горы высокая... заяцем» — из Псалтири, СIII, 18.

Стр. 197. «Сотворил еси... зверие дубравнии» — из Псалтири, СIII, 19—20.

«Скимни рыкающе... лягут» — из Псалтири, СIII, 21—22.

...Скимен глаголется молодой львицищ... — Источником рассказа Аввакума о «естестве львовом» является Физиолог (см. прим. к стр. 101).

Стр. 198. «Изыдет человек... сотворил еси» — из Псалтири, СIII, 23—24.

Им же образом желает елень... и пропадает весь. — Источником рассказа Аввакума является Физиолог.

обновится... юность твоя — из Псалтири, СII, 5.

Стр. 198—199. *Орел... егда состарется... юн вместо ветха.* — Источником рассказа Аввакума является Физиолог.

Стр. 199. *...яко стерцин родителя своего... от иных птиц сопостатных.* — Источником рассказа о птицах стерхах (белых аистах) является Физиолог.

Лот и Ной — библейские патриархи; о «поругании» Ную и Лоту от вина рассказывается в Книге Бытия, IX, 21—24; XIX, 33—35.

Самсон — библейский герой, прославился богатырской силой и подвигами в борьбе с филистимлянами. Рассказ о Самсоне читается не в «Бытийстей книге» (Книге Бытия), как указывает Аввакум, а в Книге Судей израилевых, XV, 4—15; XVI, 3.

Стр. 200. *Дионис* — бог вина и виноделия у древних греков.

...финикс-птица... — Легендарный рассказ о птице фениксе содержится в Физиологе

«Исполнися земля гвари твоя» — из Псалтири, СIII, 24.

Их же родов несведомое множество есть... — Следующий далее рассказ Аввакума о птицах, зверях, насекомых, китах, рыбах восходит к Шестодневу Иоанна, экзарха Болгарского.

«Се море... преплавают» — из Псалтири, СIII, 25—26.

Стр. 201. *...острей... каркин.* — Рассказ о них также восходит к Шестодневу.

...рыба многоножица... — Сказание о многоножице есть в Азбуковнике, Физиологе, Шестодневе; источником для рассказа Аввакума был Шестоднев.

Корабли бо по морю преплавают... отинуде перевозят. — В толковании стиха 26 Аввакум пользуется Толковой псалтирью Феодорита Киррского.

Стр. 202. *«Змий... ругатися ему»* — из Псалтири, СIII, 26.

...отъяты быша и нозе и крыле... дьявола прокля. — См.: Книга Бытия, III, 14—24.

«Всяк к тебе... возьмутся» — из Псалтири, СIII, 27—29.

Разовщина — крестьянская война (1667—1671) под руководством С. Т. Разина.

Коломенская пагу́ба — московское восстание посадских людей 1662 г.

...мор, война... — См. прим. к стр. 132.

Стр. 203. *«Отъимеши духи их... лице земли»* — из Псалтири, СIII, 29—30.

«вси убо не успнем... животом» — из Послания ап. Павла к коринфянам, XV, 51—54.

«и обновеши лице земли» — из Псалтири, СIII, 30.

Стр. 204. *И речет господь... в живот вечный...* — Ср.: Евангелие от Матфея, XXV, 34, 41, 46.

Тогда возвеселится... своих. — Из Псалтири, СIII, 31.

«Презираяй на землю... воздыматся» — из Псалтири, СIII, 32.

Егда на Синайстей горе... рече: «...господи». — Ср.: Книга Исход, XIX, 16—19.

Воспою... о госпoде. — Из Псалтири, СIII, 33—34.

«скончаются... не быти им» — из Псалтири, СIII, 35.

Благослови... госпoда. — Из Псалтири, СIII, 35.

ПОСЛАНИЕ ВСЕМ «ИЩУЩИМ ЖИВОТА ВЕЧНАГО»

Послание в рукописи не надписано именем Аввакума, но авторство Аввакума устанавливается на основании особенностей стиля

послания, его содержания и прямых указаний в тексте: «Патриарси со мною, протопопом, на сонмище ратовавшися, рекоша», «Как стригли меня на Москве... как меня сюды, в Пустозерье, везли... Ияков... кричит: «Батька Аввакума на Москве ругают...»

Написано послание в Пустозерске в 1679 г. (со времени расстрижения Аввакума 13 мая 1666 г. прошло «с тринадцать лет»).

Основная цель послания — обличение никониан «во лжи», доказательство ответственности перед богом в своих религиозных убеждениях каждого верующего — «архиерея» и «рядного».

Послание публикуется по единственному списку XVIII в. (ГБЛ, ф. 242, № 61, л. 66—71 об.).

Стр. 205. «сила божия есть всякому верующему... жив будет» — из Послания ап. Павла к римлянам, I, 16—17.

«открывается гнев божий... явил есть им» — из Послания ап. Павла к римлянам, I, 18—19.

«невидимая бо... их сердце» — из Послания ап. Павла к римлянам, I, 20—21.

...патриарси со мною... на сонмище ратовавшися... — О своих спорах со вселенскими патриархами (Макарием Антиохийским и Паисием Александрийским) на церковном соборе 1667 г. Аввакум рассказывает в «Житии» (см. стр. 59—60).

«...небо... впосолонь вертится, а вы... ходите противу солнца и всея твари...» — Здесь Аввакум приводит свои доводы в пользу хождения в церкви «посолонь» (по солнцу).

Стр. 206. «измениша славу Божию... человека» — из Послания ап. Павла к римлянам, I, 23.

«уже премениша истинну... во лжу» — из Послания ап. Павла к римлянам, I, 25.

«И якоже не искусиша... деют творящим» — из Послания ап. Павла к римлянам, I, 28—32.

«вкусите от древа... яков сам бе». — Ср.: Книга Бытия, III, 1—5.

Стр. 207. В которой день монастырь истнил... в той день и сам исчез. — Соловецкий монастырь был взят царскими войсками 27 января 1676 г. Царь Алексей Михайлович умер через два дня в ночь с 29 на 30 января 1676 г. В этом старообрядцы видели особое проявление божьей справедливости (наказание царя последовало немедленно вслед за разрушением оплота старой веры) и широко использовали это совпадение для своей пропаганды (см. стр. 188—189 и прим. к ним).

Егда приидоша ангели... «не туне... за душу свою». — Ср.: Книга Иова, I, 6—11; II, 4.

А боярня с сестрами умерла о Христе... — Ф. П. Морозова умерла в ночь на 2 ноября 1675 г., Е. П. Урусова — 11 сентября 1675 г., М. Г. Данилова — 1 декабря 1675 г.

«вся сия тебе... душу ево соблюди» — из Книги Иова, II, 6; III, 12.

Андрей Юродивый (ум. ок. 940) — святой восточнохристианской церкви. В его Житии (ВМЧ, память 2 октября) рассказывается о его сне, в котором он боролся с черным «ефиопом» — «тысящником... легеона сатанина» и победил его на радость «белоризцем» — ангелам.

Стр. 208. Как стригли меня на Москве... — Аввакум был расстрижен и проклят 13 мая 1666 г.

ПОСЛАНИЕ «ЧАДОМ ЦЕРКОВНЫМ» О ДЬЯКОНЕ ФЕДОРЕ

Это послание является своеобразным сопроводительным письмом Аввакума при посылке «всем верным» его «Книги обличений», направленной против одного из пустозерских «соузников» протопопа — дьякона Федора. Ожесточенные споры виднейших расколоучителей по богословским вопросам, разгоревшиеся с новой силой в 1678—1679 гг., вызывали недоумение старообрядцев. Поэтому Аввакум в поисках единомышленников обращается к «чадом церковным» с особым посланием, рассказывая в нем о «мерзости» «Федьки-отщепенца» и о наказании, которое постигло его самого, когда он хотел помириться с Федором. В послании сообщаются неизвестные ранее подробности взаимоотношений Аввакума, Федора и Епифания.

Написано послание одновременно с «Книгой обличений» — в 1679 г. («лет с десять целил ево», — пишет Аввакум о дьяконе Федоре, разногласия с которым начались уже в 1670 г.).

Печатается по списку конца XVII — первой четверти XVIII в. (ГИМ. Музейское собр., № 3003, л. 135—138).

Стр. 209. *...кто где узрит ево письма подметныя...* — Около 1678 г. дьякон Федор отправил в Москву «ко всем сродникам и по вере братьям» сочинение, излагающее его точку зрения на пустозерские споры. Очевидно, это сочинение и имеет в виду Аввакум.

Исперва о казни нарочито говорил... А рука... исперва была цела, а ныне измозгла. — О казни Федора см. стр. 64—65. В сочинениях Аввакума и других старообрядцев рассказывалось, что отсеченные руки пострадавших за «истинную веру» сами слагали двуперстное крестное знамение. Сообщая, что Федор онемел, а рука его «измозгла», Аввакум видит в этих фактах еще одно доказательство его «еретичества».

Стр. 210. *«...посылал еси ангелы... гневу своему».* — Ср.: Псалтирь, LXXVII, 49—50.

Не как Пашков — ременной... — См. стр. 32 — 33.

ПОСЛАНИЕ ИГУМЕНУ СЕРГИЮ С «ОТЦЫ И БРАТИЕЙ»

Кроме игумена Сергия (в миру Симеон, см. о нем стр. 324) адресатами являются дочери Е. П. Урусовой. Анисим Фокин и священник Стефан, московские старообрядцы.

Послание написано после 1675 г. (после пострижения Симеона в монахи и смерти Ф. П. Морозовой и Е. П. Урусовой).

Неясно, что значит буква *ц* при имени Анастасии Урусовой: «Настасья, хотящая быти *ц*». Аввакум пишет далее: «Бог ея благословит за великаго и честнаго жениха». П. С. Смирнов выдвигает предположение, что *ц* — начальная буква слова «царица», и, следовательно, послание написано в 1680 или 1681 г., так как до июля 1680 г. царь Федор Алексеевич не был женат, а после июля 1681 г. овдовел (см.: Памятники, стр. LVI).

Печатается по списку XVII в. (ГИМ. собр. Хлудова, № 149 (доп. каталог), л. 81 об.—86 об.).

Стр. 211. *Иосиф Волоцкий (1439 — 1515)* — игумен волоколамского Успенского монастыря, представитель воинствующих церковников, публицист, церковный писатель. Аввакум высказывает здесь

свое несогласие с Иосифом Волоцким, стоявшим на ортодоксальной точке зрения по вопросу о сошествии Христа в ад (см. прим. к стр. 167).

...в слове *Епифаниеве*... — Имеется в виду апокрифическое «Слово в святую и великую субботу» Епифания Кипрского (367—403). «возьмите врата, князи, ваша» — из Псалтири, XXIII, 9.

Евсевий Самосадский... — Аввакум ссылается на апокриф «Слово... о вшествии Иоанна Предтечи во ад». В печатном Московском Соборнике 1647 г. автором его назван Евсевий Самосатский; правильно — Евсевий Александрийский.

...*Федька отступник*... — Дьякон Федор (см. прим. к стр. 123, 209).

...*Климантовы те книги*... — «Правила святых апостолов» и «Постановления апостольские» — два важнейших канонических памятника раннего христианства, приписываемые св. Клименту (I в.), сподвижнику ап. Петра и Павла.

...*Григория Низкова*... — Григорий Нисский (см. прим. к стр. 20—21).

Стр. 212. *отчасти... пророчествуем* — из первого Послания ап. Павла к коринфянам, XIII, 9.

яко свиния... чрево свое — из Евангелия от Луки, XV, 16.

«далече от грешных спасение» — из Псалтири, CXVIII, 155.

«яко позна... дух мой» — из Псалтири, CXLII, 3—4.

Июдифь — библейская героиня; спасла Иудею от порабощения, убив вавилонского полководца Олоферна (Книга Иудифи, VII—VIII).

Стр. 212—213. *Забвенна буди... о камень!* — Из Псалтири, CXXXVI, 5—6, 8—9.

Стр. 213. *Стефан, Козьма* — московские священники, старообрядцы.

...*Дмитрей*... — См. о нем стр. 328.

Стр. 214. *«сирю ты буди помощник»* — из Псалтири, IX, 35.

...и толк-от *Афанасиев прав*... — Аввакум имеет в виду Толковую Псалтирь, приписываемую Афанасию Александрийскому.

Григорий, епископ Омиритский (ум. 560) — святой восточно-христианской церкви.

«никто же душу мою... прияти ю» — из Евангелия от Иоанна, X, 18.

«отче... предаю дул мой» — из Евангелия от Луки, XXIII, 46.

Иоанн, экзарх Болгарский (X в.) — автор широко известного на Руси Шестоднева (распространенное в христианской литературе толкование библейского рассказа о сотворении мира в шесть дней); см. прим. к стр. 192—193.

...в *Кормчей*... — См. прим. к стр. 37.

ПОСЛАНИЕ БОРИСУ И «ПРОЧИМ РАБАМ БОГА ВЫШНЯГО»

Послание направлено в московскую старообрядческую общину. Помимо вопроса о церковном пении и келейном правиле Аввакум как «духовный отец» разбирает сложные взаимоотношения своей паствы.

Елена Хрушова, уставщица московского Вознесенского монастыря, разлучила с мужем Ксению Гавриловну, молодую вдову, вновь вышедшую замуж, и чуть не «уморила» ее ребенка. Аввакум, строго осуждая Елену и Родиона (вероятно племянника Акинфия

Данилова), поддерживавшего ее, вовлекает многих членов общины в обсуждение проступка Елены. Среди адресатов послания — игумен Досифей, бывший игумен Беседного Никольского монастыря близ Тихвина (1662—1670), пользовавшийся большим авторитетом среди старообрядцев (им был произведен обряд пострижения Ф. П. Морозовой), мать Меланья (см. прим. к стр. 163), игумен Сергей (см. стр. 324, 335).

Послание датируется предположительно 1681 г., так как Аввакум благословил в нем Досифея на составление челобитных «о исправлении веры», которые были им написаны и использовались старообрядцами в мае 1682 г. во время Стрелецкого восстания и старообрядческих волнений в Москве.

Печатается по списку XVII в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 149 (доп. каталог), л. 69—75).

Стр. 215. *Параклит* — перифрастическое обозначение Христа, восходящее к греческому языку, что значит «защитник, утешитель» (Спас).

Стр. 216. *...со отцы трудились так... пел единогласно ж.* — Аввакум перечисляет здесь известных деятелей раннего старообрядчества: *Павел*, епископ Коломенский, *Даниил*, протопоп Костромской, и *Логин*, протопоп Муромский, упоминаются в «Житии» (см. комм. к стр. 27, 26, 29); сведения о других взяты из книги П. С. Смирнова «Внутренние вопросы в расколе XVII в.», СПб., 1898, стр. LVIII—LIX, сноска 85: *Михаил* — священник в Москве, *Гавриил* — в Нижнем Новгороде; *Тихон Печерский* — очевидно, архимандрит Печерского Вознесенского нижегородского монастыря (1649—1651); *Иосиф Суздальский* — игумен Дмитриевского суздальского монастыря (1641); «*Конон Нижегородский*» — протопоп, «тетрадки» которого были отобраны в 1666 г. при аресте игумена Феоктиста (см. стр. 327); *Марфа* — игуменья Вязниковского Введенского монастыря (1652); *Андреян* — вероятно, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (1640—1656). *Игнатий Иванов* («Игнатей бывшей») — бывший дьякон Соловецкого монастыря, известный в Поморье проповедник и писатель (автор челобитной царю Алексею Михайловичу и сочинения «О написании титлы на кресте»), отличался крайним фанатизмом и нетерпимостью (см.: Бубнов Н. Ю. Неизвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу. — В кн.: Рукописное наследие древней Руси. Л., 1972, стр. 93—102). В послании в Москву Исидору (Памятники, стб. 945) Аввакум писал, что Игнатий «мятежит всю церковью», и упрекал его в невежестве («И азбуки не знает»).

Стр. 217. *Евфимий Великий* — византийский святой, житие его читается в ВМЧ под 20 января.

...Анисьину сестру... — Анисья — известная в старообрядчестве игуменья в обители Мелании (см. комм. к стр. 163); сохранилось специальное обращение Аввакума к ней (Памятники, стб. 401—405).

Стр. 218. *...дщери Каинове и Ламехове!* — То есть последовательницы ветхозаветных убийц Каина и Ламеха (Книга Бытия, IV).

Елисей — ветхозаветный пророк, наказавший своего ученика за преступление проказой (Четвертая книга Царств, V, 27).

...его же, аще свяжете... той разрешен. — Ср.: Евангелие от Матфея, XVI, 19.

достоин бо делатель мзды своя — из Евангелия от Матфея, X, 10.

...яко Марию Магдалиню... — См.: Евангелие от Луки, VII, 37—50; VIII, 2.

Стр. 218—219. «аще не имат... прежде всех» — из Евангелия от Иоанна, VIII, 7.

Стр. 219. «братие, аще человек... тяготы носите» — из Послания ап. Павла к галатам, VI, 1—2.

слово божие... до самыя души — из Послания ап. Павла к евреям, IV, 12.

...Ефремову книгу... — Книга Ефрема Сирина (см. прим. к стр. 67).

И царю Алексею говорено о том. — Аввакум ссылается на свои видения, описанные в «пятой» челобитной Алексею Михайловичу (см. стр. 143—144).

Стр. 220. Максим — личность его не установлена; возможно, это сын дьякона Федора, живший в Москве.

ходяще в премудрости ко внешним — из Послания ап. Павла к колоссянам, IV, 5.

«идеже два... посреде их» — из Евангелия от Матфея, XVIII, 20.

ПИСЬМО АЛЕКСЕЮ КОПЫТОВСКОМУ

Алексей Копытовский, как об этом можно судить по письму, — один из любимых учеников Аввакума, скрывавшийся долгое время от преследований властей. Дату написания письма точно определить невозможно; очевидно, оно было написано спустя несколько лет после собора 1667 г., поставившего старообрядцев вне закона.

Письмо печатается по списку конца XVIII—начала XIX в. (ГБЛ, ф. 17, № 200, л. 273 об.—275).

Стр. 220. ...расселинах каменных... — Ср.: Книга пророка Исаии, II, 19.

Лукиян — личность его не установлена.

несть сообщения свету со тьмою — из второго Послания ап. Павла к коринфянам, VI, 14.

Расглил он... самого бог. — Из первого Послания ап. Павла к коринфянам, III, 17.

Стр. 221. по непокаянному сердцу — из Послания ап. Павла к римлянам, II, 5.

...изволися духу... и мне... — Ср.: Деяния апостолов, XV, 28.

предати тя... спасется — из первого Послания ап. Павла к коринфянам, V, 5.

...месть Каинова, и Исавова, и Саулова... яко содомлян... — Чтобы усилить мысль о неизбежности наказания богом нераскаявшегося в каком-то грехе Лукияна, Аввакум объединил в одной фразе несколько библейских сюжетов; месть Каинова... — Аввакум имеет в виду возмездие, постигшее братоубийцу Каина (Книга Бытия, IV); месть Исавова... — то есть месть Исаву, преследовавшего своего брата Иакова, похитившего у него право первородства (Книга Бытия, XXV); месть Саулова — наказание, которое понес царь Саул, послушавшийся бога; содомляне — жители города Содома, сожженного ангелами за нечестие его жителей (Книга Бытия, XVIII—XX).

...не наемник я... за овцы... — Ср.: Евангелие от Иоанна, X, 11—12.

...Максим... — См. прим. к стр. 220.

ПИСЬМО «ОТЦАМ СВЯТЫМ» И «ПРЕПОДОБНЫМ МАТКАМ»

Адресаты письма не установлены; оно написано в царствование Федора Алексеевича после января 1676 г.

Письмо сохранилось в единственном списке XVII в. (ГПБ, О. XVII. 37, л. 29—30), по которому и печатается.

Стр. 222. *Всяк бо возносяйся... вознесется.* — Из Евангелия от Луки, XIV, 11.

смирил себе... всякаго имени — из Послания ап. Павла к филиппийцам, II, 8—9.

взирающе на начальника... Исуса — из Послания ап. Павла к евреям, XII, 2.

ПИСЬМО «ОТЦАМ ПОМОРСКИМ»

Личности адресатов — Саватия, Евфимия, Тимофея и Авксентия — не установлены. Из письма явствует, что они уважаемые в старообрядчестве «отцы», ревностные поборники «старого благочестия», жившие, вероятно, в одной из обителей на берегу Белого моря. Время написания письма также не установлено.

Печатается по списку конца XVIII — начала XIX в. (ГБЛ, ф. 17, № 200, л. 210 об.—212).

Стр. 222. *Аще бог по нас, кто на ны!* — Из послания ап. Павла к римлянам, VIII, 31.

Стр. 223. *беседы злы тлят обычаи благи* — из первого Послания ап. Павла к коринфянам, XV, 33.

приимете... венец — из первого Соборного послания ап. Петра, V, 4.

ПИСЬМО ИОНЕ И МОИСЕЮ

Письмо направлялось в Заволжье («здесь вас... за Волгою, на родине моей...»), в керженские скиты, где скрывались многие противники никоновской реформы. Иона — по-видимому, адресат и других писем Аввакума, его земляк «Иона-нижегородец», широко известный деятель старообрядчества XVII в. Письмо относится к числу последних писем Аввакума конца 1670—начала 1680 гг. (Аввакум называет себя здесь «сиротой», «осиротевша бога и человек») и по типу весьма близко к письму «отцам поморским» (подробнее см.: Демкова, Малышев, стр. 168—170).

Публикуется по единственному списку XVIII в. (ГБЛ, ф. 17, № 1224, л. 1—2 об.).

Стр. 223. *Горних... мудрствуйте...* — Ср.: Послание ап. Павла к колоссянам, III, 1—3.

Где иду и камо бегу? — Ср.: Псалтирь, СXXXVIII, 7.

Стр. 224. *Обыдоша ны... нас.* — Ср.: Псалтирь, XXI, 17.

Ануфрий Великий — популярный византийский святой (день памяти 12 июня), египетский пустынный IV в., жизнь которого воспринималась как символ пустынножизненного жития.

«Моисею, Моисею... посреде воды и воды». — Ср.: Книга Исход, XIV, 15—16.

...един Моисей... 600 000... — Ср.: Книга Исход, XII, 37—38.

Афонасей Зубов с Лукою Рубашешником... — Эти имена впервые встречаются в сочинениях Аввакума; известен Лука — автор специального «челобитья за рубаху», упоминавшийся Ефросином в «Отразительном писании» (СПб., 1895, стр. 88—89) как сторонник «самоубийственных смертей».

ПИСЬМО «СТАРИЦЕ КАПТЕЛИНЕ»

«Старица» Каптелина Мелентьевна — видная деятельница движения старообрядчества XVII в., противница «самоубийственных смертей», жившая в Ветлужских лесах, на Керженце и в Пошехонье (см.: Ефросин. Отразительное писание. СПб., 1895, стр. 11), «духовная дочь» Аввакума. Письмо, так же как предыдущее — Ионе и Моисею, относится к числу писем последних лет жизни Аввакума: его занимает мысль о необходимости монашеского, аскетического бытия; мирская жизнь, даже воспоминание о ней осуждаются здесь Аввакумом: «...маленько оплошись — так беда тогда случается: миршины захочю или ризами себя украсить, да старое то житие на ум побредет...» (подробнее см.: Демкова, Малышев, стр. 168—175).

Печатается по той же рукописи XVIII в. (ГБЛ, ф. 17, № 1224, л. 2 об.—6 (единственный список)).

Стр. 225. *Виноград едемский именую тя... сладкоглаголивая.* — Ср. весьма близкую формулу в обращении Аввакума к Ф. П. Морозовой и Е. П. Урусовой (см. стр. 158) и к его другой «духовной дочери» — К. А. Болотовых (см.: Малышев В. И. Два неизвестных письма протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, 1958, т. XIV, стр. 419).

Егда тя обыдут... пишу себе... — Ср.: Псалтирь, СIII, 21.

«...за молитв святых отец... Заступнице христианом... Отступи, неприязнь... а не блудить». — Аввакум использует здесь тексты различных молитв (ср.: Псалтирь с воследованием. М., 1642, л. 257 об.; Требник Петра Могилы. Киев, 1646, ч. 3, л. 347 и др.).

Съюзиме плоти... помышления (когда утесняется плоть — смиряется сердце, когда сердцу дается воля — свирепеют помышления). — Ср.: Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, V, 2; XVIII, 30.

...заход выпрячешь... — То есть вычистишь отхожее место.

Стр. 226. *Чернечествуи умови... вопросу и ответу...* — Ср.: Ефрем Сирин. Поучения. М., 1647, л. 102—102 об.

Неокормленнии падают, яко листвие. — Ср.: Притчи Соломона, XI, 14.

Несть иудей... о Христе. — Ср.: Послание ап. Павла к галатам, III, 28.

В день... аггелом суть. — Ср.: Евангелие от Матфея, XXII, 30.

...повинуйтесь... от них храните. — Ср.: Послание ап. Павла к евреям, XIII, 17, 7.

Отечница (или «Отечник») — русское название патериков, сборников житий «святых отцов».

ПИСЬМО «ДВУМ ДЕВАМ»

Точная датировка письма невозможна, предположительно конец 1670—начало 1680 гг., так как в рукописи письмо входит в под-

борку поздних писем Аввакума, отправленных в Заволжье (см. письма Ионе и Моисею и «старике» Каптелине; подборка сохранилась в единственной рукописи XVIII в. (ГБЛ, ф. 17, № 1224, л. 1—7; письмо «двум девам» — л. 6—7). Евдокия, к которой обращается в письме Аввакум, — особа знатного происхождения; имя другой «девы» неизвестно (подробнее см.: Демкова, Малышев, стр. 168—175).

Стр. 227. ...яко уметы, аменисте... — Ср.: Послание ап. Павла к филиппийцам, III, 8.

...падают... яко листвие. — См. прим. к стр. 226.

Стр. 227—228. Платон, Пифагор, Демосфен, Аристотель — древнегреческие философы, чьи имена традиционно использовались христианами богословами для уничижительной характеристики «внешней», светской мудрости в противовес восхвалению «отцов церкви» — Василия Великого, Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского (см. прим. к стр. 160).

Стр. 228. Ефрем Сирин пишет... препрети. — См.: Ефрем Сирин. Поучения. М., 1647, л. 11.

Не прелагаю пределы... неизменно. — Ср.: Притчи Соломона, XXII, 28.

Крстится... крестихомся. — Этот текст со ссылкой на слова Василия Великого часто использовался в старообрядческой литературе.

...священство упражняешь... — То есть упраздняешь. Осуждая Евдокию за сомнения в возможности сохранить священство и церковные таинства в эпоху наступившего «царства антихриста», Аввакум обвиняет ее в лютеранстве и кальвинизме.

«Аз есмь... века» — из Евангелия от Матфея, XXVIII, 20.

«О ТРЕХ ИСПОВЕДНИЦАХ СЛОВО ПЛАЧЕВНОЕ»

«Слово плачевное» посвящено памяти умерших в 1675 г. в боровской земляной тюрьме боярыни Феодосьи Морозовой, княгини Евдокии Урусовой, жены дворянской Марии Даниловой (о них подробнее см. прим. к стр. 51 и 82) и написано, очевидно, в первой половине 1676 г. под непосредственным впечатлением известия о их смерти.

«Слово плачевное» имеется в единственном списке в сборнике конца XVII—начала XVIII в. (ГИМ, Музейское собр., № 3003, л. 121—134). Последовательность текста была нарушена, очевидно, при переплете; порядок его удалось восстановить, за исключением нескольких или, может быть, одного утраченного листа.

«Плач» Аввакума — соединение народного причитания с lamentациями библейских пророков — оказал несомненное влияние на надгробные плачи старообрядческих писателей XVIII в. (братья Денисовы и др.).

Стр. 230. ...сноха моя, Анна Ильична... — Анна Ильична Морозова (ум. 1667), урожденная Милославская, жена Б. И. Морозова, сестра царицы Марии.

...замедлив в дому Анны Петровны Милославские... — А. П. Милославская (ум. ок. 1669), ближняя боярыня царицы.

Стр. 231. ...сослали меня паки с Москвы на Мезень... — См. прим. к стр. 52.

Ияким — чудовский архимандрит, патриарх с 1674 года.

Стр. 234. *Никтоже смеет испросити у никониян безбожных тела ваша блаженная... паче же в рогожи оберченна!* — Аввакум получил, очевидно, подробное известие о последних днях жизни и обстоятельствах смерти боровских «исповедниц»: как известно по Житию боярыни Морозовой, тело ее, как и ранее умершей сестры Евдокии, было «обвито вместо других паволок рогозицею» и по велению царя «внутри острога в землю» закопано.

СЛОВАРЬ ТРУДНЫХ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ СЛОВ¹

А б и е — тотчас, сразу.

А в в а — отец (духовный).

А г а р я н с к и й — турецкий, мусульманский.

А г н е ц — частица просвиры, в момент литургии претворяющаяся якобы в тело Иисуса Христа.

А е р — воздух, атмосфера.

А з — я; старое название первой буквы азбуки; начало, первое.

А к а ф и с т — вид хвалебного церковного песнопения.

А л б а н а с ы — албанцы.

А л г и м е й, а л г м е й — мучитель, смутьян.

А л л и л у й я — хвалебный возглас в богослужении (от древнееврейского выражения, означавшего: «Восхваляйте господа»).

А м а н а т — заложник, пленник; см. ясырь.

А м о — куда; см. к а м о.

А н о — а, ан.

А р г а н, о р г а н — организм, часть его; см. у д.

А ф е д р о н — задний проход.

А щ е — если; а когда; разве; ли.

Б а б а — пеликан.

Б а з л у к — подкова с шипами, которую рыбаки подвязывают к подошве для ходьбы по гладкому льду.

---

¹ Словарь содержит слова, которые встречаются в текстах Аввакума; если значение слова является индивидуальным, то это обозначается словом «здесь», то есть у Аввакума.

- Байник — говорун, пустослов.
 Барте, борте — частица при обращении с разным значением: пожалуйста, пусть.
 Батог, батожье — палки или толстые прутья с обрезанными концами; см. шелеп.
 Бачка — батюшка, отец.
 Белец — живущий в монастыре, но не постриженный еще в монашество.
 Бердыш — широкий топор с закругленным в виде месяца лезвием на длинном топорнице.
 Берный — бранный, тленный; см. тлимый.
 Бесстудие — бесстыдство.
 Беть — поперечное бревно, которое врубается для скрепления бортов дощаника.
 Блазненно, блазновато — стыдно.
 Блазнить — искушать, вводить в сомнение, соблазнять.
 Блудня — отпадение от истинной веры; прелюбодейство, блуд.
 Блюстися — соблюдать; остерегаться.
 Блядка — любодейца, блудница.
 Блядословить — проповедовать ересь, обман.
 Блядь — ложь; лживая, дьявольская вера; см. воровство, прелесть.
 Бо — ведь, же, ибо.
 Болезненный — участливый; трудный, тяжелый.
 Боло — ведь.
 Большо — может быть, кажется.
 Братися — бороться, сражаться.
 Брашно — пища, еда.
 Бродня — ходьба туда и сюда.
 Брусить — бормотать; врать.
 Брыластый — толстогубый; имеющий большие, отвислые губы.
- Велелепный — великолепный, прекрасный.
 Велемпога — великолепие.
 Вервица — ременные четки; см. лествица.
 Веремница — любовница.
 Верста — сверстница; возраст.
 Вертоград — сад.
 Верх (мн. число верси) — вершина.
 Вершие — древесные побеги, плоды.
 Веси — знаешь.
 Весный — известный.
 Весь — деревня.
 Вздвигать, вздвигачиться — сделать(ся) **диким**, одержимым, бесноватым, взвить диким голосом.
 Взнак — ничком, навзничь.
 Взыскать — найти; возвратить.
 Вина — грех; причина; нужда.
 Виновный — надлежащий; обязанный.
 Витать — пребывать где-либо, проживать, обитать.
 Влагодить — падать; замирать.
 Влающийся — колеблющийся, сомневающийся.
 Вмале — вскоре; см. по мале; в небольшом количестве.
 Вменить — принять.
 Внегда — когда; см. егда.

Во еже — чтобы; см. да же.
Возглавие — подушка.
Возгря — сопля.
Воздух — покрывало на сосудах с причастием, сокроментом.
Волокита — скитанье, мытарство.
Волохи — влахи, румыны; в средневековых текстах православные румыны и близкие им народы.
Волоченьки — ручные сани, нарты, салазки.
Вонми — внимай.
Воровать — мошенничать, плутовать, обманывать.
Воровство — ложь, ересь, распространение лживой веры; см. блядь, прелесть.
Восперенна — парящая в воздухе; см. превыспренний.
Вос-я, вот-о — вот.
Впосолонь — по солнцу, с востока на запад.
Вседетельный — совершенный.
Втай — тайно.
Выспрь — вверх, ввысь к небу.
Вякать — непринужденно рассказывать, беседовать, болтать.
Вящше — больше.

Главотяжец — головная повязка.
Глагол — слово, речь.
Гобзование — изобилие.
Годе — можно, угодно; годно — нужно.
Гойтан — гайтан; шнурок, на котором носят тельный крест.
Голка — мятеж, шум, паника.
Гон — мера расстояния.
Гордоус, гордусец — гордец.
Горняя — вышнее, небесное; нагорное.
Гранограф — хронограф, хроника.
Гребь — весло.
Грезнь — гроздь ягод, виноградная кисть.
Гривенка — мера веса.
Грубый — невежественный.
Грядет — идет; грядсти — идти.
Гузно — зад.

Да, да же — союз-частица, вводящий побудительное и целевое предложение: чтобы, дабы, пусть; см. еже бы, во еже.
Дауры, Даурская земля — Сибирь.
Дебело — грубо.
Дежем — движимый, поднимаемый.
Держава — поддержка.
Десный — правый, истинный, достойный.
Деять(ся) — делать(ся).
Дивий — дикий.
Дивить — удивляться.
Дидаскальство — наставничество.
Дискос — блюде на подставке, на которое кладется **вынутый** из просвиры агнец.
Довлеть — быть достаточным; см. удовлеться.
Дозде — до сих пор, доньне.
Докучать — усиленно просить, домогаться.
Дондеже, дондеж — до тех пор, пока.

Донележе — до тех пор, пока не.
Досталь — совсем.
Достальной — остальной.
Дошеник — большая плоскодонная лодка с палубой.
Дряхловати — печалиться, скорбеть.
Дух — испарение.
Дьяк, дьячок — низший церковный служитель, причетчик;
см. псаломщик.

Егда, еда, внегда — когда; если.
Единако, единаче — также; еще; по-прежнему.
Еже — что; который; см. иже; как, если; еже есть —
то есть, сиречь; еже бы — чтобы; см. во еже; будто.
Ез — плетень поперек реки, рыболовная застава; см. запор.
Елико — если; сколько.
Елма — так как; см. понеже, зане.
Еродий — цапля.

Железа — оковы; см. юзы.
Женитва — брак, супружество.
Живот — жизнь; животный мир.
Животный — жизненный.
Жупел — горящая сера.

Завод — затея; дело, предприятие.
Завтренья — заутренья.
Зазор — стыд, смущение, срам.
Зазреть — осудить.
Законоучители — апостолы, представители канонического
православия; первые пастыри.
Залавок — подводный обрыв, уступ в реке.
Заматоревый — постарелый, состарившийся.
Замгнуть — задремать.
Замотай — мот, кутила.
Зане — так как, потому что; см. понеже; поскольку.
Заплутай — плут; см. ловыга.
Запор — плетень поперек реки для ловли рыбы; см. ез.
Засека — заповедный лес.
Заход — отхожее место.
Зде — здесь, на этом месте; на этом свете.
Зелияница — овощное блюдо, растительная пища.
Зепь — карман, пазуха; сумка.
Зодейщик, зодийщик, зодийщик — звездочет, астро-
лог.
Зодий — каждый из двенадцати знаков зодиака.

Иде — где.
Иже — который, кто; см. еже.
Избыть — избавиться, спастись.
Изверг — отверженный.
Извет — отговорка; донос.
Изврат — извращение; см. прелесть.
Изгоня — немилость, опала, гонения.
Изженут, ижденут — изгонят, выгонят.
Измогнуть — сгнуть.
Изубрь — изюбр, крупный восточносибирский олень, марал.

- И з у г е н ь** — беспозвоночное морское животное.
И з у г р а ф — иконописец.
И з я щ н ы й — выдающийся, несравненный, лучший.
И н д е — в иное время, иногда; в другом месте.
И н о — да, а; так; иное.
И н о в а — иногда; см. **и н д е**, **о в о г д а**.
И п о с т а с ь — одно из лиц христианской троицы (**бог-отец**, **бог-сын** и **бог** — **дух святой**).
И с п о л н ь — полный, наполненный.
И с т н и т ь — разрушить.
- К а ж е н и е** — окуривание ладаном.
К а ж е н и к — евнух, скопец; калека.
К а з и т ь — коверкать, портить, искажать.
К а м о — куда; см. **а м о**.
К а н у н — канон, церковное песнопение; см. **п р а в и л о**.
К а р б а с — большая плоскодонная перевозная лодка.
К а р к и н — рак (животное).
К а ф и з м а — каждый из двенадцати отделов Псалтири.
К е л а р ь — монах, заведующий хозяйством монастыря.
К е л е й н о е п р а в и л о — частная (не церковная) молитва.
К и р е л е й с о н — господи, помилуй (*иреч.*).
К л е в р е т — приспешник, соучастник.
К л о с н ы й — увечный, хромой.
К л у с и т ь — вести себя шутлом, паясничать.
К о б ь — колдовство, ересь.
К о в ы р я т ь — делать что-либо неумело; **п и с а т ь**, **г о в о р и т ь** **н е** — **у м е л о**.
К о е г о ж д о — каждогого.
К о к о ш — курица-наседка.
К о л и т в е н н ы й — убойный.
К о л ь м и — особенно, тем более.
К о м у ж д о — каждому, всем.
К о н д а к — краткая церковная песнь.
К о н о б — котел.
К о с н е т ь, **к о с н и т ь** — медлить, мешкать.
К о с н ы й — медлительный, медленный.
К о с т е л ь н и к — приверженец костела, **к а т о л и ч е с к о й** **ц е р к в и**.
К о т о р а т и — сетовать.
К о т ы г а — рубаха, риза.
К р а г у й — ястреб.
К р а й — конец.
К р е с т ц ы — перекрестки, распутья.
К р е с т ь я н е — христиане.
К р и н — лилия; цветок.
К р ы ж — четырехугольный крест (римский).
К р ы л о с — клирос, место для певчих в церкви на возвышении перед иконостасом.
К р ы л о ш а н е — поющие на клиросе.
К р ю к — нотный знак в старинном безлинейном церковном письме.
К с т а е — кстати.
К у р е н ь — землянка; см. **х и ж а**.
К у т ь я — здесь: каша из пшеницы.
- Л а г о д и т ь** — потворствовать, подлаживаться.

Лайно — кал.
Ластовица — ласточка.
Левит — священнослужитель у древних евреев.
Лепый — красивый, хороший.
Лествица — четки с кистью кожаных лепестков; см. вер-
вица.
Лесть — соблазн, обман, ересь; см. прелесть.
Лизать — целовать.
Ликовствовать — праздновать, изображать, танцевать.
Литоргисать — совершать литургию, обедню, главное цер-
ковное богослужение.
Ловыга — плут; см. заплутай.
Логофетство — математика; ученость.
Лубье — кора, закрывающая окно в жилище.
Любы — любовь.
Льяло — место на дне дощаника, где скопляется и откуда вы-
черпывается вода.

Маковица — купол церкви.
Малакия — разврат.
Малакса — печать маслом на лоб; см. прим. к стр. 91.
Мало не — чуть не.
Манатья, мантия — монашеская длинная одежда в виде
плаща.
Маслица — оливковое дерево.
Матица огня — огненная геенна, ад, тартар.
Медведь — залежалый товар.
Место — пора, время; до тех мест, покамест, дока-
мест — до тех пор, пока; с тех мест — с тех пор.
Метание — земной поклон.
Миро — благовонное масло, употребляемое при некоторых
церковных обрядах.
Мирсина — вечнозеленое кустарниковое растение, похожее на
мирт.
Мнит мися — думается, представляется; хочется.
Молыть — говорить.
Мотыло — помет, кал.
Мочно — возможно, можно.
Мыт — понос.
Мытарь — мученик, страдалец; сборщик податей (мыта) в
Иудее; притеснитель.
Мытоимец — мздоимец.

Набрушиться — наткнуться, напороться.
Навадник — клеветник, наветник.
Наздать — созидать, создавать.
Належать — наступать.
Напрасный — внезапный.
Нарок — намерение, зарок.
Невестягновенно — безудержно.
Невсклонно — не разгибаясь.
Негли, некли — может быть, пусть.
Неделя — воскресный день недели, воскресенье; ср. седми-
ца.
Нежд — сукровица, гной из раны.
Неизворотно — несподручно, неудобно.

- Неключимый — недостойный, негодный.
 Необратный — непреодолимый.
 Неразместный — несоединимый; см. несместный.
 Нерпа — тюлень.
 Несместный — несоединимый, несмешанный.
 Неясить пустынная — мифическая птица; см. сирин, финикс; баба.
 Ниже, ниж — ни, ни даже.
 Ничать — склоняться.
 Нужа — насилие, принуждение.
 Нужник (мн. число нужницы) — тот, кто прилагает усилия, добивается трудом, преодолевает нужду.
 Нужный — трудный, тягостный, мучительный.
- Обавить — сообщить, объявить.
 Обаче — однако, напротив.
 Область — власть.
 Обращение — возвращение; исправление.
 Объюхаться — нанюхаться.
 Ов, овый — этот.
 Овогда — иногда.
 Оглаголати — обвинить.
 Оглагольник — обвинитель.
 Оглашенный — объявленный в церкви как принимающий христианскую веру.
 Однорядка, однорятка — однобортная долгополая верхняя одежда без воротника.
 Озобать — съесть.
 Окротить (наст. время окрочу) — укротить, смирить.
 Оле — междометие «о!».
 Омуть — рыба из семейства лососевых.
 Онамо — там.
 Он же — тот же.
 Онагр — дикий осел; лошадь.
 Опасно — осторожно, осмотрительно.
 Опона — покров, завеса.
 Опреснок — пресный хлеб.
 Опрянуться — приодеться.
 Орати — пахать.
 Ослопье — колья, дубины, палки; см. батог.
 Острей — устрица, раковина.
 Отай — тайно; см. втай.
 Отгребаться — воздерживаться, остерегаться.
 Отнележе — откуда; с каких пор; с тех пор.
 Отнюду — откуда.
 Оток — край; мыс; остров.
 Отпуст — молитва по окончании богослужения.
 Отрадить — утешить.
 Отщетиться — претерпеть, повредиться.
 Очервленить — обагрить, окровавить.
 Очютиться — очнуться.
 Ошиб — хвост.
- Паки — опять, снова, еще.
 Палестина — христианская церковь.
 Память — записка, предписание.

- Папарты — крылья.
- Партесное пение — церковное многоголосое пение.
- Пастырь — священник как руководитель паствы, то есть прихожан, какой-либо церкви; ср. законоучителя.
- Патрахель, петрахиль — епитрахиль, часть облачения священника в виде длинной полосы ткани, надеваемой на шею и свешивающейся спереди.
- Паче — более, тем более, лучше.
- Пепелесый — пепельного цвета.
- Перенос — большой выход во время литургии, перенесение причастия (хлеба и вина) с жертвенника на престол.
- Перси — грудь.
- Петь — частица с разным значением, чаще — вот; лишь.
- Плесна — стопа, ступня.
- Плижуще — ползающие, пресмыкающиеся.
- Плищь — шум, смятение.
- Плюскать — болтать, суесловить.
- Повалуша — летняя спальная комната, пристроенная к избе сверху, через сени, а также под избой.
- Повапленный — разукрашенный.
- Подружие — супруга, жена.
- Подспудом — в заточении, в темнице.
- Пожар — пожарище, погорелое место.
- Позорище — зрелище, представление.
- Полма — пополам, на две части.
- Полтретья — два с половиной.
- Полтретьяцеть — двадцать пять.
- Польский — земной, бренный.
- По мале — вскоре; см. в мале, та же.
- Поне — хотя, только.
- Понеже, понеж — так как; поскольку; см. зане.
- Пономарь — низший церковный служитель; ср. псаломщик.
- Понос — оскорбление, срам, позор.
- Понява — нижняя рубашка.
- Поползнуться — соблазниться.
- Порода — рай.
- Посем — потом, затем; см. та же, по мале.
- Поспешествовать — помогать, пользоваться.
- Потонку — подробно, детально.
- Потребник — требник; книга, содержащая в себе молитвы религиозных служб.
- Правило — богослужение, молитва.
- Превыспренный — возвышенный, поднебесный; см. выпрь, горяя.
- Предстательство — заступничество.
- Прежде даже — прежде чем.
- Презорство — высокомерное пренебрежение.
- Преизлиха, попреизлиха — чрезвычайно, весьма.
- Прелагатай — лазутчик, шиш, соглядатай.
- Прелестная вера — ересь.
- Прелесть — обман, заблуждение, соблазн, ересь.
- Препретаться — убеждать, побуждать в споре.
- Пререковать — возражать, прекословить.
- Претить — запрещать, заказывать.
- Приказ — учреждение, ведавшее в Московском государстве отдельной отраслью.

- Приклякивать — преклоняться; припадать, обращаться с молитвой.
 Прион — беспозвоночное морское животное.
 Присещение — посещение; попечение, забота.
 Присно — всегда, вечно.
 Прозябающая — растительность.
 Прозябнуть — прорасти, дать всходы.
 Прокуда — колдовство, грех.
 Просвира, просфира — белый круглый хлеб из крутого теста.
 Протопоп — протоиерей, священник высшего чина, настоятель служителей соборной церкви.
 Протори — расходы, издержки.
 Пружаться — напрягаться; становиться гордым.
 Прузи — саранча.
 Пря — спор, прения; см. стыр.
 Прягать — жарить в масле.
 Псалом — религиозная песнь из Псалтири — части Библии.
 Псаломщик — низший церковный служитель; см. дьячок.
 Пырскать — брызгать слюной; блевать; нападать.
 Пыщить — пучить, надувать.
 Пяток — пятница.
- Рабичишо, рабыня — служанка, прислуга; см. сенная.
 Разболочь — раздеть.
 Разве — кроме.
 Развертаться — отклониться от истинного пути.
 Растесать — рассечь.
 Ратоваться — состязаться, спорить.
 Рафлений — утонченный, изысканный (о блюдах, например: рафленая курица).
 Рели — перекладина.
 Ретиться — состязаться.
 Ристать — бегать, носиться.
 Рогозница — постель; подстилка, сплетенная из рогожи.
 Родостама — розовая вода.
 Роженье — колья, прутья.
 Рожцы — стручки.
 Романья — сладкая виноградная настойка.
 Роспоп, распоп — расстриженный поп; поп-расстрига, лишенный сана.
 Ротиться — клясться.
 Рцы — говори.
 Рында — телохранитель.
 Рычаг — хват.
- Свариться — ссориться.
 Свешник — светильник.
 Святба — святость.
 Святиться — славиться, быть почитаемым.
 Седмица — неделя.
 Селаха — рыба из семейства карповых.
 Селитба — жилище, жилье.
 Сем, сем-ка — ну, ну-ка, давай.
 Сенная (девка) — служанка; см. рабичишо.
 Сикер — хмельной напиток, бражка.

- С и п о в щ и к — дудочник, свирельщик.
 С и р и н — мифическая птица; см. финикс, неясыть.
 С и щ е — так.
 С к а з к а — показание, объяснение, послание.
 С к и м е н — львенок.
 С к л а д е н ь к и — складная икона.
 С к о л е ц, с к о л к а — раковина.
 С к у т а т ь с я — крыться.
 С к у ф ь я — остроконечная мягкая шапка черного или фиолетового цвета.
 С л и ч н ы й — подобный, равный.
 С л о в а г о с у д а р е в ы, «с л о в о и д е л о г о с у д а р е в о» — донос.
 С л у ж е б н и к — церковная книга, содержащая тексты, по которым совершается богослужение.
 С м о т р е н и е — предназначение; промысл.
 С м у щ а т ь с я — беспокоиться, бояться.
 С н и с к а н и е — изыскание; сочинение.
 С о б о р — главная или большая церковь.
 С о б о р о в а т ь — мазать елеем тело тяжело больного или умирающего человека.
 С о б р а н и е — группа людей.
 С о б с т в о — свойство, сущность.
 С о в с е л ь н и к — тот, кто поселился с другим в одном месте.
 С о к р о м е н т — причастие (вино и хлеб).
 С о р о к о у с т — плата за молитву в церкви об умершем в течение сорока дней после смерти.
 С о р о м — срам.
 С о ш к а — подставка.
 С т а в е ц — деревянная точеная миска.
 С т а р и ц а — монахиня.
 С т е н ь — тень, призрак.
 С т е р х — белый аист.
 С т и х е р, с т и х е р а — вид хвалебного церковного песнопения.
 С т р у б — сруб; здесь: деревянное сооружение в земле.
 С т у д е н е ц — родник, колодец.
 С т у д е н ь — холод, стужа, мороз.
 С т у д н ы й — постыдный, позорный.
 С т у ж а т ь — усиленно просить; см. докучать.
 С т ы р — спор; см. прятать.
 С у — частица при обращении.
 С у г у б ы й — двойной.
 С у т о р щ и н а — вздор.
 С ы й — существующий, сущий, вечно сущий.
- Т а ж е — потом, после; см. посем, по мале.
 Т а й м е н ь — рыба из семейства лососевых.
 Т а т ь б а — воровство, кража.
 Т л я — тлен, все брэнное.
 Т л и м ы й — брэнный, подверженный тлению.
 Т о, т о г о, т о м у, т е х, т е м — выделительная частица, употребляющаяся после выделяемого слова.
 Т о г д а - с е г д а — вот-вот, иногда.
 Т о й ж е — он же.
 Т о м н ы й — утомленный, усталый.
 Т о р г а т и — бить, биться.

Точен — подобен, равен.
Точию — только, лишь.
Тошно — скоро, поспешно.
Третицею — трижды.
Тружаться — заботиться; мучиться.
Туга — горе, кручина, печаль.
Тутнание — звучание, шум.
Тщиться — стараться, усердствовать.

Убо — же, ведь, в таком случае.
Убрус — платок.
Уд — часть тела (рука, палец и т. п.); см. арган.
Удовляться — довольствоваться, удовлетворяться; см. дозветь.
Удоль — юдоль плачевная, мир горя и забот; см. волокита.
Уже, ужа — веревка.
Улыскаться — улыбаться.
Умерый — умерший,дохлый.
Уметы — помет, грязь.
Уньший — лучший.
Упование — надежда.
Уряжение — устройство, сооружение; сбруя.
Усмарь — сапожник.
Устав — церковный порядок, правила.
Уставить — остановить.
Устне — губы.
Утрудить — утомить.

Ферязь — верхняя комнатная одежда без воротника и подо-
хвата, с длинными суживающимися рукавами.
Фиал, фиал — чаша, кубок.
Фигура — здесь: послание, написанное высоким слогом.
Финикс — мифическая птица; см. сирин.
Фок — тюлень.
Фусточка — платок.

Харн — маски (скоморошья).
Хартия — бумага.
Хижа — лачуга, шалаш; см. курень.
Ходатайственный — посредствующий.

Чекан — топорик с молоточком на длинной ~~(ор...)~~
ятке.
Чепь — цепь.
Чермный — темно-красный, багряный.
Чернец — монах.
Черный поп — иеромонах, монах в сане священника.
Чин — сан, должность; установленный порядок; ~~доказательство~~
рядовые торжества.

Шарпаться — скрести; нить.
Шелеп, шелепуга — плеть, кнут; см. батог.
Шептун — знахарь, колдун.
Шиш — лазутчик, соглядатай.
Шпынекий — шутовской, скомороший.
Шулнятка — живот, чрево.

Шурмовать — суетиться.

Ю — ее.

Юз или **щ** е — темница, тюрьма.

Юзы — узы, оковы, цепи; см. **железы**.

Ябедник — доносчик, клеветник, сутяга; см. **навадник**.

Яз я — болезнь, язва.

Ярыжка — низший служитель приказа.

Ясырь — пленник.

ОСНОВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ¹

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ АВВАКУМА²

Автобиография протопопа Аввакума. — Летописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовым. Кн. VI. М., 1861, стр. 117—173 (первое издание «Жития»).

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Изд. под ред. Н. С. Тихонравова. СПб., 1861 (на обложке — 1862).

Барсков Я. А. Памятники первых лет русского старообрядчества. Вып. 1. СПб., 1912.

Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1, вып. 1 (Русская историческая библиотека, т. 39). Л., 1927.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Ред., вступит. статья и коммент. Н. К. Гудзия. [М.], Academia, [1934].

Малышев В. И. Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документы о нем. — Докл. и сообщ. Филолог. ин-та ЛГУ им. А. А. Жданова, 1951, вып. 3, стр. 255—266.

---

¹ Общий принцип расположения библиографического материала — хронологический, внутри года — алфавитный.

² Сведения о рукописях, содержащих сочинения Аввакума, см. в примечаниях к изданиям текстов, а также в специальных обзорах В. И. Малышева, опубликованных в ТОДРА (Пушкинский Дом) начиная с 1951 г. (т. VIII, XIII, XXIII, XXVI, XXIX), и в кн.: Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума. Л., 1974. В библиографию не включены переводы «Жития» на иностранные языки.

Мальшев В. И. Два неизвестных письма протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, 1958, т. XIV, стр. 413—420.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Под общ. ред. Н. К. Гудзия. Вступит. статья В. Е. Гусева. Подгот. текста и коммент. Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина, В. И. Мальшева, Н. С. Сарафановой. М., 1960.

Кспылов А. Неизвестный автограф протопопа Аввакума. — Русская литература, 1961, № 1, стр. 139—140 (расписка, хранящаяся в Сибирском приказе).

Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследование и тексты. М., 1963.

Демкова Н. С. Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, 1965, т. XXI, стр. 211—239.

Житие протопопа Аввакума. — В кн.: Изборник (сборник произведений литературы древней Руси). Б-ка всемирной лит. Сер. первая. М., 1969, стр. 626—674, 782—790 (изд. и примеч. А. Н. Робинсона).

Демкова Н. С., Мальшев В. И. Неизвестные письма протопопа Аввакума. — Зап. отд. рукописей ГБЛ, 1971, вып. 32, стр. 168—181.

Кудрявцев И. М. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников. Материалы и исследования. — Зап. отд. рукописей ГБЛ, 1972, вып. 33, стр. 148—212.

Демкова Н. С. Из истории ранней старообрядческой литературы («Писанейце» Аввакума Ф. М. Ртищеву, отрывок из неизвестного сочинения Аввакума и др.). — ТОДРЛ, 1973, т. XXVIII, стр. 385—392.

Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Под ред. В. И. Мальшева (отв. ред.), Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева. Л., 1975.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ АВВАКУМЕ

Шапов А. П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Казань, 1859 (то же. — Соч., т. 1. СПб., 1906).

Сельский И. Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц в 1645—1762 гг. — Русское слово, 1861, № 8, стр. 23—24 (о пребывании Аввакума в Кабанском остроге и Селенгинском монастыре).

Сырцов И. Протопоп Аввакум в Сибири. — Тобольские епархиальные ведомости, 1885, № 15, стр. 337—350; № 16—17, стр. 372—387; № 18, стр. 401—413.

Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898.

Бороздин А. К. Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII в. Изд. 2-е. СПб., 1900.

Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Т. II. М., 1919, гл. XI—XII.

Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем «Жития протопопа Аввакума». — В кн.: Русская речь. Под ред. Л. В. Щербы. Пг., 1923, стр. 195—293 (Труды фонет. ин-та практ. изучения языков, вып. I).

Никольский В. К. Сибирская ссылка протопопа Аввакума. — Учен. зап. Ин-та истории (РАНИОН), 1927, т. 2, стр. 137—167.

Черных П. Я. Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» как памятник северно-великорусской речи XVII столетия. I—II. Иркутск, 1927.

Савицкий П. Житие протопопа Аввакума как географический первоисточник. — Науч. труды русск. народн. ун-та в Праге, 1929, т. II, стр. 218—231.

Гудзий Н. К. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление. — В кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. [М.], Academia, [1934], стр. 7—59.

Pascal Pierre. Avvakum et les débuts du rascol. La crise religieuse au XVII-e siècle en Russie. Paris, 1938; изд. 2-е — 1963.

Черных П. Я. Говор села Григорово Лысковского района Горьковской области (к вопросу о северно-русской основе языка протопопа Аввакума). — Учен. зап. Ярославск. педагог. ин-та, вып. IV. Русское языкознание. 1944, стр. 77—92.

Азадовский М. К. Очерки литературы и культуры Сибири. (Раздел «Поэтика «гиблого места» (из истории сибирского пейзажа в русской литературе). Вып. 1. Иркутск, 1947, стр. 115—116.

Комарович В. Л., Лихачев Д. С. Протопоп Аввакум. — В кн.: История русской литературы. Т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 302—322.

Sorensen Hans Chr. Die stilistische Verwendung kirchenslavischer Sprachelemente in der Autobiographie Avvakums. — Scando-Slavica, 1950, v. III, p. 154—175.

Анкудинова Л. Е. Социально-политическая сущность религиозно-общественного движения в русском государстве третьей четверти XVII в. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Л., 1951.

Мальшев В. И. Русские писатели о «Житии» протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, 1951, т. VIII, стр. 388—391; 1953, т. IX, стр. 404; см. также: 1954, т. X, стр. 443—444.

Мальшев В. И. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме. — ТОДРЛ, 1953, т. IX, стр. 387—404.

Мальшев В. И. Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917—1953 годов. — ТОДРЛ, 1954, т. X, стр. 435—446.

Zenkowsky Serge A. The old believer Avvakum: his role in Russian literature. — Indiana Slavic Studies, v. 1. Indiana University, Bloomington, Indiana, 1956, p. 1—51.

Гусев В. Е. Заметки о стиле «Жития» протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, 1957, т. XIII, стр. 273—281.

Виноградов В. В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления. — ТОДРЛ, 1958, т. XIV, стр. 371—379.

Гусев В. Е. «Житие» протопопа Аввакума — произведение демократической литературы XVII в. (постановка вопроса). — ТОДРЛ, 1958, т. XIV, стр. 380—384.

Гусев В. Е. К вопросу о жанре Жития протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, 1958, т. XV, стр. 192—202.

Мазунин А. И. Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, 1958, т. XIV, стр. 408—412.

Робинсон А. Н. О художественных принципах автобиографичес-

кого повествования у Аввакума и Епифания. — В кн.: Славянская филология. Сб. статей к IV Международному съезду славистов, II. М., 1958, стр. 245—272.

Робинсон А. Н. Аввакум и Епифаний (к истории общения двух писателей). — ТОДРЛ, 1958, т. XIV, стр. 391—403.

Сарафанова Н. С. Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, 1958, т. XIV, стр. 385—390.

Малышев В. И. Две заметки о протопопе Аввакуме. — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв. М.—Л., 1959, стр. 344—352.

Гусев В. Е. Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII в. — В кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960, стр. 5—51.

Сарафанова Н. С. Неизданное сочинение протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, 1960, т. XVI, стр. 257—269.

Коротаева Э. И. Наблюдения над синтаксисом Григория Котошихина, протопопа Аввакума, Симеона Полоцкого. — В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961, стр. 63—84.

Robinson A. Avvakum et Dorothee (à propos des sources littéraires de la Vie d'Avvakum). — Revue des études slaves, t. 38 (Mélanges Pierre Pascal). Paris, 1961, p. 165—171.

Unbegaun B. Les contemporains d'Avvakum en présence de fossiles. — Revue des études slaves, t. 38 (Mélanges Pierre Pascal). Paris, 1961, p. 207—209.

Малышев В. И. История первого издания Жития протопопа Аввакума. — Русская литература, 1962, № 2, стр. 139—147.

Морозов А. А. Проблема барокко в русской литературе XVII — начала XVIII в. (состояние вопроса и задачи изучения). — Русская литература, 1962, № 3, стр. 3—38 (об Аввакуме как писателе «славянского барокко»).

Робинсон А. Н. Творчество Аввакума и общественные движения в конце XVII в. — ТОДРЛ, 1962, т. XVIII, стр. 149—175.

Сарафанова Н. С. Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума. — ТОДРЛ, 1962, т. XVIII, стр. 329—340.

Элиасов Л. Е. Протопоп Аввакум в устных преданиях Забайкалья. — ТОДРЛ, 1962, т. XVIII, стр. 351—363; см. также: Фольклор семейских. Сост. Л. Е. Элиасов, И. Э. Ярневский. Под общ. ред. и со вступит. статьей Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1963, стр. 300—316, 613—616.

Елеонская А. С. Аввакум — обличитель и сатирик. — Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 190. Теория и история русской литературы, 1963, стр. 17—34.

Клибанов А. И. К характеристике новых явлений в русской общественной мысли второй половины XVII — начала XVIII в. — История СССР, 1963, № 6, стр. 85—103.

Кожин В. В. Происхождение романа. (Раздел «Художественный смысл Жития Аввакума».) М., 1963, стр. 220—263.

Малышев В. И. Новое о протопопе Аввакуме (несостоявшийся перевод Аввакума в Илимск. Ошибка Жития Аввакума). — Русский голос. Лодзь, 1963, № 3—4 (199—200), стр. 12.

Мечев К. Протопоп Аввакум и Софроний Врачанский. — ТОДРЛ, 1963, т. XIX, стр. 358—366.

Робинсон А. Н. Вопросы издания древнерусского памятника по автографу (Житие Аввакума). — В кн.: Исследования по лингвистическому источниковедению. М.—Л., 1963, стр. 175—189.

Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследование и тексты. М., 1963.

Сарафанова-Демкова Н. С. Иоанн, экзарх Болгарский, в сочинениях Аввакума. — ТОДРЛ, 1963, т. XIX, стр. 367—372.

Малютина А. Протопоп Аввакум в Приенисейском крае. — Енисей, Красноярск, 1964, № 3, стр. 87—88.

Мальшев В. И. Новые материалы о протопопе Аввакуме. — ТОДРЛ, 1965, т. XXI, стр. 327—345.

Мальшев В. И. Рисунки протопопа Аввакума? — Русская литература, 1965, № 2, стр. 154—155.

Мальшев В. И. Заметки о протопопе Аввакуме. — Русская литература, 1965, № 4, стр. 160—162.

Робинсон А. Н. Социология и фразеология символа «тесный путь» у Аввакума. — В кн.: Проблемы современной филологии (сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова). М., 1965, стр. 438—443.

Демин А. С. Наблюдения над пейзажем в Житии протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, 1966, т. XXII, стр. 402—406.

Мальшев В. И. История «иконного» изображения протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, 1966, т. XXII, стр. 382—401.

Мальшев В. И. Народные предания о протопопе Аввакуме. — Wiener slavistisches Jahrbuch. Bd. XIII. Graz-Köln, 1966, S. 22—31 (в том числе тобольские предания).

Робинсон А. Н. Идеология и внешность (взгляды Аввакума на изобразительное искусство). — ТОДРЛ, 1966, т. XXII, стр. 353—381.

Черняк Л. М. Словосочетания в Житии протопопа Аввакума. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филолог. наук. Харьков, 1966.

Душечкина Е. Анализ речевого поведения героев в Житии протопопа Аввакума. — В кн.: Материалы XXII научной студенческой конференции. Поэтика. История литературы. Лингвистика. Тарту, 1967, стр. 38—42.

Душечкина Е. Мироззрение Аввакума, идеолога и вождя старообрядчества. — В кн.: Русская филология. Т. 2. Сб. студенческих науч. работ. Ред. З. Г. Минц. Тарту, 1967, стр. 5—20.

Hek V. Zivot protopora Avvakuma. Studie o stylu. Praha, 1967.

Лихачев Д. С. «Перспектива времени» в Житии Аввакума. — В кн.: Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 303—311; изд. 2-е — 1971.

Мальшев В. И. Неизвестные документы 1680 г. о протопопе Аввакуме. — Русская литература, 1967, № 4, стр. 100—102.

Робинсон А. Н. Исповедь-проповедь (о художественности Жития Аввакума). — В кн.: Историко-филологические исследования (сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада). М., 1967, стр. 358—370.

Робинсон А. Н. К проблеме «богатства» и «бедности» в русской литературе XVII в. (толкования притчи о Лазаре и богатом). — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, стр. 124—125.

Hek V. Epistolární styl protopora Avvakuma — Bulletin ústavu ruskeho jazyka a literatury, s. 12. Praha, 1968, s. 77—91.

Мальшев В. И. Об изучении литературного наследия протопопа Аввакума. — Русская литература, 1968, № 4, стр. 89—92.

Демин А. С. Для чего Аввакум написал «первую» челобитную? — ТОДРЛ, 1969, т. XXIV, стр. 233—236.

Демкова Н. С. К вопросу об истоках автобиографического повествования в Житии Аввакума. — ТОДРЛ, 1969, т. XXIV, стр. 228—232.

Демкова Н. С. Уникальный автограф Жития Аввакума. — Вопросы языкознания, 1969, № 1, стр. 127—130.

Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума (творческая история текста). Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филолог. наук. Л., 1969.

Мальшев В. И. Старейший список Книги толкований и нравоучений протопопа Аввакума. — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона» (сб. статей к 90-летию Н. К. Пиксанова). Л., 1969, стр. 266—273.

Румянцева В. С. О датировке краткой редакции Жития протопопа Аввакума. — Вестник МГУ. Серия истории. 1969, № 6, стр. 64—68.

Демин А. С. Челобитные Аввакума и одна из неисследованных традиций деловой письменности XVII в. — ТОДРЛ, 1970, т. XXV, стр. 220—231.

[Демкова Н. С.] [О композиции и сюжете Жития Аввакума.] — В кн.: Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, стр. 457—475.

Демкова Н. С. Изучение художественной структуры Жития Аввакума. Принцип контрастности изображения. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, стр. 100—108.

Мальшев В. И. О некоторых предложениях по изучению литературного наследия протопопа Аввакума. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, стр. 109—118.

Громыко М. М. Некоторые вопросы общественного сознания в изучении досоветской Сибири. — В кн.: Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971, стр. 126—127 (о Житии Аввакума как источнике социальной психологии землепроходцев).

Демин А. С. Реально-бытовые детали в Житии протопопа Аввакума (к вопросу о художественной детали). — В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1971, стр. 230—246.

Робинсон А. Н. Зарождение концепции авторского стиля в украинской и русской литературе конца XVI—XVII в. (Иван Вишенский, Аввакум, Симеон Полоцкий). — В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1971, стр. 33—83.

Румянцева В. С. Житие протопопа Аввакума как исторический источник. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М., 1971 (ротапринт).

Белоброва О. А. Лицевые рукописи (краткий обзор). — В кн.: Рукописное наследие древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972, стр. 314, 320—321 (о рисунке Аввакума и его изображениях).

Душечкина Е. К вопросу о специфике построения текста Жития протопопа Аввакума. — Материалы XXVII научной студенческой конференции. Тарту, 1972, стр. 21—23.

Жуков Дм. Аввакум Петров. — В кн.: Жуков Дм., Пушкарев Л. Русские писатели XVII в. Жизнь замечательных людей, вып. 4 (511). М., 1972, стр. 9—196.

Румянцева В. С. Огнепальный Аввакум. — Вопросы истории, 1972, № 2, стр. 111—125.

Клибанов А. И. Протопоп Аввакум как культурно-историческое явление. — История СССР, 1973, № 1, стр. 76—98.

Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973, стр. 85, 90—92, 95—100, 142—143, 159, 169—173, 176, 190—193, 198.

Рогов А. И. Народные массы и религиозные движения в России второй половины XVII в. — Вопросы истории, 1973, № 4, стр. 32—43.

Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума (творческая история произведения). Л., 1974.

Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974.

Румянцева В. С. Кратчайшая редакция Жития протопопа Аввакума. — Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974, стр. 267—279.

Чернов В. А. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, как памятник живого русского языка XVII в. (опыт реконструкции фонетической системы индивида по письменному памятнику). Л., 1974.

Герасимова Н. М. Символ и метафора в Житии протопопа Аввакума. — В кн.: Древнерусская книжность. Резюме докладов на конференции молодых специалистов. Июнь 1975. ИРЛИ АН СССР. Л., 1975, стр. 9—12.

[Демкова Н. С.] История создания Пустозерского сборника Заволоко и текстологические проблемы его изучения [без раздела «Житие Епифания»]. — В кн.: Пустозерский сборник. Автографы Аввакума и Епифания. Л., 1975, стр. 162—185, 207—210.

[Демкова Н. С.] Археографический обзор автографов Аввакума, сохранившихся отдельно. — В кн.: Пустозерский сборник. Автографы Аввакума и Епифания. Л., 1975, стр. 255—260.

Заволоко И. Н. История находки рукописи. — В кн.: Пустозерский сборник. Автографы Аввакума и Епифания. Л., 1975, стр. X—XIV.

[Колесов В. В.] Лингво-стилистическая характеристика автографов Аввакума и Епифания. — В кн.: Пустозерский сборник. Автографы Аввакума и Епифания. Л., 1975, стр. 210—227.

Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы древней Руси. (Раздел «Сочинения протопопа Аввакума».) М., 1975, стр. 299—312.

Базанов В. Г. «Гремел мой прадед Аввакум!» (Аввакум. Ключев. Блок). — В кн.: Культурное наследие древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, стр. 334—347.

Hunt P. The Autobiography of the Archpriest Avvakum. Structure and function. — Ricerche slavistiche. Roma, 1975—1976, vol. 22—23, p. 155—176.

Зоркин В. И. О кабанском «сидении» Аввакума (статья-гипотеза). — В кн.: Литература и фольклор Забайкалья. Иркутск, 1976, стр. 16—26.

Лихачев Д. С. Юмор протопопа Аввакума. — В кн.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» древней Руси. Л., 1976, стр. 75—90.

Матхаузорова С. И. Две теории текста в русской литературе XVII в. — ТОДРЛ, 1976, т. XXXI, с. 271—284.

Полякова С. В. «Всякого добра добрейша суть книжное поучение» (об усвоении Аввакумом метафоры съедания слова). — В кн.: Культурное наследие древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, стр. 188—190.

Поньрко Н. В. Дьякон Федор — соавтор протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, 1976, т. XXXI, стр. 362—365.

Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII в. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977.

Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977, стр. 110—135 и др.

Меркулова М. В. Речевая структура образа автора в Житии протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, 1977, т. XXXII, стр. 319—331.

Хант П. Самооправдание протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, 1977, т. XXXII, стр. 70—83.

Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII в. М., 1978, стр. 79—136 и др.³

Н. Демкова

---

³ Мы выражаем благодарность Н. Ф. Дробленковой и В. П. Бударагину за любезное разрешение пользоваться материалами библиографической картотеки Н. Ф. Дробленковой в ИРЛИ АН СССР (за 1958—1968 гг.) и книгами из библиотеки В. И. Малышева, хранящейся в Древлехранилище Пушкинского Дома. В данной библиографии использована также «Основная библиография», опубликованная нами в издании «Жития» 1960 г. Н. Демкова.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В СНОСКАХ И КОММЕНТАРИИ

- БАН — Библиотека АН СССР (Ленинград).
Барсков — Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старо-
обрядчества. СПб., 1912.
Бороздин — А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. Очерк из ум-
ственной жизни русского общества в XVII веке. Изд. 2-е. СПб.,
1900.
ВМЧ — Великие Минеи Четыи митрополита Макария. Изд. Археог-
рафической комиссии. СПб., 1870.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
(Москва).
ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салты-
кова-Щедрина (Ленинград).
ГПБ АН УССР — Государственная публичная библиотека
АН УССР (Киев).
Демкова — Н. С. Демкова. Житие протопопа Аввакума (творчес-
кая история произведения). Л., 1974.
Демкова, Малышев — Н. С. Демкова, В. И. Малышев. Неиз-
вестные письма протопопа Аввакума. — Записки отдела рукопи-
сей ГБЛ, 1971, вып. 32, стр. 168—181.
Житие, 1960 — Житие протопопа Аввакума, им самим написан-
ное, и другие его сочинения. Под общей редакцией Н. К. Гудзия.
М., ГИХЛ, 1960.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
АН СССР (Ленинград).
Карнеев — А. Карнеев. Материалы и заметки по литературной ис-
тории Физиолога. СПб., 1890.

- Ложные и отреченные книги — Ложные и отреченные книги, собранные А. Н. Пыпиком. — В кн.: Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. СПб., 1862.
- Мальшев — В. И. Мальшев. Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документы о нем. — Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского государственного университета, 1951, вып. 3, стр. 255—266.
- Материалы — Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Н. И. Субботиным. Т. I—IX. М., 1874—1895.
- Никольский — В. К. Никольский. Сибирская ссылка протопопа Аввакума. — Ученые записки Института истории (РАНИОН), 1927, т. II, стр. 137—167.
- Памятники — Памятники истории старообрядчества XVII века, кн. 1, вып. 1 (Русская историческая библиотека). Л., 1927.
- Пустозерский сборник — Пустозерский сборник. Автографы Аввакума и Епифания. Издание подготовили Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Под редакцией В. И. Мальшева (отв. ред.), Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева. Л., 1975.
- Робинсон — А. Н. Робинсон. Жизнеописания Аввакума и Епифания. М., 1963.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР, т. I—XXXII, 1934—1977.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).

СОДЕРЖАНИЕ

В. Трушкин. О серии «Литературные памятники Сибири»	3
ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА	17
[Вступление]	17
[Первые испытания]	22
[Ссылка в Сибирь]	29
[Возвращение на Русь]	43
[«Московское бытие»]	47
[Пустозерская ссылка]	62
[Дополнительные «повести»]	67
ИЗ «КНИГИ БЕСЕД»	79
[Введение]	79
Беседа первая «Повесть о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания»	80
Из беседы второй. [Об образе креста Христова]	83
Беседа третья. [Об иноческом чине]	85
Беседа четвертая. [Об иконном писании]	89
Беседа пятая. [О внешней мудрости]	91
Из беседы восьмой. [Об Аврааме]	94
Из беседы девятой. [Толкование на 87—88 зачало Послания ап. Павла к римлянам и 23 зачало Евангелия от Иоанна]	97
Из беседы десятой. [Беседа о наятых делателях]	99
ИЗ «КНИГИ ТОЛКОВАНИЙ»	101
[Из толкований псалмов]	101

[Из толкований на Книги Притчей и Премудрости Соломона]	112
[Из толкования на книгу пророка Исаии]	115
«Что есть тайна христианская и как жити в вере Христове»	117
ИЗ «КНИГИ ОБЛИЧЕНИЙ, ИЛИ ЕВАНГЕЛИЯ ВЕЧНОГО»	123
ИЗ СТАТЬИ «СПИСАНИЕ И СОБРАНИЕ О БОЖЕСТВЕ И О ТВАРИ И КАКО СОЗДА БОГ ЧЕЛОВЕКА»	126
ЧЕЛОБИТНЫЕ, ПИСЬМА, ПОСЛАНИЯ	131
Челобитные царю Алексею Михайловичу	131
«Первая» челобитная	131
[Записка о жестокостях воеводы Пашкова, приложенная к «первой» челобитной Алексею Михайловичу]	136
«Третья» челобитная	137
«Четвертая» челобитная	138
«Пятая» челобитная	139
Челобитная царю Федору Алексеевичу	145
Послание царевне Ирине Михайловне Романовой	147
Письма и послания семье (1—4)	149
Письма и послания боярыне Ф. П. Морозовой (1—2)	154
Письмо боярыне Ф. П. Морозовой и княгине Е. П. Урусовой	157
Послание боярыне Ф. П. Морозовой, княгине Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой	159
Письма и послания Симеону (1—3)	163
Письмо игумену Феоктисту	173
Письмо Афанасию	174
Письмо Маремьяне Феодоровне	175
Послание «верным»	177
Послание «горемыкам миленьким»	179
«Совет святым отцем преподобным»	184
Послание Симеону [?], Ксении Ивановне и Александре Григорьевне	190
Послание всем «ищущим живота вечнаго»	204
Послание «чадом церковным» о дьяконе Федоре	208
Послание игумену Сергию с «отцы и братией»	210
Послание Борису и «прочим рабам бога вышняго»	214
Письмо Алексею Копытовскому	220
Письмо «отцам святым» и «преподобным маткам»	221
Письмо «отцам поморским»	222
Письмо Ионе и Моисею	223
Письмо «старице Каптелине»	224
Письмо «двум девам»	227
«О ТРЕХ ИСПОВЕДНИЦАХ СЛОВО ПЛАЧЕВНОЕ»	229

ПРИЛОЖЕНИЯ	236
Великий писатель древней Руси (В. Е. Гусев)	236
Комментарий (Н. К. Гудзий, Н. С. Демкова, А. С. Еле- онская, А. И. Мазунин)	264
Словарь трудных для понимания слов (В. И. Кодухов)	343
Основная библиография (Н. С. Демкова)	355
Условные сокращения в сносках и комментарии	363

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения

ИБ № 429.

Редактор Н. Г. Сеппинг. Художник А. И. Аносов. Худ. редактор Е. Г. Касьянов. Техн. редактор С. Н. Асламова. Корректор Г. Ф. Клешнина.

Сдано в набор 10. 02. 78. Подписано в печать 02. 10. 78. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типографская № 1. Академическая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 19,32+0,35 вкл. Уч.-изд. л. 24,27+0,24 вкл. Тираж 100 000 экз. Заказ 1926. Изд. № 5489. Цена 1 р. 80 к.

Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Иркутск, ул. Горького, 36а.

Типография издательства «Восточно-Сибирская правда», г. Иркутск, ул. Советская, 109.